

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

1957

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Ч. 1. 1883—1921 годы. Под общ. ред. В. Г. Эсаиашвили. Тбилиси. Изд-во ЦК КП Грузии. 1957. 375 стр. 15 000 экз. 9 р.

БЕРЕЗНЯКОВ Н. В. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917—1920 гг. Под ред. И. М. Разгона. Кишинев. Госиздат Молдавии. 1957. 316 стр. 5 000 экз. 6 р. 15 к.

КАСЫМБЕКОВ Ж. От коммунистических субботников к ударным бригадам. Первый этап социализации в Узбекистане 1919—1928 гг. Ташкент. Госиздат УзССР. 1957. 67 стр. 3 000 экз. 65 к.

Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы. М. «Моск. рабочий», 1957, 552 стр. 6 500 экз. 8 р. 65 к.

РАЗЗАКОВ А. Из истории борьбы трудящихся Туркестанской АССР за восстановление хлопководства (1921—1924 гг.). Ташкент. Госиздат УзССР. 1957. 128 стр. 3 000 экз. 3 р. 75 к.

СОВОЛЕВ В. А. Степан Халтурин. Очерк о выдающемся русском рабочем-революционере. Киров. Кн. изд., 1957. 80 стр. 3 000 экз. 2 р. 15 к.

Советская археология (сборник статей). Т. 27. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1957. 384 стр. 1 600 экз. 21 р. 60 к.

КУЗЕЕВ Р. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. (Родо-племенные организации башкир в XVII—XVIII вв.). Уфа. Башкиргоиздат. 1957. 184 стр. 2 000 экз. 5 р. 70 к.

КУЗЬМИН В. Л. Борьба трудящихся Чувашии за власть Советов. Чебоксары. Чувашгосиздат. 1957. 112 стр. 3 000 экз. 2 р. 70 к. На чувашском языке.

Очерки истории Ленинграда (в 4-х т.). Т. 2. Период капитализма. Вторая половина XIX в. М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. 1957. 885 стр. 10 000 экз. 45 р.

СЫСОВЕВ П. С. 14 суток вооруженной борьбы за установление Советской власти в Астрахани. Астрахань. «Волга». 1957. 32 стр. 3 000 экз. 45 к.

ЭФЕНДИЕВ С. М. Из истории революционного движения азербайджанского пролетариата. Баку. Азернешр. 1957. 46 стр. 20 000 экз. 55 к. На азербайджанском языке.

МАЦЕНКО Н. Большевики Донбасса в период подъема первой русской революции. Сталино. Обл. изд. 1957. 40 стр. (В помощь изучающим историю КПСС). 3 000 экз. 40 к.

БУЦИК А. К. Крестьяне и сельский пролетариат Киевщины в первой русской революции. Киев. Изд. Киевского ун-та. 1957. 119 стр. 1 100 экз. 4 р. 80 к. На украинском языке.

ВЕСТЕРМАНИС М. Начало революционного движения молодежи в Латвии. Рига. Латгосиздат. 1957. 88 стр. 3 000 экз. 1 р. 5 к. На латышском языке.

ДУМБАДЗЕ М. К. Западная Грузия в первой половине XIX в. (Присоединение к России и соц.-экон. развитие). Тбилиси. Изд. Академии наук Груз. ССР. 1957. 427 стр. 1 000 экз. 17 р. 20 к. На грузинском языке.

ПАНИН Л. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М. Изд-во Моск. ун-та. 1957. 224 стр. 3 000 экз. 8 р. 75 к.

СУРИКОВ В. П. Революционное движение солдат и матросов в Латвии в период революции 1905—1907 гг. Рига. Латгосиздат. 1957. 158 стр. 3 000 экз. 3 р. 50 к. На латышском языке.

ТУРСУНБАЕВ А. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата. Казгосиздат. 1957. 326 стр. 12 000 экз. 6 р. 80 к. Вопросы истории БССР (Сборник статей). Минск. Изд-во Бел. гос. ун-та. 1957. 221 стр. 1 500 экз. 9 р. 50 к.

ПЕШКОВ И. А. Советский народ в защите социалистического общества от нападения империалистов в 1918—1922 гг. (Всевобух). Томск. Изд-во Томского ун-та. 1957. 192 стр. 500 экз. 8 р. 40 к.

ТОМБЕРГ Т. и ЗУБОВ В. Кренгольмская мануфактура (1810—1857). 1857—1957. Таллин. Эстгосиздат. 1957. 107 стр. 2 000 экз. 8 р. 50 к. На эстонском языке.

КУЗНЕЦОВ И. В. Центральный орган РСДРП газета «Социал-демократ» в годы первой мировой войны. М. Изд-во Моск. ун-та. 1957. 71 стр. 8 000 экз. 2 р. 30 к.

Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Под ред. (и с введ.) И. М. Муминова. Ташкент. Изд-во Акад. наук УзССР. 1957. 348 стр. 750 экз. 13 р. 10 к.

Русские революционные демократы (сборник статей). Л. Изд-во Ленинград. ун-та. 1957. 302 стр. 3 000 экз. 13 р. 50 к.

ЛЕВЕДЕВ М. И. Воспоминания о Ленских событиях 1912 г. М. Госполитиздат. 1957. 127 стр. 75 000 экз. 1 р. 50 к.

ИОНЕНКО И. М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. (По материалам Казан. губ.). Казань. Таткиргоиздат. 1957. 256 стр. 2 000 экз. 4 р. 15 к.

МИХАЙЛОВ И. К. Четверть века подпольщика (Воспоминания рабочего-большевика). М. Госполитиздат. 1957. 272 стр. 75 000 экз. 5 р. 50 к.

КАХОВСКИЙ В. Ф. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары. Чувашгосиздат. 1957. 175 стр. 2 000 экз. 7 р. 75 к.

ИТЕНБЕРГ В. С. и ЧЕРНЯК А. Я. Александр Ульянов (1866—1887). М. Госполитиздат. 1957. 72 стр. 150 000 экз. 85 коп.

КРАСНОВ Г. Ставрополь на Кавказе. Исторический очерк. 2-е перераб. изд. Ставрополь. Кн. изд-во 1957. 228 стр. 10 000 экз. 5 р. 90 к.

ПОГРЕБИНСКИЙ М. Б. Второй съезд КП(б)У. Киев. Госполитиздат УССР. 1957. 106 стр. 20 000 экз. 1 р. 45 к. На украинском языке.

СЕМЕНОВ С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.—Л. Изд. АН СССР. 1957. 240 стр. 2 000 экз. 18 р.

Всеобщая история

МОЙЗИШ Л. Операция «Цицерон». Перевод с английского. М. Воениздат. 1957. 223 стр. 4 р. 75 к.

ПИК В. Клара Цеткин. Жизнь и борьба. Перевод с немецкого З. С. Боярской. М. Госполитиздат. 1957. 36 стр. 150 000 экз. 40 к.

ДИМИТРОВ ГЕОРГИЙ. Избранные произведения. (В 2-х т.) Перевод с болгар. Предисловие В. Червенкова. М. Госполитиздат. 1957. 40 000 экз. Т. 1 (1910—1937 гг.), 527 стр. 11 р. Т. 2 (1941—1949 гг.), 695 стр. 11 р.

КЕРТМАН Л. Е. Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейбористской партии (1900—1914 гг.). Молотов. Кн. изд. 1957. 352 стр. 1 000 экз. 16 р. 40 к.

Всеобщая история (сборник статей). Ярославль. 1957. 383 стр. Ярослав. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. Учен. записки. Вып. 22(32). К сокращению Великого Октябрьского соц. революции. 500 экз. Беспл.

ХАРДИ Д. Те бурные годы. Воспоминания о борьбе за свободу на пяти континентах. Изд. иностр. лит. 1957. 318 стр. 12 р. 20 к.

ПОСТНИКОВ В. В. США и дауэсизация Германии (1924—1929 гг.). М. Изд-во АН СССР. 1957. 287 стр. 2 500 экз. 9 р. 50 к.

ОЛЬГЕЙРССОН Э. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М. Изд. иностр. лит. 1957. 331 стр. 12 р. 40 к.

ВЕДНЯК И. Я. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937—1939). М. Изд-во Акад. наук СССР. 1957. 175 стр. 4 000 экз. 5 р. 50 к.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 7

ИЮЛЬ

1957 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

- Передовая — За творческое изучение истории Великой Октябрьской
социалистической революции 3

СТАТЬИ

- И. Г. Дыков — Петроградский Военно-Революционный комитет — бое-
вой большевистский штаб вооруженного восстания в октябре
1917 года 17
- М. Я. Домнич — Подъем рабочего движения в Швейцарии в 1917—
1918 годах 36
- Я. И. Лившин — К вопросу о военно-промышленных монополиях в
России в начале XX века 55
- В. Е. Невлер — Джузеппе Гарибальди и прогрессивные деятели России 71
- М. А. Барг — Нормандское завоевание и становление крепостничест-
ва в Англии 87

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ш. А. Месхиа (Тбилиси), Н. Ю. Ломоури (Тбилиси), О. Д. Лордки-
панидзе (Тбилиси) — К вопросу о происхождении государства и
существовании рабовладельческой формации в Грузии . . . 104

СООБЩЕНИЯ

- Г. И. Ионова — «Колокол» и его программа в годы революционной
ситуации (1859—1861) 121

ИСТОРИОГРАФИЯ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

- И. А. Никитина** — Статьи по новой истории в научных изданиях университетов и педагогических институтов 135
- С. Б. Кан** — Новейшая немецкая литература о революции 1848—1849 годов в Германии 149

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

- Л. М. Зак** — **С. Гершберг**. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности (1935—1941) 161
- С. М. Троицкий, Т. М. Ягодина** — «Очерки истории СССР». Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. 165
- А. М. Ардабацкая (Саратов), Г. Д. Бурдей (Саратов), Л. А. Дербов (Саратов)** — «История СССР». Т. I 173

Всеобщая история

- С. М. Майоров** — **Р. О. Бойер и Г. М. Морейс**. Нерассказанная история рабочего движения 180
- С. И. Самойлов** — **К. Муржеску**. Аграрная реформа 1945 г. 191

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

- Б. В. Лунин (Ташкент)** — Всесоюзная конференция востоковедов 196
- С. С. Волк (Ленинград)** — Научная сессия, посвященная 250-летию Ленинграда 204

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

- В. Д. Королюк, Н. П. Митина** — Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институту истории Польской Академии наук 207
- И. Мацек, чл.-корр. Чехословацкой Академии наук (Чехословакия)** — Чехословацкая историческая наука в 1956 году 211
- Научные доклады на XI конгрессе историков 221
- Хроникальные заметки 222
-

ЗА ТВОРЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Приближается сорокалетие Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменовавшей коренной поворот в судьбах человечества. С победой Октябрьской революции наступила новая эра в истории — эра крушения капитализма и утверждения нового, социалистического общества. Характеризуя значение социалистической революции в России, великий Ленин указывал: «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»¹.

За сорок лет, прошедших со времени тех исторических дней, когда над Россией было водружено знамя Октября, советский народ прошел под руководством своего вождя и вдохновителя — Коммунистической партии — славный путь борьбы и побед, добился всемирно-исторических успехов. Идя по неизведанным путям истории, советские люди построили социализм и ныне успешно осуществляют свое движение к коммунизму. Программу борьбы за построение коммунистического общества на современном этапе дал в своих исторических решениях XX съезд КПСС. Говоря об успехах, достигнутых советским народом, и определяя перспективу нашего движения к коммунизму, первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев в отчетном докладе Центрального Комитета партии XX съезду КПСС отмечал: «Советская страна находится сейчас на крутом подъеме. Если образно говорить, мы поднялись на такую гору, на такую высоту, откуда уже зримо видны широкие горизонты на пути к конечной цели — коммунистическому обществу».

Октябрьская революция оказала гигантское революционизирующее влияние на весь ход мировой истории. Она выдвинула трудящихся нашей страны в авангард борьбы за мир, демократию и социализм, сделав СССР родиной коммунизма. «...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, — говорил В. И. Ленин, — что на нашу долю выпало счастье *н а ч а т ь* постройку советского государства, *н а ч а т ь* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *н о в о г о* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн»².

Победив под знаменем марксизма-ленинизма, Великий Октябрь воплотил в жизнь принципы пролетарского интернационализма, поднял на новую ступень мировое рабочее и национально-освободительное движение. Идеи Октября стали знаменем новой исторической эпохи. После второй мировой войны на путь социализма вступил ряд стран Европы и Азии, образовалась мировая социалистическая система. Октябрьская революция проложила столбовую дорожку, по которой идут и будут идти к социализму пролетарии всех стран.

Советский народ с чувством законной патриотической гордости обращает свой взор на пройденный им славный сорокалетний путь, проявляет глубокий интерес к незабываемым событиям октября 1917 года. История Октябрьской революции вызывает живой интерес у трудящихся всего ми-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 365.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 32—33.

ра, ведущих борьбу за свое светлое будущее. Глубокая научная разработка истории Великой Октябрьской социалистической революции имеет огромное политическое и научно-познавательное значение, является первоочередной задачей советской исторической науки. Решение этой задачи означает для советских историков выполнение своего долга перед Коммунистической партией и нашим народом, выполнение интернационального долга перед трудящимися всех стран.

За сорок лет Советской власти марксистско-ленинская историография добилась определенных успехов в изучении и освещении истории Великой Октябрьской социалистической революции. Написано большое количество монографий, научно-популярных книг, брошюр, статей, диссертаций, в которых воссоздается сложный и многообразный процесс подготовки и победы социалистической революции в России. В этих работах введен в научный оборот широкий круг исторических источников, на конкретно-историческом материале характеризуется многогранная деятельность большевистской партии по руководству революцией, великий подвиг народа — творца революции.

Историческая наука является одним из важнейших участков идеологического фронта. В силу этого борьба за правдивое, подлинно научное освещение истории Октябрьской революции требует от исследователей высокой партийной воинственности и непримиримости к чуждым марксизму-ленинизму направлениям и течениям в историографии. Научная разработка истории Октябрьской революции происходила в обстановке ожесточенной борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, с ревизионистами всех мастей.

Основы советской историографии заложены в трудах В. И. Ленина. Важное место в его произведениях занимают вопросы Октябрьской революции. Им разработана теория пролетарской революции, получившая свое классическое воплощение в победе трудящихся в октябре 1917 года. В работах В. И. Ленина глубоко раскрыты закономерности социалистической революции, стратегия и тактика большевиков, определена роль Коммунистической партии — вдохновителя и организатора первой в истории победоносной социалистической революции, всесторонне разработаны вопросы о диктатуре пролетариата, о союзе рабочего класса с беднейшим крестьянством как решающей силе пролетарской революции и высшем принципе диктатуры пролетариата и многие другие коренные проблемы социалистической революции. Ленинские труды являются основой для изучения истории Великого Октября, для правильной, научной оценки его всемирно-исторического значения. В. И. Ленин показал непревзойденные примеры воинствующей партийной критики фальсификаторов теории и истории Октябрьской революции, решительного разоблачения ревизионистов — Троцкого, Каменева, Зиновьева, Суханова, Каутского и им подобных.

Серьезный вклад в изучение истории Октябрьской революции внесли соратники и ученики В. И. Ленина. Большое значение имеют, в частности, такие работы И. В. Сталина, как «Об основах ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «Троцкизм или ленинизм?», «Международный характер Октябрьской революции» и некоторые другие. Много ценного для историка содержат работы и выступления таких выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, как Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе, С. М. Киров и другие.

Неисчерпаемым источником для глубокого исследования истории Великого Октября являются решения и протоколы съездов, конференций, пленумов ЦК большевистской партии, документы, отражающие основные

и главные направления политики и тактики большевиков в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции.

Под руководством Коммунистической партии шло становление и развитие историографии Октябрьской революции. Уже в первые годы Советской власти были достигнуты заметные успехи в этой области. К десятой годовщине Октября они проявились особенно наглядно. Среди авторов, выступавших в те годы по вопросам истории Октябрьской революции, находились крупные деятели партии, активные участники этих событий — А. С. Бубнов, В. И. Невский, Е. М. Ярославский и другие. Тогда же приступила к успешной разработке истории пролетариата в революции А. М. Панкратова. Следует отметить вышедший в то время коллективный двухтомный труд «Очерки по истории Октябрьской революции» под редакцией М. Н. Покровского. В состав авторского коллектива «Очерков» входили такие советские историки, как Д. А. Баевский, Н. Л. Рубинштейн, А. Л. Сидоров и другие. Изучением крестьянского движения и выяснением роли крестьянства в революции занимались А. В. Шестаков и другие ученые. В то время начал научную работу по исследованию истории Октябрьской революции И. И. Минц. Большой фактический материал по истории Октября был собран в шеститомной хронике событий «Революция 1917 года», составленной Н. Авдеевым, В. Владимировой, Н. Любимовым и К. Рябинским. Заметное место в исторической литературе того времени заняли мемуары активных участников революции; был издан ряд документальных сборников о Советах, о рабочем и крестьянском движении в 1917 г., об армии в революции и т. д. Во всей этой работе значительную роль сыграли истпарты — комиссии по истории Октябрьской революции, и РКП(б) — и исторические журналы «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Красный архив».

Не забывая о серьезных принципиальных ошибках и недостатках историографии тех лет, нельзя недооценивать первые успехи марксистской литературы об Октябрьской революции, которая имеет большое научное значение и поныне.

Активизации исторического фронта в целом, а следовательно, и такого его боевого участка, как изучение истории Октябрьской революции, в огромной мере способствовали решения Центрального Комитета нашей партии и правительства по вопросам истории, принятые в 1934 году. Развернувшаяся после этого борьба против антиленинской концепции М. Н. Покровского и его «школы» во многом содействовала повышению идейно-научного уровня исследовательской работы, росту научных кадров, появлению новых трудов. Среди них в первую очередь нужно назвать «Историю гражданской войны в СССР» (I и II тома). Это издание, не лишенное известной односторонности и существенных недостатков, а в ряде случаев и неправильного изложения событий, все же явилось заметным шагом вперед в научном освещении истории Октябрьской революции.

Широкий размах получила научная разработка истории социалистической революции за последние годы. Историки стали уделять больше внимания развитию революции не только в центре, но и на местах, в национальных районах и на окраинах страны. Был опубликован коллективный труд «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 годах» (М. 1953) под редакцией А. М. Панкратовой, А. Л. Сидорова и Д. А. Чугаева; вышли работы К. Е. Житова «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане» (Ташкент. 1957), О. Кулиева «Туркменистан в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции» (Ашхабад. 1953), С. П. Кихтева «Коммунисты Донбасса в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции» (Киев. 1954), Н. И. Супруненко «Коммунистическая партия — вдохновитель и руководитель борьбы украинского народа за создание и упрочение Советского государства» (Киев. 1954), Г. Х. Хачапуридзе «Борьба грузинского народа за установ-

ление Советской власти» (М. 1957), Т. В. Шепелевой «Тульская организация большевиков в борьбе за власть Советов» (Тула. 1954), А. М. Эльчибабян «Установление Советской власти в Армении» (Ереван. 1954) и многие другие. Подготовлено и защищено значительное число докторских и кандидатских диссертаций по истории Октябрьской революции. К сожалению, большинство их не издано и в силу этого неизвестно широкому кругу читателей. Многие из этих работ содержат обширный конкретно-исторический материал по истории Октябрьской революции, кропотливо собранный и обобщенный исследователями.

Особенно энергично проводится научная работа в области изучения истории Октября сейчас, в связи с сорокалетием Великой Октябрьской социалистической революции. Подготавливаются и выходят в свет многочисленные сборники документов, монографии, воспоминания участников Великого Октября. Можно не сомневаться, что эти труды обогатят советскую историческую науку, поднимут на новую ступень разработку вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции.

И все же, несмотря на проделанную за истекшие годы большую научную работу по изучению истории социалистической революции, приходится констатировать, что исследование этого важнейшего периода истории еще серьезно отстает от политических и научных требований современности. К сожалению, до сих пор нет капитальных трудов как о революции в целом, так и по ее отдельным коренным проблемам, трудов, стоящих на современном уровне развития исторической науки.

Работа советских историков была подвергнута острой и справедливой критике на XX съезде КПСС. Делегаты съезда особо указывали на неблагополучие с научной разработкой истории советского общества и такого ее важнейшего раздела, как история Октябрьской революции, упрекали наших историков в том, что до сих пор не написана фундаментальная марксистская работа по истории социалистической революции. Коммунистическая партия поставила перед работниками исторического фронта задачу глубокого и всестороннего, творческого изучения марксистско-ленинской теории социалистической революции, овладения всей суммой исторических источников, характеризующих процесс развития революции и создания на этой основе подлинно научных обобщающих трудов, монографий по коренным вопросам истории Октября.

Необходимость этого тем более очевидна, что в ряде вопросов истории Октябрьской революции в прошлом допускались серьезные ошибки субъективистского характера, имели место догматизм, схематизм и упрощенчество, отступление от исторической правды, ошибки, связанные с культом личности И. В. Сталина. Многие изданные работы не давали всестороннего объективного освещения роли Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и В. И. Ленина в социалистической революции, слабо раскрывали социально-экономические предпосылки и закономерности революции, не показывали должным образом революционное творчество народных масс, замалчивали трудности и ошибки, имевшие место в ходе подготовки и проведения социалистической революции, недостаточно освещали основные этапы революции, ее историческое значение для судеб народов России, ее определяющее влияние на ход мировой истории.

Развернувшаяся на основе исторических решений XX съезда КПСС борьба за преодоление последствий культа личности и связанных с ним пережитков субъективизма и догматизма, ошибок и недостатков в историографии активизировала деятельность советских историков, усилила творческую разработку главнейших проблем исторической науки, в том числе и истории Октябрьской революции. После XX съезда КПСС созданы все условия для углубленного научного изучения Великой Октябрьской социалистической революции, открыты широкие возможности для расширения источниковедческой базы исследовательской работы. Дело теперь

за историками, за их творческой инициативой и плодотворной деятельностью.

В этой связи нельзя умолчать и о том, что в ходе борьбы за претворение в жизнь решений XX съезда КПСС на историческом фронте были допущены серьезные ошибки теоретического и методологического характера. Это относится прежде всего к журналу «Вопросы истории», где был опубликован ряд ошибочных статей. Анализ этих ошибок показывает, что в основе их лежит отход от ленинских принципов партийности в исторической науке, неверное понимание политики партии в борьбе с последствиями культа личности. В некоторых статьях журнала «Вопросы истории» за 1956 г. решения XX съезда КПСС толковались, по сути дела, как курс на «смягчение» борьбы с идейными противниками нашей партии и нашего народа. Ошибки подобного рода встречались и в отдельных статьях по истории Октябрьской революции, в особенности в статье Э. Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте — апреле 1917 года» (1956, № 4). В этой статье позиция ЦК РСДРП(б) и газеты «Правда» отождествлялась с оппортунистической позицией Каменева, выпячивалась роль Зиновьева, крайне преувеличивались теневые стороны в деятельности большевиков. Автор не показал огромную революционную работу партии в массах. Тем самым создавалось неправильное представление о деятельности Коммунистической партии и ее Центрального Комитета в переломный момент революции, наступивший после свержения царского самодержавия.

Основной урок, который нужно извлечь из этих ошибок, заключается в том, чтобы повысить политическую бдительность и творческую активность историков в борьбе за марксистско-ленинские принципы в исторической науке, решительно противостоять каким бы то ни было отклонениям от этих принципов. Нельзя забывать, что марксистская историография возникла и развивалась в острой борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией. Особенно напряженный характер носила и носит до сих пор борьба вокруг вопросов теории и истории Октябрьской революции, опыта социалистического и коммунистического строительства в СССР. Коммунистическая партия всегда уделяла огромное внимание марксистско-ленинскому освещению истории Октября, вела непримиримую идейную борьбу против всех, кто пытался ревизовать марксистско-ленинскую теорию социалистической революции, фальсифицировать исторические факты, кто покушался на историческую правду. Партия учит историков неотступно следовать принципу партийности в исторической науке.

Теперь, как и раньше, ревизионисты ведут атаку на марксизм-ленинизм, марксистскую историографию по тем же основным направлениям, по каким вели ее их обанкротившиеся предшественники в лице Троцкого, Каутского, Суханова и им подобных. Они пытаются «опровергнуть» марксистско-ленинское учение по коренным вопросам теории социалистической революции: о руководящей роли Коммунистической партии, о диктатуре пролетариата, о путях и методах строительства социализма.

Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, творчески применяя ее к истории социалистической революции, учитывая опыт идеологической борьбы, историки-марксисты призваны эффективно использовать в боях с буржуазной идеологией мощное оружие исторической правды

Октябрьская революция явилась подлинно народной революцией, закономерным результатом развития общества в эпоху империализма. Ее вождем и вдохновителем выступила Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным. Организуя народные массы на революцию, большевики учитывали назревшие потребности развития общества, жизненные интересы трудящихся. Любая проблема, любой вопрос из истории подготовки и проведения социалистической революции в России органически связаны

с героической деятельностью партии большевиков и ее вождя В. И. Ленина. Поэтому одной из главнейших задач научной разработки истории Октябрьской революции является всестороннее и глубокое раскрытие роли партии и В. И. Ленина в пролетарской революции, в социалистическом строительстве. Эта задача тем более актуальна, что нынешние ревизионисты ведут свои атаки на теорию марксизма-ленинизма прежде всего по линии отрицания руководящей роли партии в социалистической революции и строительстве социализма.

Исторический опыт учит: пролетариат может до конца выполнить свою миссию гегемона и вождя революции только при том условии, если во главе его стоит подлинно революционная партия, вооруженная марксистско-ленинской теорией. Успешная борьба российского пролетариата за свое освобождение от социального и национального гнета в огромной мере определялась тем, что он выдвинул из своей среды боевой авангард, который на основе учения марксизма-ленинизма, под руководством В. И. Ленина организовался в партию нового типа — Коммунистическую партию.

Большевистская партия, умудренная опытом двух революций, в период от февраля до октября 1917 г. проделала колоссальную работу по мобилизации масс, по подготовке и проведению социалистической революции. Она была подлинным боевым штабом революции, безраздельно руководя ею, объединяя и направляя по революционному руслу такие различные потоки, как общедемократическое движение за мир, борьба крестьян за землю, национально-освободительное движение народов России и борьба рабочего класса за победу социалистической революции, за диктатуру пролетариата. Большевики выступили выразителями стремлений и чаяний народа, властителями его дум, вдохновителями и организаторами его всемирно-исторических побед.

О руководящей роли большевистской партии в социалистической революции советскими историками написано сравнительно большое число работ, в которых характеризуется кипучая политическая и организаторская деятельность большевиков. Из числа таких работ, вышедших в послевоенные годы, можно назвать книги М. Степанова «Партия большевиков — организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции» (М. 1951), И. Петрова «Шестой съезд РСДРП(б)» (М. 1955) и ряд других. Однако в ряде случаев эта литература носит научно-популярный характер. Ни историки КПСС, ни историки СССР до сих пор не создали капитальных монографий, где со всей глубиной раскрывались бы стратегия и тактика Коммунистической партии, ее многогранная деятельность в период подготовки и проведения Октябрьской революции, где обобщался бы многообразный опыт нашей партии, имеющий всемирно-историческое значение.

К тому же в ранее изданной литературе явно недостаточно анализировались и раскрывались объективные основы политики партии. Характеризуя деятельность КПСС, говоря о решениях Центрального Комитета, некоторые историки мало уделяли внимания показу того, при каких обстоятельствах и в каких условиях принимались те или иные решения, как выполнялись они, слабо вскрывали научную обоснованность и закономерность деятельности партии, что нередко вело к субъективизму.

У ряда историков наблюдался упрощенческий подход к освещению борьбы большевиков с мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров. Принципиальная, острая и разносторонняя борьба, которую вела партия, в их работах изображалась иногда в общей форме, без конкретного анализа особенностей тактики, форм и методов этой борьбы. До сих пор нет исторических исследований, в которых содержалось бы глубокое научное разоблачение антинародной деятельности меньшевиков и эсеров. Известно, что после Февральской революции этим соглашательским партиям удалось привлечь на свою сторону значительную часть рабочего

класса и особенно крестьянские и солдатские массы. Меньшевики и эсеры имели в ту пору большинство в Советах. «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все,— писал В. И. Ленин,— подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»³. Соглашатели являлись главной опорой буржуазии, и без их политической изоляции нельзя было покончить с империализмом.

Историки призваны вскрыть причины этого явления и показать, как партия большевиков последовательно и беспощадно разоблачала предательскую политику и противонародную деятельность соглашателей, шаг за шагом увеличивала свое влияние в массах, за невиданно короткий срок завоевала Советы и другие рабочие и общедемократические организации, привлекла большинство народа на свою сторону.

Серьезным недостатком некоторых работ является отсутствие правильного изображения трудностей в борьбе большевиков за победу социалистической революции, наличие элементов лакировки действительности, когда деятельность большевистской партии, преодолевшей гигантские трудности, рисовалась упрощенно, как сплошная линия побед и успехов. Это вело к тому, что исчезала динамика борьбы, не раскрывались идейный и организационный рост партии, укрепление ее рядов, завоевание ею непререкаемого авторитета в народе, привлечение широких масс трудящихся и солдат на сторону социалистической революции. Тем самым фактически принижались исторические заслуги партии.

Задача советских историков состоит в том, чтобы более глубоко и всесторонне, на основе широкого круга источников исследовать этот сложный и многообразный процесс, показать, как под влиянием кипучей деятельности партии большевиков и благодаря ее мудрой политике массы постепенно изжили иллюзии «революционного оборончества» и бессознательное доверие к своим врагам, как сама партия укрепилась и сплотилась вокруг В. И. Ленина, выработала и твердо проводила в жизнь курс на социалистическую революцию. Особое внимание историков должны привлечь вопросы, связанные с борьбой В. И. Ленина за единство и сплочение партии, против ревизионистов и капитулянтов внутри партии (Троцкого, Каменева, Зиновьева и их сторонников), за преодоление догматического и схоластического подхода к теории марксизма.

Требуется исследовать такие темы, как роль различных партийных организаций, деятельность партийных активистов при подготовке и проведении Октябрьской революции. Многогранная работа центральных и местных партийных организаций, роль отдельных деятелей партии, отдавших все свои силы делу революции, должны найти полное и яркое отражение в трудах историков. Важно вскрыть особенности работы партий и ее организаций в различных экономических и политических районах страны, на национальных окраинах, выявить единство процесса в целом и специфику развития революции в отдельных районах, показать, как эту специфику большевистская партия учитывала во всей своей деятельности.

Создать подлинно научные труды о Коммунистической партии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, показать ее борьбу за укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством, явившегося решающей силой в свержении власти эксплуататоров, осветить политику партии на всех этапах развития революции, ее опыт по созданию первого в мире социалистического государства, ставшего основным орудием строительства социализма, глубоко и правдиво исследовать борьбу Советской страны за мир — это значит решить важнейшую научно-политическую задачу, стоящую перед советскими историками.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 41.

Коммунистическая партия во всей своей деятельности неуклонно руководствуется всепобеждающей марксистско-ленинской теорией, строго учитывает законы общественного развития, потребности жизни общества, опирается на опыт революционного творчества масс. Поднимая революционные классы на борьбу за Советскую власть, большевики исходили из того, что созрели необходимые социально-экономические и политические условия для победоносной социалистической революции. Поэтому важнейшей и неотложной задачей исследователей является всестороннее изучение общих закономерностей социалистической революции и специфических особенностей, обусловленных историческим развитием России, внутренней и международной обстановкой, в которой произошла и победила Октябрьская революция.

Выяснение исторических закономерностей социалистической революции — один из наиболее острых и коренных вопросов современной историографии и философии, вокруг которого шла и идет ожесточенная борьба. И это не случайно, ибо вопрос о неизбежности социалистических революций есть вопрос о судьбах современного капитализма, о перспективах развития человечества.

Историческая неизбежность гибели капитализма и революционной замены его новым, более высоким общественно-экономическим строем — социализмом — с неоспоримой научной достоверностью доказана марксизмом-ленинизмом, подтверждена опытом развития мировой истории. Обобщая этот опыт, В. И. Ленин в 1918 г. говорил: «Революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»⁴. Без изучения этого комплекса причин, обуславливающих неизбежность социальных революций, невозможно нарисовать научную картину революции, исследовать историю ее развития и победы.

Закономерный процесс развития капитализма создает условия, необходимые для перехода к более прогрессивной и высокой ступени в истории человеческого общества — к социализму. И когда созревают эти условия, в порядок дня встает социалистическая революция, призванная принести трудящимся полное избавление от социального и национального гнета, обеспечить великий исторический прогресс.

На основе глубочайшего анализа империализма и его основных противоречий В. И. Ленин пришел к выводу, что империализм — это высшая и в то же время последняя стадия в развитии капитализма, что «империализм есть капут социальной революции пролетариата». Всесторонняя разработка вопроса о социалистической революции дала возможность В. И. Ленину сделать вывод, что революция произойдет и победит там, где слабее всего позиции империализма и сильнее всего позиции рабочего класса, в той стране, которая явится наиболее слабым звеном в цепи империализма.

Такой страной к 1917 г. оказалась Россия. С начала XX в. господствующее положение в ее промышленности все больше занимал монополистический капитал. Наряду с промышленными возникали и крупные банковые монополии, развивался государственно-монополистический капитализм, подготовлявший материальные условия для победы социализма. Тесно связанный с международным империализмом, монополистический капитал в России с невероятной тяжестью давил на плечи рабочего класса и всех трудящихся, приносил нищету и кабалу народным массам. Империализм в России переплетался с множеством пережитков крепостничества в экономическом и политическом строе. Эти пережитки до крайности усиливали и углубляли противоречия империализма. Нерешенные

⁴ В. И. Ленин, Соч. Т. 27, стр. 506.

экономические и политические задачи буржуазно-демократической революции составляли своеобразную черту исторического развития России, обусловили особенности русской революции. Одна из существенных особенностей нашей революции вытекала также из того, что Россия была страной многонациональной. Царизм угнетал миллионы жителей национальных окраин, превратил Россию в тюрьму народов. Борьба трудящихся различных национальностей против угнетения их самодержавием была важным моментом в развитии революции.

Сочетание всех видов гнета — помещичьего, капиталистического, национального — с полицейским деспотизмом самодержавия делало положение народных масс невыносимым и придавало классовому антагонизму в России особую остроту и глубину. Являясь очагом социального и национального гнета в его наиболее грубой и бесчеловечной форме, царская Россия стала узловым пунктом всех противоречий империализма, центром мирового революционного движения. Российский капитализм был тесно связан с иностранным империализмом, и удар по капитализму в России означал неизбежный удар и по мировой империалистической системе.

Могучим ускорителем процесса созревания социалистической революции явилась первая мировая война, обострившая и обнажившая все язвы империализма. Война довела до крайнего предела нищету и страдания народа, углубила классовые противоречия и вызвала мощный подъем революционной борьбы рабочего класса и трудящегося крестьянства. Она вскрыла все пороки и гнилость царизма и с полной очевидностью показала, что дальнейшее существование как царизма, так и буржуазных порядков является гибельным для страны. Она привела к усилению экономической и политической зависимости России от империалистов Антанты, поставила под угрозу ее самостоятельное существование. Озлобление и ненависть к царскому самодержавию, к войне неудержимо нарастали в народе — среди рабочих, крестьян, солдат и матросов. Все это свидетельствует о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция не была случайным явлением, как об этом трубят идеологи империализма и их прислужники, а обусловлена всем ходом развития общества, конкретной исторической обстановкой, сложившейся в процессе первой мировой войны.

Без изучения особенностей империализма в России, своеобразия социально-экономического и политического положения страны в 1917 г. нельзя правильно уяснить предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. Борьба марксистско-ленинской историографии с буржуазными и мелкобуржуазными концепциями по этому вопросу занимает большое место в общей идеологической борьбе. Буржуазные историки, тщетно «доказывая» неизбежность капитализма, отрицают закономерность социалистической революции. Они идут на любые приемы и уловки, стремясь «доказать» спорадический характер революционных переворотов вообще и Октябрьской революции прежде всего. Для примера можно привести работы одного из идеологов российского империализма, П. Милюкова. В своих трех книгах «История второй русской революции» и лекциях о русской революции, прочитанных им в США, Милюков утверждал, что Октябрьская революция была социальной «катастрофой». Этот же тезис выдвигают английский историк Карр в своем трехтомном труде по истории Октябрьской революции, вышедшем в 1950—1953 гг., западногерманский историк Раух и многие другие буржуазные ученые.

Долг советских историков — вести непримиримую борьбу с неправильными концепциями буржуазной историографии. Однако до сих пор это делалось нередко в самой общей форме. Для того, чтобы выбить оружие из рук фальсификаторов истории, необходимо создать капитальные монографии о социально-экономических предпосылках революции, действии объективных и субъективных факторов, определивших ее победоносное развитие. В конкретно-историческом аспекте это означает, что нужно

подготовить труды об империализме и особенностях российского империализма, о России как наиболее слабом звене в общей цепи империализма и центре мирового революционного движения, о союзе рабочего класса с трудовым крестьянством — общественной силе, совершившей революцию, о Коммунистической партии — вдохновителе и организаторе победы социалистической революции. Решить эту актуальную задачу можно совместной работой историков, экономистов и философов, направленной на создание серьезных научных исследований. В основу таких трудов должен быть положен обширный фактический, в том числе статистический, материал, тщательно проанализированный с позиций марксистско-ленинской методологии. Необходимо усилить работу по подготовке и изданию документальных источников периода подготовки и проведения Октябрьской революции.

Народные массы играют решающую роль во всякой, тем более в социалистической революции. «Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции»⁵, — указывал В. И. Ленин. В Октябрьской социалистической революции революционное творчество трудящихся нашло невиданное до того в истории выражение. Оно проявилось в образовании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, солдатских комитетов на фронте и фабрично-заводских комитетов в тылу, в создании Красной Гвардии, в организации рабочего контроля над производством и распределением, в строительстве Советского социалистического государства, в героической борьбе с врагами, в построении социализма и коммунизма.

Революционное творчество народных масс в нашей стране имело особое значение. Совершая социалистическую революцию и приступая к строительству социализма, трудящиеся первой в мире страны диктатуры пролетариата не имели перед собой примера, шли неизведанным путем. «Все, что мы знали, — говорил В. И. Ленин, — что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли»⁶. Мудрость Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина проявилась и в том, что они сумели блестяще обобщить опыт революционного творчества масс и на его основе наметить пути победы социалистической революции и строительства социализма в нашей стране. Этот опыт служит примером трудящимся всего мира в их борьбе за свержение империализма и строительство социализма с учетом особенностей каждой страны.

В революции действуют определенные классы, борющиеся за ее осуществление. Решающей силой социалистической революции является рабочий класс, который благодаря своему положению в обществе более других заинтересован в ее победе и способен к ее свершению. Особая миссия пролетариата в отличие от других классов, когда-либо совершавших революционные перевороты, состоит в том, что его классовые интересы

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 93.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 374.

сливаются с интересами подавляющего большинства общества, ибо пролетарская революция означает не замену одной формы эксплуатации другой, а ликвидацию всякой эксплуатации.

Особенности формирования и развития российского пролетариата обусловили его высокую революционность. Нигде в мире рабочий класс не концентрировался в такой степени на крупных предприятиях, как в России. Это способствовало росту сознательности и организованности российского пролетариата, облегчало работу марксистско-ленинской партии в его среде. Для России были характерны жесточайшая эксплуатация рабочих, политическое бесправие трудящихся, грубый произвол хозяев и царской администрации. Эти обстоятельства при наличии огромной резервной армии безработных, при отсутствии сколько-нибудь значительной прослойки рабочей аристократии привели к тому, что рабочий класс нашей страны стал величайшей революционной силой, вождем общедемократического и авангардом международного пролетарского движения.

К сожалению, до сих пор в советской исторической литературе нет ни одного монографического исследования истории рабочего класса в социалистической революции, этапов, форм и методов его борьбы, роста его политической сознательности и организованности. Начатая в 20-х годах плодотворная работа А. М. Панкратовой и других по изучению истории рабочего класса и его организаций в Октябрьской революции не получила в дальнейшем развития. За последние годы не было опубликовано ни одного заметного исследования по этому актуальному вопросу. Задача наших историков состоит в том, чтобы восполнить этот серьезный пробел в научной разработке истории Октябрьской революции, ибо без изучения и освещения роли рабочего класса в свершении великого переворота в октябре 1917 г. невозможно раскрыть процесс развития, особенности и всемирно-историческое значение социалистической революции в России.

Одновременно необходимо исследовать вопрос о месте и значении в социалистической революции союзника рабочего класса — беднейшего крестьянства. Крестьянские массы России несли на своих плечах, помимо капиталистической эксплуатации, ярмо феодально-крепостнических пережитков. В стране сохранялась кабальная крестьянская аренда помещичьей земли, отработочная система как прямое продолжение средневековой барщины. Основу феодально-крепостнических пережитков в экономическом и политическом строе России составляла помещичья собственность на землю. Вместе с тем в деревне происходил рост товарно-денежных отношений: крестьяне все больше попадали под влияние рынка, становились объектом не только помещичьей, но и капиталистической эксплуатации. В самом крестьянстве шел интенсивный процесс расслоения на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат, что неизбежно приводило к обострению классовой борьбы в деревне.

Задача пролетариата и его партии состояла в том, чтобы на этапе буржуазно-демократической революции привлечь на свою сторону все крестьянство, добиться организации союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса и изолировать буржуазию, свергнуть царизм. На этапе социалистической революции пролетариат вступает в союз с крестьянской беднотой, нейтрализуя среднее крестьянство, и усилиями этого союза свержает капитализм, устанавливает свою диктатуру.

Нашими историками в свое время была проделана определенная исследовательская работа по изучению роли крестьянства в революции. Но эти исследования давали лишь общее представление о положении крестьян в России, их социальном составе, о борьбе за землю и сплочении вокруг рабочего класса, о роли трудового крестьянства в социалистической революции, о том, что дала ему эта революция и как крестьянство защищало завоевания Октября. За последние годы написан ряд статей и диссертаций о союзе рабочего класса с крестьянством в период социалистической революции. Но все это — лишь только начало. Нужны глубокие и

серьезные монографии, статьи, раскрывающие всю сложность и своеобразие этого вопроса.

То же следует сказать и об изучении национально-освободительного движения народов нашей страны в период подготовки социалистической революции. Движение трудящихся масс в центре страны дополнялось борьбой угнетенных народов за свое национальное освобождение. Всем ходом объективного развития многочисленные народы России подводились к союзу с российским рабочим классом, который выступал как гегемон в общей борьбе против царизма и империализма. Между тем в нашей литературе до сих пор отсутствуют монографические исследования по этому важному вопросу. Давно пришла пора на основе глубокого изучения этой проблемы создать обстоятельные научные труды, показывающие опыт решения национального вопроса Октябрьской революцией, что имеет огромное международное значение.

В свете решений XX съезда КПСС особенно важным является вопрос о всемирно-историческом значении Октябрьской революции, а также такие коренные вопросы марксистско-ленинской теории, как вопросы о мирном сосуществовании различных социальных систем, о возможности предотвращения войн в современную эпоху, о формах перехода различных стран к социализму. Буржуазные историки отрицали и отрицают международный характер социалистической революции в России, ее значение и определяющее влияние на ход мировой истории. Они тщетно силятся представить Великую Октябрьскую социалистическую революцию как явление чисто российское, узконациональное. Но прогрессивное человечество признает гигантское революционизирующее воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на судьбы всей мировой истории. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и утверждение социалистического строя в Советской стране оказали определяющее влияние на весь ход исторического развития»⁷, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». Центральный Комитет Коммунистической партии Китая в своем политическом отчете VIII Всекитайскому съезду указал: «Несмотря на то, что революция в нашей стране имеет много своих особенностей, китайские коммунисты рассматривают свое дело как продолжение Великой Октябрьской революции»⁸. Так же оценивают международное значение опыта социалистической революции в России и трудящиеся других стран народной демократии, трудящиеся капиталистических государств, видящие в великих завоеваниях Октября свое светлое будущее.

Нельзя, конечно, отрицать особенностей Великой Октябрьской социалистической революции, происходившей в стране, где современный монополистический капитал переплетался с многочисленными феодально-крепостническими пережитками в экономическом и в политическом строе, где не были решены задачи буржуазно-демократической революции. Каждой стране присущи свои особенности, своя специфика в экономическом и политическом развитии, и это порождает многообразие форм и методов проведения пролетарской революции. «Все нации придут к социализму, это неизбежно, — писал В. И. Ленин, — но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»⁹.

Опыт истории революции и строительства социализма в Китае и в других странах народной демократии со всей очевидностью подтвердил это ленинское предвидение. Исторический опыт подтверждает и ленин-

⁷ «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС. Госполитиздат, 1957, стр. 7.

⁸ «Правда», 30 декабря 1956 года.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 58.

ское предвидение того, что генеральная линия развития социалистической революции едина и обща для всех народов, вступающих на путь социализма. При всем своеобразии, обусловленном историческими особенностями России, основные закономерности и черты развития Великой Октябрьской социалистической революции имеют не местное, не национально-особенное, а международное значение. Такими общими чертами и закономерностями являются: диктатура пролетариата, то есть политическая власть рабочего класса, руководимого Коммунистической партией; союз рабочего класса с основными массами крестьянства и всеми другими слоями трудящихся; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; ликвидация капиталистической собственности и установление социалистической, общественной собственности на основные средства производства; планомерное развитие индустрии и экономики в целом, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; укрепление социалистического государства и защита завоеваний социализма от покушения внешних и внутренних классовых врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран, пролетарский интернационализм.

Задача советских историков состоит в том, чтобы на конкретном историческом материале раскрыть международное значение Октябрьской революции, показать ее закономерности, присущие всякой пролетарской революции, и в то же время выявить специфику и особенности ее проведения в каждой отдельной стране. Эта задача является сейчас особенно актуальной в связи с попытками ревизионистов исказить и принизить опыт социалистической революции и строительства социализма в нашей стране, отрицать его международный характер. Решить это можно лишь объединенными усилиями историков Советского Союза и стран народной демократии.

Всестороннее раскрытие процесса развития социалистической революции в России связано с большим кругом конкретно-исторических вопросов. Одним из них является, например, вопрос о возможности мирного развития революции в период от установления двоевластия до июльских событий 1917 года. В нашей исторической литературе уделялось мало внимания этой проблеме. Между тем она имеет большой теоретический и практический интерес и актуальное значение. Важное место в изучении истории Октябрьской революции занимают вопросы подготовки вооруженного восстания, триумфального шествия Советской власти, и в первую очередь победы Советской власти на местах. В исторической литературе до сих пор слабо изучены и показаны характерные черты революции и перехода власти в руки Советов в различных районах страны и на национальных окраинах. А между тем эти процессы при всей их общности в главном и основном имели ряд особенностей, связанных с конкретной обстановкой и социально-политическими условиями того или иного района.

Пристальное внимание историков должен привлечь и такой вопрос, как слом старой государственной машины и создание нового, Советского государства — главного орудия построения коммунизма. Проблема слома старого, буржуазного аппарата угнетения и замены его новым, социалистическим государством, привлечением к управлению страной самые широкие трудящиеся массы, имеет особенно важное значение в наши дни еще и потому, что атаки ревизионистов идут как раз по вопросу о месте и роли социалистического государства, диктатуры пролетариата в строительстве социализма. Дать должный отпор этим атакам, вскрыть и разоблачить их антимарксистскую сущность — неотложная задача советских историков.

Мало у нас хороших исследовательских работ и о первых социали-

стических преобразованиях как в экономической, так и в политической областях, произведенных Октябрьской революцией. Роль Советов и их деятельность, работа органов рабочего контроля и ее значение, создание Красной Гвардии и роль ее в революции — эти темы также ждут своих пытливых исследователей.

Советская власть, родившаяся под знаменем мира, неустанно, на протяжении всех лет существования ведет борьбу за сохранение мира во всем мире, вдохновляя своим примером и опытом все передовое человечество. В могучем, неодолимом движении современности — в борьбе за мир — принимают участие сотни миллионов людей всех стран, людей различных политических и религиозных убеждений, принадлежащих к разным нациям и расам. Нет необходимости доказывать, что создание капитальных работ о борьбе Советского государства за мир, о миролюбивой внешней политике Советского правительства имеет большое научное и политическое значение.

Велики и ответственны задачи ученых, работающих в области истории Октябрьской революции, и решены они могут быть лишь общими усилиями всех советских историков, историков стран народной демократии, прогрессивных историков всех стран. Мы остановились лишь на некоторых из этих задач с тем, чтобы привлечь внимание научной общественности к необходимости решительно активизировать работу по глубокому и всестороннему исследованию важнейшей проблемы современной исторической науки — проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции. Общая задача состоит в том, чтобы на конкретном историческом материале раскрыть марксистско-ленинское учение о революции, показать, как оно нашло свое воплощение в победе Великого Октября. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, используя накопленный опыт, решительно преодолевая недостатки и ошибки прошлых лет, следует раскрыть во всем величии исторический подвиг нашего народа, совершившего под руководством Коммунистической партии первую в истории человечества победоносную социалистическую революцию.

СТАТЬИ

ПЕТРОГРАДСКИЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ — БОЕВОЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ШТАБ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В ОКТЯБРЕ 1917 года

И. Г. Дыков

История Петроградского Военно-революционного комитета (ВРК) привлекала и привлекает внимание исследователей Великой Октябрьской социалистической революции. Нет почти ни одной работы, написанной по истории Великого Октября, где бы в той или иной мере не было сказано об этой боевой организации. Однако до сих пор деятельность Военно-революционного комитета в нашей литературе не нашла своего всестороннего освещения. По этому вопросу имеется лишь одна монография¹ и небольшая статья С. Пионтковского². Следует отметить, что статья С. Пионтковского страдает рядом существенных недостатков. Автор совершенно не говорит о роли трудящихся масс в вооруженном восстании и не раскрывает руководства Коммунистической партии ходом подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. С. Пионтковский утверждает, что «Октябрьскими боями в Петрограде руководил Военно-революционный комитет»³. Нет сомнения, что Военно-революционный комитет играл громадную роль в Великой Октябрьской социалистической революции, но вся его деятельность направлялась Центральным Комитетом нашей партии, директивы и указания которого он выполнял. Из других работ, так или иначе касающихся деятельности Военно-революционного комитета, укажем на статьи В. И. Невского⁴ и Н. И. Подвойского⁵, посвященные истории Военной организации при ЦК РСДРП(б).

Впервые сравнительно подробно работа ВРК освещена во II томе «Истории гражданской войны». Кроме того, в 1938 г. издан сборник документов, характеризующих разностороннюю деятельность ВРК⁶, содержащий протоколы, распоряжения, донесения, телеграммы Военно-революционного комитета. Интересную подборку документов за двухдневный период деятельности ВРК опубликовали Е. Н. Городецкий и И. М. Разгон⁷. Их публикация содержит ценный материал и ярко характеризует колоссальную работу Военно-революционного комитета. Немало интересных материалов, раскрывающих многогранную работу Военно-революционного комитета, опубликовано в сборниках и хронике, изданных архивными и научными учреждениями Ленинграда⁸.

¹ И. Дыков. Роль Петроградского Военно-революционного комитета в Октябрьской социалистической революции. Кишинев, 1955.

² С. Пионтковский. Военно-революционный комитет в Октябрьские дни. Журнал «Пролетарская революция», 1927, № 10 (69), стр. 110—137.

³ Там же, стр. 110.

⁴ В. И. Невский. «Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет». Журнал «Красноармеец», 1919, № 10—15, стр. 34—44.

⁵ Н. И. Подвойский. «Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет». Журнал «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 64—67; № 8, стр. 7—43.

⁶ «Документы Великой пролетарской революции». Т. 1. М. 1938.

⁷ «Два дня работы Военно-революционного комитета». «Исторический журнал», 1937, № 10, стр. 149—157.

⁸ «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Т. I. Л. 1947; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Л. 1948 и др.

Основные документы для изучения деятельности ВРК хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), в фонде 1236, включающем 87 единиц хранения⁹. В этом фонде сосредоточены отчеты и донесения комиссаров, протоколы, директивы и распоряжения, связанные с подготовкой и проведением вооруженного восстания, документы, отражающие борьбу с контрреволюционными мятежами и саботажем, борьбу за разрешение продовольственной и топливной проблем. Протоколы заседаний Военно-революционного комитета, к сожалению, полностью не сохранились, а документация, характеризующая первые дни работы ВРК, вообще отсутствует. Этот пробел исследователи могут восполнить по материалам периодической печати, где публиковались репортерские отчеты о заседаниях ВРК, а также по воззваниям, обращениям, приказам и распоряжениям Военно-революционного комитета, опубликованным в большевистских газетах.

В настоящей статье автор не ставил перед собой цель осветить всю деятельность ВРК, а ограничился только периодом подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, используя для этого, кроме указанных источников, материалы архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ); Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА); филиала Центрального государственного военно-исторического архива (ФЦГВИА); Центрального государственного архива военно-морского флота (ЦГАВМФ); Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС ЛО); сборники документов и хроники, относящиеся к периоду 1917 г., периодическую печать того времени, а также воспоминания активных участников Октябрьского вооруженного восстания.

Одним из важнейших мероприятий большевистской партии в подготовке Октябрьского вооруженного восстания является организация Петроградского Военно-революционного комитета. Возникновение этой боевой организации связано с обострившейся борьбой между силами революции и контрреволюции и вытекало из существа ленинского плана проведения социалистической революции. Военно-революционный комитет был создан в момент напряженной практической подготовки вооруженного восстания против буржуазного Временного правительства, в период, когда политическая обстановка вплотную подвела пролетариат к захвату власти, когда созрели все необходимые условия для успеха социалистической революции.

9 октября 1917 г. меньшевики, поддерживая контрреволюционные планы Временного правительства, на заседании исполкома Петроградского Совета прогнали резолюцию, одобрявшую вывод революционного гарнизона из столицы. Это было предательское решение, которое полностью соответствовало интересам врагов революции. В тот же день вечером собрался пленум Петроградского Совета, где между большевиками, с одной стороны, эсерами и меньшевиками — с другой, развернулась упорная борьба. Эсеры и меньшевики утверждали, что в намерении вывести революционные войска из Петрограда нет корниловских замыслов, так как в штабе Петроградского военного округа имеются, мол, представители солдатской секции Петроградского Совета, которые следят за всеми распоряжениями, исходящими из штаба. Большевики же видели в попытке вывода войск новую корниловщину и заявляли, что армия не может

⁹ Автор в 1948—1949 годах работал в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства и других архивах над материалами, относящимися к деятельности ВРК. Поэтому все сноски в статье даны по фондам, описям и делам того периода.

исполнять приказы правительства, которому она не доверяет¹⁰. Пленум отверг меньшевистскую резолюцию и огромным большинством голосов принял большевистское решение следующего содержания: «В минуту смертельной опасности для народа и революции Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов заявляет: правительство Керенского губит страну. Доказав свою полную неспособность вести войну, оно не решается предложить мир. Вместе с буржуазией Керенский готовится сдать немцам Петроград — главную крепость революции. Союзные империалисты явно попустительствуют движению Вильгельма на Петроград... Совет рабочих и солдатских депутатов не может брать на себя перед армией никакой ответственности за так называемую стратегию Временного правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда. Спасение Петрограда и страны в переходе власти в руки Советов...»

Петроградский Совет поручает исполнительному комитету, совместно с солдатской секцией и представителями связанных с Петроградом гарнизонов, организовать Революционный комитет обороны, который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему, принял бы все меры к вооружению рабочих и таким образом обеспечил бы и революционную оборону Петрограда и безопасность народа от открыто подготавливающейся атаки военных и штатских корниловцев»¹¹.

Решение Петроградского Совета положило начало созданию Военно-революционного комитета. В первой половине октября наступательные действия революции маскировались мероприятиями обороны. Это делалось с целью конспирации подготовки к вооруженному восстанию. Поэтому боевой орган революции первоначально был назван Революционным комитетом обороны. В действительности уже в середине сентября В. И. Ленин в целом ряде статей призывал нашу партию к всесторонней подготовке вооруженного восстания, он настаивал перед ЦК РСДРП(б) на немедленной организации штаба повстанческих отрядов¹², то есть Военно-революционного комитета.

Подготовкой вооруженного восстания руководил Центральный Комитет партии большевиков во главе с В. И. Лениным. 10 октября состоялось историческое заседание ЦК РСДРП(б), на котором с докладом о текущем моменте выступил В. И. Ленин. Вождь революции говорил: «Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти».

Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян. Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне»¹³.

Вопреки ленинской установке Каменев и Зиновьев на этом заседании лжепророчествовали, что рабочий класс России не имеет сил для восстания, что он якобы не готов к тому, чтобы взять власть. Крестьяне и солдаты, утверждали капитулянты, в ходе революции отойдут от пролетариата, а без их поддержки и отсутствия мировой революции вооруженное восстание обречено на гибель.

Центральный Комитет РСДРП(б) отверг точку зрения Каменева и Зиновьева и принял резолюцию, предложенную В. И. Лениным.

Ленинская резолюция была принята 10 голосами против 2 (Зиновьев и Каменев). На этом же заседании было создано Политическое бюро во главе с В. И. Лениным, которое должно было обеспечить политическое руководство партией и трудящимися массами нашей страны.

¹⁰ «Известия» ЦИК, № 193. 10 октября 1917 года.

¹¹ Газета «Рабочий путь», № 32, 10 октября 1917 г. «Известия» ЦИК, № 193, 10 октября 1917 года.

¹² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 8—9.

¹³ Там же, стр. 160.

Получив установку Центрального Комитета РСДРП(б), Петроградский Совет и большевистская военная организация приступили к практическому формированию Военно-революционного комитета. Прежде всего нужно было решить, какой партийный состав должен быть в Военно-революционном комитете. Одни считали, что ВРК должен состоять исключительно из большевиков, как часть Военной организации РСДРП(б) или ее расширенное бюро, другие предлагали включить в состав ВРК представителей Совета профсоюзов и т. п. Организаторы ВРК обратились за помощью к В. И. Ленину. В беседе с одним из видных деятелей Петроградского Военно-революционного комитета, Н. И. Подвойским, В. И. Ленин дал точные указания о создании ВРК и его задачах. Возражая тем товарищам, которые полагали, что Военно-революционный комитет должен быть расширенным бюро Военной организации РСДРП(б), Ленин говорил: «Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот Комитет должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам. Чем больше будет проявлять инициативы и активности каждый член Военно-революционного комитета, тем сильнее и действеннее будет влияние всего Комитета на массы. Ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете. Главная задача Военной организации в том, чтобы Комитет не уклонился от правильной большевистской позиции. Основное — победа восстания. Этой и только этой цели должен служить Военно-революционный комитет»¹⁴.

Эти указания В. И. Ленина не только определили организационную структуру Военно-революционного комитета, но и сформулировали его основную задачу, сводившуюся к руководству подготовкой и проведением вооруженного восстания, к обеспечению победы рабочего класса в вооруженной борьбе.

12 октября на закрытом заседании исполнительного комитета Петроградского Совета было принято Положение о Военно-революционном комитете, в котором говорилось, что ВРК является органом Петроградского Совета. В его состав включались представители от президиума и солдатской секции Совета, от Центрофлота, Финляндского областного комитета, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, партийных и военных организаций, представители военного отдела Петроградского Совета крестьянских депутатов, военного отдела ЦИК, рабочей милиции и других организаций¹⁵.

Положение о ВРК было разработано большевистской фракцией и предложено исполкому Совета левым эсером Лазимиром¹⁶.

Военно-революционный комитет, руководимый большевиками, был советской, демократической организацией, через которую большевистская партия объединяла все силы, боровшиеся против контрреволюционной политики Временного правительства. Посредством ВРК большевикам удалось сосредоточить в своих руках все боевое руководство вооруженным восстанием.

К сожалению, список членов ВРК не сохранился, и пока трудно восстановить полностью состав этой организации. Однако мы можем назвать многих членов, входивших в состав ВРК. Среди них были: Ленин, Свердлов, Сталин, Дзержинский, Подвойский, Дыбенко, Бубнов, Крыленко, Урицкий, Гусев, Еремеев, Лазимир, Невский, Садовский, Стучка, Сухарь-

¹⁴ «О военной деятельности В. И. Ленина (Из воспоминаний Н. И. Подвойского)». Журнал «Коммунист», 1957, № 1, стр. 37.

¹⁵ «Документы Великой пролетарской революции». Т. 1, стр. 24.

¹⁶ Лазимир в 1918 г. вступил в ряды большевиков; в 1919 г. при эвакуации Киева заболел тифом и умер.

ков, Чудновский¹⁷. Нет сомнения в том, что абсолютное большинство в Петроградском ВРК принадлежало большевикам.

В бурные революционные дни состав ВРК часто изменялся, так как часть его членов выезжала по заданию партии и Советского правительства в качестве комиссаров, эмиссаров и агитаторов в различные концы нашей страны, а на их место вводились другие лица.

Председателем ВРК первое время был Лазимир, которого сменил Н. И. Подвойский, секретарем — В. А. Антонов-Овсеенко¹⁸. Для организационного руководства и контроля над исполнением текущей работы при ВРК было создано организационное бюро в составе Антонова-Овсеенко, Лазимира, Подвойского, Садовского, Сухарькова¹⁹. Кроме того, при ВРК было образовано бюро Центрального Комитета рабочих Красной Гвардии²⁰, руководившее вооруженными отрядами рабочих.

Петроградский Совет определил следующие ближайшие задачи ВРК: установление минимума боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда; поддержка контакта с комиссаром при штабе главнокомандующего армиями Северного фронта, Центробалтом, гарнизоном Финляндии и штабом главнокомандующего военным округом; проведение точного учета и регистрации личного состава Петроградского гарнизона и его окрестностей; учет предметов снаряжения и продовольствия; разработка практического плана работ по обороне Петрограда и мероприятий по охране Петрограда от погромов и дезертирства; всемерная поддержка революционной дисциплины среди рабочих и солдат Петрограда²¹.

Конкретные функции Военно-революционного комитета на разных этапах революции были различны. В зависимости от задач, стоявших перед ВРК, изменялась и его структура. Вначале было создано семь отделов (обороны, связи, снабжения, рабочей милиции, информационное бюро, стол донесений, комендатура). Все эти отделы решали одну задачу — подготовки и проведения победоносного вооруженного восстания. После победы революции в столице и ряде других важнейших промышленных районов страны перед ВРК встала задача упрочения Советской власти и прежде всего борьба с контрреволюцией. Соответственно этому были организованы отделы: снабжения и продовольствия, по приемке заявлений, реквизиций, информации, следственно-юридический, внутренней и внешней связи, автомобильный, отдел вооружений, агитации²². В руководстве отделами активное участие принимали Лазимир, Садовский, Стучка, Аванесов, Балашов, Фомин и другие.

В помощь Военно-революционному комитету при военном отделе Петроградского Совета было создано гарнизонное совещание. В его состав вошли члены агитационной, строевой, хозяйственной комиссий военного отдела, исполнительного комитета Петроградского Совета, солдатской секции от строевых и вспомогательных частей. Ближайшими задачами гарнизонного совещания являлись: учет всех средств, необходимых для организации боевого дела и повышения боеспособности, информация ВРК о состоянии гарнизона, поддержание тесной связи между воинскими частями²³.

¹⁷ Ленинградский институт истории партии, ф. 1, кор. 6-а, д. 61, л. 1 (воспоминания Хохрякова); Н. И. Подвойский. Красная Гвардия в Октябрьские дни. Л. 1927, стр. 19.

¹⁸ Н. И. Подвойский. Указ. соч., стр. 19.

¹⁹ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР и СС), ф. 1236, д. 2, л. 36; газета «День», № 197, 24 октября 1917 года.

²⁰ Н. Н. Любимов. Революция 1917 года. Г. VI. М.-Л. 1930, стр. 100.

²¹ «Рабочий путь», № 35, 13 октября 1917 г.; «Известия ЦИК», № 197, 14 октября 1917 года.

²² «Исторический журнал», 1937, № 10, стр. 149; «Документы Великой пролетарской революции», стр. 115.

²³ «Рабочий путь», № 35, 13 октября 1917 года.

Организуя подготовку вооруженного восстания, большевистская партия опиралась на широкую поддержку трудящихся масс и в первую очередь на рабочий класс, на солдат Петрограда и его окрестностей, а также на моряков Балтийского флота. В сентябре — октябре 1917 г. большинство петроградских рабочих требовало перехода всей власти в руки Советов²⁴. Вместе с рабочими накануне вооруженного восстания абсолютное большинство частей Петроградского гарнизона прочно встало на сторону большевиков и тоже требовало немедленной передачи всей власти в руки Советов²⁵. Наиболее революционно настроен был Балтийский флот, который полностью стоял на стороне большевиков. О его переходе на сторону революции свидетельствует открывшийся 25 сентября 1917 г. II съезд моряков Балтийского флота, который резко осудил соглашательскую политику эсеров и меньшевиков, потребовал перехода власти в руки Советов, заклеймил позором предательскую политику Керенского и его клики.

16 октября 1917 г. состоялось расширенное заседание ЦК РСДРП(б). В. И. Ленин ознакомил участников заседания с решением ЦК от 10 октября и призвал к энергичной подготовке вооруженного восстания²⁶. За восстание высказались Свердлов, Сталин, Калинин, Дзержинский и другие. Против восстания снова выступили Каменев и Зиновьев. ЦК отверг все домогательства Каменева и Зиновьева и принял ленинскую резолюцию, в которой было сказано: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра²⁷ и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»²⁸.

В тот же день на закрытом заседании ЦК РСДРП(б) был организован Партийный центр по подготовке и проведению вооруженного восстания. В его состав входили: Свердлов, Сталин, Дзержинский, Урицкий, Бубнов. По решению ЦК Партийный центр вошел в состав Военно-революционного комитета²⁹. О деятельности Партийного центра в распоряжении историков нет каких-либо прямых источников, кроме указанного выше решения. Однако косвенные материалы и документы позволяют сделать вывод, что члены Партийного центра были руководящим ядром ВРК. Они присутствовали на всех заседаниях ВРК и, несомненно, осуществляли там линию ЦК партии, за их подписью имеется большое количество приказов и распоряжений ВРК. Согласно решению, принятому ЦК РСДРП(б) накануне восстания, важнейшие и ответственные участки, игравшие решающую роль для победоносного исхода восстания, были закреплены за чле-

²⁴ Требования перехода всей власти в руки Советов выдвинули рабочие и служащие заводов: Балтийского судостроительного, Путиловского, Сестрорецкого оружейного, Обуховского, «Старый Парвизайнен», Адмиралтейского судостроительного, Северной ткацкой фабрики общества Российской бумагопрядильной мануфактуры, авиационного завода Лебедева, меднопрокатного завода акционерного общества «Розенкранц», механического трубного и гильзового завода акционерного общества Барановского и ряда других предприятий (см. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1948, стр. 45, 51, 54—56, 72, 75, 78, 79, 102, 103, 117, 118; «Рабочий путь», № 461, 26 октября 1917 года).

²⁵ В сентябре и октябре 1917 г. перехода власти в руки Советов требовали: огнеметно-химический батальон; гвардии финляндский резервный полк; гвардии егерский резервный полк; гвардии 2-й стрелковый царскосельский резервный полк; гвардии гренадерский резервный полк; гвардии измайловский резервный полк; гвардии кексгольмский резервный полк; запасной батальон гвардии саперного полка; гвардии петроградский резервный полк; гвардии литовский резервный полк; 171-й пехотный запасной полк; 180-й пехотный запасной полк и другие (см. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1948, стр. 52, 65, 66, 80, 86, 106, 109, 111, 113, 118, 119, 121, 127).

²⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 163—165.

²⁷ Имеется в виду Партийный центр по подготовке и проведению вооруженного восстания.

²⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 165.

²⁹ «Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918 г.». М.-Л. 1929, стр. 124.

нами Партийного центра. Так, например, Я. М. Свердлову было поручено наблюдение за всей деятельностью Временного правительства, Ф. Э. Дзержинскому — за почтой и телеграфом, А. С. Бубнову — за железнодорожным транспортом³⁰.

После исторического заседания ЦК РСДРП(б), состоявшегося 16 октября, Каменев и Зиновьев встали на путь неслыханной измены. 18 октября они открыто выступили в меньшевистской газете «Новая жизнь», разгласив партийную тайну о подготовке вооруженного восстания. В ответ на это В. И. Ленин в тот же день написал свое знаменитое письмо «Членам партии большевиков», в котором со всей свойственной ему страстью разоблачил штрейкбрехеров революции.

20 октября ЦК РСДРП(б) обсудил письмо В. И. Ленина, принял решение о выводе Каменева из состава ЦК, запретив ему и Зиновьеву выступать с какими-либо заявлениями против Центрального Комитета и выработанной им линии. Одновременно ЦК запретил всем своим членам выступать против решений, принятых Центральным Комитетом.

Штрейкбрехерская вылазка Каменева и Зиновьева в критический момент революции была подлым ренегатством в отношении дела партии рабочего класса, предательством интересов пролетарской революции.

В разгар упорной борьбы за свержение Временного правительства В. И. Ленин находился на нелегальном положении, но и в подполье он неустанно руководил всей подготовкой к вооруженному восстанию. Ленин вызывал к себе на конспиративную квартиру членов ЦК РСДРП(б), представителей Военной большевистской организации и Военно-революционного комитета. Один из активных участников Великого Октября, А. С. Бубнов, так описывает встречу с Лениным: «Непосредственно перед переворотом я встречался с Владимиром Ильичем на Выборгской стороне, когда он уже вернулся из Финляндии. Ленин торопил с восстанием, с исключительным вниманием занимался вопросом о соотношении сил в тогдашнем Петрограде и технической подготовкой восстания»³¹. На конспиративную квартиру В. И. Ленина приходили руководящие работники ВРК: Подвойский, Невский, Антонов-Овсеенко и другие. В беседах с ними Ленин выяснял настроение рабочих, солдат и моряков Балтийского флота. Некоторые товарищи, посещавшие Ленина, пытались убедить его отложить день восстания. Ленин отверг все доводы, направленные на оттяжку вооруженного выступления, и заявил: «...промедление восстания приведет к тому, что правительство и его партии, несомненно осведомленные о восстании и готовые к нему, за время отсрочки подготовятся еще более. «Восстание перед съездом»³², — говорил Ленин, — является особенно важным, дабы этот съезд, каков бы он ни был, встал перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти и сразу же закрепил бы последний»³³.

Первое заседание ВРК состоялось 20 октября 1917 года. По утверждению некоторых авторов, на нем присутствовали В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин³⁴. Заседание приняло Устав ВРК, состоявший из 19 пунктов. Согласно этому Уставу, основная и ближайшая задача ВРК сводилась к сосредоточению в своих руках фактического управления петроградским гарнизоном. Ни одна воинская часть не могла быть выве-

³⁰ Там же, стр. 142—143.

³¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Л. 1956, стр. 17.

³² Речь идет о II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов.

³³ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1956, стр. 31—32.

³⁴ См. «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 77. К сожалению, первые протоколы ВРК не сохранились. На наш взгляд, участие В. И. Ленина в этом заседании маловероятно. Известно, что в это время В. И. Ленин находился на нелегальном положении и его появление на заседании ВРК, где присутствовали не только большевики, но и представители анархистов, левых эсеров, беспартийных, было очень рискованным. По воспоминаниям члена Партийного центра А. С. Бубнова, В. И. Ленин первый раз присутствовал на заседании ВРК 26 октября (см. «Победа вооруженного восстания в Петрограде». Л. 1956, стр. 17).

дена из Петрограда, в том числе и из казарм, без особого на то разрешения ВРК. Более того, Устав фактически лишал штаб Петроградского Военного округа всех оперативных прав в отношении гарнизона³⁵. На заседании был заслушан доклад организационного бюро о практических задачах ВРК по связи со столичными и пригородными воинскими частями, намечен ряд мер для предупреждения возможных эксцессов в связи с назначенным крестным ходом казаков, а также по охране Петрограда. Заседание приняло решение о посылке на места агитаторов, заслушало доклад о положении дел в Ставке. Было решено командировать комиссаров ВРК в строевые части гарнизона, некоторые учреждения и склады для наблюдения, руководства и организации надлежащих мер охраны³⁶. Это решение было важнейшим мероприятием ВРК в деле выполнения директивы ЦК РСДРП(б) о технической подготовке вооруженного восстания.

Начиная с 20 октября ВРК установил тесную связь с районными Советами, войсковыми частями гарнизона и районными комитетами партии большевиков. Было введено непрерывное дежурство членов ВРК. Ежедневно из районных Советов и войсковых комитетов в стол донесений ВРК представлялись доклады о настроении масс и о положении дел на местах.

В целях подготовки вооруженного восстания при районных Советах и крупных заводах создавались ВРК, которые работали под руководством большевистских организаций и Петроградского Военно-революционного комитета. Материалы информационных отчетов районных и заводских ВРК позволяют сделать вывод, что эти боевые организации готовили восстание на своих участках: несли охрану района, руководили красногвардейскими отрядами, проводили в жизнь директивы партии и распоряжения Петроградского ВРК³⁷.

Петроградскому Военно-революционному комитету удалось установить самый тесный контакт с районами и окрестностями Петрограда, с рабочими организациями, Красной Гвардией, а также с гарнизоном столицы и ее пригородов. Каждый полк направлял в ВРК членов своего комитета, которые присутствовали на всех заседаниях ВРК и были в курсе проводимых им мероприятий. Это давало возможность представителям воинских частей информировать свои полки по наиболее важным вопросам текущего момента³⁸.

Мероприятия Петроградского ВРК нашли полную поддержку рабочих и солдат. 21 октября состоялось экстренное собрание полковых комитетов частей Петроградского гарнизона, которое решительно высказалось за поддержку ВРК. В решении собрания говорится: «Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции»³⁹. Лишь незначительная часть гарнизона осталась на стороне Временного правительства (почти исключительно военные училища, батальоны ударников и казачьи полки).

О поддержке Петроградского ВРК заявили и моряки Балтийского флота. 24 октября исполнительный комитет Кронштадтского Совета при-

³⁵ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1956, стр. 32.

³⁶ «Рабочий путь», № 44, 24 октября 1917 года.

³⁷ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), ф. 43, д. 42, л. 384; Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС ЛО), ф. 101, оп. 1, д. 30, лл. 40, 43.

³⁸ Филиал Центрального государственного военно-исторического архива (ФЦГВИА), ф. 18, дд. 130, 340, 342; ф. 43, д. 14, лл. 6—8; Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 38, д. 85, л. 149; ф. 17, оп. 1, д. 351, л. 88.

³⁹ «Известия», № 204, 22 октября 1917 г.; «Рабочий путь», № 43, 22 октября 1917 года.

нял чрезвычайно важное решение о приведении в боевую готовность военных кораблей с тем, чтобы по первому сигналу ВРК можно было выступить против Временного правительства⁴⁰. В тот же день общее собрание Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих, Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, Центрального комитета Балтийского флота, исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов совместно с судовыми, полковыми и местными комитетами заявило, что «оно целиком стоит на точке зрения Петроградского Совета и Революционного комитета и поддержит его всеми средствами в этой борьбе за переход всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴¹.

Таким образом, Петроградский ВРК в лице столичного гарнизона и Балтийского флота приобрел мощный резерв вооруженных сил революции, а Временное правительство лишилось этих сил, что в известной мере предreshало исход грядущего восстания.

Опираясь на поддержку революционных масс, Петроградский ВРК в ночь на 22 октября назначил в каждую воинскую часть столицы и ее окрестностей своих комиссаров: Рудникова — в Финляндский полк, Ильина-Женевского — в Гренадерский, Медведева — в Измайловский, Коцюбинского — в Семеновский, Зайцева — в Егерский, Киселева — в автомобильную роту, Работенко — в Волынский полк и т. д.⁴².

В связи с назначением комиссаров ВРК опубликовал воззвание «К населению Петрограда», в котором говорилось: «К сведению рабочих, солдат и всех граждан Петрограда объявляем: В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции, нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению их уполномоченными нами комиссарами, которые, как представители Совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов. Советом приняты все меры к охранению революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений. Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков надлежит обращаться к комиссарам Военно-революционного комитета в близлежащую воинскую часть»⁴³.

Основная задача комиссаров сводилась к привлечению Петроградского гарнизона на сторону революции. Они должны были фактически сосредоточить в своих руках всю власть в воинских частях, подчинить их Военно-революционному комитету и обеспечить успех восстания. Выполнить эту в высшей степени важную и ответственную задачу комиссары могли только при всемерной поддержке большевистских организаций, которые имелись почти во всех полках гарнизона и насчитывали в своих рядах 5 800 человек⁴⁴. Комиссарам ВРК надлежало сразу же сместить комиссаров Временного правительства и обеспечить выполнение директив Военно-революционного комитета, воспрепятствовать исполнению контрреволюционных приказов штаба округа. Для этого необходимо было изолировать командный состав, а в случае сопротивления арестовать его. Комиссары ВРК должны были участвовать в расшифровке всех радиотелеграмм и обсуждать их содержание, им следовало о всех поступавших документах политического характера доводить до сведения Военно-революционного комитета. Комиссарам предоставлялось право отстранять от должности и назначать новых лиц на различные посты. Они могли аресто-

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 661, д. 7, л. 59.

⁴¹ Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. Р-353, д. 127, л. 139.

⁴² «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1956, стр. 34.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1948, стр. 124

вать как явных контрреволюционеров, так и лиц, нарушающих революционный порядок и дисциплину⁴⁵.

Однако основной задачей комиссаров ВРК были не карательные, а воспитательные функции. Комиссар являлся организатором масс в борьбе за проведение в жизнь всех директив большевистской партии и Военно-революционного комитета.

В целях оперативного руководства деятельностью комиссаров при ВРК было создано бюро комиссаров во главе с председателем Лацисом и секретарем Дрезеном. Направленным на места комиссарам вменялось в обязанность немедленно выслать в бюро доклады о настроении полков, в которых они находились. Такие доклады были получены ВРК 23 октября. Большинство комиссаров сообщало, что полки гарнизона прочно стоят на стороне Петроградского Совета. На собраниях солдат и заседаниях полковых комитетов, как это явствует из докладов комиссаров, принимались решения, в которых солдаты одобряли деятельность ВРК, требовали вооруженной силой вырвать власть у Временного правительства и передать ее Советам рабочих и солдатских депутатов.

Комиссар ВРК гвардии Финляндского полка докладывал, что собрание солдат поручило ему связаться с ВРК и получить инструкцию на случай выступления, что солдаты заявили о необходимости передачи всей власти в руки Советов и о своей полной солидарности с ВРК⁴⁶. Комиссар ВРК 9-го запасного кавалерийского полка сообщал, что полковой комитет и солдаты полка встретили его назначение с большим революционным энтузиазмом; на проведенном комиссаром собрании была принята резолюция о всемерной поддержке Советов; офицеры отнеслись к нему с недоверием, а некоторые даже враждебно и всячески мешали его работе; солдаты сами изолировали офицеров и делали все необходимое, чтобы претворить в жизнь указания комиссара. Назначенный комиссаром в Преображенский полк Чудновский докладывал, что преображенцы поддерживают Военно-революционный комитет в борьбе против Временного правительства; общее собрание полка поручило ему заявить от имени солдат протест против ложных сведений, распространяемых контрреволюционной прессой, будто бы штыки Преображенского полка будут верно служить Временному правительству⁴⁷.

Деятельность комиссаров иногда встречала сопротивление со стороны тех ротных и полковых комитетов, где было сильно еще влияние эсеров и меньшевиков, а также там, где давно не переизбирались солдатские организации. Однако, несмотря на эти препятствия, опираясь на большевистские организации и солдатские массы, комиссарам ВРК удавалось успешно проводить в жизнь директивы ЦК РСДРП(б), приказы и распоряжения Военно-революционного комитета. Так, например, в 176-м пехотном запасном полку, расположенном в Красном селе, полковой комитет был оборонческим, офицерство враждебно относилось к происходившим событиям, но в результате энергичной деятельности и большой работы, проведенной комиссаром, удалось все же повернуть полк на сторону революции⁴⁸. Значительные трудности пришлось преодолеть и комиссару ВРК 180-го пехотного запасного полка. По прибытии в полк он обнаружил, что солдатские организации там бездействовали. За активное участие в июльской демонстрации 180-й полк по приказу властей был расформирован; оружие у полка отобрали, пулеметные команды ликвидировали. Несмотря на эту тяжелую обстановку, комиссару удалось очень скоро поднять боевой дух солдат и добиться от ВРК получения ордера на 800 винтовок, которые были распределены по ротам. С приходом комиссара ожи-

⁴⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 1218, оп. 21, д. 5, л. 5.

⁴⁶ ЦГАОР и СС, ф. 1236, д. 16, лл. 213—214; д. 14, л. 153; «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 100.

⁴⁷ «Рабочий путь», № 45, 25 октября 1917 года.

⁴⁸ «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 109.

вилась работа полкового и ротных комитетов, настроение солдат изменилось. На очередном собрании полка солдаты высказались за поддержку Петроградского Совета в борьбе против Керенского ⁴⁹.

Посылкой комиссаров в воинские части, на оборонные склады, важнейшие предприятия Петрограда и его окрестностей большевистская партия и Военно-революционный комитет сделали решительный шаг к практическому началу вооруженного восстания, к открытому наступлению против сил контрреволюции.

Кадры комиссаров ВРК вербовались в первую очередь из Военной организации РСДРП(б), из партийного и советского актива Петрограда. Так, например, Выборгский районный комитет РСДРП(б) 21 октября направил письмо заводским коллективам большевиков, в котором просил партийные организации выделить из своей среды товарищей в Военно-революционный комитет в качестве комиссаров. В тот же день исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Выборгской стороны обязал заводской комитет Петроградского патронного завода выслать людей для посылки их комиссарами ВРК ⁵⁰. В тех частях, которые шли за Петроградским Советом и поддерживали большевиков, комиссары избирались солдатами из наиболее передовых товарищей, а затем утверждались Военно-революционным комитетом ⁵¹.

21 октября началась открытая борьба между Военно-революционным комитетом и штабом Петроградского военного округа. В этот день ВРК решил направить своих представителей в штаб для контроля над его действиями. Командующий округом Полковников отказался принять их. Тогда ВРК выделил в штаб военного округа своих комиссаров: Садовского, Лазимира и Мехоношина. Выделенным комиссарам были вручены мандаты, в которых указывалось, что все приказы командования должны скрепляться подписью одного из комиссаров: без их санкции приказы по округу недействительны. Полковников, принявший представителей ВРК, объявил им, что никаких комиссаров он не признает и в посторонней опеке не нуждается, что гарнизон находится в его руках и он сделает с ним то, что будет нужно для штаба округа, а решения Петроградского Совета для него не обязательны. На этом аудиенция окончилась. Комиссары ВРК прибыли в Смольный и доложили о результатах переговоров члену Партийного центра Я. М. Свердлову ⁵². В ночь на 22 октября было созвано экстренное заседание Военно-революционного комитета, на котором было официально сообщено об отказе штаба Военного округа подчиниться Петроградскому Совету и о разрыве всяких отношений Совета со штабом. Через несколько часов Петроградский Совет созвал в Смольном экстренное собрание представителей полковых комитетов, которое приняло решение, осуждавшее контрреволюционную политику штаба округа. В этом решении говорилось:

«...Революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов как своего руководящего органа. Несмотря на это штаб Петроградского военного округа в ночь на 22 октября не признал Военно-революционного комитета, отказавшись вести работу совместно с представителями солдатской секции Совета. Этим самым штаб порывает с революционным гарнизоном и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб становится прямым орудием контрреволюционных сил.

Военно-революционный комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба Петроградского военного округа.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ «Рабочий путь», № 45, 25 октября 1917 г.; ФЦГВИА, ф. 98, св. 69, л. 1106, л. 149; ГАОРСС ЛО, ф. 4592, св. 1, д. 2, л. 1.

⁵¹ ГАОРСС ЛО, ф. 4602, св. 2, д. 13, л. 184.

⁵² «Рабочий путь», № 44, 24 октября 1917 г.; «Октябрьский переворот». Пгтр. 1918, стр. 160; «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 87.

Солдаты Петрограда:

1. Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета.

2. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны»⁵³.

Решение собрания представителей полковых комитетов было немедленно передано по телефону во все части гарнизона. С этого момента Военно-революционный комитет перешел к решительному наступлению на штаб Петроградского военного округа. В штаб округа была послана специальная делегация в составе Дашкевича, Хохрякова, Плотникова, Марынкевича, Дроздова, которой поручалось объявить штабу о состоявшемся решении и удалиться. Делегацию принял помощник командующего округом Кузьмин в присутствии начальника штаба Петроградского военного округа генерала Багратуни.

Прибывшие делегаты объявили о своих полномочиях довести до сведения штаба округа, что отныне все приказания командования должны быть санкционированы Военно-революционным комитетом⁵⁴.

Фактическое управление гарнизоном перешло в руки Петроградского ВРК, а штаб округа обнаружил свое полное бессилие и вынужден был начать переговоры с ВРК о присылке комиссаров.

Борьба между силами революции и контрреволюции усиливалась. Не получив поддержки среди частей Петроградского гарнизона, Временное правительство пыталось подтянуть с фронта верные себе войска. По этому поводу Керенский в своих воспоминаниях писал: «Со своей стороны правительство готовилось к подавлению мятежа⁵⁵, но, не рассчитывая на окончательно деморализованный корниловским выступлением СПб (Санкт-Петербургский.— И. Д.) гарнизон, изыскивало другие средства воздействия. По моему приказу с фронта должны были в срочном порядке выслать в СПб войска, и первые эшелоны с Северного фронта должны были появиться в столице 24-го октября.

В то же время пол. Полковников... получил приказ разработать подробный план подавления мятежа, ему было предложено своевременно взять на учет и организовать все верные долгу части гарнизона»⁵⁶.

23 октября Керенский отдал распоряжение генералу Багратуни начать решительное наступление на Петроградский Военно-революционный комитет. Исходя из этого указания, Багратуни потребовал от ВРК отмены телефонограммы, переданной им 22 октября в полковые и ротные комитеты с требованием не исполнять без санкции комиссаров ВРК никаких приказов и распоряжений штаба округа. Приказ Полковникова строго запрещал солдатам гарнизона исполнять распоряжения Военно-революционного комитета. Они не имели права покидать казармы своей части; за всякое выступление, направленное против правительства, им грозила жестокая расправа. Штаб округа отдал приказ о немедленном отстранении всех комиссаров ВРК из частей гарнизона. Одновременно Временное правительство дало указание петроградскому прокурору Судебной палаты о возбуждении уголовного дела против руководителей ВРК и его комиссаров. Эсеро-меньшевистский ЦИК первого созыва одобрил все мероприятия Временного правительства, направленные против Военно-революционного комитета⁵⁷.

Создалась крайне напряженная обстановка. Центральный Комитет РСДРП(б) предпринимал все необходимое для начала успешного вооруженного восстания. 23 октября Военно-революционный комитет передал

⁵³ «Рабочий путь», № 44, 24 октября 1917 года.

⁵⁴ Ленинградский институт истории партии, ф. 1. кор. 6, д. 61, лл. 3—4. К. Рябинский. Революция 1917 г. Т. V. М.—Л. 1926, стр. 152.

⁵⁵ Под мятежом Керенский понимал подготовку большевиками вооруженного восстания.

⁵⁶ А. Ф. Керенский. Гатчина. М. 1922, стр. 2.

⁵⁷ Журнал «Большевик», 1937, № 19, стр. 77.

через радиостанцию крейсера «Аврора» указание всем Советам и солдатским комитетам, всем гарнизонам, охранявшим подступы к Петрограду, быть в полной боевой готовности и не допускать отправки контрреволюционных сил в Петроград. «Корниловские эшелоны, если таковые не подчинятся увещаниям, должны быть задержаны силой», — указывал ВРК. Согласно этому указанию, рабочие и солдаты задержали в Выборге 5-ю Кубанскую казачью дивизию, в Ревеле нейтрализовали полки 3-го конного корпуса, в Царском Селе задержали ударный батальон, в Петергофе обезоружили 1-ю Петергофскую школу прапорщиков⁵⁸.

Ленинский план вооруженного восстания отводил важное место захвату железных дорог. Поэтому Военно-революционный комитет решил установить строжайший контроль за деятельностью железнодорожного транспорта. С этой целью он направил на все вокзалы своих комиссаров, поручив им строго следить за въездом в Петроград и выездом из него и прежде всего следить за передвижением воинских частей. Комиссары должны были предотвратить возможность проникновения в столицу контрреволюционных войск, вызванных Керенским с фронта. ВРК предложил Советам и комитетам высылать навстречу эшелонам агитаторов для разъяснения солдатам контрреволюционной сущности Временного правительства. Агитаторы ВРК сыграли немаловажную роль в предотвращении удара контрреволюционных войск против питерских рабочих и солдат; им удалось распропагандировать 17-ю дивизию и задержать в Пскове посланные с Румынского фронта кавалерийские части⁵⁹.

В решительную минуту, когда революции угрожала опасность, когда Временное правительство готовилось перейти в наступление, по приказу ВРК все отряды Красной Гвардии перешли на казарменный положение и были приведены в боевую готовность. 24 октября ВРК обратился к населению Петрограда с призывом: «Граждане! Контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание. Одновременно погромщики могут пытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных погромных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задержать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в ближайшую войсковую часть. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину и стрельбу преступники будут стерты с лица земли.

Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции в твердых руках»⁶⁰.

Предупреждение ВРК было своевременным, так как 24 октября в 5 часов утра Временное правительство приступило к выполнению своего коварного плана, начав его осуществление с закрытия газет «Рабочий путь» и «Солдат»⁶¹.

Утром 24 октября в Смольном состоялось экстренное заседание ЦК РСДРП(б). Заслушав доклад председателя Военно-революционного комитета о ходе подготовки к вооруженному восстанию, ЦК постановил перейти к решительному наступлению против контрреволюционного правительства Керенского⁶². В связи с закрытием большевистских газет ЦК

⁵⁸ «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Т. I, стр. 421, 500.

⁵⁹ «Рабочий путь», № 45, 25 октября 1917 года.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ «Известия» ЦИК, № 208, 27 октября 1917 года.

⁶² «Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918 г.», стр. 141—143.

принял решение: «Немедленно же отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выпуском очередного номера газеты»⁶³. О состоявшемся решении Центрального Комитета большевистской партии Я. М. Свердлов сообщил Военно-революционному комитету, и последний немедленно постановил:

«1. типографии революционных газет открыть;

2. предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет;

3. почетная обязанность охранения революционных типографий от контрреволюционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го Саперного батальона»⁶⁴.

Одновременно ВРК обратился с воззванием к солдатам, рабочим и всем гражданам, сообщая о том, что враги народа ночью перешли в наступление, закрыли большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат», что штаб военного округа намеревается стянуть из окрестностей столицы все контрреволюционные силы, юнкеров и ударников. ВРК предупреждал солдат, рабочих и крестьян о том, что революция грозит большая опасность, и выражал полную уверенность в том, что враг будет разгромлен, так как силы революции значительно превосходят силы врага: «Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены. Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность»⁶⁵.

В 11 часов утра ВРК направил к типографии, где печатались «Рабочий путь» и «Солдат», специальный караул из бойцов 6-го саперного запасного батальона и Литовского полка. В 2 часа дня в типографию прибыл комиссар ВРК и предъявил комиссару Временного правительства ордер следующего содержания: «Две революционные газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты заговорщиками штаба. С. Р. и С. Д. не может потерпеть удушения свободного слова. За народом, отражающим атаку погромщиков, должна быть обеспечена честная печать. Военно-революционный комитет постановляет: типографию революционных газет открыть»⁶⁶. Попытка Временного правительства закрыть большевистские газеты не увенчалась успехом, они были открыты революционным путем, и в тот же день вышел очередной номер «Рабочего пути».

Борьба между силами революции и контрреволюции принимала все более острый и решительный характер. Под руководством ЦК РСДРП(б) все революционные организации завершали подготовку своих боевых сил для нанесения сокрушительного удара по контрреволюционному правительству Керенского.

24 октября состоялось заседание Петроградского комитета большевиков с участием активных работников Петроградской организации, обсуждившее вопрос о текущем моменте. Заседание приняло следующее решение: «Петербургский Комитет считает необходимой задачей всех сил революции — немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи ЦК считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции уменьшит шансы нашей победы»⁶⁷.

Вечером того же числа на заседании комитета РСДРП(б) Петроградского района рассматривались практические вопросы проведения восстания. Между участниками заседания были распределены обязанности по руководству вооруженной борьбой в районе, был выделен представитель в Смольный для связи с ПК и ЦК РСДРП(б)⁶⁸. Специальные партийные

⁶³ Там же.

⁶⁴ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1948, стр. 212—213.

⁶⁵ «Рабочий путь», № 45, 25 октября 1917 года.

⁶⁶ «Известия» ЦИК, № 208, 27 октября 1917 года.

⁶⁷ «Первый легальный ПК(б) в 1917 г.». М.-Л. 1929, стр. 325—326.

⁶⁸ «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Т. I, стр. 424.

собрания состоялись в Василеостровском, Нарвском и 1-м Городском районах столицы⁶⁹.

Таким образом, под руководством большевиков рабочий класс Петрограда самым тщательным образом готовился к решающей схватке со своими классовыми врагами.

Наступали решающие часы борьбы за власть Советов. 24 октября ВРК разослал по всем частям гарнизона предписание, в котором обязывал комиссаров и полковые комитеты привести войска в боевую готовность. Военно-революционный комитет указывал, что всякое промедление в исполнении предписания будет рассматриваться как измена революции⁷⁰. Он требовал от своих комиссаров и полковых комитетов арестовать тех офицеров, которые будут оказывать сопротивление и не признают революционной власти⁷¹.

Одновременно ВРК приказал главному штабу Красной Гвардии: выслать 1 500—2 000 красногвардейцев к Смольному и привести в боевую готовность районные штабы Красной Гвардии, обязав их немедленно занять важнейшие объекты, расположенные в их районах; организовать охрану оборонных заводов и складов; произвести мобилизацию всего транспорта; подготовиться к захвату важных правительственных учреждений. На основании приказа ВРК и штаба Красной Гвардии 24 октября красногвардейцы Путиловского завода выделили специальный караул по охране мостов и складов, взяли под наблюдение Николаевское кавалерийское юнкерское училище⁷². Выборгский районный штаб Красной Гвардии по всем углам улиц района расставил вооруженные посты красногвардейцев. Специальные патрули задерживали частные автомобили и отправляли их в штаб⁷³. Районный Совет Выборгской стороны установил контроль над почтой и телеграфом, проводил реквизицию всех видов перевозочных средств⁷⁴.

Работа во всех районных Советах, районных комитетах партии, в военно-революционных комитетах и штабах Красной Гвардии продолжалась круглые сутки. Весь день и ночь (с 24 на 25 октября) проходило усиленное вооружение рабочих в Нарвском, Обуховском, Московско-Заставском районах. Вооруженные рабочие направлялись в Петроградский Военно-революционный комитет для выполнения боевых заданий⁷⁵.

ВРК отдал распоряжение комитету Петропавловской крепости о приведении в боевую готовность гарнизона крепости. Было приказано выставить секреты и караулы, а в крепость и из крепости никого не пропускать, кроме частей и лиц с особым разрешением ВРК. Для политического руководства гарнизоном, располагавшимся в Петропавловской крепости, Военно-революционный комитет назначил комиссара Г. Благонравова. Последний по прибытии в крепость связался с руководителем большевистской ячейки Павловым и созвал экстренное собрание большевиков, на котором был обсужден вопрос о политическом состоянии гарнизона. В тот же вечер состоялось собрание гарнизона крепости. На собрании Павлов заявил солдатам: «Мы по первому призыву Военно-революционного комитета с оружием в руках выйдем на улицу и низложим правительство Керенского»⁷⁶. Это заявление было единодушно одобрено. Благонравов и комиссар арсенала Тер-Арутюнянц подвергли домашнему аресту начальника арсенала прапорщика Филиппова, коменданта крепости полковника Васильева и его адъютанта, стоявших на стороне Временного правительства.

⁶⁹ Там же, стр. 425.

⁷⁰ ЦГАОР и СС, ф. 1236, оп. 1, д. 3, л. 468.

⁷¹ Там же, д. 53, л. 6.

⁷² «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Т. I, стр. 424

⁷³ Там же, стр. 428.

⁷⁴ Там же, стр. 429.

⁷⁵ Там же, стр. 432—433.

⁷⁶ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1956, стр. 112.

Таким образом, сломив сопротивление начальствующего состава, большевики, опираясь на солдатские массы, завоевали крепость и привели ее в боевую готовность для борьбы против Временного правительства.

В тот же день Военно-революционным комитетом в Петроград были вызваны боевые суда и моряки Балтийского флота. В Кронштадт отправились два представителя для подготовки судов и отрядов. О всех мероприятиях была послана подробная докладная записка В. И. Ленину⁷⁷.

По приказу ВРК к Смольному со всех сторон стекались отборные красногвардейские отряды. Из них ВРК формировал сводные подразделения и направлял на выполнение отдельных заданий. Одни шли занимать военные училища, другие — вокзалы, третьи — продовольственные склады и прочие важные объекты. В Военно-революционном комитете непрерывно проходили заседания, где решались важнейшие вопросы, связанные с обеспечением победоносного восстания: о снабжении восставших продовольствием, транспортом, вооружением, боеприпасами. Сплошным потоком шли в ВРК представители от воинских частей, Балтийского флота, штабов Красной Гвардии, фабрично-заводских комитетов, районных Советов и других организаций.

Начиная вооруженную борьбу, Военно-революционный комитет, руководимый ЦК РСДРП(б) и Партийным центром, твердо помнил марксистско-ленинские указания: не играть с восстанием, а, начиная его, твердо и непоколебимо идти до конца. Он стремился создать значительный перевес сил в решающем месте и, начав восстание, наступать на врагов революции, захватывать противника врасплох, добиваться ежедневно новых, хотя бы и небольших, успехов, удерживать моральный перевес над врагом⁷⁸.

В результате решительного наступления революционных сил контрреволюционные войска очень скоро оказались деморализованными. Военно-революционный комитет становился хозяином положения в столице. К 7 часам вечера 24 октября отряды Красной Гвардии и революционные войска гарнизона заняли все мосты, за исключением Николаевского, находившегося в руках юнкеров. ВРК приказал комиссару крейсера «Аврора» А. Белышеву восстановить всеми имеющимися в его распоряжении средствами движение по Николаевскому мосту и таким образом вырвать из рук контрреволюции последнюю переправу через Неву. В три часа тридцать минут утра крейсер подошел к Николаевскому мосту. Заметив его приближение, юнкера, охранявшие Николаевский мост, в панике разбежались.

24 октября около 8 часов вечера Военно-революционный комитет телеграфировал в Гельсингфорс: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав. Антонов-Овсеенко»⁷⁹. Это был шифр, который означал директиву о немедленном направлении боевых кораблей и моряков на помощь столице. Приказ о направлении моряков в распоряжение ВРК был послан и Кронштадтскому Совету. Исполнительный комитет Кронштадтского Совета срочно созвал заседание, которое приняло решение о поддержке ВРК. Совет обязал все воинские части Кронштадта быть в полной боевой готовности и выделил специальных комиссаров на военные корабли. Для практического руководства революционными силами Совет сформировал штаб из пяти человек, направив одного из них (И. Флеровского) в Петроградский ВРК представителем революционных сил Кронштадта. 24 октября в Гельсингфорсе состоялось расширенное заседание Центробалта в присутствии представителей судовых комитетов линейных кораблей, где было

⁷⁷ «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Т. I, стр. 416.

⁷⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 151—152.

⁷⁹ Историкам до сих пор не удалось обнаружить этой телеграммы. Текст телеграммы приводится по многочисленным воспоминаниям участников Октябрьских событий.

принято решение о немедленном выступлении боевых кораблей на защиту революции⁸⁰.

Несмотря на успешный ход вооруженного восстания, В. И. Ленин считал, что необходимо еще более усилить наступление на врага. Он торопил со взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Поздно ночью В. И. Ленин прибыл в Смольный. Он немедленно связался с ЦК РСДРП(б) и Военно-революционным комитетом и, получив от них подробную информацию, взял все руководство вооруженным восстанием в свои руки. По свидетельству члена Партийного центра А. Бубнова, «в ночь на 25 октября весь Центральный Комитет, Ильич в том числе, ночевал в комнате № 14 в Смольном на полу и на стульях. Ильич очень торопил со взятием Зимнего и основательно нажимал на всех и каждого, когда не было сообщений о ходе наступления»⁸¹.

Осуществляя ленинский план вооруженного восстания, революционные войска наносили решительные и молниеносные удары по врагу. 24-го и в ночь на 25 октября матросы, солдаты и красногвардейцы заняли Петроградское телеграфное агентство, почтамт, телефонную станцию. Создалась возможность использовать средства связи в интересах революции.

Проводя решительное наступление на силы контрреволюции, Военно-революционный комитет приказал комиссару и полковому комитету 2-го пулеметного полка к 24 часам занять станции Стрельна, Сергиевскую Пустынь, Лигово; не пропускать юнкеров из Петергофской и Ораниенбаумской военных школ в Петроград; взять под свой контроль телефон, телеграф и почту; установить охрану шоссеиных дорог на подступах к Петрограду⁸².

По приказу ВРК матросы и красногвардейцы Выборгского и Василеостровского районов, Сестрорецкого, Металлического, Трубочного заводов и завода «Розенкранц» блокировали Николаевское, Михайловское, Владимирское и Константиновское юнкерские училища. Юнкера этих училищ были обезоружены и не смогли выступить на помощь Временному правительству⁸³.

25 октября в 10 часов утра Военно-революционный комитет выпустил воззвание «К гражданам России». Воззвание было написано В. И. Лениным. Оно официально вознаило о переходе власти к ВРК и провозглашало программу новой власти.

В тот же день ВРК разослал всем армейским комитетам действующей армии, всем Советам солдатских депутатов сообщение о том, что «...Петроградский Совет Р. и С. Д. торжественно приветствовал совершившийся переворот и признал впредь до создания правительства Советов власть Военно-революционного комитета»⁸⁴.

Петроградский Военно-революционный комитет превратился во временный центральный орган государственной власти всей страны.

В первый же день победы восстания Военно-революционный комитет передал по телеграфу воззвание «К фронту и тылу». В этом документе говорилось: «В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили без всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено. Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокации и поддерживать Петроградский Совет и новую революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовёт Учредительное

⁸⁰ «Пролетарская революция». 1922, № 10, стр. 136–137.

⁸¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1956, стр. 17.

⁸² «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1948, стр. 231.

⁸³ «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Т. I, стр. 448.

⁸⁴ «Рабочий путь», № 46, 26 октября 1917 года.

собрание. Власть на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁸⁵.

Днем 25 октября по решению ЦК РСДРП(б) был создан полевой штаб Военно-революционного комитета, который находился в Петропавловской крепости и руководил подготовкой и проведением штурма Зимнего дворца⁸⁶. Штаб Военно-революционного комитета решил: после выяснения готовности революционных войск к штурму на Петропавловской крепости будет вывешен красный фонарь — сигнал, извещающий, что крепость готова к бою; затем «Аврора» откроет артиллерийский огонь (сначала в воздух); в случае отказа Временного правительства от капитуляции Петропавловская крепость начнет обстрел боевыми снарядами; если после этого Временное правительство будет упорствовать, то крейсер «Аврора» откроет боевой огонь по Зимнему дворцу⁸⁷. Штурм Зимнего дворца предполагалось начать в 9 часов вечера⁸⁸.

Военно-революционный комитет поручил руководство боевыми операциями трем своим членам — Подвойскому, Антонову-Овсеенко и Чудновскому⁸⁹. На совещании полевого штаба было принято решение послать в Зимний дворец парламентариев и потребовать от Временного правительства капитуляции, а министрам и защитникам Зимнего предложить в течение 20 минут сдатьсь. Ультиматум подписали Антонов-Овсеенко и комиссар Петропавловской крепости Благонравов⁹⁰.

В шесть с половиной часов вечера два самокатчика прибыли в качестве парламентариев в штаб округа. Они заявили, что если Временное правительство не сдастся, то по зданиям штаба и Зимнего дворца будет открыт огонь из орудий крепости и с военных судов, стоящих против Николаевского моста. В штабе округа в это время находились «уполномоченные по водворению порядка в Петрограде» Кишкин, его помощники Ругенберг и Пальчинский, генерал-майор Багратуни, генерал-квартирмейстер штаба Породелов, помощник начальника политического управления Толстой. Совещание, проходившее в штабе округа, не приняло каких-либо решений, и несколько его участников направилось на совещание к министрам Временного правительства. Находившиеся в штабе попросили у Военно-революционного комитета обождать 10 минут, пока Породелов получит из Зимнего дворца определенный ответ. Время, отведенное ультиматумом, и дополнительные 10 минут истекли, а ответа из Зимнего дворца все еще не поступало. В 7 часов 40 минут войска Военно-революционного комитета заняли штаб военного округа.

Решительное наступление революционных войск вызвало полнейшую растерянность в стане врагов. Багратуни заявил министрам Временного правительства, что он отказывается от исполнения своих обязанностей. Ему предложили покинуть Зимний дворец. При выходе Багратуни был арестован революционными войсками⁹¹, все теснее сжимавшими кольцо вокруг Зимнего дворца.

Военно-революционный комитет снова послал в осажденный дворец группу парламентариев во главе с Чудновским и повторил свои требования. По приказу Пальчинского парламентарии были арестованы. Однако часть юнкеров, мало верившая в успешный исход борьбы Временного правительства, настояла на их освобождении. Парламентарии вместе с юнкерами, отказавшимися защищать блокированных министров, покинули Зимний дворец. К этому времени дворец был окружен многочисленными силами пехоты, отрядами Красной Гвардии, моряками Балтийского флота

⁸⁵ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1948, стр. 249.

⁸⁶ «Большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Т. I, стр. 438—439.

⁸⁷ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1956, стр. 121.

⁸⁸ Там же, стр. 118.

⁸⁹ Там же, стр. 40.

⁹⁰ Там же, стр. 41, 121.

⁹¹ «Известия» ЦИК, № 207, 26 октября 1917 года.

и броневиками; жерла пушек Петропавловской крепости и стоявших на Неве боевых кораблей Балтики были наведены на него.

В. И. Ленин торопил руководство ВРК, требуя немедленно штурмовать Зимний. Революционные войска в полной боевой готовности ожидали сигнала к штурму. Но сигнала не было. «Непредвиденное и мелкое обстоятельство,— писал комиссар Петропавловской крепости Благодиров,— нарушило наш план: не оказалось фонаря для сигнала. После долгих поисков таковой нашли, но водрузить его на мачту так, чтобы он был хорошо виден, представило большие трудности,— и Трегубович, который за это дело взялся, страшно нервничал из-за неоднократных неудач»⁹².

В 9 часов вечера с Петропавловской крепости и крейсера «Аврора» было сделано несколько холостых орудийных выстрелов⁹³. Эти выстрелы явились сигналом для революционных войск и Красной Гвардии, расположившихся на площади перед дворцом. Охранявшие дворец женский ударный батальон и несколько рот юнкеров, в свою очередь, открыли по осаждавшим пулеметный и ружейный огонь. Завязалась сильная перестрелка. Около 11 часов вечера отряд матросов занял половину Зимнего дворца. В 2 часа 10 минут ночи 26 октября Зимний пал. Министры Временного правительства были арестованы представителями Военно-революционного комитета. Так был осуществлен на редкость бескровный революционный переворот в столице, положивший начало социалистической революции в нашей стране. Колоссальная роль, выполненная Военно-революционным комитетом в подготовке и проведении вооруженного восстания, объясняется тем, что в основу его деятельности были положены ленинские указания о восстании и что руководство работой ВРК возглавил Центральный Комитет большевиков во главе с великим Лениным. Практическим исполнением директив ленинского ЦК РСДРП(б) руководил Партийный центр, состоявший из верных сынов Коммунистической партии.

В 3 часа 10 минут той же знаменательной ночи возобновил свою работу II Всероссийский съезд Советов, открывшийся 25 октября в 22 часа 45 минут. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, проявленную наиболее ярко в победоносном вооруженном восстании петроградского пролетариата, съезд взял власть в свои руки и постановил, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Новым органам власти на местах поручалось обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд принял декреты о мире, о земле, об организации Советской власти, избрал первое Советское правительство — Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным. Социалистическая революция стала триумфальным маршем распространяться по всей стране.

⁹² «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». 1956, стр. 121—122.

⁹³ О сигналах к штурму и о времени первых орудийных выстрелов участники событий рассказывают различно (см. там же, стр. 20, 41—43, 121—122, 198, 203, 243).

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ШВЕЙЦАРИИ в 1917—1918 годах

М. Я. Домнич

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась не только грандиозным переворотом для России, но и переломной вехой всемирной истории. Она вдохнула новые силы в рабочее движение капиталистических стран, зажгла в сердцах народов веру в лучшее будущее. Все, что связано с общественным прогрессом после ноября 1917 г., неизменно отмечено влиянием советского народа. Рабочий класс зарубежных стран не только восторженно приветствовал Советскую власть, но и сам пришел в движение. За выражением чувств солидарности последовали всеобщие политические стачки и классовые бои. «Русская революция бросила искры во все страны мира», — говорил В. И. Ленин¹.

Проблема воздействия Октябрьской революции на международное рабочее и демократическое движение остается одной из важнейших в марксистской историографии. Она тем более заслуживает нашего внимания, что буржуазная литература старательно ее обходит, а правые лидеры социал-демократии сводят ее лишь к откликам в той или иной стране на победу большевизма. Между тем речь идет о глубоком влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на все мировое рабочее движение, которое она вооружила новыми методами классовой борьбы. Прогрессивное значение этого влияния отражено в истории борьбы рабочего класса больших и малых стран за свои права, в его социальных и демократических завоеваниях, наконец, в усилении его революционных позиций с возникновением коммунистических партий. В этом можно убедиться и на примере такого малого государства, как Швейцария. В докладе на I конгрессе Коминтерна швейцарский коммунист Ф. Платтен говорил: «Швейцария маленькая страна со скромным движением. Представитель ее не в состоянии дать такой обширный отчет о борьбе, как докладчики других стран, хотя мы и можем заявить, что пытались сделать все, чего требовала от нас солидарность с русскими товарищами»².

Швейцария до конца первой мировой войны оставалась нейтральным государством, но ее народ подвергся испытаниям, связанным с мобилизацией 300 тыс. мужчин в армию, с непомерным ростом военных расходов. Нейтралитет не помешал швейцарской буржуазии высказывать свои симпатии воюющим державам (в немецкой части страны — Тройственному союзу, в романской — Антанте) и наживаться на военных поставках. Война привела к «неслыханному, скандальному обогащению кучки богатых и к невероятной нужде масс»³. Дивиденды акционеров достигали 24—25 %, а в иных компаниях — 100 %. Народ же страдал от нехватки

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 35.

² Ф. Платтен. Доклад на I съезде Коммунистического Интернационала. Журнал «Коммунистический Интернационал», 1919, № 3, стр. 387.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 128.

припасов, дороговизны. Стоимость жизни за три года возросла вдвое. На почве недоедания населения увеличилась смертность⁴.

Рабочий класс, численность которого достигла полумиллиона, всего более ощущал тяжесть положения. Оказывая сопротивление наступлению на свой жизненный уровень, пролетарии уже в 1916 г. бастовали на 4 366 предприятиях, то есть почти на половине всех предприятий страны⁵. Росла и организованность рабочих: в довоенные годы в Швейцарии было 60—70 тыс. членов профсоюзов, а в 1917 г. — более 150 тысяч⁶.

Характер и масштабы революционного движения определялись специфическими условиями Швейцарии. В рабочем классе были весьма живучи демократические иллюзии. Ведь с 1848 г. и в годы войны школа, церковь, печать упорно твердили, что эта маленькая страна — «убежище свободы» и «образец братства». Демократические иллюзии и длительное преобладание полуремесленного производства были питательной средой и для насквозь буржуазного грютлианского союза⁷, и для чиновников из аппарата профсоюзов и социалистической партии, и для депутатов-социалистов, занимавших теплые местечки национальных советников. Пролетарское движение тормозилось также чрезмерным автономизмом местных организаций и отсутствием единого языка.

Руководство швейцарской социалистической партии, как и правооппортунистические лидеры других партий II Интернационала, предало интересы социализма и интернационализма, объявив в начале войны «гражданский мир», голосуя за военные кредиты. В то же время война содействовала революционизированию рабочего класса. Это объяснялось прежде всего индустриализацией страны и концентрацией рабочих на крупных предприятиях, особенно Цюриха и Базеля. Война обострила социальные противоречия и обнажила эксплуататорскую сущность правительства. Наконец, рабочие не понесли людских потерь на войне и могли организовать свои силы.

Чрезвычайно важную роль в развитии рабочего движения Швейцарии сыграла деятельность В. И. Ленина и большевиков. В новейшем исследовании швейцарского историка Хайнца Эггера специальная глава посвящена роли Ленина в формировании кадров, составивших впоследствии ядро Коммунистической партии⁸. Ленин придавал немалое значение работе в швейцарской социалистической партии потому, что она стала «главнейшей представительницей циммервальдского движения»⁹. Он боролся за сплочение революционных и интернационалистических элементов в партии и среди молодежи. С этими товарищами Ленин, по его словам, работал рука об руку, как с единомышленниками¹⁰. Известно его выступление на цюрихском съезде этой партии, его участие в организации «Eintracht»¹¹ и сотрудничество в органе молодежи «Freie Jugend»¹². Многие эмигранты-большевики работали на швейцарских предприятиях в качестве рабочих и вели там революционную пропаганду. В. И. Ленин писал С. Н. Равич в 1917 г.: «...не стоит и впадать в пессимизм: момент важный, и если даже мы немного поможем (пара листов и т. п.), и то кое-что. И то не пропадет совсем бесследно»¹³.

Затянувшаяся война и революционный кризис в России, начавшийся

⁴ См. H. Egger. Die Entstehung der Kommunistischen Partei der Schweiz. Zürich. 1952, S. 90; газета «La Sentinelle», 21 августа, 13 октября 1917 г. и 31 декабря 1918 года.

⁵ Газета «Volksrecht», 15 декабря 1917 года.

⁶ См. И. Юзефович. Интернационал профессиональных союзов. М. 1921, стр. 9; журнал «Revue syndicale suisse», 1918, № 7 (Juillet).

⁷ Мелкобуржуазная социалистическая организация, основанная в 1838 году.

⁸ H. Egger. Указ. соч., стр. 77.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 213.

¹⁰ См. там же, стр. 358.

¹¹ См. журнал «Пролетарская революция», 1924, № 4 (27).

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 358.

¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIX. Изд. 3-е, стр. 288.

с Февральской революции, усилили наступательный дух рабочих. Однако настоящий подъем рабочего движения, массовые политические действия, ранее невиданные в Швейцарии, наступили лишь под влиянием Великого Октября, как отзвук на победоносную русскую революцию.

Правящие круги Швейцарии, как и всех капиталистических стран, с момента завоевания власти русским пролетариатом почувствовали себя на вулкане. Буржуазная пресса немедленно выступила в поход против большевизма. Самый солидный орган, «*Neue Zürcher Zeitung*», отражавший интересы буржуазии, связанной многими нитями с Германией, первоначально информировал читателей о победе «коммуны в русской столице», о единодушии, с каким «солдаты и рабочие поднялись и победили без кровопролития»¹⁴. Но уже вскоре газета открыла ураганный огонь по «диктатуре Ленина», осуществившей «насилие против собственности»¹⁵. Буржуазия романской Швейцарии гнусно «обвиняла» Ленина в шпионаже в пользу Германии. В Женеве шовинистические банды избивали русских эмигрантов¹⁶. Некий профессор Россье иронизировал над неграмотными русскими рабочими и мужиками, которые «устремились основать идеальную республику»¹⁷. Вся буржуазная пропаганда неистовствовала по поводу «большевистских планов революционизирования всех стран»¹⁸. Правительства всех капиталистических стран с тревогой думали тогда о том, «как бы... изолировать великую русскую революцию»¹⁹. Среди них было и швейцарское правительство.

Известие об октябрьском перевороте, по словам активного деятеля молодежного социалистического движения Герцога, «сильно взволновало швейцарский пролетариат»²⁰. Заседавший в те дни конгресс союза металлистов прервал работу, чтобы заявить о своих симпатиях Октябрьской революции и выразить надежду, что «действия русского пролетариата ускорят наступление мира». В листке, изданном газетой «*Forderung*», рабочие призывались следовать примеру русских товарищей. «*La Nouvelle Internationale*» вышла с аншлагом «Да здравствует русская революция!». От имени интернационалистов-социалистов Женевы она посылала «мужественным большевикам... свидетельство своего великого восхищения» и призывала трудящихся «оказать поддержку борцам русской революции», дабы, следуя их примеру, «освободить себя от ига национализма и капитализма». В следующем номере был помещен портрет Ленина, «лидера большевиков, замечательного теоретика... неутомимого человека действия», которому «международный социализм, новый Интернационал и рабочий класс всех стран столь многим обязаны». Русскую революцию называли «самой славной страницей истории». Доказывали, что только Россия на деле защищает массы, ибо она «раздает народу землю и жаждет мира». «Миллионы пролетарских сердец, — писал орган металлистов, — наполнились надеждой и мужеством при известии о том, что удалось сокрушить террористический режим и открыть путь свободе»²¹. Движение солидарности охватило значительные слои пролетариата, главным образом индустриальных центров. Редактор «*Volksrecht*» Нобс указывал, что Октябрьская революция не является повторением ни французской, ни

¹⁴ Газета «*Neue Zürcher Zeitung*» №№ 2111, 2119, 9 и 10 ноября 1917 года. Это было отражением недалекновидных расчетов германофильской прессы на возможность использования русской революции в интересах победы Германии.

¹⁵ «*Neue Zürcher Zeitung*» № 30, 7 января 1918 года.

¹⁶ «*La Sentinelle*», 12 ноября 1917 года.

¹⁷ Газета «*Tribune de Lausanne*». Цит. по газете «*La Feuille*», 4 декабря 1917 года.

¹⁸ «*Neue Zürcher Zeitung*» № 157, 1 февраля 1918 года.

¹⁹ «Правда», 6 января 1918 года.

²⁰ Я. Герцог. Развитие и современное положение швейцарской Коммунистической партии. «Коммунистический Интернационал», 1920, № 11, стр. 1841.

²¹ См. там же, стр. 1841; «*Schweizerische Metallarbeiter Zeitung*», 17 ноября, 29 декабря 1917 г.; журнал «*La Nouvelle Internationale*», 1917, № 8; «*Journal du Peuple*». Цит. по «*La Nation*», 12—18 ноября 1917 года.

первой русской революции, что она принципиально отличается и от Февральской революции 1917 г., поскольку тогда речь шла о свержении власти «прогнившего царизма», а теперь — «режима русской буржуазии и ее социал-империалистических приспешников». Этим, по его мнению, объясняется, что европейская буржуазия, в марте ликовавшая по поводу победы над царизмом, в ноябре распространяла ложь и клевету о победившей социалистической революции²².

Что касается официального руководства социалистической партии, то оно в первые дни проявило сдержанность. Симптоматично, что центральный орган партии, «*Berner Tagwacht*», сообщил об октябрьском перевороте на третьей странице в краткой телеграмме под заголовком «Новое правительство в России». Здесь сообщалось, что день 7 ноября принес... «некоторые изменения в общем положении Петербурга». Правда, на следующий день газета писала о «победе демократии» над «обанкротившимся социал-патриотизмом», но оценивала победу исключительно как шаг на пути к миру²³. Это была форма замалчивания социального содержания переворота и его всемирно-исторического значения. Только по настоянию секретаря партии, лидера левого крыла Ф. Платтена 12 ноября было выпущено обращение социалистической партии. В нем говорилось, что большевики, завладев политической властью, провозгласили «диктатуру пролетариата» и мир. Авторы обращения, несомненно, учитывали настроения рабочих, когда писали, что требования мира без аннексий и контрибуций надо поддерживать «митингами, демонстрациями, забастовками и революционным движением», что подобные действия приведут не только к прекращению войны, но и положат начало «новому строю». Местные организации партии призывались устраивать митинги в пользу демократического мира, ибо бездействовать — «значит изменять не только русской революции, но и нашему делу»²⁴.

Впрочем, с практическими действиями ни партия, ни профсоюзы не спешили. Более того, когда группа цюрихских рабочих обратилась в свой союз с просьбой созвать собрание рабочих, то лидеры союза постарались его отложить²⁵. Тогда пролетариат Цюриха через голову профсоюзных чиновников первым в Западной Европе продемонстрировал свою боевую солидарность с социалистической революцией в России. Об этом замечательном событии «*Правда*» писала: «Октябрьская революция вызвала на улицу и швейцарский пролетариат. Нет сомнения, что искры русского пожара перенесутся и в другие страны»²⁶.

Цюрих, важнейший индустриальный центр страны, представлял собой очаг революционного брожения. Победа большевиков повысила революционные настроения рабочих, «пробудила в них веру в собственные революционные силы»²⁷. Когда пацифисты созвали 15 ноября в Народном доме митинг в ознаменование русской революции, зал не мог вместить всех собравшихся. Собрание состоялось на площади Гельвеция. Пацифистские лидеры Датвиллер и Ротер призывали рабочих поддерживать усилия русских товарищей закрытием военных заводов. После митинга рабочие с лозунгом «Нет больше снарядов для воюющих держав!»²⁸, с пением «Интернационала» направились к двум заводам боеприпасов и вопреки противодействию полиции вынудили закрыть их.

Окрыленные успехом, рабочие на следующий день вновь собрались на площади Гельвеция. Неожиданно в толпу ворвалась полиция и стала избивать участников митинга. Датвиллера и Герцога избили и арестова-

²² «*Volksrecht*», 10 ноября 1917 года.

²³ «*Berner Tagwacht*», 9 ноября 1917 года.

²⁴ «*Volksrecht*», 13 ноября 1917 года.

²⁵ Я. Герцог. Указ. соч., стр. 1841.

²⁶ «*Правда*», 27 ноября 1917 года.

²⁷ «*Flugblatt der internationalen Verbindung sozialistischer Jugendorganisationen*».

Zürich. 8. März. 1918.

²⁸ Я. Герцог. Указ. соч., стр. 1841.

ли. Тогда рабочие бросились на полицейских, а затем двинулись к полицейскому участку на Баденштрассе с целью освободить товарищей. Произошла новая стычка с полицией. Столкновение закончилось поздно вечером, с обеих сторон имелись раненые, 27 человек были брошены в тюрьму²⁹.

Как и можно было ожидать, руководство социалистической партии и профсоюза осталось в стороне. Юношеская организация также официально не участвовала в митинге³⁰. Только революционная группа «Фордерунг» (Герцог, Вайбель, супруги Аклин и др.) включилась в движение. В буржуазной прессе, да и в социалистических кругах эту группу считали анархистской³¹, потому что она не проявляла пиетета к парламентаризму. Однако в действительности для подобного заключения о характере всей группы «Фордерунг», из рядов которой вышли многие первые коммунисты Швейцарии, не было оснований³².

Цюрихские правые социалисты вмешались в события лишь 17 ноября. Они назначили митинг протеста против полицейского произвола на... 19 ноября. Рабочие же, среди которых царил понятное возбуждение, решили иначе. Они организовали Комитет действия, усилиями которого собрание протеста было созвано в тот же вечер, то есть 17-го. Состав Комитета не установлен, но известно участие в нем членов группы «Фордерунг»³³. Движение начинало ускользать из-под руководства не только правых лидеров социалистической партии, но и пацифистов.

Вечером на площади Цюриха собралось несколько тысяч человек. Присутствовали руководители молодежи во главе с секретарем ЦК Союза молодежи Вилли Мюнценбергом, которые выступили с антивоенными речами. Затем было устроено шествие мимо редакции «*Neue Zürcher Zeitung*», которая накануне требовала «обезвредить» студенчество³⁴. После этого демонстранты направились к 4-му округу, где находились арестованные. Сначала полиция не появлялась, но лишь только подавляющая масса отхлынула от здания участка, она ринулась на оставшихся с саблями наголо. На Баденштрассе началось сражение. По словам очевидца (Мюнценберга), рабочие дрались самозабвенно: они построили баррикаду из балок, досок и повозок. На полицию посыпался град камней, и, хотя она открыла револьверный огонь, поле боя осталось за рабочими. В нарушение конституции, без санкции союзных властей, были вызваны воинские части (61, 62 и 63-й батальоны, школа военных рекрутов). Впервые в Швейцарии в народ стреляли из пулеметов. Но рабочие стояли перед пулеметами, «готовые скорее умереть, чем покинуть площадь»³⁵. Они звали солдат обратить оружие против офицеров. Борьба была неравной, и все же только к трем часам утра армия овладела баррикадой. Рабочие понесли немалые потери: трое убитых, 100 раненых, из них 28 тяжело³⁶. Утром в городе было объявлено военное положение. Восставший Цюрих был окружен войсками³⁷.

События в Цюрихе «потрясли рабочие массы»³⁸, а в среде буржуазии породили страх. Только неделя миновала после победы Великой Октябрьской социалистической революции, а в центре Европы, в одной из самых консервативных ее стран, рабочие сражались на баррикадах. Впрочем, уже тогда боясь признать, что на Западе подготовлена почва для восприятия идей большевизма, буржуазная пропаганда направила обще-

²⁹ «*Volksrecht*», 17 ноября 1917 г.; Н. Egger. Указ. соч., стр. 114.

³⁰ Газета «*Freie Jugend*» № 25, 3 декабря 1917 года.

³¹ Н. Egger. Указ. соч., стр. 112.

³² Я. Герцог. Указ. соч.

³³ Н. Egger. Указ. соч., стр. 115.

³⁴ «*Neue Zürcher Zeitung*» № 2161, 16 ноября 1917 года.

³⁵ Н. Egger. Указ. соч., стр. 116; «*La Sentinelle*», 19 ноября 1917 года.

³⁶ Н. Egger. Указ. соч., стр. 116—117; «*Volksrecht*», 19 ноября 1917 года.

³⁷ «*Правда*», 1 декабря 1917 года.

³⁸ «*La Nouvelle Internationale*», 1917, № 8.

ственное мнение на ложный след «нежелательных иностранцев» и даже... агентов центральных держав. Слухи о последних нарочито муссировались, чтобы создать повод для интервенции Антанты³⁹.

Между тем подлинные причины движения 15—17 ноября коренились в нужде, царившей в рабочих кварталах, в ненависти трудящихся к правительству — покорному слуге буржуазии. По существу это была «антивоенная акция» пролетариев, отчаявшихся в возможности добиться мира каким-либо иным путем. Как подчеркивала «Правда», пролетариат нейтральных стран выталкивался нуждой на улицу для борьбы за мир. Настроение рабочих было боевым. Когда им говорили: «Остановитесь! Вы же идете против пулеметов!» они отвечали: «Не беда, уж лучше умереть!»⁴⁰.

Выход рабочих на улицу и сражение с армией стали возможны только под влиянием Октября. «Большевистская программа мира,— писала «Freie Jugend»,— точно огненная стрела пронеслась над миром и охватила также швейцарскую рабочую массу, дав новую пищу ее мирным устремлениям»⁴¹. «Русский пример» сказался в цюрихском выступлении, а оно, в свою очередь, служило первым симптомом высвобождения передовых рабочих Швейцарии из-под влияния реформизма. Права были те, кто утверждал, что недовольство рабочих было направлено и «против собственных руководящих организаций, которые ничего не сделали для трудящихся и неимущих классов», что рабочие искали «новых средств борьбы» против правительства и капиталистов, так как прежние «оказались непригодными»⁴². В этом суть ноябрьских событий. Они показали наличие в рабочем классе Швейцарии революционной энергии, которая вырвалась наружу вопреки противодействию официального социал-демократического руководства.

Это обстоятельство особенно беспокоило правоцентристских лидеров, которые не скрывали своего враждебного отношения к баррикадным борцам. Против них ополчились чиновники и «большая пресса» социалистической партии. Лицемерно осуждая полицейский произвол и сожалея о жертвах, они требовали от рабочих не поддаваться призывам «отдельных безответственных лиц», а всецело довериться «соответствующим организациям»⁴³. Рабочий союз Ольтена, протестуя против грубого и провокаторского поведения полиции, осудил «в равной мере (подчеркнуто нами.— М. Д.)... дикие акции неорганизованной и недисциплинированной массы». Даже «Volksrecht», обычно занимавшая левые позиции, отвергала уличные выступления масс, так как эти действия якобы не в состоянии вызвать революционный подъем⁴⁴. Однако в действительности события в Цюрихе явились отправной точкой мощного рабочего движения.

Правительство решило обуздать движение рабочих. В этом намерении его поддерживала буржуазная пропаганда, которая требовала, чтобы репрессии были «полными и сильными», чтобы были обезврежены подстрекатели, «родные братья петроградских максималистов»⁴⁵. Первый удар был направлен против революционной молодежи. Были арестованы все семь членов ЦК Союза молодежи и многие деятели группы «Фордерунг». К лету 1918 г. тюрьмы Цюриха были переполнены, «дел» в прокуратуре накопилось на 1 500 больше, чем в 1917 году. В январе 1918 г. состоялся процесс над организаторами «цюрихского восстания». К то-

³⁹ «Gazette de Lausanne». Цит. по «La Feuille», 20 ноября 1917 г.; «La Suisse», 21 ноября 1917 г.; «La Sentinelle», 27 ноября 1917 года.

⁴⁰ «Правда», 27 ноября 1917 г.; «La Sentinelle», 27 ноября 1917 г.; «Schweizerische Metallarbeiter Zeitung», 1 декабря 1917 года.

⁴¹ «Freie Jugend», 3 декабря 1917 года.

⁴² «Schweizerische Metallarbeiter Zeitung», 1 декабря 1917 года.

⁴³ «La Sentinelle». 21 ноября 1917 года.

⁴⁴ «Volksrecht», 19 и 23 ноября 1917 года.

⁴⁵ «Gazette de Lausanne». Цит. по «Le Réveil», 25 ноября 1917 года.

ремному заключению были присуждены: Эмиль и Мария Аклин, Гебергер, Кафер, Ичнер и Вайбель⁴⁶. Союзный совет прислал решение о высылке Мюнценберга из Швейцарии. Началась высылка иностранных дезертиров и лиц, уклонившихся от военной повинности. Это затрагивало судьбу 30 тыс. иностранцев, в том числе и многих русских солдат, бежавших из Франции и Германии. В угоду крупным землевладельцам правительство объявило обязательную трудовую повинность. Уклонение от мобилизации и участие в стачках карались тюрьмой⁴⁷. 1 февраля союзная канцелярия Швейцарии объявила, что «внешнее и внутреннее положение страны» вынудило Союзный совет принять меры к усилению армии путем призыва резервных частей⁴⁸. Поскольку внешнее положение Швейцарии было прочнее, чем когда бы то ни было, новый призыв был объявлен исключительно против «внутреннего врага» — рабочего класса.

Репрессии не в состоянии были остановить начавшееся движение. Учитывая тягу рабочих к массовым действиям, популярность идеи Советов, руководство социалистической партии и профсоюзов учредило 4 февраля 1918 г. специальный Комитет действия с местопребыванием в Ольтене. Выработанная Комитетом программа включала ряд экономических требований: создание специальных органов по обеспечению населения продовольствием; установление твердых цен на продукты и минимума заработной платы; строительство жилых домов с помощью государства; сокращение рабочего времени; пособия по безработице; экспроприация военных прибылей сверх 10% и т. д.⁴⁹

Реальная перспектива перерастания экономического движения в политическую и революционную борьбу тревожила правящие круги. Они решили покончить с деятельностью левых групп. 1 марта Союзный совет издал распоряжение о запрещении молодежных газет «Freie Jugend», «Forderung», «Jugend Internationales»⁵⁰.

Опасаясь влияния революционной России, власти пошли на нарушение основных конституционных прав. В феврале 1918 г. в Женеву прибыл с неофициальным визитом первый советский дипломатический представитель. По этому поводу интернационалисты решили провести в Женеве митинг дружбы с Россией. Однако советский дипломатический представитель был предупрежден властями, что поскольку известие о его предполагавшемся выступлении вызвало «большое волнение» среди рабочих, то ему предлагается не выступать, в противном случае митинг будет запрещен. В обоснование этого запрещения выдвигался тезис, что обсуждение международных вопросов на публичном собрании противоречит политике нейтралитета⁵¹. Будто в Женеве не выступали с проантантовской пропагандой Вандервельде, Барту и Альбер Тома! 23 февраля полиция Фрибурга запретила социалисту Эмберу-Дро говорить на митинге о русской революции, мотивируя свое запрещение тем, что «социалисты готовят революцию»⁵².

Тем временем экономические трудности в стране продолжали расти. Еще в январе стало известно, что хлеба осталось на 48 дней. В марте и апреле были снижены нормы продовольственного снабжения⁵³, продолжалось повышение цен. Острая нехватка продуктов питания и их дороговизна явились следствием не столько трудностей импорта, сколько

⁴⁶ «Правда», 30 января 1918 г.; «La Sentinelle», 6 июня 1918 г.; «Коммунистический Интернационал», 1919, № 5, стр. 730.

⁴⁷ «La Sentinelle», 18 января 1918 года.

⁴⁸ «Berner Tagwacht», 2 февраля 1918 года.

⁴⁹ «Schweizerische Metallarbeiter Zeitung», 23 марта 1918 года.

⁵⁰ «La Sentinelle», 2 марта 1918 года.

⁵¹ «La Sentinelle», 16 февраля 1918 г.; «La Feuille», 16 февраля 1918 года.

⁵² «La Sentinelle», 25 февраля 1918 года.

⁵³ «La Sentinelle», 5 марта, 8 апреля 1918 года.

своекорыстной политики спекулянтов и землевладельцев. Из страны вывозилось все то, в чем так остро нуждались рабочие массы в самой Швейцарии. В марте 1918 г. было объявлено об увеличении цен на молоко⁵⁴. По стране прокатилась волна протестов.

Борьба затянулась на многие месяцы. Экономические требования сочетались с политическими выступлениями, с борьбой за равноправие женщин и кампанией против интервенции в Советскую Россию. «Правда» еще в ноябре 1917 г. писала: «Без сомнения, революционная борьба этим цюрихским выступлением не ограничится и распространится на всю Швейцарию»⁵⁵. Это было подтверждено последующими событиями. Движение разрасталось. Иногда рабочие, лишённые правильного руководства, становились на путь единичных безуспешных действий. Так, 18 марта в Беллинзоне толпа разгромила центральную молочную, сожгла все оборудование⁵⁶.

Отсутствие руководства объяснялось, в частности, тем, что Комитет действия возглавлял лидер центристов Р. Гримм. Комитет рассматривал себя не как боевой штаб и оперативный центр, координирующий и направляющий боевые усилия рабочего класса, а как своеобразный «представительный» орган, ведущий переговоры с правительством по всем правилам парламентаризма. Даже в тех случаях, когда Комитет пускал в ход угрозу, он отнюдь не намеревался привести ее в исполнение. Подобная тактика органически вытекала из программы и тактики правых лидеров социалистической партии. Но если Комитет был заражен иллюзиями буржуазного парламентаризма, то центр тяжести движения лежал в практических действиях пролетариата.

Экономические стачки на почве борьбы с дороговизной уже в начале 1918 г. приняли массовый характер. Повсюду выдвигались требования повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Бастовали деревообделочники Ольтена, каменщики Фрибурга, башмачники Мартины, часовщики и металлисты Биля, Сен-Имера, Шо де Фона, Лауфенбурга, Орликона, Гренхена, рабочие автозаводов Ольтена, коммунальных предприятий Бьенна, текстильщики и металлисты Витентура, молочных заводов Туна⁵⁷.

В июне снова вперед выдвинулся Цюрих. На этот раз инициатива принадлежала женскому социал-демократическому Союзу. По его призыву 2 тыс. женщин явились 10 июня к зданию Большого совета. Они несли плакаты с надписью: «Мы голодаем, наши дети голодают. Мы требуем конфискации всех продуктов потребления!». Совет отказался выслушать делегацию, пообещав принять ее через неделю. Собравшиеся протестовали, возгласами возмущения встречая буржуазных депутатов. Полиция разогнала их⁵⁸. 14 июня Рабочий совет Цюриха созвал массовый митинг солидарности с женщинами; на Мюнстерплац собралось 15—20 тыс. человек. В принятой резолюции содержалось требование, несомненно, навеянное влиянием Октябрьской революции: «Укрепить правительственные органы распределения продовольствия выборными представителями от рабочих и работниц». Реализация этого требования «рабочего контроля» при буржуазном режиме на деле привела бы лишь к сотрудничеству правых лидеров социалистов с правительством, однако и этот компромисс содержал в себе сильный критический элемент, поскольку в нем открыто выражалось недоверие парламентаризму, подчеркивалась его неспособность защищать интересы трудящихся. Такое пробуждение классового сознания рабочих, долгое время подверженных мелкобур-

⁵⁴ «La Sentinelle», 26 февраля 1918 г.; «Volksrecht», 1 марта 1918 года.

⁵⁵ «Правда», 27 ноября 1917 года.

⁵⁶ «Volksrecht», 20 марта 1918 года.

⁵⁷ «Volksrecht», 21 января 1918 г.; «La Sentinelle», 19 марта, 2 и 9 апреля, 29 июня 1918 г.; «Schweizerische Metallarbeiter Zeitung», 13 апреля 1918 года.

⁵⁸ «Neue Zürcher Zeitung», 10 июня 1918 г.; «Volksrecht», 11 июня 1918 года.

жуазным иллюзиям, симптоматично. После митинга рабочие продемонстрировали по улицам. Не обошлось без столкновения с полицией⁵⁹.

17 июня делегация женщин была принята Большим советом Цюриха. Речи делегатов ничем не напоминали пресловутые «парламентские петиции». Подтвердились ленинские замечания о том, что война и дороговизна «привлекают в особенности интересы и внимание женщин к политике»⁶⁰. Обрисовав картину голода в городских предместьях, делегатки настаивали на конфискации всех средств потребления и распределении их среди трудящихся. Видная деятельница социалистического движения Роза Блох бросила упрек буржуазному парламенту, что он не является представительным органом, поскольку «женщины в нем совершенно не представлены». Прения в Совете происходили под влиянием недавнего рабочего митинга. Парламент вынужден был создать комиссию для изучения продовольственного вопроса, а Розу Блох ввести в кантональный продовольственный комитет⁶¹. Но, сделав эти уступки, правительство тут же арестовало Герцога и Арнольда за «подрывные действия». Попытка народных масс освободить Герцога кончилась очередной кровавой стычкой с карательными частями. Немало рабочих было ранено⁶². Правительство швейцарской буржуазной «демократии» уже не могло обойтись без испытанных кровавых методов удушения народных движений, какие применялись в Берлине и Вене. В этом смысле Швейцария и впрямь поднялась до уровня «великих» капиталистических держав.

Ни Ольтенский комитет, ни руководство социалистической партии не были причастны к демонстрации женщин. Теперь же, когда общественность была возбуждена, Комитет призвал рабочих к манифестации солидарности с цюрихскими товарищами. При этом предполагалось выдвигать такие требования, которые означали явный шаг назад. Так, например, если в Цюрихе недвусмысленно отказывали правительству в доверии, то в обращении Комитета первым пунктом стояло требование, чтобы федеральный парламент не прерывал своей работы на летние каникулы. Следовательно, рабочим внушали надежду на то, что насущные вопросы можно решить только с помощью парламента. С другой стороны, совершенно опущено было требование рабочего контроля. Рабочих приглашали добиваться «равномерного распределения продуктов», реквизиции картофеля и т. п. Всего более правые социалистические верхи были озабочены тем, чтобы манифестации проходили «дисциплинированно»⁶³.

Манифестация в Берне 20 июня была примечательна той «благочинностью» и «респектабельностью», с какой лидеры правых социалистов сумели ее провести. С каким умилением говорили они впоследствии о порядке, царившем на митинге! Да и как не быть порядку, если митинг, как отмечала «Правда», открыл директор бернской полиции «социалист» Шнеебарг! Подобные лица возглавляли манифестации и в ряде других городов, сведя их к «шагу на месте» — к принятию ольтенской резолюции. Казалось, все идет по плану. Но в Базеле «порядок» был нарушен. 20 июня на базарную площадь пришли 15 тыс. человек. Уже в выступлениях учителя Венка и редактора «Basler Vorwärts» содержался не только протест против действий Союзного совета, являющегося «уполномоченным правящего класса», но и явное «бунтарство». Венк говорил: «Терпению рабочих есть предел, и не вождям определять его». Ораторы говорили, что пролетариат Швейцарии «находится в состоянии революции». Представитель молодежи назвал «величайшими предателями» тех представителей от рабочих, которые заседают в Союзном собрании в

⁵⁹ «Volksrecht», 15 июня 1918 года. В адресе женщин парламенту так и говорилось: «Мы потеряли доверие к мероприятиям правительства». См. там же, 11 июня 1918 года.

⁶⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 131.

⁶¹ «Neue Zürcher Zeitung» № 796, 17 июня 1918 года.

⁶² «Arbeiterblatt», 17 июня 1918 г.; «La Sentinelle», 18 июня 1918 года.

⁶³ «Bernener Tagwacht», 18 июня 1918 г.; «La Sentinelle», 19 июня 1918 года.

Берне, отверг старую программу социал-демократии и призвал ко всеобщей стачке. В боевом настроении рабочие устроили шествие с пением революционных песен. Действуя террористическими методами, полиция стала грубо расценивать демонстрантов, арестовала и ранила многих из них⁶⁴. Когда рабочие попытались освободить арестованных, в город были введены войска.

Снова правые лидеры социалистов в резких выражениях осудили выступления рабочего класса. Социалистическая пресса начала настоящую травлю «молодых», обвиняя их в анархизме. В это время буржуазию всего более беспокоило то, что «социал-демократия не в состоянии укротить турбулентные элементы» в собственных рядах⁶⁵. Эта неспособность правой партийной верхушки остановить движение раскрылась в ходе последующих событий.

8 июля в Биле перед зданием Большого совета состоялась демонстрация трудящихся, закончившаяся столкновением с полицией. Было много раненых с обеих сторон. Демонстранты пытались захватить оружие в арсенале, но безуспешно; вызванные войска открыли огонь по безоружным рабочим. В тот же день произошли кровавые события в городе Бьенне, где рабочие вышли на демонстрацию протеста против дороговизны. Перед зданием ратуши собралось несколько тысяч человек. Власти отказались выслушать делегацию и приказали сначала пожарным, а затем полиции очистить площадь. Схватка была жаркой, часть солдат, вызванных для умирения, отказалась стрелять в народ. Все же победа оказалась на стороне «порядка». Затем последовали аресты, осадное положение и, конечно, заявление бьеннских социалистов, решительно «десолидаризирующих... с безответственными элементами». Правосоциалистические главы торопились умыть руки. С резкой отповедью по их адресу выступил Эмбер-Дро, который категорически отверг версию о «кучке юношей», якобы стоявших против полиции и армии. «Там был народ,— писал он,— пролетариат...»⁶⁶.

События в Цюрихе, Базеле, Биле и Бьенне, хотя и не связанные между собой непосредственно, не были изолированными фактами. Они являлись следствием одних и тех же причин — войны, дороговизны, голода, которые толкали трудовой народ Швейцарии на борьбу по примеру русского народа. Эти события следует ставить в прямую связь с непрерывавшимися стачками во всех промышленных городах, которые нередко сопровождались столкновениями с полицейскими и штрейкбрехерами (например на автозаводе в Ольтене), требованиями создания Красной Гвардии⁶⁷. Они выросли из движения против дороговизны и, в свою очередь, влияли на него.

Забастовки лета 1918 г. примечательны своей массовостью. В прошлом в Швейцарии не было никогда такого проявления рабочей солидарности, как в эти месяцы. Когда прекратили работу металлисты Тессина, к ним примкнули транспортники, портные, рабочие шелкопрядельной, маргаринной и шоколадных фабрик. Стачка в Беллинжоне была фактически всеобщей — приостановилась вся жизнь в городе. Забастовки часто возникали вопреки воле руководителей — так было в Винтентуре. Движение охватило транспортников, которые только теперь вступили в деловой контакт с объединением швейцарских синдикатов⁶⁸. Этим начал преодолеваться раскол в профсоюзном движении. В борьбу вступили рабочие итальянской части страны — в июле была всеобщая стачка в Лугано по поводу увольнения муниципалитетом трех служащих-стачечников⁶⁹. Над

⁶⁴ «Volksrecht», 21 июня 1918 г.; «Правда», 6 июля 1918 года.

⁶⁵ «Neue Zürcher Zeitung» № 829, 24 июня 1918 года.

⁶⁶ «Berner Tagwacht», 10 июля 1918 г.; «La Sentinelle», 10 и 11 июля 1918 года.

⁶⁷ «La Sentinelle», 7 июня 1918 г.; журнал «Demain», 1918, № 22.

⁶⁸ «Volksrecht», 22 июня 1918 г.; «La Sentinelle», 5, 8 и 9 июля 1918 года.

⁶⁹ «Neue Zürcher Zeitung» № 90, 9 июля 1918 года.

рабочей камерой развевался красный флаг. В знак солидарности с Лугано бастовали в Локарно, Бьяска-Акароза и других городах.

Результатом стачечной борьбы явились сплочение рабочего класса, рост его профессиональных организаций⁷⁰.

Таким образом, весной и летом 1918 г. Швейцария стала ареной массового рабочего движения на экономической почве. В стране происходили первые широкие классовые столкновения, порой перераставшие в такие открытые схватки, какие не раз в истории рабочего движения других стран создавали предреволюционную обстановку. Подобные события обычно сплачивают силы и кадры будущих генеральных сражений и создают ту базу, на которой развертывает свою организующую и руководящую деятельность революционная партия. И эта революционность значительных слоев рабочего класса Швейцарии объяснялась не только экономическими причинами. Известный социалист-пацифист Шарль Нэн вынужден был признать, что события в Цюрихе, Базеле и Бьенне явились следствием «влияния большевистского движения», что «наши волнения — это эхо русской революции»⁷¹. Революционное движение в маленькой стране наглядно подтвердило международное значение идей Великой Октябрьской социалистической революции; оно также свидетельствовало о «революционных и интернационалистских симпатиях швейцарского пролетариата»⁷².

Больше всех испытывавшая влияние «русского примера» социалистическая молодежь развертывала свою деятельность в рабочей массе и в армии. Ей принадлежит инициатива в реализации указаний В. И. Ленина о создании социал-демократических групп в войсках⁷³. Весной 1918 г. интернационалисты, преодолев сопротивление партийных инстанций, добились формирования солдатского союза цюрихского гарнизона. В циркуляре союза целью движения провозглашалась «экспроприация крупного капитала и ликвидация буржуазного строя». Буржуазная печать с беспокойством отмечала, что «люди из группы «Фордерунг» мечтают об основании солдатских и рабочих союзов по русскому образцу»⁷⁴. Воззвание люцернской солдатской организации призывало солдат не дать превратить себя «в палачей своего собственного класса... поддерживать по мере сил борьбу пролетариата»⁷⁵.

Создание солдатских союзов было важно уже потому, что до этого армия проявила себя как активная сила только в борьбе с трудящимися. В июле было отдано распоряжение командования по армии о запрещении солдатских союзов⁷⁶, но оно осталось невыполненным. Некоторые синдикаты (деревообделочники, металлисты и др.) финансировали их деятельность.

В напряженной обстановке 1918 г. правительство все более превращалось «в пешку в руках реакционнейшей швейцарской военной партии и военной клики»⁷⁷. В июле последовала волна произвольных арестов; в числе арестованных был и французский социалист Анри Гильбо, корреспондент «Правды» и редактор журнала «Dernain». Как пронырливо писала социалистическая газета, все его «преступление» состояло в том, что он хранил у себя комплект декретов Советского правительства. 12 июля были изданы «исключительные законы против социалистов». Отныне собрания и демонстрации разрешались и контролировались полицией. Запрещалось носить оружие и вести антиправительственную пропаганду

⁷⁰ «La Sentinelle», 5 июля 1918 года.

⁷¹ «La Sentinelle», 25 июля 1918 года.

⁷² В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 126.

⁷³ См. там же, стр. 133.

⁷⁴ Я. Герцог. Указ. соч., стр. 1843; «Neue Zürcher Zeitung» № 811, 20 июня 1918 года.

⁷⁵ «Arbeiterblatt», 1 ноября 1918 года.

⁷⁶ «Volksrecht», 1 июля 1918 года.

⁷⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 127.

в прессе. В мотивировочной части декрет ссылался на «эксцессы», совершенные рабочими в Цюрихе, Базеле, Лугано и Биле. Левые социалисты Вайбель, Герцог и Майер были преданы военному суду. Буржуазная пресса подняла яростную кампанию против советской миссии в Швейцарии, обвиняя Советское правительство в пропаганде идей международной революции⁷⁸. Правящие круги Швейцарии решили во что бы то ни стало искоренить революционную «крамолу». Перед рабочим классом встала проблема: что делать? Ответ на этот вопрос в значительной мере зависел от позиции руководителей рабочего движения, от партии рабочего класса.

Отклики на Великую Октябрьскую социалистическую революцию имели своим положительным результатом усиление идейного размежевания внутри социалистической партии. Уже цюрихские волнения 1917 г. явились своего рода лакмусовой бумагой, на которой проверялись политические деятели и группы. Становилось все более очевидным, что правоецентристское руководство партии погрязло в реформизме, в его специфически швейцарском издании. Оно оставалось верным программе, составленной Отто Лангом в 1904 г., которая, хотя и провозглашала классовую борьбу, на деле предлагала только реформистский метод «приспособления буржуазной государственной машины к делу социализма». Она была пронизана оппортунистической идеей о медленном, непрерывном вращении капитализма в социализм. Примкнув официально во время войны к циммервальдскому движению, критикуя другие партии за реформизм, социалистическая партия Швейцарии на деле не изменила своих реформистских позиций. В. И. Ленин в январе 1917 г. отметил эту особенность. «Посмотрите,— писал он,— на *«Berner Tagwacht»*: каких только ругательных слов не расточала эта газета по адресу социал-патриотов русских, французских, английских, немецких, австрийских, одним словом всех... кроме швейцарских!»⁷⁹.

Такая позиция швейцарской социалистической партии и ее партийного органа объясняется тем, что среди правых социалистов имела хождение буржуазная теория «исключительности» Швейцарии и ее буржуазно-демократических институтов. Швейцарские социалисты не видели классового содержания этой демократии как диктатуры буржуазии. Не поколебалось их доверие к буржуазной демократии и в 1918 г., когда уже открыто и грубо нарушались «права граждан». Некий Линижер из рядов правых социалистов доказывал, например, что в изолированной кабине, где обеспечена абсолютная тайна голосования, «гражданин обретает полную свободу», а посему «только нормальное функционирование демократии приведет нас к социализму». Он милостиво разрешал прибегать к восстанию только тем, «кто лишен других способов заставить выслушать себя». В Швейцарии же, уверяли правые социалисты, имеется только один проверенный путь освобождения пролетариата — это активность в избирательной, профсоюзной и кооперативной сферах. На первое место в борьбе за социализм они выдвинули избирательные кампании⁸⁰.

Конечно, специфические условия Швейцарии — маленькой страны, окруженной воюющими державами, — уровень рабочего движения, недостаточность революционного опыта трудящихся не выдвигали в то время непосредственной задачи социалистического переворота. Не заблуждались и те, кто считал, что движение в Швейцарии является лишь «фланговым», а столбовая дорога социализма лежит в главных странах. Но, во-первых, проповедовать только «легальные» методы в момент, когда пра-

⁷⁸ Я. Герцог. Указ. соч., стр. 1842; *«Volksrecht»*, 13 июля 1918 г.; *«La Sentinelle»*, 17 июня 1918 г.; *«Правда»*, 4 августа 1918 года.

⁷⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 217—218.

⁸⁰ *«La Sentinelle»*, 20 февраля, 7 мая 1918 г.; *«Berner Tagwacht»*, 2 мая 1918 года.

вительство само нарушает легальность, значило обезоружить пролетариат. Во-вторых, социализм и в Швейцарии мог победить только в результате революционного переворота — вне зависимости от того, произойдет ли этот переворот мирным или вооруженным путем. Партия, именующая себя социалистической, обязана была готовиться к этому пролетариат именно в классовых столкновениях, возглавляя революционные выступления народа, развивая творческую энергию масс.

Наконец, у швейцарских социалистов был интернациональный долг. Находясь в тылу великих держав, они могли влиять на ускорение революционного кризиса в Западной Европе. «Правда» справедливо указывала, что борьба Цюриха «не останется также без влияния и на германский пролетариат», что она сразу нашла живой отклик на границах Италии⁸¹. Но правые социалистические лидеры продолжали упорно цепляться за «легальность» и жаловаться на недостаточную организованность пролетариата, не принимая во внимание ленинские указания, что организованные рабочие «всегда останутся при капитализме меньшинством пролетариата»⁸².

Анализируя положение, сложившееся в Швейцарии к лету 1918 г., «Правда» констатировала, что соглашательски настроенные правосоциалистические вожаки прилагали все усилия к тому, чтобы борьба швейцарского пролетариата не вышла из «законного русла» и не сопровождалась «нарушением порядка»⁸³. На этих позициях стояли и правые типа Грейлиха и центристы, включая Нэна, образовавшие правоцентристский блок.

В швейцарской социалистической партии, вначале под воздействием циммервальдского движения⁸⁴, а потом под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, выделялись подлинно революционные и интернационалистические элементы, которые образовали новое левое крыло. Из этих групп впоследствии сформировалась Коммунистическая партия. Левые страдали недооценкой организационной работы и длительное время находились в плену традиции «единства». Расходясь с реформистами по основным вопросам стратегии и тактики, они долго не решались политически и организационно обособиться от них. Не располагая самостоятельной организацией, они не сумели выполнить роль руководящего центра и штаба движения.

По специфическим условиям Швейцарии, страны с различным уровнем экономического и политического развития в отдельных районах и отсутствием единого языка, левые до создания Коммунистической партии не составляли единого течения. Одна из левых групп была представлена в парламенте Платтенем — деятелем немецкой части Швейцарии. К ней в известном смысле можно отнести редактора «La Sentinelle» Эмбер-Дро, молодого социалиста романской части страны, наиболее отсталого района, в котором не изжиты были анархо-синдикалистские тенденции. Эта группа имела поддержку в профсоюзе металлистов. Левые социалисты не давали себя обмануть лживым фасадом демократического режима, который они расценили как «диктатуру классового правления»⁸⁵. От имени левых Платтен говорил в Петрограде 23 января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов, что революционная Россия «будит народные массы западных стран на такую же борьбу», что недалек тот час, когда русские рабочие «услышат ответный отклик со стороны западноевропейской демократии»⁸⁶. Поскольку левые не страдали слепой верой во всемогущество «демократических путей», они резко осуждали реформизм. Газета проф-

⁸¹ «Правда», 27 ноября, 1 декабря 1917 года.

⁸² В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 132.

⁸³ «Правда», 23 июля 1918 года.

⁸⁴ См. А. Манфред. Циммервальдское движение в швейцарской с. д. «Пролетарская революция». 1929, № 7(90).

⁸⁵ «Schweizerische Metallarbeiter Zeitung», 9 марта 1918 года.

⁸⁶ «Правда», 24 января 1918 года.

союза металлистов заявляла: лозунгом нашей борьбы должно быть «не исправление, а изменение основ современного общества»⁸⁷. В серии статей Эмбер-Дро высказал свое возмущение «трусливым и недостойным поведением партии», которая рукоплещет волнениям в других странах, но снимает с себя ответственность, когда на улицу выходит швейцарский рабочий. Он доказывал на рабочем собрании, что надо пустить в ход «непарламентские средства», и прежде всего всеобщую стачку, чтобы заставить правительство уважать конституцию. Только левые фиксировали революционные сдвиги в пролетариате, выразившиеся в том, что «массы опережают вождей», что народ ищет новые пути: революцию, насилие, восстание⁸⁸. Левые обладали революционным чутьем и не теряли связи с массами. На съезде партии в Аарау в декабре 1917 г. они осудили социалистических депутатов парламента за социал-патриотизм и добились того, что местопребыванием правления партии остался индустриальный Цюрих, в то время как сторонники Гримма ратовали за перевод его в Берн. «Мы хотим,— говорил Эмбер-Дро,— чтобы партия развивалась влево»⁸⁹. Впрочем, ни Платтен, ни Эмбер-Дро не считали восстание средством завоевания власти рабочим классом, а ноябрьские волнения в Цюрихе Платтен даже не одобрил⁹⁰.

Более решительную линию отстаивали социалисты, группировавшиеся вокруг журнала «Jugend Internationale». Резолюция VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП относит их к направлению, представленному группой К. Либкнехта в Германии, Т. Мэна и Маклина в Англии и т. д. «Это — единственное направление, оставшееся верным социализму»⁹¹, — отмечалось в резолюции. К левым в Швейцарии относились ЦК Союза молодежи во главе с В. Мюнценбергом, революционные социалисты из газет «Forderung», «Freie Jugend», «La Nouvelle Internationale». В начале 1918 г. эти группы объединились в единую организацию «Интернациональные революционные социалисты Швейцарии». Центральный Комитет интернационалистов разместился в Цюрихе. Новая организация вела пропагандистскую работу и боролась с оппортунизмом, хотя и она также не решалась до 1918 г. на разрыв с правым руководством социалистической партии⁹². Революционные интернационалисты были вместе с баррикадными борцами Цюриха, с жертвами избиений в Базеле, Бьенне, Лугано и Билле. Их критика правых партийных авторитетов была неприемлимой. Интернационалисты с презрением говорили о «вождях», которые нападают на массу за то, что она действовала «не заодно с рабочей организацией». Но почему, справедливо спрашивали они, так случилось, что революционные действия обходятся без участия «революционной партии»? Не значит ли это, что официальные лидеры «неспособны руководить активными силами рабочего движения»? Интернационалисты обнаружили верное понимание принципов революционной стратегии и тактики. Они утверждали, что долг революционеров — «оставаться с массами при всех обстоятельствах», воспитывать их. Они призывали брать пример с большевиков, которые в течение многих лет готовили народ к борьбе не только с помощью словесной пропаганды, но и «непрерывным, революционным, зачастую горестным опытом»⁹³.

Революционные интернационалисты не были свободны от увлечения «прямым действием». Горячие и смелые, они готовы были вступить в сражение немедленно, не считаясь с объективной обстановкой. У них не было опыта массовой и организационной работы. Недаром они не создали ни

⁸⁷ «Schweizerische Metallarbeiter Zeitung», 20 апреля 1918 года.

⁸⁸ «La Sentinelle», 7, 12, 13 марта и 11 июля 1918 года.

⁸⁹ «Berner Tagwacht», 4 декабря 1917 года.

⁹⁰ «Volksrecht», 22 ноября 1917 года.

⁹¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1. Изд. 7-е, Госполитиздат, стр. 348.

⁹² Я. Герцог. Указ. соч., стр. 1842.

⁹³ «La Nouvelle Internationale», 1917, № 8.

одной ячейки на предприятиях. Но в этот период ни один социалист не мог взять слово на рабочем собрании, не рискуя подвергнуться острой атаке со стороны молодых. В то же время они не игнорировали парламент: они только считали, что парламентская деятельность должна подкрепляться непарламентскими действиями⁹⁴.

Революционное крыло не располагало ежедневной прессой, но и «Forderung», и «Freie Jugend», и «Jugend Internationale», а после их закрытия «Arbeiterblatt» вели деятельную пропаганду. Была попытка использовать настроение пролетариата для создания Советов рабочих депутатов. В количестве 20 тыс. экземпляров была распространена листовка «Почему и для чего должны быть учреждены Советы рабочих депутатов»⁹⁵. «Будем большевиками Швейцарии,— говорили революционные социалисты,— и давайте создавать Советы, которые в подходящий момент заменят ненавистный капиталистический режим». Они были проводниками пролетарского интернационализма. Сформулированный ими вывод гласил: «Рабочее движение может быть лишь международным движением, иначе оно существовать не может»⁹⁶. Они первыми подняли знамя защиты русской революции и повели за собой в этом направлении социалистов страны.

Если не считать буржуазно-реформистских грютлианцев, то во всем швейцарском рабочем движении, пожалуй, одна «Libre Fédération» (синдикалистский орган) заняла враждебную, антисоветскую позицию. Она даже советовала русским пролетариям оставить руководство заводами «за теми, кто ныне ими управляет»⁹⁷. Все остальные социалистические течения и рабочая печать в полном созвучии с настроениями пролетариата выражали симпатии Советской России. Обращение большевистской партии ко всем рабочим с призывом поддержать русскую революцию, опубликованное в Швейцарии 24 ноября 1917 г.⁹⁸, встретило живейший отклик. Даже социалист-пацифист Грабер поднял свой голос в защиту Советской России. Он писал: «Ленин желает перемирия, почему же ему в этом отказывают? Почему отвергают предложение «революционера, который сыграет, быть может, самую крупную в нашей эпохе роль в борьбе за свободу?». Перу Грабера принадлежат десятки статей, в которых поддержка революции связывалась с надеждой на мир. Оправдывая ленинскую политику мира как интернационалистскую и выражающую волю «всего европейского пролетариата», он восклицал: «Свет с Востока!». Эмбер-Дро также видел рассвет «на Востоке, в великой России» и выражал надежду, что ленинский мир явится миром народов, «свергающих, по примеру русского народа, собственные правительства»⁹⁹. В декабре 1917 г. социалисты-интернационалисты выступили в федеральной палате в защиту ленинских предложений мира и настаивали, чтобы швейцарское правительство энергично поддержало их¹⁰⁰.

Немногочисленный пролетариат Швейцарии выполнил свой интернациональный долг перед русскими рабочими. Повесегда останется в истории занятая им непреклонная позиция защиты Советской власти от иностранной интервенции, в частности от похода германских империалистов на Петроград. В специальном воззвании социалистической партии говорилось: «Опять, как в 1871 г., пытаются с помощью немцев задушить зачатки социалистического строительства. Волной грязной клеветы стараются прикрыть реакционный характер новой авантюры. Товарищи рабочие! Мы протестуем против войны на Востоке, мы ждем от немецкого рабочего, что он заставит правительство... немедленно прекратить военные дей-

⁹⁴ «Freie Jugend», 19 ноября 1917 г.; «La Réveil», 22 июня 1918 года.

⁹⁵ Я. Герцог. Указ. соч., стр. 1841.

⁹⁶ «La Nouvelle Internationale», 1917, № 7; 1918, № 31.

⁹⁷ «Libre Fédération», 15 февраля 1918 года.

⁹⁸ «Volksrecht», 24 ноября 1917 года.

⁹⁹ «La Sentinelle», 28 ноября, 28 и 31 декабря 1917 года.

¹⁰⁰ «Volksrecht», 13 декабря 1917 года.

ствия». На рабочих собраниях приветствовали русских большевиков, борющихся «за мир и социальное и политическое освобождение трудящихся»¹⁰¹. С гордостью писала вся социалистическая печать о том, как Платтен прикрыл своим телом голову Ленина во время покушения на него 18 января 1918 года. Когда грютлианцы обвинили союз трамвайщиков Цюриха и «Volksrecht» в большевизме, последняя в ответ заявила: «Мы с гордостью будем носить это имя»¹⁰².

При всем этом руководство социалистической партии не меняло своего отношения к проблемам внутреннего развития. Оно рассуждало: «Революция там, в далеких степях, в таинственных и мистических районах — да, но у нас?»¹⁰³. Однако следовало как-то реагировать на реакционный декрет 12 июля. Перед лидерами социал-демократии встал вопрос: к кому апеллировать — к рабочему классу, поднимая его на борьбу, или к Союзному совету? От них требовали энергичных действий — резолюции с подобными требованиями были приняты на партийных конференциях Цюриха, Базеля и других городов. Левые требовали переизбрания Ольтенского комитета на народных собраниях и объявления всеобщей стачки¹⁰⁴. Вынужденная как-то удовлетворить тягу рабочих к действиям и самоорганизации наподобие русских Советов, партийная и профсоюзная верхушка 15 июля решила созвать «рабочий конгресс». Она не собиралась по-настоящему угрожать власти имущим. Конгресс был нужен ей для того, чтобы своей показной готовностью к «крайним мерам» сохранить контроль за движением, предупредить возможные выступления «неорганизованных масс».

22 июля Ольтенский комитет от имени 180 тыс. членов профсоюзов и 35 тыс. социал-демократов предъявил Союзному совету 11 требований. Эти требования напоминали платформу для парламентских обсуждений. Даже буржуазная пресса отметила их умеренность. Здесь были преимущественно экономические требования: создание государственного органа по распределению продовольствия при участии рабочих; рacionamento продуктов и контроль над ценами; снабжение топливом; помощь правительства в строительстве жилья; надбавки из-за дороговизны и т. п. При этом требование 8-часового рабочего дня распространялось только на государственных служащих, главным образом транспортников. Из меморандума были удалены такие требования, как отмена высылки Мюнценберга из Швейцарии и возобновление выхода запрещенных газет. Политические проблемы затронуты были лишь в первых двух пунктах, где говорилось об отмене декретов о высылке дезертиров и ограничении демократических свобод¹⁰⁵.

У Союзного совета был немалый опыт общения с социал-демократическим руководством, и он ответил на требования Комитета отказом, хотя и в примирительном тоне, со множеством оговорок и даже «принципиальных согласий». Прежде всего он отверг политические требования, разъяснив, что декрет 12 июля имеет в виду лишь предупредить волнения, но если таковых не будет, то декрет не будет применяться. Союзный совет не мог отказать в требованиях контроля над распределением продуктов — в Цюрихе это уже практиковалось, — но уверял, что торговцы и промышленники якобы вовсе не обижают рабочих в распределении импортных продуктов. Что касается минимума заработной платы, то здесь-де «невозможно предписывать общие правила», а требование 8-часового рабочего дня парламент считал «едва ли осуществимым». Также оказалось «невыполнимым» требование финансирования строительства дешевых жилищ, а вопрос о привлечении рабочих к контролю над ценами обещано было «изучить»¹⁰⁶.

¹⁰¹ «La Sentinelle», 22 февраля 1918 г.; «La Feuille», 18 июня 1918 года.

¹⁰² «Volksrecht», 23 января, 13 апреля 1918 года.

¹⁰³ «La Réveil», 8 декабря 1917 года.

¹⁰⁴ «Правда», 8 августа 1918 года.

¹⁰⁵ «Revue syndicale suisse», 1918, № 9.

¹⁰⁶ «Volksrecht», 27 июля 1918 года.

Ответ Союзного совета нельзя было расценить иначе, как вызов, и в тот же день Ольтенский комитет выработал для рабочего конгресса проект резолюции, в которой Комитет уполномочивался... еще раз вступить в переговоры с правительством, а в случае, если не будут достигнуты удовлетворительные результаты, объявить всеобщую стачку¹⁰⁷.

Всеобщая стачка в Швейцарии летом 1918 г., как указывала «Правда», способна была «толкнуть рабочие организации, деморализованные долгой политической спячкой и мелким торгашеским соглашательством, на путь серьезной классовой схватки»¹⁰⁸. Верхушка социалистической партии отдавала себе отчет в том, к каким последствиям может привести стачка, и постаралась ее сорвать, хотя левые определенно требовали «подражать Советам».

Между тем в правящих сферах царило смятение: они опасались «серьезных потрясений», которые могли бы возникнуть в случае забастовки. Ольтенский комитет уподобляли «Советам», ультимативная форма его заявления была якобы позаимствована из «пособия большевизма»¹⁰⁹. Для таких обвинений не было ровно никаких оснований. Ольтенский комитет был полной противоположностью Советам — органам революционной власти народа, — а действия его представляли собой образец соглашательства. Со всей очевидностью это было доказано историей первого рабочего конгресса.

Уже порядок конструирования конгресса не предвещал ничего хорошего. В нем участвовала, не будучи избранной, вся рабочая бюрократия из правлений партии и профсоюзов и социалистической фракции парламента. Выборы же остальных делегатов происходили наспех, в обстановке, когда левые социалистические газеты были закрыты, а дискуссии по программе работы конгресса не велись. К тому же профсоюзы, пославшие 218 делегатов, не имели опыта обсуждения политических вопросов. Все это обеспечило преобладание на конгрессе реформистских элементов.

Рабочий конгресс происходил 27—28 июля в Базеле, в здании, где состоялся последний предвоенный конгресс II Интернационала. Оба докладчика — Гримм от немецкой и Грабер от романской Швейцарии — состязались в аргументации о «бесполезности» и «невозможности» серьезной борьбы ввиду экономической и политической зависимости Швейцарии от заграницы. Грабер заявил, что Швейцария вообще «лишена всякой возможности мечтать (!) о движении революционного характера». А раз так, то якобы оставалось думать только о таких реформах, которые «практически возможны, осуществимы»¹¹⁰.

Первой заботой организаторов конгресса было не допустить даже постановки вопроса о следовании русскому примеру. Гримм постарался доказать «абсолютную неприменимость» в Швейцарии русских методов, к которым тяготели значительные слои пролетариата. Он нападал на это направление, «ослепленное русской революцией» и «мечтающее» о социализме в оазисе посреди капиталистических держав. Любопытны его попытки теоретически «обосновать» свои реформистские взгляды. Он стремился подчеркнуть коренное, по его мнению, различие в социальных структурах России и Швейцарии. «В России, — сказал он, — крестьянин ждет от революции, что она даст ему землю, у нас же он боится ее потерять. Таким образом крестьянин против нас». Тем самым Гримм затронул важнейший вопрос стратегии и тактики революции. Социалистическая партия Швейцарии трактовала крестьянский вопрос в духе пренебрежения к нему, характерного для западных социалистических партий. Она пропагандировала неприязнь к крестьянству, изображая его как бур-

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «Правда», 23 августа 1918 года

¹⁰⁹ «Basler Nachrichten» (Цит. по «Berner Tagwacht», 26 июля 1918 г.); «Neue Zürcher Zeitung» № 993, 28 июля 1918 года.

¹¹⁰ «Правда», 14 августа 1918 года.

жуазный класс. Гримм заявил, что крестьянские хозяйства делают то же, что и каждый торговец, каждый банкир, каждый капиталист: они «используют конъюнктуру»¹¹¹. А между тем в швейцарской деревне из 252 тыс. хозяйств только 22 тыс. владело более 15 га земли¹¹², в ней имелась большая прослойка батраков, поденщиков и бедняков. Социалистическая партия Швейцарии не замечала тружеников деревни, не видела в них союзников рабочего класса, потому что она отвергала самую идею завоевания власти пролетариатом.

На конгрессе было представлено (преимущественно цюрихскими делегатами) революционное течение. Левые вели критику официального курса с позиций интернационалистов. Новый секретарь ЦК союза молодежи, Арнольд, старался направить дискуссию в область политических проблем. Левые требовали восстановления закрытых газет, освобождения Анри Гильбо и других политических заключенных. Цюрихцы Кропф, Кауфман и другие говорили: «Хватит переговоров!.. Объявите всеобщую стачку». Один рабочий-металлист пообещал «навести порядок в ЦК союза посредством рабочих советов»¹¹³. Многие ораторы настаивали на 8-часовом рабочем дне и немедленном объявлении стачки. По настоянию левых конгресс принял важные резолюции: об освобождении арестованных и против интервенции в Советскую Россию¹¹⁴. Но этим и ограничились победы левых. При данном составе конгресса нельзя было рассчитывать на большее.

Конгресс продлил мандат Ольтенского комитета и одобрил предложенную им резолюцию о возобновлении переговоров с правительством. Предложение Нобса о переизбрании Комитета получило лишь 48 голосов, а требование немедленной стачки было провалено 177 голосами против 79. Также было отклонено (139 голосами против 119) предложение Платтена о борьбе за 8-часовой рабочий день для всех рабочих¹¹⁵.

Наибольшую озабоченность руководителей конгресса вызывал характер эвентуальной стачки. Маститый реформист Грейлих призывал пролетариат проявить максимальную дисциплинированность. Принятая по его предложению резолюция осуждала тактику «путча». Таким образом рабочих заранее ставили в невыгодные условия пассивной обороны в период, когда армия и полиция постоянно применяли против них оружие. Итак, реформисты вышли победителями и конгресс не оказался «базельским Советом», каким его хотели видеть рабочие. Избранный им курс соглашения соответствовал идеологии рабочей аристократии.

И все же большинство рабочих было за стачку. За нее были профсоюзы металлистов, деревообделочников, печатников, даже союз христианских социалистов романской Швейцарии¹¹⁶. Этот боевой дух буржуазия решила сломить. Она пугала рабочих угрозой разрухи, поскольку швейцарская экономика якобы не выдержала бы всеобщую стачку. Союз аграриев и владельцев маслоделен и сыроварен угрожал в случае забастовки умирить рабочих голодом. Союзный совет объявил, что он намеревается мобилизовать всю армию, а также транспортников и связистов¹¹⁷. Самый подозрительный в смысле «большевизма» город, Цюрих, был окружен плотным кольцом войск: сюда с границы были стянуты части 5-й дивизии¹¹⁸. Одновременно правительство сумело отвлечь государственных служащих и транспортников от движения, пообещав выдать

¹¹¹ Там же.

¹¹² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 130.

¹¹³ «La Sentinelle», 30 июля 1918 г.; «Правда», 14 августа 1918 года.

¹¹⁴ «La Sentinelle», 29 июля 1918 г.; «Schweizerische Metallarbeiter Zeitung», 3 августа 1918 года.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ «La Sentinelle», 8 августа 1918 г.; «Правда», 17 августа 1918 года.

¹¹⁷ «Neue Zürcher Zeitung» № 998, 29 июля 1918 г.; «Volksrecht», 6 августа 1918 г.; «La Feuille», 7 августа 1918 года.

¹¹⁸ «Правда», 30 августа 1918 года.

каждому служащему единовременное пособие на дороговизну¹¹⁹. Эта подачка удовлетворила союз служащих, руководимый Вебером, членом буржуазной партии «свободомыслящих».

После отхода транспортников Ольтенский комитет согласился с новыми предложениями Союзного совета и 8 августа объявил движение «законченным»¹²⁰. Комитет согласился с обещаниями правительства образовать продовольственные комиссии с участием рабочих, обеспечить снабжение страны углем, «изучить» вопрос о сокращении рабочего дня, дать надбавку с учетом дороговизны и т. п. Правительство обещало пересмотреть декрет о высылке дезертиров, а до тех пор осуществлять его «гуманно»¹²¹. Но главное требование, из-за которого и началось июльское движение, было отвергнуто. Комитет удовлетворился разъяснением финансового советника Мотта, что декрет 12 июля направлен не против каких-либо групп, а против тех, кто «умышленно вызывает беспорядки». В воззвании к рабочему классу Комитет похвалялся достигнутыми уступками: «Наши завоевания столь бесспорны и велики, что ради остальных неисполненных желаний и требований рабочего класса объявление всеобщей стачки никоим образом не может быть оправдано». Самым примечательным являются те надежды, которые Комитет возлагал на «мудрость» и «надпартийность» правительства в решении вопроса о рабочем дне: «Если Федеральный совет поймет знамение времени, то он со всей серьезностью займется рассмотрением этого требования и отрешится от обычных аргументов предпринимателей»¹²².

Эмбер-Дро от имени левых резко критиковал Ольтенский комитет. Проанализировав обещание правительства, он спрашивал: «Разве этого ожидал Базельский конгресс?». Он ставил перед партией задачи усиления работы среди крестьянства («завоевать деревню»), разложения армии путем антимилитаристской пропаганды, создания Советов рабочих и солдатских депутатов, представляющих «демократию завтрашнего дня», воспитания в рабочем классе чувств коллективизма и организованности¹²³. Левые настаивали, чтобы всеобщая стачка оставалась в порядке дня как средство давления на правительство.

Так завершился первый этап подъема рабочего движения в Швейцарии. Причины его коренились в реакционной политике правящего класса и обострении материальной нужды трудящихся как следствии мировой войны. Но только освободительные идеи Октября пробудили в рабочем классе революционную активность и боевую энергию, никогда до этого не проявлявшиеся. Движение первой половины 1918 г. не могло остановиться, не достигнув серьезных результатов. Оно раздвинуло рамки борьбы и вовлекло в политическую жизнь массу, ранее ослепленную «демократическими иллюзиями». Как указывала «Правда», движение «явно вступало в полосу революционного развития»¹²⁴. Ближайшие события подтвердили прогноз центрального органа большевистской партии: в ноябре в Швейцарии вспыхнула всеобщая политическая стачка в поддержку русской революции.

¹¹⁹ «La Sentinelle», 9 августа 1918 года.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ «Revue syndicale suisse», 1918, № 9.

¹²² «La Sentinelle», 2 июля 1918 года.

¹²³ «La Sentinelle», 13, 14 августа 1918 года.

¹²⁴ «Правда», 14 августа 1918 года.

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ МОНОПОЛИЯХ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX века

(ПО МАТЕРИАЛАМ СЕНАТСКИХ РЕВИЗИЙ)

Я. И. Лившин

За последние годы советскими историками и экономистами проделана большая работа по выявлению новых материалов, характеризующих отдельные стороны монополистического капитализма в России. Работы А. Л. Сидорова, М. Я. Гефтера, П. В. Волобуева, А. Л. Цукерника, В. И. Бовыкина, К. Н. Тарновского, Т. Д. Крупиной, С. А. Залесского, А. М. Соловьевой и др., опубликованные в «Исторических записках» Института истории Академии наук СССР, в «Докладах и сообщениях» того же института, «Вестнике» Московского университета и других изданиях, внесли много нового в изучение империализма в России. Тем не менее в советской исторической и историко-экономической литературе не было уделено должного внимания освещению вопроса о возникновении, развитии и деятельности военно-промышленных монополий как составной и нераздельной части системы монополистического капитализма в России. Между тем, на наш взгляд, эта проблема имеет очень большое значение, особенно в связи с процессом перерастания монополистического капитализма в России в государственно-монополистический капитализм.

Империалистическая стадия развития капитализма в России, так же как и в других странах, характеризовалась невиданным ростом милитаризма, ибо милитаризация экономики служит одним из источников сверхприбыли капиталистических монополий. Военные заказы обеспечивали промышленным монополиям устойчивый и платежеспособный рынок для продажи товаров по высоким монопольным ценам.

Для «военно-феодалного» российского империализма милитаризация экономики имела огромное значение. Во-первых, царская Россия участвовала в империалистическом разделе мира и в борьбе за его передел. Во-вторых, она была колониальной империей и могла грабить колонии, только опираясь на военную силу. В-третьих, она в силу своей зависимости от иностранного финансового капитала являлась резервом западной империалистической группировки стран Антанты и поставляла ей огромные армии. И, наконец, Россия представляла собой полицейское государство, в котором необычайная острота классовых противоречий и революционность рабочего класса, ведущего за собой крестьянство, побуждала правящие верхи постоянно увеличивать «внутренний милитаризм».

Рост милитаризма в России проявлялся прежде всего в непрерывном увеличении военных расходов. Прямые военные расходы страны (по обыкновенному и чрезвычайному бюджетам) возросли с 420,1 млн. руб. в 1900 г. до 647,6 млн. руб. в 1910 г. и до 861,3 млн. руб. в 1913 году. Перед первой мировой войной они составляли 21,1% всех расходов государственного бюджета¹.

Львиная доля этих расходов шла на так называемые «военные заготовки», то есть на военные материалы для армии и флота.

Русский монополистический капитал, предпочитавший «казенный спрос» массовому потребительскому рынку, естественно, уделял особое внимание военным заказам. Для получения и исполнения этих заказов

¹ «Ежегодник России 1910 г.», СПб. 1911; «Статистический ежегодник России 1915 г.», разд. XII. Пгг. 1916.

в начале XX в. стали создаваться специальные военно-промышленные монополии.

Некоторые стороны развития капиталистических монополий в военной промышленности в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, можно проследить по архивным фондам сенатских ревизий².

Начиная с 1908 г. по распоряжению Николая II было произведено несколько ревизий в учреждениях военного ведомства ряда военных округов, на казенных железных дорогах, в мостостроительных организациях и т. д. Возглавляли ревизии сенаторы Д. Б. Нейдгарт, Н. П. Гарин, А. А. Глицинский, Н. А. Дедюлин, граф О. Л. Медем, М. И. Трусевич и др. Назначение ревизий непосредственно связано с антимонополистическими выступлениями аграриев и правого большинства Государственной думы. В ходе выступлений против трестов и синдикатов противники монополий неоднократно оперировали фактами, разоблачавшими коррупцию известной части правительственного аппарата. Царское правительство, осуществлявшее политику лавирования между крупной буржуазией и аграриями, было вынуждено расследовать деятельность чиновников в ряде учреждений, ведавших распределением казенных заказов и поэтому тесно связанных с капиталистическими монополиями. Ревизии производились, как правило, скрытно и сопровождались обысками и изъятием документов в казенных учреждениях и в конторах частных фирм и акционерных компаний — поставщиков казны.

В итоге накопился огромный материал, характеризующий продажность царских чиновников, связи государственных учреждений с капиталистическими монополиями, приемы и методы разграбления государственной казны военными поставщиками. Некоторые сведения проникли в печать, показав такую бездну закулисных сделок, коррупций и других махинаций, что придворная камарилья, вынужденная выручать из беды многих влиятельных лиц, запутавшихся в скандальных связях с монополиями, стала настаивать на прекращении расследований. Под ее нажимом в октябре 1911 г. Николай II высказался за скорейшее окончание сенатских ревизий. Вскоре последовало распоряжение о прекращении с 1 января 1912 г. всех ревизий, не дожидаясь их завершения³. В этих действиях царского правительства сказалась противоречивость той обстановки, в которой развивался монополистический капитализм в России. Несмотря на огромный разоблачительный материал, последствия ревизий были ничтожны. Ни один из чиновников, уличенных в преступных связях с монополиями, не подвергся серьезному наказанию. Влияние капиталистических монополий на известную часть правительственного аппарата несколько не уменьшилось.

Но ревизии дали много ценного материала для изучения капиталистических монополий в начале XX в. и их связей с чиновным аппаратом царской России. Особенно большое значение, на наш взгляд, имеют сведения из ревизий, проведенных комиссиями сенаторов Н. П. Гарина⁴, Д. Б. Нейдгарта⁵ и Н. А. Дедюлина⁶.

² Хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ).

³ Там же, ф. 1395, оп. 1, д. 705, лл. 19, 26.

⁴ Ревизией Н. П. Гарина в 1908—1912 гг. обследовались установления и учреждения военного ведомства в Московской губернии. Материалы этой ревизии сосредоточены в ЦГИАЛ, ф. 1393. Некоторые сведения об этой ревизии, как и о ревизии сенатора Д. Б. Нейдгарта, были опубликованы Т. Д. Крупиной в статье «К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями». «Исторические записки». Т. 57. 1956.

⁵ Ревизиями Д. Б. Нейдгарта в 1910—1911 гг. обследовались мостостроительные операции (ЦГИАЛ, ф. 1333) и правительственные учреждения в Привислянском крае и Варшавском военном округе (там же, ф. 1334).

⁶ Н. А. Дедюлин в 1910 г. ревизовал учреждения и установления военного ведомства в Киевском и Одесском военных округах (там же, ф. 1394).

Документальные данные сенатских ревизий, обобщенные во «Всеподданнейших отчетах» и «Записке о синдикатах», написанной Нейдгартом и его сотрудниками, являются важными историческими источниками, характеризующими, в частности, степень охвата капиталистическими монополиями военной промышленности и военного судостроения.

Главными поставщиками царской армии и военного флота были казенные военные заводы (артиллерийские — Обуховский, Ижорский, Пермский; оружейные — Тульский, Ижевский, Сестрорецкий; пороховые — Охтенский, Казанский; судостроительные верфи в Николаеве и др.). Эти предприятия составляли основу военной промышленности России.

Оснащенные специальным и точным оборудованием, располагающие опытными кадрами квалифицированных специалистов и рабочих, эти заводы были приспособлены для производства разнообразных видов боевой техники и военных материалов. Однако казенных заводов было мало, и они не могли полностью обеспечить потребности армии. К тому же на работе этих предприятий отражались неповоротливость, крайняя бюрократичность царского государственного аппарата.

Частная капиталистическая промышленность, игравшая сначала сравнительно малую роль в снабжении армии и флота, после русско-японской войны начала приобретать существенное значение. Одна из особенностей народного хозяйства России в эпоху империализма состояла в том, что в нем до первой мировой войны фактически не существовало специализированной капиталистической военной промышленности, подобной военным предприятиям наиболее развитых стран Западной Европы (например, заводы Круппа в Германии, Шкода — в Австрии, Шнейдера — во Франции, Виккерс, Армстронг, Максим — в Англии и т. п.). Военные заказы выполнялись немногочисленными крупными металлургическими, металлообрабатывающими, механическими, машиностроительными и другими предприятиями, сочетавшими изготовление военных материалов с паровозо- и вагоностроением, производством различных машин, орудий и прочих предметов гражданского потребления.

Причина подобного явления лежала в общей экономической и политической отсталости царской России, обуславливавшей и военную отсталость. Руководители царской армии и флота не видели необходимости в постоянном расширении и увеличении боевой техники, в создании достаточных мобилизационных запасов, в разработке гибкой, продуманной и планомерной системы материального снабжения вооруженных сил. Единого плана такого снабжения не существовало. Военные заказы давались от случая к случаю, по мере возникновения потребности в соответствующих военных материалах. Это делало невозможной строгую специализацию частной промышленности на производстве военных материалов, порождало необходимость соединения военного производства с производством гражданской продукции.

Военная катастрофа на театре русско-японской войны заставила царский генералитет задуматься над организацией материального снабжения армии и флота. В 1907—1909 гг. к выполнению военных заказов стали все в большей степени привлекаться частные заводы. Однако универсальный характер последних создал специфические трудности в размещении военных заказов. На частных заводах не было специального оборудования и квалифицированных кадров для изготовления многих видов военных материалов. Наиболее благополучно обстояло дело с производством артиллерийских орудий и снарядов. Подавляющую часть заказов на орудия получало Общество Путиловских заводов, издавна изготавливавшее материальную часть для артиллерии. К 1911 г. девять крупных частных заводов производили артиллерийские снаряды разных калибров и мины⁷. Относительное благополучие наблюдалось в военном судо-

⁷ См. Е. З. Барсуков. Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). Т. II. М. 1949, стр. 111.

строении: ряд крупнейших частных предприятий (заводы Путиловский, Парвизайнен, Петербургский металлический, Беккер, Николаевский судостроительный и др.) обладал достаточными техническими возможностями и брал на себя значительную часть работ по воссозданию военно-морского флота, погубленного во время русско-японской войны.

Со значительно большими трудностями военное ведомство размещало среди частных заводов заказы на изготовление различного рода амуниции, инженерного имущества и других материалов. Из-за отсутствия специального оборудования некоторые виды военного снаряжения приходилось заказывать по отдельным деталям разным заводам, а затем собирать уже в воинских частях. Другие же военные материалы — снарядные дистанционные трубы, взрыватели, оптические приборы, винтовочные стволы, ружейные запасные части, пулеметы и проч., — требовавшиеся в массовых количествах, совершенно не изготавливались частной промышленностью.

Только в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, наметилась тенденция к возникновению крупных специализированных военно-промышленных предприятий и объединений в частной капиталистической промышленности России. Этому способствовало принятие в 1913 г. так называемых «малой судостроительной программы» и «большой программы» по перевооружению русской армии в связи с подготовкой к участию России в первой мировой империалистической войне. Накануне войны военное производство стало занимать все большую долю в производстве крупнейших металлообрабатывающих, машиностроительных, судостроительных и других акционерных предприятий. По архивным данным, в это время военная продукция у 9 металлургических, машиностроительных и судостроительных заводов (Коломенского, Сормовского, Николаевского судостроительного, Руссуд, Харьковского паровозостроительного, Никополь-Мариупольского, Гартмана, Брянского и Тульского патронного) составляла около 80% их производства⁸. Несмотря на это, военная промышленность России оставалась слабой, неподготовленной к «большой войне» эпохи империализма.

Слабость русской казенной и частной военной промышленности не могла не сказаться на боеспособности царской армии. Россия, обладавшая наиболее многочисленной армией, значительно уступала как своим союзникам, так и будущим противникам в оснащении боевой техникой и материальными средствами. Например, перед первой мировой войной на одну пехотную дивизию в Германии приходилось 14 артиллерийских батарей с 80 орудиями, а в России — только 7 батарей с 54 орудиями. В Германии на одну пехотную дивизию приходилось 8, в Австрии — 4 тяжелых орудия, в России же — ни одного⁹. На тысячу штыков пехоты в германской армии приходилось 4,4 артиллерийских орудия, во французской — 3,8, а в русской армии — 3,4 орудия¹⁰.

Привлечение частной капиталистической промышленности к выполнению военных заказов вызвало, в силу значительной концентрации производства в ней, развитие монополистических тенденций.

После русско-японской войны частные военные предприятия постепенно начали входить в монополистические объединения. Фрагмент записки Нейдгарта по поводу деятельности морского министерства содержит такое указание: «Синдикатское движение, охватившее нашу промышленность, развиваясь постепенно, вторгнулось, наконец... даже в область государственной обороны, стремясь подчинить, в отношении расценки заказов, своему воздействию и эту важнейшую из наиболее существенных отраслей государственной деятельности...»¹¹.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 1, д. 578, л. 56.

⁹ Е. З. Барсуков. Указ. соч. Т. I. М. 1948, стр. 169 и сл.

¹⁰ Там же, стр. 175.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 22, л. 56.

В рассматриваемый период возникло значительное число монополистических объединений, специально занимавшихся снабжением армии и военно-морского флота вооружением и снаряжением. Формы этих организаций еще не носили развитого характера¹². Некоторые из них создавались ради получения одного крупного заказа, другие были сравнительно более устойчивы, принимая формы картелей и пулов¹³.

Для нас представляют интерес наиболее устойчивые военно-промышленные монополии, объединявшие крупные акционерные предприятия и фирмы, функционировавшие длительное время. На основании имеющихся материалов можно установить существование в рассматриваемый период не менее четырех подобных военно-промышленных монополий, а именно: картеля заводов по поставке обозов для инженерного и интендантского ведомств, пула интендантского имущества, объединения заводов по производству и поставке артиллерийских орудий, снарядов и мин, объединения заводов военного судостроения.

Рассмотрим каждое из этих объединений.

О существовании картеля заводов по поставке обозов для инженерного и интендантского ведомств ревизии Нейдгарта стало известно из документов, найденных при обыске квартиры представителя Общества Путиловских заводов В. И. Тейхмана. Соглашение об образовании картеля было заключено 21 ноября 1906 г. между товариществом Петербургского вагоностроительного завода, акционерным обществом механических заводов «Лильпоп, Рау и Левенштейн» в Варшаве, акционерным обществом Русско-Балтийского вагонного завода в Риге, чугунолитейным и машиностроительным заводом И. Ф. Рекоша «Минерва» в Ковно и Обществом Путиловских заводов¹⁴. О величине этих предприятий можно судить по тому, что совокупный акционерный капитал четырех из них (кроме завода «Минерва») составлял 23,3 млн. руб., то есть 35,8% основного акционерного капитала в данной отрасли¹⁵. Годовая продукция всех пяти предприятий составляла в 1909 г. 35,8 млн. рублей¹⁶. Участники соглашения в конце 1906 г. обязались на торгах по поставке обозов инженерному управлению распределить заказ по жребию только между тремя заводами — Петербургским вагоностроительным, «Минерва» и «Лильпоп, Рау и Левенштейн». Остальным заводам, не участвовавшим в исполнении заказа, полагалась компенсация из особого фонда, составленного из отчислений в размере 10% от суммы заказа, полученного заводами-исполнителями. Две трети этого фонда делились между заводами, не получившими заказа, а оставшаяся треть — между заводами-исполнителями, обратно пропорционально их доле в поставке¹⁷. Цены на поставку назначались всеми участниками соглашения по взаимной договоренности.

Хотя ноябрьское соглашение 1906 г. и было заключено на одни торги, оно послужило основанием для всех последующих операций картеля. На

¹² Ревизоры в составленных ими документах, не различая отдельные формы монополии, называли все обнаруженные ими модным в то время термином «синдикат». Поэтому применение этого термина в цитируемых документах не может служить доказательством существования в военной и судостроительной промышленности объединений в виде синдикатов.

¹³ Картелями называются, как известно, монополистические союзы, объединяющие своих участников на основе соглашения о действиях в области получения заказов, условиях сбыта продукции, районах сбыта, установления цен и т. п. Пулом называется монополистическое объединение, созданное для распределения прибылей между участниками по заранее определенным долям.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 22, л. 30.

¹⁵ Подсчитано по данным сборника «Акционерно-паевые предприятия России на 1912 год» (СПБ. 1912) и официальному «Сборнику сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях». СПб. 1914. Данные за 1910—1911 годы.

¹⁶ Подсчитано по данным Л. К. Езиоранского в справочнике «Фабрично-заводские предприятия Российской империи». СПб. 1909.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 22, л. 30.

этих же условиях картель выступал на торгах по поставкам обозов инженерному и интендантскому управлениям и в течение 1906—1908 годов. В ноябре 1907 г. к соглашению примкнуло акционерное общество вагоностроительного завода «Двигатель» в Ревеле (акционерный основной капитал — 3,6 млн. руб., 853 рабочих, годовое производство — 1,7 млн. руб.). В сентябре 1908 г. участником картеля стало общество железнодорожных, сталелитейных и механических заводов «Сормово» (акционерный основной капитал — 10 млн. руб., 12 тыс. рабочих, годовое производство — 15 млн. руб.). В январе 1909 г. в картель вступил завод «Криштоф Браун и сын», но его участие было непродолжительным, так как уже в первой половине января 1909 г. картель распался.

Пул интендантского имущества возник 12 января 1909 года. В него вошли все восемь участников рассмотренного выше картеля¹⁸. Доля шести из них (без заводов «Минерва» и «Криштоф Браун и сын») составляла 56,8% основного акционерного капитала отрасли¹⁹. Целью соглашения являлся захват заказов интендантства на обозы, части к обозам, различные металлические предметы инженерного и интендантского имущества, а также повышение цен на указанные военные материалы, распределение заказов и прибылей от них между участниками объединения. Вошедшие в объединение предприятия установили доли участия (квоты) при распределении заказов: семь участников получили квоту в 12,5% от суммы заказов, а завод «Криштоф Браун и сын» — 6,25%²⁰. Каждый из заводов, получавших заказ интендантства, отчислял 10% от его суммы в общий фонд, который делился затем между всеми участниками соглашения пропорционально квотам²¹. Впоследствии, в марте 1911 г., соглашение было изменено таким образом, что разделу подлежало лишь две трети фонда. Анализ соглашения показывает, что указанное объединение носило на себе типичные признаки пула.

Объединение заводов по производству и поставке артиллерийских орудий, снарядов и мин возникло примерно в то же время, что и предыдущее.

Формальный договор между участниками соглашения не обнаружен, но обширная переписка бесспорно доказывает его существование. Как указывал Н. П. Гарин, «артиллерийская металлургическая промышленность... синдицируется почти для каждого крупного подряда. Цель и неизбежное последствие предторговых соглашений — поднятие цен настолько, чтобы барышей хватило на всех участников соглашения, — даже и тех, которые не будут выполнять заказа, на каковой расход, кроме всех прочих, синдикат отчисляет обыкновенно 10% стоимости всего изготовления»²². Следовательно, и это объединение можно назвать пулом. В нем участвовали: Общество Путиловских заводов, акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, общество «Сормово», общество машиностроительного и чугунолитейного завода «Рудзкий и К°» в Варшаве, завод «Лильпон, Рау и Левенштейн», товарищество механического завода «Парвиайнен и К°», компания Петербургского металлургического завода и Общество судостроительных, механических и литейных заводов в Николаеве²³. Все члены объединения имели соответствующую долю участия в заказах. При этом велся так называемый «долевой счет», в котором фиксировались все заказы с указанием «недоборов» и «переборов» относительно доли участия.

¹⁸ Там же, л. 34.

¹⁹ Подсчитано по сборнику «Акционерно-паевые предприятия России на 1912 г.» и «Сборнику сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях».

²⁰ ЦГИАЛ. Квота в 6,25% оставалась в резерве на случай вступления в объединение новых участников.

²¹ Там же и сл.

²² Там же, ф. 1393, оп. 2, д. 456, л. 367.

²³ Там же, ф. 1333, оп. 2, д. 22, л. 41.

Соглашение об организации объединения заводов военного судостроения было заключено 4 августа 1910 г. между Обществом судостроительных заводов в Николаеве, Обществом Путиловских заводов и компанией Петербургского металлического завода. Оно предусматривало монополизацию и распределение между названными предприятиями заказов на башенные установки для военно-морских судов и береговых укреплений и совместное установление цен на эти установки²⁴. В частности, принятые в 1910 г. заказы на 2 комплекта башенных установок для Балтийского флота были распределены поровну между Петербургским металлическим и Путиловским заводами, а заказы на 3 комплекта башенных установок для Черноморского флота — между Путиловским и Николаевским судостроительными заводами, причем последний получил заказ на изготовление двух из этих комплектов в виде компенсации за отказ от исполнения заказов для Балтийского флота²⁵.

Наряду с перечисленными существовали и другие монополистические объединения, захватывавшие в свои руки поставки интендантству предметов вещевого довольствия: шинельного и мундирного сукна, обуви, саперного и шанцевого инструмента, различных металлических изделий и т. п. Эти объединения, хотя и не имели такого же прочного и длительного характера, как предыдущие, но играли существенную роль в поставках военному ведомству.

Универсальный характер предприятий, выполнявших военные заказы, то есть изготовление ими военной и гражданской продукции, был причиной того, что одни и те же предприятия являлись участниками как гражданских, так и военно-промышленных монополий. Например, общества Путиловских заводов, «Сормово» и Брянских заводов, участвовавшие в рассмотренных выше военно-промышленных монополиях, входили одновременно в синдикаты «Союз мостостроительных заводов», «Союз паровозостроительных заводов» и «Продвагон». Общество Николаевских судостроительных заводов и верфей и завод «Лильпоп, Рау и Левенштейн» принимали участие в военных монополиях и в мостостроительном и вагоностроительном синдикатах. Общество Петербургского вагоностроительного завода входило также и в вагоностроительный синдикат, общество завода «Рудзкий и К°» — в мостостроительный синдикат и т. д. Такое переплетение военных и гражданских монополий и финансировавших их банков создавало единую систему монополистического капитализма в русской промышленности. Между участниками объединений создавалась более или менее устойчивая общность интересов, способствующая в конечном счете развитию трестирования²⁶.

Тенденция к образованию военно-промышленных трестов в России стоит в непосредственной связи с деятельностью могущественных финансовых групп, опиравшихся на крупнейшие банковские монополии (Русско-Азиатский банк, Петербургский международный банк и др.). Эти группы, учитывая колоссальную прибыльность военных поставок, а также неизбежный подъем спроса на военные материалы в связи с ростом милитаризма и развитием экспансионистских стремлений империалистической России, еще до начала первой мировой войны задались целью создать собственных Круппов и Армстронгов. Путем различных финансовых комбинаций и «реорганизаций» эти финансовые группы сколачивали объединения трестовского типа.

Таким являлось, например, объединение военно-промышленных предприятий, образованное финансовой группой А. И. Путилова (Общество

²⁴ Там же, л. 46.

²⁵ Там же, л. 21, л. 7.

²⁶ Подробное рассмотрение процесса трестирования в военной промышленности лежит вне темы и материалов настоящего сообщения. Об этом см. В. И. Б о в ы к и н и К. Н. Т а р н о в с к и й. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России. «Вопросы истории», 1957, № 2.

Путиловских заводов, Невский завод, завод «Парвияйнен», Общество русско-балтийских судостроительных заводов в Ревеле, завод Барановского, Общество тульских чугуноплавильных заводов). Оно представляло собою комбинат военных и судостроительных заводов, имевший собственную металлургическую базу, производство взрывчатых веществ и т. д. Сюда относится также объединение машиностроительных, военно-промышленных, судостроительных и металлургических заводов (Общество Коломенских заводов, Кулебакский завод, Общество «Сормово», Общество Белорецких заводов, Бачмановский завод (бывший Липгарта), образованное финансовой группой А. И. Вышнеградского. Эта же группа еще до войны начала строительство крупнейшего артиллерийского завода в Царицыне, она же после ожесточенной борьбы с группой Русско-Азиатского банка создала военно-судостроительный трест путем фактического слияния Общества Николаевских заводов и верфей с Русским судостроительным акционерным обществом. Таким образом, развитие военно-промышленных монополий низших типов привело к образованию монополистических союзов высших типов.

Главная цель всех монополистических объединений в военной промышленности состояла в повышении прибыли их участников путем захвата и распределения между ними военных заказов и назначения высоких монопольных цен. Военно-промышленные монополии находились в тесной связи с учреждениями военного ведомства, распределявшими заказы. Захвату и сосредоточению военных заказов в руках монополий способствовали условия их раздачи, выработанные военным ведомством. Прежде всего получение военного заказа требовало внесения большого залога, что было под силу только крупным фирмам. Другим благоприятным для монополий фактором была централизация всего дела распределения заказов в руках высших военных учреждений, влияние на которые могли оказывать только крупнейшие фирмы. Как указывал сенатор Н. А. Дедюлин, «сосредоточение распределения подрядов при центральном управлении делает доступным участие в них лишь ограниченного числа лиц, наиболее крупных производителей... и лица эти путем взаимных соглашений имеют возможность устанавливать цены, значительно превышающие действительные рыночные»²⁷.

Облегчала деятельность военно-промышленных монополий также система торгов (аукционов). На торги приглашались желавшие получить заказ фирмы. Заказ выдавался тем из них, которые предлагали наименьшую цену. Благодаря хорошо продуманной и организованной тактике монополии захватывали заказы по выгодным для них ценам. Сенатор Н. П. Гарин так описывал существо деятельности этих объединений: «Все предторговые соглашения в существе совершенно одинаковы: на собрании конкурентов определяется цена, по которой надлежит взять заказ, устанавливается, какую долю предъявленного к торгу количества возьмет каждый из участников выполнения заказа, какую денежную компенсацию должны будут получить от выполнения заказа те заводы, которые остаются по каким-либо соображениям на этот раз без заказов, и как эти заводы будут удовлетворены работой при будущих торгах, в каком количестве и каким порядком надлежит израсходовать деньги на уплату вознаграждения коммиссионерам и должностным лицам»²⁸.

Основным методом получения заказов и взвинчивания цен являлись фиктивные, инсценированные торги. На заседаниях перед торгами участники монополий намечали «основную цену» предстоявшего заказа, а также еще более повышенные «покровительственные цены». Тут же договаривались о заводах — исполнителях заказа. На торгах последние назначали цену несколько более высокую, чем «основная цена»; в ходе аукцио-

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1394, оп. 1, д. 41, л. 225.

²⁸ Там же, ф. 1393, оп. 2, д. 456, л. 55.

на она доводилась путем постепенных скидок до уровня «основной цены». Остальные предприятия, входившие в монополию, также участвовали в торгах, но предлагали завышенные, «покровительственные цены». Таким образом, «основная цена», установленная монополией, оказывалась наименьшей, и заказ неизменно доставался намеченным заранее исполнителям. На случай участия в торгах немонополизированных фирм монополии намечали пониженные «боевые цены», а в некоторых случаях, чтобы не упустить заказа, они предоставляли заводам-исполнителям право назначать и произвольную цену, действуя в соответствии с обстановкой. Иногда фирмам, не входившим в монополию, уплачивались «отступные» за их отказ от участия в торгах. Благодаря такой тактике «самая процедура торгов обратилась в фикцию»²⁹.

Повышение монополиями цен на вооружение и предметы боевого и вещевого снабжения стоило казне колоссальных средств. Так, при торгах, где распределялся заказ на артиллерийские снаряды, в марте 1909 г. благодаря монополистическим соглашениям казна переплатила за каждый снаряд по 8 руб. 70 коп., а за всю заказанную партию — 705 тыс. рублей. На торгах 15 марта 1910 г. казна переплатила по 24 руб. 25 коп. за каждый снаряд, а за всю партию — около 3 млн. рублей. Как правило, цены на изделия в два и более раза превышали их себестоимость. Так, Петербургский металлический завод получил заказ на 4 башенные установки на сумму в 4,7 млн. руб., в то время как себестоимость этих установок составляла только 2,3 млн. рублей. Николаевский судостроительный завод при себестоимости снаряда в 25 руб. 75 коп. заявлял цену в 53 руб. за штуку, и т. д.³⁰. Сенатор Н. П. Гарин полагал, что по всем подрядам интендантства казна переплачивала не менее 5—10%, а по некоторым заказам (например, металлических вещей) — почти вдвое больше их действительной стоимости. По его расчетам, ежегодный убыток казны на предметах вещевого довольствия из-за переплат интендантства составлял не менее 2 млн. руб., а вместе с продовольствием и фуражом — не менее 5 млн. рублей³¹.

Подобное положение приносило участникам военно-промышленных монополий огромные сверхприбыли. Нейдгарт в цитированной выше записке о деятельности Морского министерства писал: «Везде доминирует стремление как можно больше извлечь выгоды, нажить сто на сто, а казна, не видя этого, покорно идет навстречу алчным аппетитам заводов»³². Примеры получения огромных прибылей приводит и Н. П. Гарин. Так, по его данным, прибыли Общества Путиловских заводов на военных поставках, по уменьшенным данным, учитывая бухгалтерские махинации, составляли 35—50%, а Общество Брянского завода — не менее 80% стоимости заказов. «Коммерческая алчность поставщиков воинских предметов, не погашаемая ни патриотизмом, ни гуманностью, большая сила...» — констатировал Н. П. Гарин³³.

Хищничество военно-промышленных монополий ложилось тяжелым бременем на плечи трудящихся, в первую очередь пролетариата и крестьянства. Казна могла удовлетворить алчные аппетиты военных поставщиков только путем усиления налогового гнета. Общая сумма налоговых поступлений возросла с 996,3 млн. руб. в 1900 г. до 1 746,2 млн. руб. в 1910 г. и до 2 111,1 млн. руб. в 1913 г.; при этом прямые налоги возросли соответственно со 131,9 млн. руб. до 216,1 млн. руб. и до 272,5 млн. руб., а косвенные налоги (включая доходы от винной монополии) — с 775,7 млн. руб. до 1 359,7 млн. руб. и до 1 607,4 млн. рублей³⁴. Следовательно,

²⁹ Там же, ф. 1333, оп. 2, д. 22, л. 36.

³⁰ Там же, л. 45.

³¹ Там же, ф. 1393, оп. 2, д. 455, л. 83.

³² Там же, ф. 1333, оп. 2, д. 22, л. 55.

³³ Там же, ф. 1393, оп. 2, д. 22, л. 94.

³⁴ «Ежегодник России 1910 г.»; «Статистический ежегодник России. 1915 г.», разд. XII

все виды налогового обложения возросли за указанные годы более чем в два раза. Это безмерно усиливало нищету широких масс народа, в то время как «торговцы смертью» жирели под обильным золотым дождем военных прибылей.

Сверхприбыльные операции могли осуществляться военно-промышленными монополиями только при особ^о тесной их связи с аппаратом военного ведомства, только при помощи подкупленного чиновничества. Многочисленные факты свидетельствуют о сращивании и переплетении аппарата монополий с аппаратом военного ведомства. Ряд крупных военных чиновников в генеральских и адмиральских чинах состоял на службе у монополизированных предприятий в качестве «консультантов» на твердом жалованье (например, генералы Н. Е. Титов, К. П. Боклевский и др.). Ревизиями была обнаружена чудовищная коррупция в учреждениях военного и морского министерств. Во «Всепопданнейшем докладе» сенатор Нейдгарт писал: «Подавляющее большинство ревизионных производств обнаружило, в ужасающей степени развитые, мздоимство, лихоимство и высшую степень последнего — вымогательство»³⁵. Подкупленные военные и морские чиновники за солидное вознаграждение вели разведывательную работу в пользу монополий, сообщая им все данные о предполагаемых заказах, их сроках, условиях торгов, намеченных ценах и т. д. Подобное «обслуживание» монополий Нейдгарт прямо квалифицировал как экономический шпионаж.

Тайная агентура среди военных и морских чиновников передавала монополиям даже военные секреты. Так, документы, изъятые в конторе Николаевского судостроительного завода, показали, что начальник отдела сооружений Морского технического комитета генерал-майор Радлов регулярно сообщал уполномоченному Николаевского завода И. А. Идельсону сведения, не подлежащие оглашению³⁶; адмирал М. Ф. Лоцинский вручил тому же Идельсону чертежи и технические условия на шаровые мины, которые из-за их особой секретности предполагалось заказывать по частям заводам, а сборку производить в Кронштадте. Директору того же завода И. С. Каннегиссеру были известны секретные данные о технических условиях проектируемых башенных установок для крупнокалиберных орудий линейных кораблей с приложением чертежей. Завод получал от своих «интимных друзей» (так они именуются в переписке) адмирала Родионова, генерал-лейтенанта Ф. Я. Поречкина, капитана 2-го ранга С. С. Погуляева и многих других выписки из журналов Морского технического комитета, копии технических заданий на предполагавшиеся к строительству корабли, чертежи, расчеты и технические условия различных корабельных устройств, механических частей и пр., сметы, копии переписки этого комитета и морского министерства с другими ведомствами и т. п. секретные данные.

Получение заказов монополиями сопровождалось раздачей обильных взяток чинам соответствующих учреждений и ведомств. Взятничество превратилось в традицию. Во «Всепопданнейшем докладе» Нейдгарт писал: «Почти полная безответственность и незначительность кары в весьма редких случаях предания суду мздоимцев и лихоимцев привели к тому прочно установленному ревизией явлению, что получение заказов... обычно связано с крупными расходами на денежные подарки должностным лицам, которые заранее учитываются при взятии заказов и подрядов, вызывают переплаты казны, в отдельных случаях весьма крупные, и производятся по определенной системе, чаще всего в виде процентных отчислений с каждой получаемой подрядчиком и поставщиком суммы»³⁷. Хло-

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 1, д. 2, л. 5.

³⁶ Там же, оп. 2, д. 29, лл. 2, 3, 14.

³⁷ Там же, оп. 1, д. 2, л. 5.

поты «по проведению» дела и заключению контракта обходились военным поставщикам в $1\frac{1}{2}$ —2% стоимости поставки³⁸.

Если же учесть все расходы по взяткам, которые несли военные поставщики от получения заказа до сдачи его военной приемочной комиссии, то они составляли, по расчетам сенатора Н. А. Дедюлина, 5—6% от суммы поставки. Причем различные должностные лица получали взятки с учетом занимаемой ими должности, их роли в раздаче и приемке заказов. Существовал даже особый «прейскурант платежей», в соответствии с которым раздавались взятки. Сенатор Дедюлин, приведя в своем отчете один из таких прейскурантов, сделал вывод, что отношения между военными поставщиками и чиновниками характеризуются «систематическим и вполне определенно нормированным взяточничеством». Вся система раздачи и приемки заказов была такова, что «платить приходилось всегда и нельзя было не платить»³⁹. Военные чиновники брали взятки за сведения, сообщаемые монополиям, за осуществление формальностей, за отстранение конкурентов и т. д. Размер их колебался от нескольких десятков рублей до десятков тысяч. Бывали случаи, когда подкупленные чиновники не включали в списки участников торгов немонополизированные фирмы. Например, в 1909 г. чиновники Главного артиллерийского управления не включили в список участников торгов на мелинитовые и тротилловые бомбы завод Гольстрем и К° («Вулкан»), выступавший на торгах конкурентом объединения заводов, поставлявших артиллерийские орудия, снаряды и мины. «Друзья» монополий давали предписания заказывать изделия только у определенных, входивших в объединения фирм, устанавливали технические и приемочные условия, выгодные участникам монополий и невыгодные их конкурентам, утверждали только те образцы изделий, которые были представлены монополиями, отменяли повторные испытания при обнаружении в изделиях каких-либо дефектов и т. п. С нескрываемой иронией сенатор Гарин писал об архиплутах из интендантства, которые могут обмануть кого угодно, но «оказываются совершенно лишними коммерческого соображения» именно в тех случаях, когда сталкиваются с монополиями.

Влияние монополистов на центральные военные учреждения царизма благодаря коррупции было огромным. Как отмечал сенатор Н. П. Гарин, монополии «сами диктуют условия поставок, а к осуществлению своих коммерческих мероприятий имеют под руками все средства, до получения секретных цен и до перемещения по их желанию должностных лиц включительно»⁴⁰. Подобное положение далеко выходило за рамки обычного плутократизма, характерного для государственного аппарата самодержавия и в домонополистическую эпоху. Тут налицо довольно развитый и далеко зашедший процесс подчинения известной части правительственного аппарата царизма монополистическому капиталу, свидетельствующий о перерастании русского монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Об этом же процессе свидетельствует также вхождение крупных военных чиновников в правления акционерных компаний — участников монополий военной промышленности, особенно участвовавшее перед первой мировой войной. В этот период, например, генерал-лейтенант А. Ф. Бринк, бывший начальник Главного управления кораблестроения и главный инспектор морской артиллерии, стал директором Путиловского завода; вице-адмирал И. Ф. Бострем, бывший начальник морских сил на Черном море и товарищ морского министра, занял место председателя правления Общества Николаевских судостроительных заводов; генерал В. М. Иванов стал членом правления того же общества; генерал по адмиралтейству А. П. Миллер, бывший начальник казенного

³⁸ Там же, ф. 1393, оп. 2, д. 455, л. 23.

³⁹ Там же, ф. 1394, оп. 1, д. 41, л. 231.

⁴⁰ Там же, ф. 1393, оп. 2, д. 455, л. 20.

Обуховского завода, занял пост директора строившегося Царицынского артиллерийского завода, и т. д.

Частная военная промышленность, охваченная монополиями, уже перед первой мировой войной обнаружила все признаки загнивания, свойственного монополистическому капитализму вообще. Это загнивание было значительно более опасным в этих отраслях, чем в других, потому, что оно ослабляло военную мощь России.

Пользуясь поддержкой и покровительством военных чиновников, монополии без большого риска срывали сроки поставок. По данным сенатора Гарина, в течение 1903—1908 гг. 60% заказов артиллерийского ведомства были выполнены со значительными опозданиями против установленных сроков, причем неустойки с неисправных поставщиков за срыв сроков поставок в размере 274,2 тыс. руб. не были взысканы⁴¹. В 1908 г. Путиловский завод получил по дорогой цене спешный заказ на 48-линейные фугасные мелинитовые бомбы и шрапнели, причем на дооборудование для выполнения этого заказа казной было отпущено заводу около 1 млн. рублей. Однако за 3 месяца до срока исполнения заказа завод возбудил ходатайство об отсрочке на 13 месяцев, ссылаясь на «умеренные цены», забастовки и большие расходы по оборудованию производства. Ходатайство было удовлетворено, и военное ведомство не получило в срок «спешного» заказа⁴². Сормовский завод выполнил контракт на изготовление одной крупной партии мортирных бомб на 52 месяца позже срока, а другой партии таких же бомб — на 5 лет позже срока. Завод «Рудзкий» исполнил заказ на большую партию шрапнелей с опозданием на 15½ месяцев. Брянский завод, получивший в январе 1904 г. заказ на изготовление бронебойных бомб на сумму около 200 тыс. руб., не выполнил его даже к 1912 году. В подобных случаях подкупленные чиновники помогали монополизированным предприятиям вернуть пени и неустойки, получая солидный процент от возвращенных сумм⁴³.

Другие источники также подтверждают факты систематического срыва сроков исполнения военных заказов. Так, во «Всеподданнейшем докладе» государственного контролера П. А. Харитонова, относящемся к 1913 г., указывалось, что военные поставщики выполняют заказы «с задержками против договорных сроков». Путиловский завод, например, взявший в июле 1910 г. крупный заказ на скорострельные крупнокалиберные гаубицы сроком на 13 месяцев, к январю 1913 г. выполнил лишь 1/5 поставки; получив тогда же заказ на солидную партию фугасных бомб сроком на 6 месяцев, завод выполнил его к началу 1913 г. лишь на 25%. В некоторых случаях военные поставщики, получив аванс под исполнение заказа, так и не приступали к изготовлению продукции. В результате этого военные ассигнования расходовались не полностью⁴⁴. Систематическое невыполнение военных заказов в назначенные сроки подрывало боееспособность царской армии.

Всеполо на содержании монополий находились и местные приемочные комиссии военных учреждений. «Постоянное совместное получение незаконных доходов коренным образом развратило приемочные комиссии», — писал Н. П. Гарин⁴⁵. Это позволяло безнаказанно поставлять заведомо негодное вооружение, боеприпасы, снаряжение и вещевое довольствие. Ревизия Н. П. Гарина собрала большое количество отзывов артиллерийских частей о качестве орудий. «Неисправность орудий такова, — писал Н. П. Гарин, — что, по донесению одного из командиров батарей, не проходит ни одной стрельбы, чтобы из строя не было выведено одно — два орудия вследствие поломок». Командиры частей сообщали,

⁴¹ Там же, д. 456, л. 157.

⁴² Там же, д. 456, лл. 88 и сл.

⁴³ Там же, д. 455, л. 24.

⁴⁴ Там же, ф. 966, оп. 1, д. 15, лл. 60, 61.

⁴⁵ Там же, ф. 1393, оп. 2, д. 455, л. 33.

что «гаубицы Путиловского завода очень ненадежны». На стрельбах из этих гаубиц обнаруживалось сильное расстройство прицельных приспособлений и неправильное действие компрессоров при выстрелах. Снаряды, поставляемые Сормовским заводом, неоднократно возвращались обратно из-за их неудовлетворительного качества. Но нередко негодные снаряды доходили до воинских частей. Артиллерийские батареи докладывали: «...никелировка со шрапнелей облезла, ... снаряды выпадают из гильз; в иных сильно слежавшийся и разложившийся порох, а в некоторых патронах оказалась даже вода вместо пороха...». Во многих случаях отмечалась некомплектность боеприпасов. В отчете ревизии читаем: «От 12-ти батарей имеются сведения, что в боевых комплектах этих батарей находятся в огромном количестве негодные дистанционные трубки, или же не отпущено по несколько сот трубок». Третья горная батарея 2-го Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона сообщала, что у нее имелось «60 процентов неразорвавшихся снарядов и заглухших трубок...». В июне 1910 г. на этой батарее «исследования... трубок показали их полную негодность: пороховой состав кольцевых желобков не горел и не воспламенялся»⁴⁶.

Приемочные комиссии за взятки брали вещевое довольствие неудовлетворительного качества. Экспертизой было установлено, что московская приемочная комиссия интендантства «принимала 50% сапог, не соответствующих существенным требованиям описания...». Та же экспертиза установила, что громадное большинство сапог, принятых согласно описанию, «не отвечают ни своему назначению, ни стоимости изготовления, так как крайний срок их службы — два месяца»⁴⁷. Множество подобных примеров приведено в материалах и отчете ревизии.

Таким образом, хищничество военно-промышленных монополий еще задолго до первой мировой войны значительно подрывало боеспособность русской армии и военного флота.

Следует остановиться на связях участников военно-промышленных монополий с иностранным капиталом.

В. И. Ленин указывал, что всеобщей и несомненной тенденцией в эпоху империализма является переплетение финансового капитала различных империалистических стран, причем этот капитал делает «великолепные дела» на вооружениях и войнах⁴⁸. В статье «Вооружения и капитализм» В. И. Ленин писал: «Вооружения считаются национальным делом, патриотическим делом; предполагается, что все строго оберегают тайну. А судостроительные и пушечные, динамитные и ружейные фабрики и заводы представляют из себя международные предприятия в которых капиталисты разных стран дружно надуют и обдирают, как липку, «публику» разных стран, строя суда или пушки одинаково для Англии против Италии, для Италии против Англии»⁴⁹.

Международное переплетение финансового капитала проявлялось особенно в промышленности России, представлявшей собою, по характеристике В. И. Ленина, не вполне самостоятельную империалистическую державу⁵⁰. Участники военно-промышленных монополий находились в зависимости от иностранного капитала, во-первых, в техническом отношении и, во-вторых, в финансовом отношении.

Техническая зависимость выражалась в том, что между крупными русскими военно-промышленными компаниями и иностранными фирмами заключались долгосрочные соглашения о «технической помощи». Иностранные фирмы передавали русским свои патенты и технические данные на те или иные виды вооружения, посылали своих инженеров и техников

⁴⁶ Там же, д. 456, лл. 209, 210, 225, 226, 230.

⁴⁷ Там же, д. 455, л. 32.

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 201 и сл.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 83—84.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Тетради по империализму. М. 1939, стр. 162.

на русские заводы и верфи для налаживания производства, принимали русских инженеров на свои заводы для практики и стажировки и т. п. За это русские фирмы уплачивали иностранным огромное вознаграждение. Подобные соглашения имелись у Общества Путиловских заводов с французским военным концерном Шнейдер — Крезе, германскими трестами Крупп, Блом и Фосс, австрийским концерном Шкода; у завода Парвайнен — со Шнейдером; у Общества Беккер — с французской фирмой Августин Норман; у Балтийского и Франко-Русского заводов — с английским военным концерном Виккерс и фирмой Джон Броун; у Николаевско-Мариупольского металлургического общества, изготовлявшего броневую сталь, — с Круппом и т. д. При этом между иностранными фирмами шла ожесточенная борьба за захват влияния на русские военно-промышленные предприятия, а следовательно, и за связанные с этим колоссальные барыши. Примером этому может служить долголетняя упорная борьба между Круппом и Шнейдером за влияние на Путиловские заводы, получившая освещение в литературе ⁵¹.

Дополнительным материалом о «техническом сотрудничестве» между русскими и иностранными военно-промышленными монополиями и цене этого «сотрудничества» может служить документальный материал, полученный ревизией Д. Б. Нейдгарта. При обыске в правлении Николаевских судостроительных заводов было обнаружено патентное соглашение с английской фирмой «Торникрофт», согласно которому Николаевскому заводу за большое вознаграждение передавалось право использования патента «Торникрофт» на сооружение миноносцев. В 1911 г. Общество Николаевских заводов заключило договор с английским военно-промышленным концерном Виккерс, по которому английская фирма брала на себя разработку проектов, чертежей, смет строящихся Николаевским заводом по заказам морского министерства военных судов, а также техническое руководство этим строительством, а Николаевский завод обязывался уплачивать фирме Виккерс определенное вознаграждение. За разработку технических проектов трех броненосцев на Черном море Общество Николаевских заводов должно было уплатить «Виккерс» по 45 тыс. ф. ст. и за «гарантию» их качества и своевременность сдачи по 75 тыс. ф. ст. с каждого судна ⁵². При строительстве же всех других военных кораблей вознаграждение концерну Виккерс определялось в зависимости от водоизмещения судов: до 5 тыс. т — не менее 25 тыс. ф. ст. с каждого корабля; от 10 тыс. т до 15 тыс. т — по 4 ф. ст. с каждой тонны; за 20 тыс. т — по 3³/₄ ф. ст. с каждой тонны; от 20 тыс. т до 25 тыс. т — по 75 тыс. ф. ст. с каждого корабля и свыше 25 тыс. т — по соглашению ⁵³. Таким образом, договор с Обществом Николаевских заводов должен был обеспечить концерну Виккерс миллионные барыши.

Договоры, подобные приведенным, были не только кабальными, обогащавшими иностранных монополистов за счет русских налогоплательщиков, то есть за счет пародных масс. Они ослабляли военную мощь России, так как военные секреты ее становились известными иностранным «консультантам», а также потому, что русские фирмы, связанные соглашениями, не могли в соответствующих случаях выбирать себе других, более подходящих и квалифицированных помощников как в России, так и за границей, кроме фирм, с которыми они состояли в договорных отношениях. Приведенные соглашения, как указывал сенатор Нейдгарт, являлись по самому существу их изменническими ⁵⁴.

⁵¹ См. М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. М.-Л. 1939, глава VI; Энгельбрехт и Ханиген. Торговцы смертью. М. 1935, глава 9.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 21, лл. 46, 49.

⁵³ Там же, д. 21, л. 49.

⁵⁴ Там же, д. 22, л. 55.

Наряду с технической зависимостью существовала и финансовая зависимость русских военно-промышленных предприятий от иностранных финансовых групп и банков. Почти все русские акционерные компании, производившие вооружение, были связаны с иностранными — германскими, франко-бельгийскими и английскими — банками. Акции их во многих случаях котируются на иностранных биржах. Расширение производства, различного рода «реорганизации» и т. п., проводившиеся русскими предприятиями, были связаны с необходимостью дополнительных выпусков акций. Эти финансовые операции проводились русскими банковскими монополиями совместно с иностранными банками и фирмами, получавшими возможность влияния и контроля за деятельностью соответствующих русских предприятий.

Примером такой зависимости могут служить отношения между Обществом Николаевских судостроительных заводов и верфей и иностранными финансовыми группами, документы о которых были выявлены ревизией сенатора Нейдгарта.

Общество Николаевских судостроительных заводов являлось предприятием, работавшим преимущественно на французские капиталы. Правление этого общества до 1912 г. состояло исключительно из французов. Во время экономического кризиса начала 1900-х годов оно находилось накануне финансового краха и попало в правительственную опеку.

К 1911 г. относится соглашение Общества Николаевских заводов с финансовым синдикатом «Сосьете Женераль», в котором были представлены русские, французские, бельгийские и английские капиталы⁵⁵. Соглашение это было заключено с целью финансирования и реорганизации Общества Николаевских заводов ввиду предстоявших крупных заказов в связи с расширением Черноморского военно-морского флота. Синдикат обязывался финансировать расширение Общества Николаевских заводов, поддержать его своим влиянием, чтобы оно получило предстоящие заказы, предоставить ему финансовые и технические гарантии и оказать техническое содействие в выполнении заказов⁵⁶. В свою очередь, Общество Николаевских заводов обязалось расходовать предоставленные ему суммы под контролем синдиката и выделить ему (за исключением части, полагающейся «Виккерс» по указанному выше договору) половину всех прибылей, полученных от исполнения предстоящих заказов. До получения этих заказов финансовый синдикат брал на себя обязательство провести финансовую реорганизацию Общества Николаевских заводов с целью вывода его из правительственной опеки. На базе Николаевских заводов должно было возникнуть новое акционерное общество, 100 тыс. акций которого переходило к «Сосьете Женераль». Синдикат брал на себя обязательство содействовать новому обществу в получении им всех предстоящих заказов на военные суда для Черноморского флота, а также на вооружение и оснащение этих судов. Финансовый синдикат также обязывался в случае необходимости финансировать строительство в России завода по производству вооружения, приобретение металлургического завода Русско-Донецкого общества («Макеевка») и постройку ряда новых металлургических заводов⁵⁷. Таким образом, договор с «Сосьете Женераль» предусматривал создание в России крупнейшего военно-судостроительного треста с комбинированным производством и собственной металлургической базой.

⁵⁵ В число участников финансового синдиката входили: Русско-Азиатский банк, Главное общество поощрения торговли и промышленности в Париже, Союзный банк в Париже, Алжирский и Тунисский поземельный банк в Париже, Заокеанский банк (Утрмер) в Брюсселе, компания шатильонских заводов «Комментри и Нэв Мэзон» в Париже, компания судостроительных и металлообрабатывающих заводов Гомкура в Сан-Шимоне, компания «Шнейдер и К°» в Кресо и компания «Виккерс, сыновья и Максим» в Лондоне (там же, л. 40).

⁵⁶ Там же, л. 42.

⁵⁷ Там же, д. 21, лл. 42, 44, 45.

Следовательно, крупнейшие военно-промышленные фирмы, входившие в соответствующие монополии, в техническом и финансовом отношении зависели от иностранного капитала. Они выплачивали ему огромную дань за «финансовую реорганизацию», за содействие в получении заказов, за «техническую помощь» и т. д. Это не только ограничивало возможности накопления и расширения производства; но ставило развитие военной промышленности России в зависимость от политики иностранных финансовых групп.

Планы «Сосьете Женераль» осуществились лишь частично. В 1912 г. Общество судостроительных, механических и литейных заводов в Николаеве было преобразовано в «Анонимное общество Николаевских заводов и верфей» с основным акционерным капиталом в 12 млн. франков. Вместо старого, французского правления было создано новое, русское, возглавленное А. И. Путиловым (Русско-Азиатский банк)⁵⁸. В состав правления вошли также Авдаков, Давыдов и некоторые другие представители русской финансовой олигархии. После ожесточенной борьбы между финансовыми группами Путилова и Вышнеградского первая потерпела поражение, и в 1913 г. Анонимное общество было реорганизовано в Акционерное общество Николаевских заводов и верфей, действовавшее по русскому уставу. Превращение Николаевских заводов в военно-судостроительный трест происходило при решающем влиянии финансовой группы Вышнеградского, опиравшейся на Петербургский международный банк.

Приведенный выше фактический материал позволяет сделать вывод, что в начале XX в. частная военная промышленность России была охвачена капиталистическими монополиями типа картелей и пулов. Военно-промышленные монополии находились в тесной связи с учреждениями военного ведомства, чем обеспечивали себе захват военных заказов по высоким монопольным ценам. Влияние военно-промышленных монополий на военные учреждения царизма осуществлялось при помощи подкупа военных чиновников, а также путем сделок последних с военными поставщиками. Переплетение военного аппарата царизма с капиталистическими монополиями свидетельствует о далеко зашедшем в России процессе перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Хищничество военно-промышленных монополий, срыв ими сроков военных поставок, изготовление материалов неудовлетворительного качества и т. п. существенно ослабляли военную силу царской армии и флота, что не могло не сказаться на их боеспособности в годы первой мировой войны. Предприятия русских военно-промышленных монополий находились в технической и финансовой зависимости от иностранных концернов и банков. Наконец, наличие и деятельность монополий относительно неразвитых форм (картелей, пулов) подготовили последующее возникновение монополий высших типов в России.

⁵⁸ «Акционерно-паевые предприятия России на 1912 г.», стр. 43

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ И ПРОГРЕССИВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ

(К 150-летию со дня рождения)

В. Е. Невлер

4 июля 1957 г. демократическая общественность всего мира отметила 150-летие со дня рождения великого народного героя Италии, одного из крупнейших вождей национально-освободительного движения XIX в.— Джузеппе Гарибальди (1807—1882). Имя Гарибальди в середине XIX в. стало знаменем борьбы за свободу и национальную независимость. «В течение целого полустолетия Гарибальди наполнял громом своего имени два полушария. Все, что было в старом поколении свободолюбивого и благородного, с трепетом и замираньем сердца следило за подвигами этого полусказочного героя»¹,— писал о Гарибальди известный русский писатель-демократ С. М. Кравчинский (Степняк).

Народные массы многих стран справедливо видели в Гарибальди благородного защитника свободы и национальной независимости. Деятельность отрядов Гарибальди относится к ярчайшим страницам в истории воссоединения Италии и освобождения ее от иностранных угнетателей. Маркс и Энгельс, отмечая отдельные ошибки Гарибальди, ценили его как человека, который высоко нес знамя итальянской революции². В. И. Ленин считал Гарибальди великим буржуазным революционером³.

Имя Гарибальди всегда было популярно в нашей стране. Образ замечательного сына итальянского народа был известен читателям России из произведений Герцена — друга Гарибальди, из статей Чернышевского и Добролюбова, которые в «Современнике» подробно освещали события в Италии, придавая особое значение революционным походам Гарибальди. Гарибальди хорошо известен и советским людям. Дм. Фурманов рассказывает в романе «Чапаев», что наравне с книгами о Разине, Пугачеве его герой зачитывался брошюрами о Гарибальди⁴. Павел Корчагин, главный герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь», восхищался Гарибальди: «Вот герой!.. Сколько ему приходилось биться с врагами, а всегда его верх был... Эх, если бы он теперь был, я к нему пристал бы. Он себе мастеровых набирал в компанию и все за бедных бился»⁵.

В настоящей статье автор не ставит задачу осветить деятельность всех русских гарибальдийцев, раскрыть взаимоотношения Гарибальди со всеми его русскими друзьями или дать анализ всех отзвуков гарибальдийского движения в России. Эти вопросы заслуживают более подробного исследования. Автор стремился лишь осветить малоизвестные факты из деятельности некоторых наиболее активных русских гарибальдийцев, а также показать, как относились к итальянскому национально-освободи-

¹ С. М. Кравчинский (Степняк). Джузеппе Гарибальди. СПб. 1906, стр. 3.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. 2-я, стр. 61.

³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 196—197 и 324.

⁴ Дм. Фурманов. Чапаев. М. 1947, стр. 104.

⁵ Н. Островский. Романы, речи, статьи, письма. М. 1949, стр. 47.

тельному движению, возглавляемому Гарибальди, отдельные общественные деятели России, особенно русские революционные демократы.

Гарибальди очень рано ознакомился с социальными и политическими условиями России. Хорошее знание русской действительности, русских людей из народа способствовало тому, что Гарибальди быстро сходиллся с русскими революционерами.

Гарибальди было 10 лет, когда он в качестве юнги прибыл первый раз на бригантине «Costanza» в Одессу⁶. Знаменательным для Гарибальди оказался его приезд в Таганрог в 1833 году. Именно здесь, в захолустном городке крепостной России, произошло посвящение Гарибальди в революционеры. В одном из скромных трактиров, где обычно собирались итальянские моряки, Гарибальди услышал пламенную речь Кунео — члена тайного революционного общества «Молодая Италия». Гарибальди тут же поклялся посвятить свою жизнь борьбе за освобождение родины и вступил в члены общества⁷.

Уже во время революции 1848—1849 гг., когда Гарибальди, по словам Маркса, заслужил славу «героя Монтевидео и Рима»⁸, он был хорошо известен читающей публике России. Особенно популярным среди широких разночинных слоев страны, среди революционно-демократической интеллигенции Гарибальди стал в 1860 году. Тогда он начал свой славный поход со знаменитой «Тысячей» волонтеров на юг Италии. Победоносное шествие Гарибальди с небольшим партизанским отрядом, сокращение им стотысячной, хорошо вооруженной неаполитанской армии вызывало, как известно, восхищение борцов за свободу, угнетенных народов всего мира и внушало ужас господствующим классам. Оценивая поход «Тысячи», Энгельс писал, что «в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить чудеса и творившего чудеса»⁹.

Из видных общественных деятелей первым русским знакомым Гарибальди был А. И. Герцен. Гарибальди встретился с ним в начале марта 1854 г., когда прибыл в Лондон из Южной Америки в качестве капитана корабля. Как только Герцен, живший в Лондоне, узнал об этом, он попросил своего старого друга, итальянского революционера Ф. Орсини, пойти с ним к Гарибальди, на корабль¹⁰. Герцен писал позже о первом впечатлении, произведенном на него великим героем: «...Гарибальди, целиком взятый из Корнелия Непота, с простотой ребенка и отвагой льва»¹¹.

Эти разные по характеру люди почувствовали такое взаимное расположение, что уже через несколько дней Гарибальди в письме к Герцену называл себя его другом «на всю жизнь»¹². В письме от 26 марта 1854 г. он писал, что встреча с Герценом является для него праздником¹³.

Вскоре после знакомства с Герценом Гарибальди уехал из Лондона и поселился на крошечном итальянском острове Тирренского моря — Капрере. Герцен не раз посещал дом Гарибальди, встречался с ним в разных городах Италии; Гарибальди также бывал на квартире у Герцена. По поводу одного из своих посещений Гарибальди Герцен писал: «Добродушная простота его обращения, отсутствие всякой претензии, радушие, с которым он принимал, располагали в его пользу»¹⁴.

Борец за свободу народов, Гарибальди очень интересовался революционной борьбой в России и польским освободительным движением. Че-

⁶ G. Garibaldi. Memorie. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Vol. II. Bologna, 1932, p. 23.

⁷ Там же, стр. 27.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. 2-я, стр. 61.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 461.

¹⁰ А. И. Герцен, Соч. Т. XIII. Птрг. 1919, стр. 341.

¹¹ Там же, стр. 340.

¹² «Былое», Кн. V, 1907, стр. 207.

¹³ Там же.

¹⁴ А. И. Герцен, Соч. Т. X. М. 1956, стр. 72.

рез Герцена он получал подробную информацию о положении дел в Польше и России и живо откликался на нее.

После манифеста об «освобождении» крестьян в Польше усилилось движение за независимость. 9 апреля 1861 г. в Варшаве произошла грандиозная демонстрация. Царскими войсками был открыт огонь, причем часть русских офицеров и солдат отказалась стрелять в народ. По поводу этих событий Гарибальди уже 15 апреля 1861 г. опубликовал в «Il diritto» открытое письмо к Герцену, в котором говорил о «негодовании европейских народов против виновника гнусной бойни» (Александра II.— В. Н.) и призывал поднять «голос проклятия на совершивших отвратительное злодейство». Гарибальди приветствовал поддержку Герценом освободительного движения в Польше. Заканчивая письмо, Гарибальди просил передать «слово сочувствия от итальянского народа несчастной и героической Польше и слово благодарности храбрым воинам русским, которые, как Попов, сломали свою саблю, чтобы не обгадить ее в народной крови»¹⁵.

Этим Гарибальди выразил свои симпатии к братанию и дружбе польского и русского народов. Письмо Гарибальди нашло широкий отклик в европейской печати. Герцен сообщал издателю «The Daily News», что русские революционные эмигранты поняли свое «положение именно так, как его понял великий итальянец»¹⁶; затем Герцен передал в «The Daily News» письмо Гарибальди, которое было опубликовано в этой газете 22 апреля 1861 года. Гарибальди же Герцен отвечал:

«Любезный Гарибальди! Я передал ваши симпатические слова полякам и русским офицерам. По счастью, мы поступили согласно с Вашим советом, прежде чем получили его... Настоящие события требуют полную самозаконность Польши — без фраз, ее безусловную независимость от России и немцев... Пользуясь случаем, любезный Гарибальди, чтоб Вам повторить то, что Вам говорит весь свет: что мы удивляемся Вами со всей полнотой симпатии и любви»¹⁷.

Дружба между Герценом и Гарибальди способствовала сближению их взглядов по многим вопросам. Наш великий соотечественник философ-материалист Герцен оказал бесспорное влияние на формирование политических взглядов стихийного революционера Гарибальди.

Отдавая должное героизму Гарибальди, его беззаветной преданности революционному делу, Герцен отмечал и отдельные слабости его, указывая на то, что этими слабостями сумела воспользоваться сардинская монархия: «Гарибальди увлекался людьми: как он увлекался А. Дюма, так он увлекался Виктором-Эммануилом. Неделikatность короля огорчает его; король это знает и, чтоб задобрить его, посылает фазанов, собственноручно убитых, цветы из своего сада и любовные записки, подписанные «Sempre il tuo amico Vittorio» (всегда твой друг Виктор. — В. Н.)»¹⁸.

В марте 1864 г. Гарибальди предпринял агитационную поездку в Англию с целью сбора денежных средств для организации новой экспедиции в Папскую область, чтобы освободить Рим. Во время поездки он встретился в Лондоне со своим старым другом — А. И. Герценом. Эта встреча была особо знаменательной и еще больше укрепила дружбу двух замечательных людей. Она ярко обрисована Герценом на вдохновенных страницах его знаменитого очерка «Красная рубашка» («Camicia rossa»). Грандиозными манифестациями приветствовал английский народ героя Италии. «В день приезда Гарибальди в Лондон, — писал Гер-

¹⁵ G. Garibaldi. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. I. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Bologna. 1934, p. 356.

¹⁶ А. И. Герцен. Соч. Т. XI. Птрг. 1919, стр. 79.

¹⁷ Там же, стр. 84—85.

¹⁸ А. И. Герцен. Соч. Т. XIV. Птрг. 1920, стр. 170. Лишь благодаря близкой дружбе с Гарибальди Герцен имел возможность узнавать такие подробности о лести-вых методах «обработки» Гарибальди Виктором-Эммануилом II.

цен,— я его не видал, а видел море народа, реки народа, запруженные им улицы в несколько верст...»¹⁹. Видя, с каким энтузиазмом народ относился к герою, английское правительство тоже начало заигрывать с чело- веком, внушавшим ему страх, и оказало Гарибальди «королевские по- чести». Герцог Соутерлендский предложил Гарибальди остановиться в королевском доме (Стаффорд-хауз). Надеясь получить от английского правительства некоторую помощь для своей экспедиции, Гарибальди ответил согласием. Это был крупный политический промах Гарибальди, отмеченный Герценом²⁰.

Герцен указывал, что цель заигрывания английского правительства с Гарибальди заключалась в том, чтобы «удалить Гарибальди от народа, то есть от работников, и отрезать его от тех друзей и знакомых, кото- рые остались верными прежнему знамени...»²¹. Мадзини, живший тогда в Лондоне, отказывался встретиться со своим другом до тех пор, пока тот будет находиться в правительственном доме.

Помирить Мадзини с Гарибальди взялся Герцен, пригласивший их обоих к себе на квартиру. Банкет, устроенный Герценом, носил полити- ческий характер и имел большое значение как для русской революцион- ной демократии, так и для итальянской. Приглашая Гарибальди на бан- кет, Герцен сказал ему: «Мне Ваше посещение бесконечно дорого, и теперь больше, чем когда-нибудь; в эту черную полосу для России Ваше посещение будет иметь особое значение: Вы посетите не одного меня, но друзей наших, заточенных в тюрьмы, сосланных на каторгу...»²².

Банкет состоялся 17 апреля в Теддингтоне (предмесье Лондона), где проживал Герцен. Среди присутствовавших были экс-триумвиры Римской республики 1849 г. Мадзини и Саффи, Гарибальди и его секретарь Гвер- цони, друг Герцена Огарев. 17 апреля утром Герцен поехал за Гари- бальди. У квартиры Герцена их карету ожидала огромная толпа народа. Навстречу им вышел Огарев, уже давно знакомый с Гарибальди через Герцена.

Эта встреча рассеяла всякие иллюзии правящих классов относи- тельно того, что Гарибальди отходит от знамени революции и превра- щается в либерала. На банкете Гарибальди заявил, что еще с юных лет он нашел в Мадзини путеводную звезду к освобождению Италии и что с тех пор Мадзини является его учителем и другом. Мадзини же в своей речи отметил заслуги Гарибальди перед итальянской революцией и ска- зал, что тот является единственной могучей силой, на которую респуб- ликанская партия опиралась и опирается в своей революционной борьбе.

Выступления вождей революционной Италии вскоре облетели всю Европу и вызвали оживленные комментарии в печати. Гарибальди произ- нес тост, в котором подчеркнул свою неизменную солидарность с рево- люционной Россией и Польшей. Он приветствовал борьбу русского на- рода против царского самодержавия, предвидел великую будущность нашей страны, ее роль в освободительном движении народов мира. Га- рибальди провозгласил тост «...за юную Россию, которая страдает и борется, как мы, и победит, как мы, за новый народ, который, освободив- шись и одолев Россию царскую, очевидно, призван играть великую роль в судьбах Европы»²³.

¹⁹ А. И. Герцен. Соч. Т. XIV. Птрг. 1920, стр. 525. Отметим, что очерк «*Camici rossa*» написан так превосходно, что редакция газеты «*Unità*» — центрального орга- на Итальянской коммунистической партии — сочла необходимым поместить большую часть из него в юбилейном номере газеты (см. «*Unità*», 4 июля 1957 года).

²⁰ Там же, стр. 526.

²¹ Там же, стр. 527.

²² Там же, стр. 529.

²³ А. И. Герцен. Соч. Т. XVII. Птрг. 1922, стр. 161. В сочинениях Гарибальди приводится иной, более сокращенный вариант этого тоста на основе записи Гверцони. См. G. Garibaldi. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. II. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Bologna, 1935, p. 230.

Герцен был настолько взволнован, что не мог даже выступить и, как свидетельствует Гверзони, сказал только «несколько несвязных слов»²⁴.

До конца своих дней Герцен остался близким другом Гарибальди. Если в отношении Чернышевского и Добролюбова трудно говорить об их влиянии на итальянскую революционную демократию времен Рисорджименто, то о Герцене мы смело можем это утверждать. Герцен, который в течение многих лет близко общался с Мадзини и Гарибальди, безусловно, оказал большое воздействие на идеологию этих вождей национально-освободительного движения Италии. В том, что Гарибальди обнаруживал известное понимание значения крестьянского вопроса в революции, безусловно, сказывались беседы с ним идеолога крестьянской революции Герцена. Как настойчиво Герцен старался привить Гарибальди свои взгляды, видно из письма его к последнему от 21 ноября 1863 года. Здесь Герцен подробно излагает свою аграрную теорию²⁵. Это письмо как бы завершает все предыдущие беседы его с Гарибальди о крестьянстве. «Мы», — писал Герцен, — вместе с крестьянином говорим: «Нет воли без земли» и прибавляем только, что «земля не крепка без воли».

Революционная решимость Гарибальди, в свою очередь, не могла не подействовать на взгляды Герцена.

Большой интерес к национально-освободительному движению в Италии проявляли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. С пристальным вниманием следили они за революционными событиями 1859—1860 годов. В разных отделах «Современника», в «Свистке» в политическом обозрении то и дело появлялись статьи Чернышевского и Добролюбова на итальянские темы. Особое внимание их привлекали походы Гарибальди — как в 1859, так и в 1860 году. «Дивная энергия, выказанная волонтерами Гарибальди, была выражением народных сил Италии», — писал Чернышевский по поводу походов Гарибальди в 1859 году²⁶. Обсуждая вопрос о революции в Италии, популяризируя партизанские методы ведения войны, применяемые волонтерами Гарибальди, Чернышевский и Добролюбов имели в виду в то же время положение русского народа и перспективы революции в России. М. А. Антонович, деятель некрасовского «Современника», друг Чернышевского и Добролюбова, хорошо знавший, как и почему писались статьи для журнала, справедливо утверждал, что в статьях Добролюбова об итальянских сюжетах «заметны даже довольно прозрачные кивания на домашние дела»²⁷.

Чернышевский и Добролюбов сумели разобраться в расстановке политических сил в Италии; в своих статьях они показывают народное гарибальдийское движение и движение либералов, стремившихся обуздать народ, воспользоваться патриотическими устремлениями широких масс итальянцев. Чернышевский и Добролюбов разоблачали своекорыстную династическую политику сардинской монархии и ее «великого визиера» — графа Кавура, который «не упускал случая воспользоваться даже и революцией для расширения своего значения»²⁸.

²⁴ См. G. Guerzoni. Garibaldi. Libro di lettura per il popolo italiano. Firenze. 1918, p. 341.

²⁵ А. И. Герцен. Соч. Т. XVI. Птрг. 1920, стр. 526—531.

²⁶ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. 6. М. 1949, стр. 326.

²⁷ М. А. Антонович. Воспоминания. М.-Л. 1933, стр. 171.

²⁸ Н. А. Добролюбов. Непостижимая странность. Соч. Т. V. М. 1941, стр. 57—58. Отметим, что почти все итальянские биографы Гарибальди обходят вопрос о русских связях Гарибальди, об участии в гарибальдийском движении некоторых видных общественных деятелей России; также игнорируют буржуазные историки Италии статьи Чернышевского и Добролюбова об итальянских сюжетах, которые до сих пор не потеряли своего значения при изучении Risorgimento. Исключение составляют появившиеся в последнее время работы прогрессивного итальянского историка, профессора Франко Вентури (F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I—II. Torino. 1952; его же. Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino. 1956). Автор рассматривает революционное движение в России как часть общеевропейского и отмечает связь русских

Отметим попутно, что выдающийся писатель И. С. Тургенев, который в начале 60-х годов особо надеялся на либеральные реформы в России — и не только в России, — был несогласен с резкой критикой революционными демократами итальянских умеренных либералов. По поводу статьи Добролюбова «Из Турина», в которой Кавур подвергался уничтожающей критике, Тургенев писал позже: «Белинский никогда бы не позволил себе той ошибки, в которую впал даровитый Добролюбов: он не стал бы, например, с ожесточением бранить Кавура...»²⁹.

Но Тургенев, так же как и Чернышевский и Добролюбов, восхищался революционными подвигами Гарибальди и, как увидим ниже, следил за походами героя с пристальным вниманием.

Статьи Добролюбова об итальянских делах особенно ценны тем, что он их писал как очевидец в качестве корреспонденций для «Современника»³⁰. В мае 1860 г. по настояниям Чернышевского и Некрасова Добролюбов поехал за границу лечиться. В это время начался славный поход гарибальдийской «Тысячи». Уделив некоторое время лечению в Швейцарии и на юге Франции, Добролюбов спешит в Италию. В Неаполе и Милане, в Риме и Венеции, Мессине и во Флоренции, в Генуе и Турине, в Палермо и Ливорно — всюду, где происходили революционные события, побывал Добролюбов. С большим вниманием следил он за каждым шагом в продвижении «Тысячи» и радовался успехам гарибальдийцев. Еще находясь во Франции, Добролюбов писал в письме к Некрасову от 23 августа 1860 г.: «...Вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею; зато любо читать каждую строчку, адресованную им к солдатам, к своим друзьям, к королю: везде такое спокойствие, такая уверенность, такой светлый тон!.. Очевидно, этот человек должен чувствовать, что он не загубил свою жизнь, и должен быть счастливее нас с Вами...»³¹.

Когда Добролюбов прибыл в Италию, он поспешил на юг, на главную арену революционных событий. К этому времени армия Гарибальди уже заняла Неаполь, и династия Бурбонов была окончательно низвержена. В Неаполе тогда был очень популярен священник Александр Гавацци — талантливый оратор, ревностный сторонник Гарибальди, сопровождавший его армию на юге Италии. Добролюбов написал статью о Гавацци, где с увлечением рассказывал о том, как плечистый проповедник с рыжей бородой, в полувоенном, полумонашеском одеянии, с револьвером за поясом, появлялся на площадях, улицах, в храмах, везде, где был народ, чтобы произносить свои речи. Добролюбов одобрительно цитирует его тирады, направленные против Бурбонов, воздающие славу Гарибальди:

революционных демократов с итальянскими, в частности с Гарибальди. Автор превосходно знает труды русских революционных демократов и литературу о них, сочувственно отмечает критику Чернышевским и Добролюбовым итальянских либералов, поддержку ими партии Мадзини и Гарибальди. Ставя очень высоко Чернышевского, автор указывает, что Добролюбов в своих статьях об Италии «проводил линию политики Чернышевского» (F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I, p. 277). Высокий уровень исследований Ф. Вентури отмечен чл.-корр. АН СССР М. В. Нечкиной (см. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 166).

²⁹ См. И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском. Соч. Т. X. СПб. 1911. стр. 31.

³⁰ На ценность статей Добролюбова об Италии в свое время указывал Е. В. Тарле. «Добролюбов, — писал он, — пережил, передумал и перечувствовал именно ту эпоху итальянского Risorgimento, которая больше всего отмечена печатью народного одушевления и окутана поэтической легендой. Если бы итальянское общество знало статьи Добролюбова и герценовскую *Samicia rossa*, оно бы убедилось, что лучшие представители двух русских поколений всем сердцем переживали великую историческую драму 1859—1861 гг.» (см. Е. В. Тарле. Статьи Добролюбова об итальянских делах. Полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова под ред. Е. В. Аничкова. Т. VIII. СПб. 1913, стр. 159—171); о значении указанных статей Добролюбова в наше время писал С. Д. Сказкин. Кавур и воссоединение Италии. «Историк-марксист». 1935, № 5—6, стр. 99.

³¹ См. журнал «Книга и революция», 1921, № 2(14), стр. 72. (В полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова это письмо не включено.)

«Кто принес торжество сицилийскому восстанию? Кто увенчал триумфом неаполитанскую революцию...? Герой Гарибальди (в толпе: *viva Garibaldi*). Без Гарибальди страна Обеих Сицилий до сих пор еще находилась бы в цепях. К нему, к нему обращается признательность сердец наших. Да здравствует Гарибальди! (Толпа несколько раз повторяет тот же крик). А кто сопутствовал Гарибальди в его сицилийской экспедиции? Кто сопровождал его через Калабрию до самого Неаполя? Молодежь итальянская... Они слышали, — эти храбрые юноши, стоны страдальцев, клики восстающих, и они пожертвовали, по большей части своим спокойствием, своими удовольствиями, цветом своей юности... Они бросились на призыв Гарибальди, имея в виду не награды, не почести, не места, а страдания, изнурения, недостатки... И они восторжествовали!»³².

Добролюбов подверг уничтожающей критике Кавура с его дипломатическими маневрами, стремлением воссоединить Италию при помощи династических сделок с Наполеоном III³³, сочувственно приводил речь А. Гавацци, где разоблачается дипломатия либералов и воздвигается должное революционным силам во главе с Гарибальди: «Друзья мои! Только революция может «создать Италию». Дипломатия никогда ее не создаст. Если революция создаст Италию, дипломатия вынуждена будет признать ее, как совершившийся факт, но если мы сами не создадим Италию, дипломатия разделит нас еще раз и не допустит единой Италии, потому что слишком боится ее... (Хорошо, bravo!) Итак, между Гарибальди и дипломатией — целая пропасть... Гарибальди представляет собою нашу победоносную революцию, которая означает восстановление прав народа против злоупотреблений властителей... А дипломатия означает — восстановление прав герцогов и короля против прав народа... (Единодушные крики одобрения в толпе)»³⁴.

Статья Добролюбова о Гавацци носит характер яркого памфлета, направленного против реакции и деспотизма и на примере подвигов Гарибальди, в сущности, призывавшего к таким же выступлениям и русский народ.

Нужно отметить, что Добролюбов в своих статьях об Италии не только восхищался Гарибальди, но указывал и на некоторые его недостатки, ошибки. Он отмечал, например, оторванность партии Мадзини и Гарибальди от масс, писал, что она «не связана с народом практически»³⁵. Молодой Добролюбов критиковал Гарибальди за колебания и нерешительность в проведении революционных мероприятий в бытность его диктатором юга. Так, например, Добролюбов упрекал Гарибальди за отказ выполнить требование народных масс Неаполя о разрушении известной тюрьмы Сент-Эльмо, в которой побывали тысячи узников и которая сохранилась в Неаполе после революции, «как будто грозя его новорожденной свободе»³⁶.

Однако мы не можем согласиться с мнением С. А. Покровского, утверждающего, что во время пребывания в Италии Добролюбов «наладил связь с партией действия», давал советы, которые «помогли радикальному крылу партии действия ставить вопросы аграрной революции в качестве основного содержания национально-освободительной борьбы»³⁷. В советских архивохранилищах мы до сих пор не нашли никаких данных, которые могли бы подтвердить прямую связь Добролюбова с деятелями национально-освободительного движения Италии. Кстати,

³² Н. А. Добролюбов. Отец Александр Гавацци и его проповеди. Соч. Т. V М. 1941, стр. 112.

³³ В статье «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» (Соч. Т. V. М. 1941)

³⁴ Н. А. Добролюбов. Отец Александр Гавацци и его проповеди, стр. 122.

³⁵ Н. А. Добролюбов. Из Турина. Соч. Т. V, стр. 85.

³⁶ Н. А. Добролюбов. Отец Александр Гавацци и его проповеди, стр. 123

³⁷ См. С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М. 1952, стр. 99.

С. А. Покровский также не приводит никаких фактов для подкрепления своего мнения.

Н. Г. Чернышевский в политических обозрениях для «Современника» уделял много внимания военной тактике Гарибальди, внимательно следя за продвижением волонтеров, начиная с ломбардской кампании 1859 года. Великий русский революционный демократ радовался успехам гарибальдийцев и огорчался по поводу их временных поражений. Когда в мае 1859 г. во время австро-франко-итальянской войны командование пьемонтской армии поставило отряд Гарибальди на особенно тяжелый участок фронта в Лонато и в Трепonti, не обеспечив его ни оружием, ни продовольствием, Чернышевский писал, что Гарибальди специально ставят в такие условия, дабы обеспечить его гибель³⁸.

Интересно отметить: Маркс и Энгельс также считали, что Гарибальди нарочно посылают на такие позиции, где он должен погибнуть³⁹. По многим другим вопросам национально-освободительного движения в Италии и деятельности Гарибальди мнение Чернышевского и Добролюбова совпадает с мнением Маркса и Энгельса.

С большой теплотой и гордостью Чернышевский отзывался о гарибальдийской «Тысяче»: «...Эти тысяча человек, — люди, закаленные в битвах, отборнейшие солдаты, каких только можно найти, ...ни один из них не отступит шага, ни один не сдастся в плен, каждый будет сражаться до последнего дыхания и дорого продаст свою жизнь»⁴⁰.

В своих обзорах Чернышевский не раз отмечал глубокую разницу между политикой Кавура в борьбе за объединение Италии и политикой Гарибальди: «...Вражда Кавура и Гарибальди — это вражда двух партий, из которых одна полагает, что для создания итальянского единства и величия надобно действовать революционным путем, другая надеется держаться только с разрешения императора французов»⁴¹.

Будучи целиком на стороне Гарибальди, Чернышевский все же сумел подметить слабости движения, возглавляемого им, прежде всего недостаточное участие народных масс⁴², как следствие ошибочной политики партии Мадзини — Гарибальди по аграрному вопросу. В случае поражения движения, указывал Чернышевский, «страшная судьба ждет патриотов Италии» от мести реставраторов. «Победить реакцию... вы можете только усвоив себе стремление массы низших бедных темных соотечественников поселян и городских простолюдинов, — писал он, как бы обращаясь к Мадзини и Гарибальди. — Или примите в ваши программы аграрные перевороты, или вперед знайте, что вы обречены на гибель от реакции»⁴³. В этих словах заключается основное в критике русскими революционными демократами Гарибальди и его партии. И, повторяем, эта критика Чернышевского ошибочной политики итальянских демократов по аграрному вопросу целиком совпадает с точкой зрения Маркса по этому же вопросу⁴⁴. Важно, однако, иметь в виду не только общее, но и различное в оценке деятельности Гарибальди (и Мадзини) русскими революционными демократами и основоположниками марксизма. Правильно в основном оценивая политическую обстановку в Италии 1859—1860 гг., Чернышевский и Добролюбов в отличие от Маркса и Энгельса не стояли на классовых позициях пролетариата и не смогли дать глубокого классового анализа явлений, вскрыть причины ошибочной политики республиканской партии по отдельным вопросам; они не видели буржуазную ограниченность революционных вождей Италии того времени.

³⁸ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. VI. М. 1949, стр. 264.

³⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. 2-я, стр. 183; т. XXII, стр. 415.

⁴⁰ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. VIII. М. 1950, стр. 182.

⁴¹ Там же, стр. 294.

⁴² Там же, стр. 312.

⁴³ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. VI. М. 1949, стр. 370.

⁴⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 112.

Свою точку зрения об итальянских событиях Чернышевский и Добролюбов отстаивали в спорах с русскими либералами, которые всячески превозносили дипломатию Кавура и порицали Гарибальди, его партию. Либеральные публицисты вели резкую полемику с Чернышевским и Добролюбовым по поводу их статей о событиях в Италии. Так, М. Н. Катков упрекал Чернышевского за одобрение им деятельности Гарибальди и назвал его «прогрессистом»; а М. Капустин, стараясь принизить роль Гарибальди, писал, что последний — «только орудие в руках» Кавура⁴⁵.

Последовательное отстаивание демократических интересов, правдивое освещение итальянских событий русскими революционерами-демократами дали свои плоды. По свидетельству известного русского издателя и общественного деятеля Л. Ф. Пантелеева, Гарибальди «быстро завоевал себе популярность во всех концах необъятной России». «...Имя Гарибальди было не только окружено ореолом неувядаемой славы, но и являлось символом грядущего освобождения всех угнетенных народов»⁴⁶.

Интересный факт о популярности Гарибальди среди простого народа России приводит Герцен в письме к Гарибальди от 21 ноября 1863 г., ссылаясь при этом на сборник «Материалы к истории освобождения крестьян». Один извозчик в Петербурге, услышав о предстоящем освобождении крестьян, усомнился в этом и сказал своему клиенту: «Разве уж когда приедет господин Гарибардов». Герцен указывает, что на Украине и в Польше народ ждал Гарибальди⁴⁷.

Гарибальди снискал себе симпатии не только среди широких демократических кругов России, но и среди некоторых кругов чиновничества, военных деятелей. Известный военный деятель Н. Н. Обручев, посетивший Италию в 1861 г., был в Милане как раз в те дни, когда там отмечалась первая годовщина освобождения Неаполя и устраивалась иллюминация в честь Гарибальди. Под свежим впечатлением Обручев в письме к Н. П. Огареву выразил глубокие симпатии к Гарибальди. Иронизируя над стремлением итальянского короля использовать популярность Гарибальди в своих интересах, Обручев писал, что народ всюду вывешивает такие портреты Гарибальди, которые «не могут нравиться Виктору-Эммануилу с компанией, ...езде красуется Капрера со своим жильцом, держащим в руке лопату и с грустью склоняющим голову (т. е. Гарибальди, занимающийся сельским хозяйством. — В. Н.)»⁴⁸. И автор письма выражал надежду, что итальянскому правительству не удастся превратить гарибальдийское движение в свое орудие.

Мелкий чиновник из Полтавы — А. И. Ничипоренко — намеревался летом 1862 г. поехать к Гарибальди на Капреру, чтобы включиться в национально-освободительную борьбу. Вначале он побывал в Лондоне, где заручился рекомендательными письмами от Герцена и экс-триумвира Римской республики А. Саффи, и затем, захватив с собой прокламации, направился к Гарибальди. Но ввиду тщательного обыска на австро-итальянской границе Ничипоренко на Капреру не поехал, а вернулся обратно в Россию. Здесь он вскоре был арестован по доносу австрийской полиции⁴⁹.

Как только начался поход славной «Тысячи» (5 мая 1860 г.), революционная молодежь многих стран Европы начала собираться под знамена Гарибальди. Бок о бок с итальянцами сражалась молодежь

⁴⁵ См. журнал «Русский вестник». 1860, № 7, стр. 6; 1861, № 7—8, стр. 70. Антиреволюционную и антигарибальдийскую пропаганду русской правой периодической печати того времени мы опускаем.

⁴⁶ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.-Л. 1934, стр. 235, 570—571.

⁴⁷ А. И. Герцен. Соч. Т. XVI. Пг. 1920, стр. 527.

⁴⁸ См. «Литературное наследство». Т. 62. М. 1955, стр. 418.

⁴⁹ F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I. 1952, p. 438.

венгерская, французская, английская, швейцарская, польская, а также украинская и русская. Не все желавшие могли попасть в отряд Гарибальди. Так, узник Петропавловской крепости русский офицер М. Бейдеман в своих показаниях Сенатской комиссии говорил, что его стремление попасть в ряды Гарибальди не осуществилось, и он вынужден был после побега из Финляндии остаться в Швеции⁵⁰.

Поход Гарибальди вызвал живой интерес передовой мыслящей России. По-разному отнеслись к революционным событиям в Италии (и к Гарибальди) различные общественные слои России, о чем свидетельствует периодическая печать того времени. Н. Г. Чернышевский подверг резкой критике тех писак, которые ранее называли Гарибальди разбойником, а после его славных побед на юге Италии начали преклоняться перед ним⁵¹. Вот как вынуждены были сообщать о Гарибальди даже реакционные «Санкт-Петербургские ведомости», считаясь с настроением широких читательских кругов: «Вся Европа с нетерпением смотрит на одного человека, в ожидании, чем кончится задуманное им дело. Гарибальди приковывает, в настоящую минуту, к себе взоры всех, в его руках не только судьба Сицилии и Неаполя, но и всей Италии и — как знать — может быть, значительной части Европы»⁵².

Одним из выдающихся русских гарибальдийцев являлся Л. И. Мечников, известный ученый-географ и общественный деятель. Во время похода «Тысячи» Мечников находился в Италии. Но он не успел попасть в первую экспедицию, отправившуюся из Генуи 5 мая, и примкнул к одному из дополнительных отрядов, организованных помощниками Гарибальди в разных городах Италии. Мечников вступил в отряд полковника Дж. Никотера, который вышел из Ливорно 30 августа и прибыл в Неаполь в начале сентября, уже после взятия города. Когда наш соотечественник был представлен Гарибальди, последний отдал приказ о зачислении его в штаб и назначении его своим личным адъютантом⁵³.

В это время подготавливалось крупное сражение на Волтурно, приведшее к полному разгрому армии Бурбонов. Гарибальди поручил Мечникову укрепить очень важную позицию у гор. Санта-Мария, что он отлично выполнил⁵⁴. В битве на Волтурно 1 октября 1860 г. Мечников был тяжело ранен⁵⁵ и остался больным на всю жизнь. Участие Мечникова в революционном движении Италии не ограничилось чисто военной деятельностью. Он занимался революционной пропагандой в городах Италии, был организатором кружка молодежи, мечтавшей приобрести земельный участок для устройства трудовой коммуны⁵⁶. Восторженный гарибальдиец, Л. Мечников с радостью отмечал симпатии

⁵⁰ См. М. Лемке. Комментарии к сочинениям Герцена. Текст показаний Бейдемана. А. И. Герцен. Соч. Т. XI. 1919, стр. 440. Неправильно утверждение Н. В. Шелгунова о том, что Бейдеман сражался в рядах Гарибальди (см. Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.-П. 1923, стр. 87).

⁵¹ Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. VIII. 1950, стр. 143.

⁵² Газета «Санкт-Петербургские ведомости», 20 мая 1860 года.

⁵³ Л. И. Мечников. Записки гарибальдийца. «Русский вестник». 1861, т. № IX (т. 35), стр. 155 (статья помещена за подписью «М»).

⁵⁴ Там же, стр. 160.

⁵⁵ Там же, стр. 179, 189. Об участии Л. И. Мечникова в отряде Гарибальди докладывал министру иностранных дел Горчакову русский посол в королевстве Обеих Сицилий князь Волконский в депеше от 8 декабря 1860 года. Излагая подробно биографию Мечникова, посол писал, что Мечников — «беспутный ученый, красивый республиканец и опасный человек... Он был в отряде экспедиции Никотера и участвовал в битве 1 октября» (см. Архив внешней политики России, ф. Канцелярии, д. 123, лл. 145—146).

⁵⁶ Об этом рассказывает жена брата Л. И. Мечникова О. Н. Мечникова в своей книге «Жизнь Ильи Ильича Мечникова». М.-Л. 1926, стр. 38. Отметим, что Л. И. Мечников испытывал на себе влияние идей Бакунина.

крестьян к гарибальдийскому движению и огорчался тем, что Гарибальди не успел ничего сделать для улучшения их быта⁵⁷.

Авторитет и способности Гарибальди Мечников хотел использовать для оказания помощи польскому освободительному движению. Через М. Бакунина польские эмигранты обратились к Мечникову с тем, чтобы он просил Гарибальди оказать им содействие в организации экспедиции в Польшу. Мечников ездил по этому поводу к Гарибальди, который обещал помочь. Экспедиция сорвалась, потому что была плохо организована⁵⁸.

Летом 1862 г. Гарибальди задумал новый поход на Рим, чтоб освободить его от папской власти и воссоединить с остальной Италией. Гарибальди бросил клич: «Рим или смерть!». Со всех концов страны начали стекаться добровольцы в отряд Гарибальди. Отряд успел пройти всю Сицилию, перебрался на материк и продвигался с юга на север, по направлению к Риму. «Любящий» Гарибальди король Виктор-Эммануил II выпустил прокламацию, в которой народный герой объявлялся «мятежником», и приказал генералу Чиальдини двинуться с корпусом вооруженных до зубов солдат против гарибальдийцев. У горы Аспромонте произошло столкновение волонтеров с королевской армией. Гарибальди был дважды ранен — в левую и правую ноги. Это было самое тяжелое из всех десяти ранений, полученных Гарибальди во время походов. Захваченного в плен героя отправили в Специю. Состояние Гарибальди вызвало у врачей опасение за его жизнь. Долго и почти безрезультатно его лечили многие врачи, в том числе знаменитый итальянский хирург Цанетти и француз Нелатон. Предлагали отнять ногу, но Гарибальди не соглашался.

Как раз в это время в Гейдельберге находилась колония молодых русских врачей, занимавшихся под руководством Н. И. Пирогова практикой для подготовки к профессорской деятельности в отечественных университетах. Узнав о тяжелом состоянии Гарибальди, русские медики в Гейдельберге организовали сходку, чтобы обсудить вопрос об оказании помощи больному. Сходка постановила: просить Н. И. Пирогова поехать в Специю для консультаций и лечения Гарибальди. Но Пирогов опасался, примут ли его. Тогда старший колонии Л. Н. Модзалевский послал телеграммой запрос в Специю. Ответ пришел положительный. Молодые русские медики организовали подписку и собрали 1 тыс. франков для поездки Н. И. Пирогова.

В конце октября Н. И. Пирогов уехал в Специю, где был хорошо принят как врачами, так и Гарибальди. Талантливый русский хирург сразу определил место нахождения пули и предложил правильный метод лечения. В своем отчете о лечении Гарибальди Пирогов писал: «31 октября я увидел знаменитую рану... За день было на консультации 17 итальянских врачей... Больной Гарибальди, точно так же, как и здоровый, не перестает быть предметом действий различных партий. Что же мудреного, если и раненая его нога служит предметом национальных увлечений, надежд и опасений...»⁵⁹. Вскоре Пирогову удалось из-

⁵⁷ См. Леон Бранде (псевдоним Л. Мечникова. — В. Н.), Капрера. «Современник», 1862, март. Т. 92, стр. 10. Значение этой статьи Л. Мечникова отмечает F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I, p. 277.

⁵⁸ См. воспоминания Л. И. Мечникова в «Историческом вестнике», 1897, № 3, стр. 824—825 и письмо Мечникова к Щедрину. «Литературное наследство». Т. 13—14. 1933, стр. 361—362.

⁵⁹ См. «Русский врач», 1916, № 10. Т. XV, стр. 219—220. Чувства, о которых пишет великий хирург, разделял и И. С. Тургенев, писавший по поводу этого похода Гарибальди и его ранения: «...А каков Гарибальди? С невольным трепетом следишь за каждым движением этого последнего из героев. Неужели Брут, который не только в истории всегда, но даже и у Шекспира гибнет,— восторжествует? Не верится, а душа замирает...» (письмо к А. И. Герцену от 27 августа 1862 г.; см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, с предисловием и примечаниями М. Драб. «Вопросы истории» № 7.

влечь пулю, что обеспечило доведение лечения до благополучного конца. Тем русским, кто с тревогой следил за болезнью Гарибальди, от радно было читать слова Пирогова: «Все почитатели его могут быть спокойны: ни жизнь, ни нога его не находятся в опасности»⁶⁰. Десять лет спустя Гарибальди тепло писал о своей благодарности Пирогову в предисловии к собственным воспоминаниям⁶¹.

Н. И. Пирогов, излечивший народного героя Италии, снискал горячую признательность прогрессивной молодежи России. Много лет спустя Л. Н. Модзалевский писал: «Все русские были в восторге от Пирогова, ибо к этому примешивалось кое-что политическое... Его поездка к Гарибальди еще выше подняла его в глазах здешних и русских»⁶². Не удивительно, что царское правительство усомнилось в «политической благонадежности» великого хирурга⁶³.

В менее значительных (чем поход «Тысячи») кампаниях Гарибальди 1860-х годов также принимали то или иное участие русские люди. Правда, во время этих походов, как и в 1860 г., находились такие, которые, по образному выражению нашего великого сатирика Салтыкова-Щедрина, хотели только «потереться» вокруг Гарибальди⁶⁴. Это были состоятельные туристы, художники и др., кон во время гарибальдийского движения случайно оказались в Италии и поспешили в штаб Гарибальди лишь для того, чтобы «посмотреть на него» или получить его автограф. Многие из них хвастали затем автографом героя и распространяли всякие небылицы о нем в периодической печати. Этих охотников за сенсациями Щедрин метко называл «гулящими людьми». О них мы говорить не будем.

Иные же действительно принимали хотя кратковременное, но весьма активное участие в гарибальдийском движении. К ним, например, относится известный ученый-палеонтолог, участник революционного движения в России В. О. Ковалевский. Во время австро-прусской войны 1866 г., в которой принимала участие также Италия, он сражался в отряде Гарибальди, наносившем ошеломляющие удары по австрийской армии⁶⁵. Яркие корреспонденции В. О. Ковалевского о сражениях гарибальдийцев печатались в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁶⁶.

Походы Гарибальди привлекали к себе внимание таких выдающихся революционных деятелей, каким являлся Г. А. Лопатин — один из первых социалистов в России, впоследствии член Генерального Совета I Интернационала, переводчик «Капитала» Маркса. Как-то в октябре 1867 г. Лопатин прочитал в газете, что Гарибальди бежал с Капреры для похода на Рим. Вечером того же дня Лопатин покинул Петербург и нелегально отправился за границу, чтобы встать в ряды Гарибальди. Он прибыл во Флоренцию, когда отряд Гарибальди потерпел сильное поражение в битве при Ментане с соединенной папско-французской

гоманова». Genève. 1892, стр. 149). А по поводу ранения Гарибальди Тургенев писал в письме к Фету от 4 сентября 1862 г.: «...На последних словах... меня застало известие о плачевном конце предприятия Гарибальди, и я не мог более писать. Хотя мне хорошо известно, что роль честных людей на этом свете состоит почти исключительно в том, чтобы погибнуть с достоинством... Однако мне все-таки стало тяжело...» (см. А. Фет. Мои воспоминания. М. 1890, ч. 1-я, стр. 404). Отметим, что указанные два письма Тургенева в изданные до сих пор собрания сочинений его не вошли.

⁶⁰ «Русский врач». 1916. № 10. Т. XV, стр. 220.

⁶¹ G. Garibaldi. Memorie. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Vol. II. Bologna. 1932, p. 13.

⁶² См. статью С. Я. Штрайх. Письмо Н. И. Пирогова о ране Giuseppe Garibaldi. «Русский врач», 1916, № 10, Т. XV, стр. 217—218.

⁶³ См. А. Геселевич. Научное, литературное и эпистолярное наследие Н. И. Пирогова. М. 1956, стр. 192.

⁶⁴ См. М. Е. Салтыков-Щедрин. Соч. Т. 6. М. 1941, стр. 126.

⁶⁵ См. «Литературное наследство». Т. 62. М. 1955, стр. 266.

⁶⁶ См. «Санкт-Петербургские ведомости», №№ 196—206 за 1866 год.

армией (3 ноября)⁶⁷. Поход Гарибальди был, как известно, безуспешным, Лопатину не пришлось принять участия в нем.

Ореолом славы среди русской интеллигенции 60-х годов окружена была известная писательница, редактор детских журналов А. Н. Толиверова-Якоби. Находясь в Риме во время последнего похода Гарибальди в Италии в 1867 г., она включилась в активную работу среди римских гарибальдийцев. Толиверова стала знаменитой тем, что спасла от смерти адъютанта Гарибальди. Тогда в Риме очень опасно было высказывать открыто свое сочувствие гарибальдийскому движению, особенно для русского. Папские власти питали ненависть к освободительному движению 60-х годов в России и всячески преследовали русских: им запрещалось говорить на родном языке на улицах и в общественных местах, запрещалось богослужение в русских церквях. Но отважная «шестидесятница» не испугалась папского террора и рисковала своей жизнью ради торжества революционного дела.

Позже Толиверова рассказывала о положении в Риме: «Кровь и ужас, ужас гонения. Восстание за восстанием, но теперь уже не против чужеземцев, захватывавших прекрасную страну, а против своего, итальянского правительства. Сколько комитетов для освобождения Рима от папской власти! Всюду раздавались горячие призывы против монахов»⁶⁸.

Против Гарибальди двинулись войска трех армий: папской, французской и итальянской. Гарибальдийцы вынуждены были отступить из Папской области на территорию итальянского королевства. Паписты захватили в плен много волонтеров, в подавляющем большинстве раненых. Госпитали Рима и тюрьмы были переполнены гарибальдийцами. А. Н. Толиверова с глубоким волнением следила за каждым сражением и регулярно вела дневник событий. Она ходила в Риме к знакомым русским и незнакомым итальянцам и собирала для раненых продовольствие, одежду и деньги. Затем ею овладела мысль «посвятить себя уходу за ранеными пленными гарибальдийцами»⁶⁹. С трудом ей удалось получить разрешение военного министра поступить на работу в один из военных госпиталей в качестве сестры милосердия.

Из опубликованных в трех номерах журнала «Неделя» за 1870 г. воспоминаний Толиверовой мы очень мало узнаем о ее деятельности среди гарибальдийцев в Риме. (Вполне понятно, что по конспиративным соображениям она о многом умалчивала.) Сведения об этом содержат опубликованные воспоминания ее друзей, которым она подробно рассказывала о своих делах. Близкими ее друзьями были: известный публицист и общественный деятель И. В. Шелгунов, видный педагог и критик В. П. Острогорский и старейший советский писатель Ал. Алтаев (псевдоним М. В. Ямшиковой).

После неудачного сражения при Ментане был арестован и приговорен к смертной казни адъютант Гарибальди Луиджи Кастеллацци. Он содержался в самой страшной тюрьме Рима — Сан-Мишель. Гарибальди разработал план организации его побега и подыскивал наиболее подходящего человека, который мог бы проникнуть в тюрьму для передачи Кастеллацци записки. Зная храбрость А. Н. Толиверовой, Гарибальди решил поручить это дело ей. Через своего друга, известную немецкую писательницу Шварц, Гарибальди передал Толиверовой письмо и записку к Кастеллацци с планом побега. Толиверова взялась выполнить опасное поручение. В своем дневнике она записала: «Я решила, что завтра пойду в тюрьму Сан-Мишель и употреблю все силы, чтобы увидеть Кастеллацци»⁷⁰.

⁶⁷ См. F. Venturi. Il populismo russo. Vol. I, pp. 580—581.

⁶⁸ См. Ал. Алтаев. Памятные встречи. М. 1955, стр. 191.

⁶⁹ См. А. Якоби. Между гарибальдийцами (из воспоминаний русской). Журнал «Неделя». 1870, № 22, стр. 723.

⁷⁰ См. Ал. Алтаев. Указ. соч., стр. 213.

Сцена передачи записки подробно и интересно описана Шелгуновым: «Она (Толиверова-Якоби.— В. Н.) отправилась к коменданту, всеми святыми умоляла его о последнем свидании, расплакалась, и комендант, не устояв против слез молодой красивой женщины, разрешил свидание. Когда перед Якоби открылись двери тюрьмы, она, не дав опомниться заключенному, кинулась на него с открытыми объятиями, начала целовать его и сунула ему за шею записочку»⁷¹. Побег Кастеллацци удался.

Гарибальди был лично знаком с отважной русской женщиной и высоко ценил ее. По свидетельству Острогорского, года через три после этого Толиверова ездила к Гарибальди на Капреру⁷².

Шелгунов, хорошо знавший состояние умов русской интеллигенции того времени, указывает, что Толиверова рисковала жизнью не по причине какого-то мимолетного порыва: поступок ее отражал «общее настроение того времени»⁷³.

После возвращения на родину Толиверова никогда не забывала славные подвиги гарибальдийцев. Она сохранила на всю жизнь некоторые реликвии, привезенные из Италии. В квартире у нее на стенах висели портреты Гарибальди и красная рубашка, залитая кровью, подаренная раненым гарибальдийцем. В 1872 г. Гарибальди написал Толиверовой теплое письмо, полное симпатии к русскому народу. Оно до сих пор неизвестно итальянским биографам Гарибальди.

Ниже мы впервые публикуем полностью его перевод с итальянского языка:

«Капрера, 24 июля 1872 г.

Синьора Александра!

О современном правительстве России скажу лишь одно, что ее нынешний государь может хвастаться освобождением крестьян, которое надеемся увидеть осуществленным. Такой ореол славы, конечно, предпочтительнее всяким завоеваниям.

Через Вас я шлю сердечный и искренний привет Вашему храброму народу, который будет играть столь большую роль в грядущих судьбах мира.

Всегда Ваш Дж. Гарибальди»⁷⁴.

Отметим, что в этом письме нашли свое отражение либеральные иллюзии Гарибальди, его совершенно беспочвенная, наивная вера в «освободительную миссию» Александра II. В письме к Герцену от 13 апреля 1864 г. Гарибальди в том же либеральном духе указывал, что манифест об освобождении крестьян якобы был принят «с восторгом и удивлением всей Европой»⁷⁵.

В письме к Толиверовой и чувствуется отзвук подобных рассуждений.

Говоря об отношении русских людей к гарибальдийскому движению, нельзя умолчать о М. А. Бакунине.

В силу исторических условий глубоко ошибочная, крайне вредная

⁷¹ Н. В. Шелгунов. Указ. соч., стр. 86.

⁷² См. Ал. Алтаев. Указ. соч., стр. 209.

⁷³ Н. В. Шелгунов. Указ. соч., стр. 86.

⁷⁴ Подлинник письма хранится в Ленинградском институте русской литературы (бывший Пушкинский дом). Приводим текст его в оригинале: «Caprera, 24 Luglio, 1872.

Signora Alessandrina!

Nulla dirò del governo presente della Russia — soltanto che il Sovrano presente della stessa può glorificarsi dell'emancipazione dei servi, che speriamo veder completa. Tale aureola di gloria è preferibile certamente ad ogni conquista.

Io con Voi invio un simpatico ed affettuoso saluto al vostro bravo popolo, che tanta parte deve prendere ai venturi destini del mondo. Sempre Vostro

G. Garibaldi».

⁷⁵ G. Garibaldi. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. I. p. 356. Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Bologna. 1934, p. 356.

для дела революционного рабочего движения анархистская теория нашла в Италии хорошую почву и пустила глубокие корни. Здесь мы лишь вкратце коснемся вопроса о взаимоотношениях между Бакуниным и Гарибальди.

Известно, что Бакунин многие годы мечтал поднять «всеславянское восстание». В письме от 10 мая 1862 г. он обратился к Гарибальди с предложением объединить итальянцев со славянами для общей борьбы против Австрии⁷⁶. В январе 1864 г. Бакунин специально поехал к Гарибальди на Капреру поделиться своими планами. По-видимому, Гарибальди не очень верил в реальность «всеславянского восстания». Зато он рассказал Бакунину, что собирался в Польшу, но поляки ему отсоветовали⁷⁷.

В ноябре 1864 г. Бакунин отправился в Италию по поручению К. Маркса для организации итальянской секции Интернационала. При этом Маркс указал Бакунину на важность привлечения Гарибальди к Интернационалу и поручил передать герою «Адрес», принятый на учредительном конгрессе. Но Бакунин уже тогда начал свою раскольническую деятельность в Интернационале и старался склонить Гарибальди на свою сторону. Гарибальди же не сочувствовал анархистской теории.

Особенно усиленно бакунисты пытались подчинить своему влиянию Гарибальди в 1871 г., когда деятельность анархистского «Альянса» дошла до высшей точки и «Альянс» повел бешеную борьбу против только что начавшего складываться в Италии марксистского течения. Всеми способами Бакунин и его сторонники старались привлечь Гарибальди на свою сторону, желая воспользоваться его именем для выступления против марксистского течения в Интернационале. В ответ на навязчивость бакунистов Гарибальди решил открыто выступить против анархистской теории. Когда один из друзей Бакунина — редактор анархистской «*Avenir sociale*» Крешио — обратился к Гарибальди с просьбой поддержать газету, которая яростно выступала против «авторитарного принципа» К. Маркса, то Гарибальди ответил: «Вы хотите в Вашей газете объявить войну лжи и рабству. Это — прекрасная программа. Но, я думаю, что борьба с «авторитарным принципом» является одной из главных ошибок Интернационала (т. е. бакунистских секций, которые тогда преобладали в Италии.— В. Н.), препятствующих его успехам. Парижская коммуна пала потому, что в Париже не было авторитарной власти, а была только анархия».

Энгельс в статье о положении в Интернационале с удовольствием цитирует это замечание Гарибальди: «Старый борец за свободу, который в одном 1860 г. сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине...»⁷⁸.

В 1907 г. в Италии широко отмечался 100-летний юбилей со дня рождения Гарибальди. Римский университет подготовил сборник памяти героя Италии. Юбилейная комиссия обратилась к виднейшим русским общественным деятелям и ученым с просьбой написать статьи для сборника. Это предложение было сделано экс-председателю I Государ-

⁷⁶ См. Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. Т. II. М.-Л. 1927, стр. 8—9. Отметим, что Бакунин владел итальянским языком и изучил социальные условия Италии (см. А. Я. Панаева (Головачева). (Воспоминания. М.-Л., 1927, стр. 126).

⁷⁷ Там же, стр. 286.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XV, стр. 104. Поддержка Гарибальди Парижской коммуны вызвала нападки Бакунина на него: он писал по этому поводу, что *idée fixe* Гарибальди — диктатура и поэтому следовать за ним — «несчастье» (см. письмо Бакунина к Людовiku Набруци от 3 января 1872 года. «Материалы для биографии М. Бакунина», под ред. В. Полонского Т. III. 1928, стр. 313).

ственной Думы С. А. Муромцеву, историку и социологу М. М. Ковалевскому, а из писателей А. М. Горькому. Все трое приняли предложение⁷⁹.

Максим Ковалевский в своей статье приводит такой интересный факт: один редактор провинциальной газеты в Полтаве рассказал ему, что на собраниях сторонников независимости Украины он много раз слышал упоминание о Гарибальди. «Все движение как в Польше, так и в Малороссии воодушевлялось примером Гарибальди», — писал Ковалевский⁸⁰.

Наиболее интересен рассказ А. М. Горького о Гарибальди. Горький указывает, что в первый раз он услышал имя Гарибальди на пароходе, когда ему было 13 лет. Простой крестьянин с большим пафосом говорил о героических подвигах Гарибальди в борьбе за народное дело. Затаив дыхание, пассажиры слушали вдохновенный рассказ. Горький пишет, что этот рассказ человека из народа ему запомнился больше, чем все прочитанные им позже книги о Гарибальди⁸¹.

Популярность Гарибальди среди народов нашей страны давно известна итальянцам, и некоторые авторы биографий Гарибальди с удовлетворением отмечают это. Так, например, в биографии Гарибальди, изданной вскоре после его смерти, в серии «Народная библиотека», говорится: «...И теперь еще в некоторых провинциях Российской империи крестьяне говорят о нем, называя его «Гарибальдов»⁸².

Буржуазная историография всячески старается исказить, фальсифицировать биографию Гарибальди в угоду господствующим классам. Одни его объявляют заурядным либералом, другие — монархистом, а иные — даже предтечей фашизма. На VII Конгрессе Коминтерна Г. Димитров указывал, что даже деспотический Муссолини усиленно старался нажить капитал на героическом образе Гарибальди. В «битве за Гарибальди», за его духовное наследие советская историография отстаивает правдивое освещение деятельности народного героя Италии. Нам не к чему умалять отдельные ошибки его, и мы указываем на его слабости, колебания, а иногда и на непоследовательность. Но при всем этом Гарибальди оставался революционным демократом, самоотверженно борющимся за свободу и национальную независимость. Еще в 1935 г. в воззвании ЦК Итальянской компартии указывалось, что знамя Гарибальди находится в руках компартии⁸³.

Имя Гарибальди присвоили своим отрядам борцы за свободу и независимость Испании в 1936—1937 гг., когда они сражались против фашистских мятежников; имя Гарибальди носили отряды движения Сопротивления в годы второй мировой войны. В настоящее время наследником революционных традиций Гарибальди являются прогрессивные силы Италии, в первых рядах которых идет итальянский пролетариат и его коммунистическая партия, ведущая народ на борьбу за мир, демократию и социализм.

⁷⁹ См. Сборник «Garibaldi». A cura dell comitato universitario per le onoranze a Garibaldi. Roma. 1907, p. 8.

⁸⁰ М. Ковалевский. A la mémoire de Garibaldi. Там же, стр. 18.

⁸¹ М. Горький. Giuseppe Garibaldi. Там же, стр. 4. Отметим, что на русском языке рассказ А. М. Горького был впервые опубликован в газете «Биржевые ведомости», 4 июля 1907 г. со значительными цензурными сокращениями. Была, например, выброшена фраза: «Хотя бы у нас кто кликнул такой клич!» (то есть клич о восстании) и др. Полностью рассказ А. М. Горького долго оставался неизвестным советским читателям, так как в первые издания сочинений не включался. Лишь в последнем, 30-томном издании сочинений А. М. Горького рассказ напечатан полностью по итальянскому тексту. Рукопись же статьи до сих пор не найдена (см. А. М. Горький. Соч. Т. VII. М. 1950, стр. 517 и исправление в т. XXX. М. 1955, стр. 808).

⁸² «I grandi italiani. Garibaldi. Storia della sua vita (con documenti autentici e memorie inedite)». Milano. 1882, p. 11.

⁸³ См. журнал «Коммунистический Интернационал» № 31—32. 1935, стр. 63—64.

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В АНГЛИИ

(К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИЛЛАНСТВА ОБЩЕГО ПРАВА)

М. А. Барг

Вилланы — преобладающая часть крестьянства средневековой Англии, основной производящий и эксплуатируемый класс ее населения. В институте вилланства воплотились самые существенные особенности феодального способа производства в этой стране в пору его высшего расцвета. Очевидно, что в судьбах вилланства заключается центральная проблема социальной истории Англии на протяжении более чем трехвекового периода — от нормандского завоевания до восстания Уота Тайлера.

Известно, что наиболее крупный вклад в разработку этой проблемы внес П. Г. Виноградов. Выдвинутая им в конце прошлого века концепция происхождения и особенностей английского крепостничества (вилланства)¹ сыграла в свое время в высшей степени плодотворную роль в социальной историографии средневековья, и не только английского. В ней мы вправе усматривать лучшее, что было создано буржуазной исторической и социологической мыслью на рубеже двух столетий. Недаром эта концепция и поныне не только остается господствующей в западноевропейской науке, но даже стала у ее сторонников из среды буржуазных ученых своего рода «мерилом» при оценке всех новых исследований в данной области.

Между тем для историка-марксиста очевидно, что в ходе дальнейших научных изысканий прогрессивные черты концепции Виноградова постепенно «изживали» себя, утрачивали свою остроту и актуальность. Те же ее черты, которые были обусловлены узостью буржуазного мировоззрения Виноградова, и в частности — ярко выраженный юридизм его «исторического метода», тяготея над современной научной мыслью, тормозят дальнейшее исследование интересующей нас проблемы. В самом деле, вряд ли даже самый консервативный ученый наших дней станет отрицать основную идею Виноградова — генетическую связь между вилланом — английским сервом «общего права» XIII в., с одной стороны, и кэрлом — свободным и полноправным общинником англо-саксонской эпохи — с другой. В то же время даже прогрессивные историки Запада все еще находятся под влиянием недостаточных, а временами явно ошибочных построений Виноградова относительно самого процесса становления вилланства, его ведущих тенденций, его сущности. К тому же этот процесс Виноградовым скорее постулирован, чем исследован. Его «Вилланство в Англии» посвящено прежде всего XIII в., а обещанный им второй том, в котором предполагалось осветить нормандское завоевание и англо-саксонскую эпоху, так и не появился².

¹ См. П. Г. Виноградов. Исследование по социальной истории Англии в средние века. СПб. 1887; его же. Villainage in England. Oxford. 1892.

² Хотя последующие работы Виноградова, «Рост поместья» (1905) и «Английское общество в XI в.» (1908), тематически и являются выполнением этого обещания, однако они вдохновлялись уже иными идеями и мотивами. Пафос «Вилланства в Англии» был навсегда утрачен, так как его автор успел к тому времени растерять большую часть своих «народнических» и либерально-романтических устремлений.

Вкратце концепция Виноградова сводится к следующему. Английское крепостничество, как в значительной мере и вся манориальная система, явилось продуктом нормандского завоевания. Последнее свело все разнообразие социально-экономических связей, существовавших в донормандской англо-саксонской деревне, к универсальному подчинению (*subjection*) манору, а столь же расчлененную по своему положению массу лично свободных кэрлов — к универсальному статусу виллана феодальной вотчины. Именно завоевание, по мнению Виноградова, слило свободных и несвободных в общую массу вилланства; следы этого недавнего смешения различных категорий сельского населения в «реторте манора» сохранились в держательской терминологии Книги Страшного суда. За исключением разве термина *servus*, она лишена какой-либо юридической определенности, это, если можно так выразиться, лишь «первозданная туманность», из которой только с течением времени должна была выкристаллизоваться классификация держаний писцовых книг XIII века³.

Но что же было решающим в этом процессе, какие факторы лежали в его основе? Виноградов видит их в политических и юридических результатах завоевания. Наиболее важная роль приписывается юристам. Завоевание создало общее право (*common law*) и королевские суды. Чтобы унифицировать условия крестьянского подчинения, юристы воспользовались римским правом с его «враждебными крестьянской свободе» тенденциями, а также нормандским правом с его особой приверженностью к процессуальным формам и развитой королевской юрисдикцией. Решающим для судеб крестьянства актом был отказ королевских судов рассматривать по существу иски вилланов. «Отказ в юрисдикции, — заключает Виноградов, — можно считать центральным фактом (!) в движении в пользу рабства»⁴.

Таким образом, вся концепция вилланства у Виноградова построена на формально-юридическом подходе к анализу существа социального процесса. К тому же на ней лежит явный отпечаток либерально-вигской традиции с ее идеализацией древней, «донормандской свободы». Поскольку это относится к англо-саксонской эпохе, степень этой идеализации достаточно хорошо выяснена в советской историографии⁵. Теперь назрела настоятельная необходимость установить связь между новыми представлениями о состоянии англо-саксонского общества в первой половине XI в. и его изображением в кадастре Вильгельма I — Книге Страшного суда. Тогда в новом свете предстанет и роль нормандского завоевания в процессе феодализации страны.

Настало время попытаться преодолеть очевидное противоречие в нашем представлении о завершенности (к концу XI в.) феодальной структуры господствующего класса Англии, с одной стороны, и будто бы совершенно неустоявшейся и разнородной форме производственных отношений в этой стране — с другой⁶.

Итак, вилланство привлекло наше внимание как отчетливо обрисованный правовыми нормами социальный институт, олицетворявший основное производственное отношение эпохи и, следовательно, заключавший в себе ее основные социальные противоречия. С этой точки зрения трактовка вилланства в «общем праве» может рассматриваться как «юридическое представление» класса феодалов о господствовавшем в стране способе производства. Так как феодальные производственные отношения неизбежно принимают форму личной зависимости⁷, то в отли-

³ См. P. Vinogradoff. *Villainage in England*, pp. 131, 133, 209.

⁴ Там же, стр. 131.

⁵ См. А. Я. Гуревич. Крестьянство Юго-Западной Англии в донормандский период. М. 1950 (кандидатская диссертация); М. Н. Соколова. Общественный строй Кента и Уэссекса в VII—X веках. М. 1951 (кандидатская диссертация).

⁶ Здесь и ниже имеем в виду прежде всего среднеанглийские графства.

⁷ См. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат 1955, стр. 83—84.

чие от буржуазных отношений производства, выступающих прежде всего как отношения вещные, они уже на очень ранней стадии своего развития должны быть так или иначе закреплены, то есть сформулированы в праве. В то же время марксистское понимание права как «отражения» данного способа производства, как «перевод» его отношений в юридические принципы⁸ необходимо предполагает известное отставание права⁹ от хода социально-экономической эволюции. Следовательно, наша задача заключается в том, чтобы проследить, когда, на какой стадии своего развития новая социальная действительность получила «доступ» в традиционное правосознание с тем, чтобы, отразившись в нем, вначале в качестве противоречия с господствовавшими до тех пор юридическими принципами, стать затем отправным пунктом ломки этих принципов и пересоздания права на новой основе.

Конец англо-саксонского периода характеризуется поразительным «отставанием» господствовавших юридических принципов от социально-экономической действительности.

«Законы Кнута» продолжают исходить в основном из того же водораздела между «свободой» и «несвободой», который был зафиксирован за четыре века до них в законах Этельберта¹⁰. Этот водораздел проходит между простым свободным — кэрлом, с одной стороны, и рабом (theow) — с другой. Если отвлечься от различных модификаций свободы, которые с течением времени привносились в нее принципом знатности, то англо-саксонское общество, согласно «королевскому законодательству», предстанет перед нами (даже в канун нормандского завоевания) как общество, в котором феодальные отношения еще мало затронули общину свободных земледельцев. Между тем сотни грамот свидетельствуют о том, что именно эта община выступает не как субъект прав, а как объект королевских пожалований, как сфера частного права — бокленд, — разделенная между различными его носителями, то есть как община, находящаяся в феодальной по своему существу зависимости¹¹. Факт отставания «королевского права» от социальной действительности станет еще более очевидным, если мы обратимся к уникальному памятнику обычного права XI в. — к «*Rectitudines singularum personarum*»¹², — ибо в нем рисуется типичная раннефеодальная вотчина, которой, по существу, уже неизвестен феодально-независимый, свободный земледelec¹³.

Если дошедшие до нас англо-саксонские памятники не могут служить основанием для ответа на вопрос, в какой мере отношения, рисующиеся в «*Rectitudines*», были типичны (к 1066 г.) для среднеанглийской деревни в целом, то тем большее познавательное значение приобретает Книга Страшного суда (1086 г.). Самым поразительным в ней является не новая

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат. 1953. стр. 428 (Энгельс — Шмидту 27 октября 1890 г.).

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 300. Правовые формулы имеют свойство застыть, а это приводит к применению их к таким условиям, в которых они уже успели стать неадекватными.

¹⁰ Aethelberht. c. 4 frigman; c. 6 frigne mannan противопоставляется рабу, — c. 11 theow. Cp. II. Cnut, c. 45, 1; c. 45, 2. F. Liebermann. Die Gesetze der Angelsachsen. Band I. Halle. 1903.

¹¹ См., например, A. I. Robertson. Anglo-Saxon charters. Cambridge. 1939.

¹² F. Liebermann. Указ. соч., стр. 445.

¹³ См., например, Survey of the manor of Tidenham. Glouc. in A. I. Robertson. Указ. соч., стр. 40. Вообще в англо-саксонских грамотах мы находим уже всю основную манориальную терминологию: hame — манор (см. A. I. Robertson. Указ. соч., стр. 114, № LV); inland — домен (см. там же, стр. 204, № CIX); gesettes landes — оброчные держания (см. там же, стр. 240, cp. W. de Gray Birch (ed.). Cartularium Saxonum. Vol. II. London. 1887. № 594; «Yorkshire surveys. 1023—1064», Ed. W. A. Stevenson. EHR. Vol. XXVII (1912).

феодалная терминология, хотя она сама по себе означала переворот в традиционном правосознании страны¹⁴, а то, каким верным ключом эта терминология оказалась для истолкования английской действительности, как легко и моментально она привилась на этой почве. Положив в основу юридической классификации сельского населения принцип феодальных земельных отношений, комиссары Вильгельма Завоевателя скорее лишь отчетливо выразили в терминах сеньериального права отношения реальной действительности, чем производили ломку этой действительности.

Так как очевидно, что всякая ломка устаревших и не соответствующих уже новым условиям юридических принципов могла совершаться только «сверху», то есть только путем проявления «осознанной» или «неосознанной» воли стоявшего у власти класса, то сама «Великая опись» 1086 г. должна рассматриваться как первый, огромного значения шаг по пути к преодолению указанного противоречия англо-саксонской эпохи¹⁵.

Имея в виду Англию в целом, можно признать, что этот процесс был двусторонним. Он означал, с одной стороны, приведение реальной действительности в соответствие с «концепцией права» завоевателей¹⁶, с другой стороны, нововведение в области самого права. Однако в пределах территории центральных, западных и юго-западных графств, и прежде всего территории Уэссекса, как это следует из данных Книги Страшного суда (Domesday Book), первая часть этой задачи была уже в основном решена: К моменту составления Книги Страшного суда манориальная система феодальной эксплуатации — вотчина типа «Gutherrschafft» — в этих графствах уже глубоко укоренилась и повсеместно распространилась¹⁷, что, естественно, не могло произойти за каких-нибудь два десятилетия, отделявших появление Книги Страшного суда от битвы при Гастингсе. Следовательно, не реальная действительность должна была поразить здесь завоевателей, ибо вряд ли она во многом отличалась от того, что было им знакомо на родине, а полное несоответствие отражения этой действительности в праве.

Характерно, однако, что ломка «традиционного права» совершалась пришельцами при вынужденном обещании «сохранить» «законы Эдуарда». Поэтому она не могла быть произведена моментально и вылилась в постепенное «пересоздание» этого права на новой основе — на основе «права манориального».

Именно в этом смысле — и, пожалуй, только в этом смысле — в Книге Страшного суда можно усмотреть «совершенно новый» отправной пункт в эволюции английского средневекового общества¹⁸. Прежде всего это сказалось в новой «держательской» терминологии. Комиссары Вильгельма I вместо традиционных кэрлов, гебуров, генитов увидели в английской деревне две основные категории населения: «вилланов» и «свободных». Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить, как расшифровывается в анкете 1086 г. вопрос *Quot hominum? — Quot villani, quot cotarii, quot servi, quot liberi homines, quot sochemanni?*¹⁹. Уже сама последовательность этого перечня с предельной ясностью показывает наличие двух ука-

¹⁴ Можно было бы заметить, что на фоне тех же «Rectitudines» в этом нельзя усмотреть ничего нового. Однако с таким мнением трудно согласиться хотя бы потому, что комиссары 1086 г. проводили эти принципы в масштабах целой страны.

¹⁵ Конечно, этот процесс рано или поздно совершился бы естественным путем, и завоевание его лишь ускорило. См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. Журнал «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 164. Ср. F. M. Stenton. *Anglo-Saxon England*. Oxford. 1943, p. 676—677.

¹⁶ См. P. Vinogradoff. *Villainage in England*, p. 209; ср. F. Maitland. *Domesday Book and Beyond*. Cambridge. 1897, p. 321.

¹⁷ См. F. M. Stenton. Указ. соч., стр. 309—310; ср. «Rectitudines», с. 4. *gebures gerihte*. Сведения о барщине в Книге Страшного суда. См. ниже.

¹⁸ F. Pollock and F. W. Maitland. *History of English law*. Vol. I. Cambridge. 1898, p. 69, 79.

¹⁹ См. N. Hamilton (ed.). *Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis. Subjicitur inquisitio Eliensis*. Londini. 1876, p. 191.

занных разрядов держателей²⁰. Первый начинается с вилланов, второй — со «свободных людей», и как бы для того, чтобы наметить, где проходит водораздел между этими разрядами, перед «*liberi homines*» помещены «*servi*». Уже то обстоятельство, что вместе с сервами за одну скобку вынесены не только коттеры и бордарии, но и вилланы (юридически лично свободные люди²¹), позволяет не только вскрыть принципиальное отличие классификации сельского населения по Книге Страшного суда от классификации его по «традиционному праву», но и понять основания для этого нового подхода. Этим основанием служил характер производственного, рентного отношения между сельскими жителями и манором²². Манор являлся в глазах завоевателей своего рода фокусом общественного строя. Из этого центра они и смотрели на окружающий мир: на пахотные поля, луга, пастбища и леса, а также и на людей, живших и трудившихся на них²³. Все это так или иначе было принадлежностью манора, его *retinentia*.

Выше уже было замечено, что Книга Страшного суда исходила из отношений феодальной поземельной собственности. Теперь это положение может быть уточнено: в ДВ понятие «свободы» поставлено в тесную взаимосвязь с общественной функцией ее носителя, иначе говоря, с его функцией в процессе феодального производства, с характерным для последнего «разделением труда»²⁴. Заменяв градуированную, многостепенную «свободу» англо-саксонских законов градуированной зависимостью, характерной для феодального общества, и расчленив эту зависимость, исходя из функции держателя в манориальном производстве, Книга Страшного суда в подлинном смысле слова заложила основания концепции вилланства общего права. Говоря о «манориальном производстве», мы имеем в виду, что критерием для определения статуса являлась не феодальная рента вообще, а та форма ренты, которая была господствующей в типическом маноре XI в., — барщина²⁵.

Имея в виду Англию в целом, комиссарам Вильгельма I, конечно, приходилось иногда применять этот принцип не только в условиях большого разнообразия форм ренты, но и далеко еще не завершенной манорализации деревни вообще. Наличие манора они подчас усматривали там, где находился центр юрисдикции или администрации, а «феодальную ренту» — в платежах, по своему изначальному существу далеко не феодальных²⁶. Тем не менее удивительно не то, что такая унификация имела место, — сама опись многообразной действительности под одним и тем же углом зрения не могла не означать схематизации и «упрощения» ее. Более поразительно то, насколько социальный строй деревни на значительной части территории страны укладывался уже в формы правосознания завоевателей, насколько господствовавшие в ней отношения уже были подготовлены к применению чисто феодаль-

²⁰ F. W. Maitland. Указ. соч., стр. 24.

²¹ Leges Henrici I, c. 70 *tywhindi, id est villani*. Cp. *Instituta Cnuti* II 15, *I villani... quem Angli vocant ceorlman*.

²² В этом смысле и следует понимать термин «*rusticus*» конца XI в. См. EHR. Vol. XLIV, № 176 (1929), p. 620. In *Sanford tenent villani VIII hidas*. Cp. там же... *Ez his tenent rustici VI. hidas*.

²³ См. N. Hamilton. Указ. соч., стр. 191.

²⁴ Это с очевидностью явствует не только из наличия в описи представления о «низких повинностях» (см. *Domesday Book*, Vol. I, f. 172 b₂ «*et reddebat inde omnes consuetudines... exсepto rustico opere*»), но прежде всего из факта систематической классификации держателей манора по этому принципу. (*Domesday Book*, далее сокращенно DB.)

²⁵ См. сведения о барщине в DB. Vol. I, f. 179 b. «... *in dominio sunt IIII carucae et XXVI villani et X bordarii cum XL carucis, hi villani arant et seminant de proprio semine...*». Cp. там же, стр. 180.

²⁶ P. Vinogradoff. *English Society in the eleventh century*. Oxford. 1908, p. 316 ff.; D. C. Douglas. *The Social Structure of medieval East Anglia*. Oxford. 1927, p. 131 ff.

ного принципа юридической классификации населения.

Тот факт, что комиссары 1086 г. могли от поселения к поселению указать точное число наделов «вилланов», «бордариев», «коттеров», свидетельствует о наличии к тому времени развитой барщинной системы с характерной для нее градацией крестьянских наделов по типу тягла: «наделы» с «пашущими волами» (вилланы) и «наделы», отбывающие только «ручную барщину» (коттеры)²⁷. Но если это так, то мы получаем наглядное свидетельство тому, что именно характер ренты служил в Книге Страшного суда основой для обозначения того или иного держателя «вилланом», «коттером», «сокменом» и т. д.

Таким образом очевидно, что к ломке общественного строя англосаксов привело не нормандское завоевание, а появление манора задолго до этого. Завоевателям осталось завершить этот процесс главным образом в области надстройки, в частности в праве. Эта точка зрения полностью подтверждается данными одной из ближайших к Книге Страшного суда описей — описи владений Питерборокского аббатства начала XII в. (1125—1128), являвшейся как бы более поздней версией DB. Указав, сколько в маноре гайд, и распределив по образцу DB каруки между «домоном» и «людьми манора», писцы, составлявшие эту опись, упоминают затем «полных вилланов», «полувилланов», бордариев или коттеров. Следовательно, вся система наделов классифицирована здесь по роду и количеству повинностей, причитавшихся манору.

Однако, несмотря на то, что в Книге Страшного суда вилланы оказались по характеру своей производственной функции в одном ряду с рабами (*servi*), они еще не слились в единый правовой разряд. В то время как статус вилланов уже определялся феодальным правом (именно поэтому они противопоставлены «*liberi homines*»), статус рабов еще определялся принципами старого, «народного права». Таким образом, в Книге Страшного суда отражен любопытнейший этап в формировании английского вилланства: твердо установив на манориальной основе состав этого класса, его внешние рамки, комиссары Вильгельма I еще оставили этот класс расчлененным по принципу юридического статуса.

Противоречие заключалось не только в том, что одни люди были отнесены к «вилланам», а другие к «сервам» на основе совершенно различных принципов, но и в том, что статус самих вилланов отличался двойственностью. В зависимости от характера источника они могут быть либо причислены к свободным, либо противопоставлены им так же, как и сервам. Естественно, что в зависимости от точки зрения — «публично-правовой» или «манориальной» — свободные люди предстают в документах конца XI — начала XII в. то как основная масса деревенского населения, то как крайне немногочисленная часть его²⁸. Исследователи, целиком поглощенные лишь стремлением доказать изначальную свободу земледельца Англии, акцентируют свою аргументацию именно на том, что вилланы 1086 г. юридически еще были противопоставлены сервам²⁹. Но при этом они не замечают нового качества этой свободы.

²⁷ Как известно, в описи графства Middlesex приводятся «размеры» вилланских наделов в акрах. При этом поражает строгая симметрия этих наделов. См. DB. Vol. I, ff. 127a и сл.; Cp. *Inquisitio Eliensis* (ed. N. Hamilton), p. 115, Witteleseia. *Octo villani quisque de XII acris*.

²⁸ В юридических компиляциях конца XI — начала XII в., как мы видели, термин «*villanus*» все еще олицетворял простого свободного, подобно тому, как его олицетворял кэрл в англо-саксонскую эпоху. Однако ср. DB. Vol. II, f. 1. «*Benflet in hoc manerio ...erat...quidam liber homo ...qui modo effectus est unus de villanis*».

²⁹ Предвестниками будущего следует считать те, по-видимому, многочисленные случаи, когда в дни «Великой описи» считали возможным рабов причислить к другим разрядам держателей. Иначе нельзя объяснить то обстоятельство, что по всему Гентингдонширу не зафиксировано ни одного раба. Кроме того, сервы фигурируют в DB в качестве «бовариев» (см. Vol. I, f. 175b), «котариев» и «бордариев» (см. Vol. I, f. 175a) «*ibi sunt... XXVII bordarii servientes curiae*». Нет сомнения, что немало сервов оказалось и в числе Domesday Book вилланов. Cp. F. W. Maitland. Указ. соч., стр. 34.

Это была уже свобода, если можно так выразиться, остаточная, лишённая фактической основы, чисто формальная — льющийся свет исчезнувшей звезды.

Конечно, в Книге Страшного суда еще нет никаких признаков позднейшей точки зрения, которая позволит увидеть в статусе виллана все юридические признаки раба. Вместе с тем нельзя отрицать и того факта, что предпосылки этой точки зрения были заложены именно в Книге Страшного суда — в ее классификации жителей деревни по «манориальному» принципу. «Villanus» DB — это, конечно, еще не технический термин «общего права» той поры; в рамках его им можно еще назвать сельского жителя (tunman) вообще³⁰. Но это определено уже термин сеньериального (манориального) права — образец перемены в статусе земледельцев, рассматриваемого отныне сквозь «манориальные очки». Это и естественно, так как феодальное правосознание в процессе своего становления проявляется прежде всего в качестве права манориального (Consuetudo manerii). И уже от условий места и времени будет зависеть, когда и насколько последнее пробьет себе дорогу в сферу права национального, «общего».

Итак, Книга Страшного суда фиксировала ту стадию формирования английского феодального права, когда, с одной стороны, возникло явное несоответствие между единовременно введенной «сверху», юридически завершенной системой правоотношений внутри господствующего класса (военно-рыцарский лен) и юридически недоразвитой, многоликой (на «окраинах») системой правоотношений антагонистических классов общества, а с другой стороны, имело место такое же несоответствие между давно уже утвердившейся (на значительной части территории страны) манориальной системой эксплуатации и совершенно неадекватным юридическим обобщением — формулировкой основ этой эксплуатации.

Как уже отмечалось выше, сама «Великая опись» 1086 г. явилась значительным шагом по пути преодоления этого противоречия. «Сословные ряды» этой описи явились отправным пунктом в процессе становления позднейшей концепции вилланства. Подтверждением этого основополагающего для нас факта могут служить прежде всего результаты сравнительного анализа данных Книги Страшного суда и Сотенных свитков 1279 г. — Rotuli Hundredorum — по вопросу о вилланском составе вотчин. Естественно, что два века, разделяющие наши источники, — слишком большой срок даже для «малоподвижных» социальных институтов феодализма, и поэтому такое сопоставление по всем фиксированным в 1086 г. вотчинам оказалось невозможным. Тем ценнее свидетельства тех описей, а их оказалось без малого четыре десятка, сопоставление которых дает возможность сделать определенные неопровержимые выводы. Ограничимся для данного случая сведениями по Оксфордширу (см. след. стр.).

Еще Виноградов, а вслед за ним и Стентон³¹, как мы видели, не допускали и мысли о том, что под термином «villanus» в Книге Страшного суда скрывается определенное «техническое» содержание. Аргумент против такого допущения они видели, между прочим, в том, что в «числе» вилланов DB фиксирует вообще не держателей, а держання. Но для нашей таблицы это оказалось безразличным, ибо если «villani» DB — это «держання», то, следовательно, их статус в манориальном праве был уже твердо установлен, что свидетельствует не только о преемственности экономического строя манора; точное совпадение числа вилланов в DB и RH (в тех случаях, когда внешние границы манора и внутренняя его структура остались неизменными) говорит прежде всего о том, что в той же мере, в какой «надельная система» 1279 г. восходит к Книге Страшного

³⁰ См. выше. Ср. P. Vinogradoff. Villainage in England, p. 209. F. M. Stenton. Anglo-Saxon England, p. 471.

³¹ P. Vinogradoff. Указ. соч., стр. 209; F. M. Stenton. Указ. соч. стр. 471.

суда, вилланы 1279 г. по своей манориальной функции прямо и непосредственно восходят к вилланам Книги Страшного суда.

Источник	1086 Назв. манора	Число вилланов	1279 Источник	Число вилланов или число вилланских наделов
Оксфордшир			Rotuli Hundredo-	
Domesday Book, Vol. I, f. 156 a	Chersitone	4	rum II p. 854	4 villani
» 161 a	Chidintone	3	» p. 877	3 »
» 160 b	Welde	3	» p. 688	3 »
» 158 b	Esthale	24	» p. 694	12 (свед. для полманора)
» 155 a	Middelitone	24	» p. 820	24 villani
» 160 a	Meretone	19	» p. 821	19 »
» 158 a	Estone	26	» p. 735	26 vg. (terra villanorum)
» 155 b	Feringeford	18	» p. 829—7	18 villani
» 158 b	Nortbroc	9	» p. 832—7	9 »
» 159 a				
» 154 a	Elitone	10	» p. 716	10 vg. (terra villanorum)
» 158 b	Perejun	18	» p. 725	18 villani
» 159 b	Cestretone	22	» p. 729	22 »
» 158 a	Chedelintone	32	» p. 736	16 (свед. для полманора)
» 155 a	Parva	12	» p. 744	12 villani
»	Rollandri			
» 160 b	Ropeford	7	» p. 755	7 vg. (terra villanorum)
» 159 b	Draicote	5	» p. 757	5 »
» 155 b	Britewelle	5	» p. 765	5 villani

Юридическая трактовка их статуса, конечно, была различной, но только постольку, поскольку мы ее будем искать в сфере «общего права». Нет ни малейшего сомнения, что в сфере манориального обычая, то есть по своему реальному содержанию, она была уже полностью тождественна. И далее, то обстоятельство, что надельная система, иначе говоря, система тягла-барщины 1279 г., утвердилась уже в 1086 г., дает твердое основание заключить, что виллан DB (держатель барщинного надела) рассматривался в рамках указанного манориального права как человек, крепкий к земле³². Наконец, точное совпадение числа вилланов в 1086 и 1279 гг. свидетельствует о том, что строить догадки о сколько-нибудь значительном числе «свободных», будто бы скрытых за этим юридически «неопределенным» термином DB,—значит искать прибежище свободы там, где ее уже давно не было.

О том, что линией «villani — bordarii — servi» в Книге Страшного суда были намечены внешние контуры будущего вилланства XIII в., говорит и последующая судьба «бордариев». Как отмечалось уже в другой связи³³, «бордарии» Книги Страшного суда в абсолютном большинстве случаев в XIII в. оказываются определенным имущественным разрядом класса вилланов, как правило, ферделями, реже полувиргата-риями³⁴. Этот многозначительный факт устанавливается во всех тех случаях, когда имеется возможность сопоставить описи 1086 и 1279 годов³⁵.

³² Не об этом ли свидетельствуют грамоты конца XI — начала XII в., раздающие вместе с землей и «вилланов»? См., например, W I (1087) «Concedo eciam... in Essexia ecclesiam de Ferdham... et unum villanum; in Erleiga similiter decimam et unum villanum». См. EHR. Vol. XL, № 157 (1925), p. 74. Ср. там же. Millonus Crispin дарит в 1110 г. аббатству de Bec — «unam virgatam terre cum uno rustico (apud Wottesdunam) idem Milo concessit unam virgatam terre cum uno rustico (apud Eathropum)».

³³ См. М. А. Барг. Кто такие «бордарии» Книги Страшного суда? «Средние века». Вып. IV. 1953, стр. 134.

³⁴ Там же, где в Книге Страшного суда коттеры отдельно не фиксированы, их следует также искать под названием «бордариев».

³⁵ Приведем некоторые из этих свидетельств:

Domesday Book		Rotuli Hundre-	
Vol. I, f. 199 b	Abiton	5 bord. dorum p. 423	5 vill. × 8a
» 195 a	Stanton	12 » » p. 460	12 vill. × 5a
» 196 b	Kenet	5 » » p. 504	5 vill. × 15a

Таким образом и судьбы «бордариев» Книги Страшного суда (в XII и XIII вв.) с предельной ясностью подтверждают тот основной тезис, что в DB вилланство как социально-экономическое, рентное отношение выступает как давно уже утвердившийся факт, ибо иначе нельзя объяснить наличие в 1086 г. четко разработанной надельной системы, отвечавшей потребностям барщинного хозяйства даже в момент его высшего расцвета — в XIII веке.

Изучение вопроса о «бордариях» приводит также к заключению, что, по-видимому, не в одних лишь «имущественных различиях» следует усматривать линию водораздела, который отделял их от «вилланов».

Насколько можно судить по результатам сравнительного изучения *Domesday Book* и *Rotuli Hundredorum*, «бордарии» 1086 г., как правило, стояли на более низкой ступени «социальной лестницы», находились в большей зависимости от манора. Не исключено, что во многих случаях именно они представляли собой преемников гебуров из «*Rectitudines*», которые получали от лорда манора не только надел и рабочий инвентарь, но и «усадьбу» (*Messuagium*)³⁶, а временами были просто помещенными на землю рабами³⁷. Но тем важнее отметить, что если даже и существовали юридические градации между статусом вилланов и бордариев 1086 г., то они очень быстро исчезли, в рамках общего права XIII в. их уже нельзя уловить. Это является лишним свидетельством того, что манориальная функция этих разрядов держателей играла определяющую роль в процессе формирования юридической концепции вилланства.

Однако, может быть, наиболее примечательны с этой точки зрения исторические судьбы «класса» рабов описи 1086 года. Выше было указано, что, несмотря на различие правового статуса сервов и вилланов 1086 г. в сфере традиционного «народного права», в описи они были объединены в один разряд «людей манора» по феодальному принципу. Преодоление этого противоречия составляет, по существу, основное содержание социального и правового развития английского общества XII века. К сожалению, состояние источников таково, что проследить этот процесс можно лишь в самых общих чертах.

Ближайшие к Книге Страшного суда писцовые книги с очевидностью указывают на то, о чем можно было лишь догадываться, изучая Великую опись 1086 года.

Из писцовых книг следует: 1) что основой манориальной системы уже в конце XI в. являлась отработочная рента³⁸; 2) что с утверждением барщинной системы рабы, поскольку они оставались дворовыми, выполняли функции вспомогательные, которые к тому же в случае отсутствия таких рабов должны были перекладываться на плечи людей «свободных». Не удивительно поэтому, что в описях начала XII в. терминологически мы уже не обнаруживаем сервов древнего права, противопоставленных дру-

»	»	198 b Caxton	8	»	»	p. 540	8 vill. × 10a
»	»	191 a Kenton	4	»	»	p. 550	{ 3 vill. × 12a } 1 vill. — 9a }

Немало преемников «бордариев» оказалось в XII в. среди коттеров — примеры см. М. А. Барг. Указ. соч.

³⁶ Такая возможность подсказана одной примечательной описью манора Winewic (1279). RH. Vol. II, p. 628, где мы находим: «Octo willani... quilibet eos tenet I dim. Virg. terre sine messuagio... Sunt etiam quatuor villani... quilibet eos tenet dimid. Virg. terre cum messuagio». Всего в этой вилле II в. х. $\frac{1}{2}$ vg. sine mess. и 7 в. х. $\frac{1}{2}$ vg. cum mess. Cp. DB. Vol. I, f. 206 a. Еще более интересную параллель дают описи вотчины Gangulvesden (Oxf.) RH II, p. 770 Villani. Hug. Colegrim tenet I dim. Virg. terre cum staur (o) quondam antecessoribus suis tradito. Таких вилланов — 4 В DB I f. 159в не указаны вилланы, а лишь — 4 бордария и 4 серва.

³⁷ См. Leis Willelme, c. 17a, в котором «Bordier» фигурирует как один из разрядов дворовых людей.

³⁸ Chronicon Petroburgense (ed. Th. Stapleton), fol. IX, in Scotere — plenarii villani operantur II diebus in ebdomada; dimidii villani (operantur) — quantum illis contigit et bordarii I die in ebdomada.

гим категориям держателей манора. В рамках манориального права начала XII в. *servi* исчезли, растворились в массе людей манора, слились с теми, кто выполнял аналогичную с ними производственную функцию в маноре³⁹. Итак, в факте «исчезновения» рабов из манориальных описей начала XII в. следует видеть первый реальный результат тех феодально-правовых нововведений, которые были осуществлены завоевателями между 1066 и 1086 годами⁴⁰.

Однако речь здесь идет, по-видимому, лишь об «остаточных сервах». В *Domesday Book* сервы подчас описаны так, что легко устанавливается их тесная связь с «домениальными плугами» (*сагисае*)⁴¹. Это дворовые слуги, холопы, принадлежащие в той же степени к инвентарю домена, как и волю, к которым они приставлены⁴². Следовательно, интересы самого барщинного поместья, распространившегося и укрепившегося с нормандским завоеванием, требовали прикрепления раба не к личности господина, а к земле манора, к домену как неотъемлемой его принадлежности.

Среди какой же категории держателей манора XII в. следует искать преемников «производственной функции» рабов Книги Страшного суда? Первая и, по-видимому, типическая форма позднейшей «трансформации» рабов легко устанавливается при сопоставлении Книги Страшного суда и *Rotuli Hundredorum*. В значительном количестве случаев поразительно точно совпадает число сервов в маноре 1086 г. и сервильных коттеров в 1279 году. Вот некоторые примеры:

<i>Domesday Book I</i>				<i>Rotuli Hundredorum II, p. 716—3 cot.</i>
» fol. 157 b	Ambresdone	3 s.	»	p. 824—3 »
» 155 b, 161 a	Fertwelle	3 s.	»	p. 830—5 »
» » 156 b	Westone	5 s.	»	p. 854—1 »
» » 158 a	Chersitone	1 s.	»	p. 876—6 »
» » 221 a	Glintone	6 s.	»	p. 783—4 »
» » 160 b	Chenore	4 s.	»	p. 832—1 »
» » 158 a	Norbroc	1 s.	»	p. 343—8 »
» » 152 a	Hamescle	8 s.	»	

Лучшим свидетельством того, что потомков сервов 1086 г. следует прежде всего искать среди коттеров-вилланов 1279 г., может служить терминология описи манора *Eltesfeld* 1279 года. В то время как надельные вилланы именуются в ней «*custumarii*», коттеры приводятся под титулом «*in servitute tenentes*»⁴³.

Другие формы позднейших «превращений» рабов «народного права» 1086 г. легко установить прежде всего по специфике служб, находившей отражение в самом названии их носителей. Так, в описи питерборосского манора *Acche* мы читаем: «*II bovarii qui tenent X acras et uxores eorum ventant bladum curiae quando dominus eis praecipit*»⁴⁴.

Очевидно, что боварии эти даже с точки зрения права начала XII в. были сервами. Однако в манориальной описи они уже обозначаются по производственной функции — *bovarii*, как приставленные к «пашущим во-

³⁹ На вопрос о том, когда произошло испомещение сервов на землю, можно ответить только, что в основном это произошло до 1086 г. и, по-видимому, до 1066 г., частично же — после 1086 года. Уже судя по англо-саксонским источникам, рабы многим напоминают континентальных «*servi casati*».

⁴⁰ Нет сомнения в том, что столь «единодушное» исчезновение сервов из писцовых книг XII в. было обусловлено тем, что в то время как «Великая опись» в качестве описи «национальной» сохраняла ряд принципов «народного права», в частности в вопросе о рабах, писцовые книги, как описи сеньериальные, полностью основывались уже на манориальном праве, не видевшем юридических различий среди людей манора, обрабатывавших господский домен.

⁴¹ F. W. Maitland. *Domesday Book and Beyond*, стр. 34.

⁴² Там же; ср. P. Vinogradoff. *English Society*, pp. 463—464.

⁴³ См. R. H. Vol. II, p. 720. ср. *Domesday of St. Pauls*, p. XXIV.

⁴⁴ *Chronicon Petroburgense* (ed. Th. Stapleton), fol. IX.

лам» домена. Таким же является и статус их жен — *ancillae*, — чья связь с усадьбой основана не на «обычае», а на «воле господина»⁴⁵. О том, что под «бовариями» (нередко они именуются *bubulci*) в таких случаях выступают сервы Книги Страшного суда, говорит и сохранившаяся в описи пропорция между числом «домениальных упряжек» и числом «бовариев» — два серва на одну каруку⁴⁶. Преемников сервов 1086 г. следует искать в экстентах XIII в. и под названием «*saigusarii*»⁴⁷. Это вариация тех же бовариев. Однако не всегда они были помещены на коттерских наделах; нередко у них были фердели и полувиргаты, однако в этом случае они освобождались от барщинных повинностей, причитавшихся с вилланов соответствующих разрядов⁴⁸.

Пожалуй, наиболее яркое подтверждение того, что преемников сервов Книги Страшного суда можно встретить и среди держателей вилланских наделов, мы находим в той же писцовой книге питерборосского монастыря. В описи манора *Aldewincle* после фиксации числа вилланов, упоминания священника и двух коттеров составитель продолжает: «*et IIII bubulci quorum tres manent in terra villanorum*»⁴⁹. Очевидно, это было отступлением от правила, ибо правило требовало, чтобы они жили на земле домена.

В экстентах XIII в. обращает на себя внимание категория вилланских держаний, именуемая «*akermannelondes*». О том, что они являлись наделами сервов уже в 1086 г., свидетельствует следующий факт. Известно, что в описи Гентингдоншира 1086 г. сервы отсутствуют. Выше высказывалось предположение, что их следует, по-видимому, искать среди «надельных» крестьян (то есть, что, оказавшись «испомещенными» на землю, они терминологически слились с ними в описях). Сопоставляя описи манора *Warboys* 1086 и 1279 гг., мы обнаружили любопытное совпадение: *Rotuli Hundredorum* сообщают: «*Item sunt in eodem villata de Warboys VI dim. virg. terre que vocantur akermannelondes*»⁵⁰. В Книге Страшного суда указано, что в домene этого манора три каруки⁵¹. Таким образом, мы получаем типичную пропорцию бовариев и «плугов» домена — 2 : 1. Не вправе ли мы заключить, что сервы — держатели этих наделов — были уже в 1086 г. причислены к «вилланам» этого манора? Таким образом, очевидно, что исчезновение сервов из описей XII в. еще не означало, что они юридически растворились среди других категорий держателей манора. Поскольку люди манора рассматривались с точки зрения «манориального права» — *villani, cotarii etc.*, — они считались уже держателями одного порядка, независимо от того, числились ли они «свободными» или «сервильного статуса» — несвободными, крепкими манору⁵². Публичное же право все еще продолжало различать среди них «свободных» и «рабов»⁵³. Не удивительно, что в правосознании начала XII в.

⁴⁵ Cp. там же, fol. X.

⁴⁶ См. там же, fol. XI. *Aldewincle in dominio II carrucae (et) IV bubulci*. там же. *Irltlingburch — in curia II carrucae (et) IV bubulci*. Cp. P. Vinogradoff. *English Society*, p. 464.

⁴⁷ Cp. DB. Vol. I, f. 155a Neuton — V servi; RH. Vol. II, p. 761 — *villani... servi* Thom. Turman tenet dim. virgat. terre et debet tenere carucam domini.

⁴⁸ Cp. *Registrum Wigorniensis* (ed. W. Hale), p. XXIV — «*servi — akermani*». Точно так же, как не все держатели «*terre villanorum*» были в прошлом лично свободными людьми, нельзя всех бовариев считать юридически обязательно сервами, боварии могли «рекрутироваться» и из рядов свободных. Cp. *Leis Willelme*, c. 17. Cp. *Chronicon Petrobургense* (ed. Th. Stapleton), fol. VIII.

⁴⁹ См. *Chronicon Petrobургense* (ed. Th. Stapleton), fol. XI.

⁵⁰ *Rotuli Hundredorum*. Vol. II, p. 602.

⁵¹ DB. Vol. I, fol. 204 b.

⁵² *Chronicon Petrobургense*, fol. VIII, «*Homines (!) qui serviunt extra domos patrum suorum dant (domino) pro capite suo unusquisque I denarium*». Позже этот платеж под названием «*chevagiunt*» будет рассматриваться как признак рабства. Cp. *Placita anglo-normannica*, p. 96. Указ Генриха I. *Facias habere F. abbati omnes homines suos qui de terra sua exierunt*. Цит. по P. Vinogradoff. *Villainage in England*, p. 86.

⁵³ См. *Leis Willelme*, c. 7.

имеет место исключительная путаница понятий. Отсюда всеми отмечаемая «сложность» и «темнота», «косноязычие» юридических компиляций конца XI — начала XII века⁵⁴. Представление о том, насколько усложнилась юридическая градация держателей, дают писцовые книги начала XII в.: вилланы — лично «свободные люди» — оказываются на сервильных наделах домена точно так же, как сервы на «земле вилланов». Отношения «свободы» и «серважа» переплелись в сложный клубок, менявший свою юридическую окраску в зависимости от той точки зрения, с которой его рассматривали. В этом смысле манориальные описи XII в. явились следующим за Книгой Страшного суда шагом по пути к преодолению унаследованного от англо-саксов противоречия. Они окончательно отбросили традиционную публично-правовую градацию людей манора и воспроизводят лишь градацию «держательскую», основанную на сословной природе рентного отношения. Таким образом, оставалось сделать последний, решающий шаг — превратить царившие в маноре производственные отношения в принцип «общего права», в положительный закон.

Попытаемся проследить этот последний и заключительный этап в генезисе вилланства «общего права» по памятникам права конца XI — первой половины XII века. Наиболее важными источниками для этой цели являются два сборника действующего права начала XII в. — так называемые «законы Вильгельма» (*Leis Willelme*) и «законы Генриха I» (*Leges Henrici I*). Первое, что привлекает наше внимание в «законах Вильгельма», — это то обстоятельство, что вилланы фигурируют здесь среди формально свободных людей. Более того, они рисуются как люди, «владеющие землей». Свободному человеку (*liber homo*) здесь противопоставлены не просто юридически признанные сервы, а экономически обозначенная категория держателей, лишенных своей земли, так называемых *bordarii*, *bubulci*, *servientes*, сидящих на домене⁵⁵. Герриот виллана — платеж, ставший позже сервильным, — еще почетно назван рельефом наряду с рельефом графа, барона и вассала (*vavassur*)⁵⁶. Именно в качестве свободных людей вилланы входят в «десятки свободного поручительства»⁵⁷. Однако в тех же «законах Вильгельма» мы находим раздел, трактующий о людях манора с совершенно иных позиций. Статьи этого раздела (29—31)⁵⁸ проливают значительный свет на те пути, которыми преодолевалось противоречие между общим публичным правом и правом манориальным.

Наиболее важным во всех этих статьях, содержащих первое (после 1066 г.) законодательное регулирование крестьянско-помещичьих отношений (по крайней мере следы такого регулирования) в английском маноре, нам представляется сопоставление терминов «*Coloni*» (*Cultivurs*) и «*Nativi*» (*Naifs*). Вопрос состоит в том, обозначали ли они две юридически различные категории держателей, наподобие антитезы «*Liberi — servi*» традиционного права (в этом случае в лице первых (*Coloni*) должны были бы выступать вилланы Книги Страшного суда, а в лице вторых (*Nativi*) — сервы той же описи)⁵⁹, или в анализируемых терминах «законов Вильгельма» отразилась уже сенъериальная градация держателей, и в таком случае нам лишь предстоит выяснить, в каком отношении эти термины находятся в терминологии Книги Страшного суда.

Ответ на вопрос может быть дан лишь после анализа смыслового

⁵⁴ F. Pollock and F. W. Maitland. Указ. соч., стр. 97.

⁵⁵ *Leis Willelme*, c. 17; ср. там же, 17, 1.

⁵⁶ Там же, c. 20. De relief a cunte; 20. I De relief a barun; 20, 3 De relief a villain.

⁵⁷ Там же, c. 20, 3a. Cp. *Willelmi I. Articuli*, c. 8.

⁵⁸ См. F. Lieberg а пп. Указ. соч., стр. 512—513.

⁵⁹ Очень заманчиво видеть в этих терминах именно такое противопоставление, тем более, что в одном случае источник как будто дает для этого прямой повод (см. *Leis Willelme*, c. 20.4, где рельеф «колона» противопоставляется рельефу вилланов). Однако этому, как мы увидим, противоречит текст анализируемых статей «законов», впрочем, весьма запутанный.

значения интересующих нас терминов в тексте самих «законов Вильгельма». Термин «coloni» на английской почве не привился, или, точнее, этот термин был лишен здесь какого-либо определенного юридического содержания⁶⁰ и употреблялся только в смысле «rustici», «cultores» и т. д.⁶¹. Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить французский и латинский тексты статей 29 и 30, 1—31 «законов Вильгельма»:

С. 29. «Тех, кто обрабатывает землю, не следует принуждать к повинностям сверх причитающегося с них чинша».

С. 30, 1. «Если земледелец (крепостной по рождению) покинет землю вотчины, в которой он родился, и перейдет в другую вотчину, никто не должен укрывать ни его, ни его имущество, но его следует отправить обратно к несению лежащих на нем повинностей».

С. 31. «Если же сеньеры не отошлют чужих земледельцев обратно в оставленную ими вотчину, это сделают (королевские) судьи».

Если исходить из буквального смысла текста этих статей, то мы вправе усмотреть в термине «coloni» категорию держателей, включающую Naifs как составную часть, подобно тому, как родовое включает видовое, общее — частное. Что же касается Naifs, то это уже крепостная часть «cultores». Они крепки к земле, на которой родились (de sa terre, dunt il est nez), их статус передается по рождению. Если coloni в целом не должны стонать с земли, пока они исправно отправляют повинности, то Naifs уже не могут уйти с земли господина: они рассматриваются как ее принадлежность. Но если даже допустить, что в данном и единственном случае термин «colonus» имеет значение юридическое⁶² — свободного держателя (что противоречит всему дальнейшему словоупотреблению данного термина в Англии), то и тогда соотношение «держательской терминологии» анализируемых статей с терминологией Книги Страшного суда не потеряет своего познавательного значения.

Прежде всего нельзя не отметить тот факт, что «Leis Willelme» в данном разделе не знают рабов (servi). Если исключить рабов из числа «coloni», то не потребуются особых доказательств, что их следует искать среди Naifs (ст. 30, 1). Гораздо труднее решить вопрос о месте (в этих статьях) вилланов Книги Страшного суда. Они не просто coloni, rustici, они должны быть определены более точно: не только как «cultivurs de lur terre», но и как «altri gainurs» («cultores ad terras [domini] colendas»). Соотношение этих двух сторон термина «villanus» Книги Страшного суда во многом соответствует соотношению терминов: «cultivurs» и «Naifs» «законов Вильгельма».

Нам представляется очевидным, что «законы Вильгельма» в данном разделе — даже при самом осторожном варианте толкования — не делают различия между villani и servi (в том смысле, как это делает Книга Страшного суда), а самое большее — проводят «демаркационную линию» в среде самих «вилланов». Итак, независимо от того, какое толкование указанных статей «Leis Willelme» считать предпочтительным — текстуальное или юридическое, — «villani» окажутся в одном «разряде» с servi, точнее, включая их как составную часть. Решение этого вопроса столь важно для понимания всей последующей истории вилланства, что на нем следует остановиться подробнее. Книга Страшного суда везде находит «класс» вилланов — по характеру рентных отношений, но не все они имели одинаковый личный статус (с точки зрения публичного права). В этой связи

⁶⁰ Cp. A. Luchaire. Manuel des institutions françaises. Paris. 1892, p. 298.

⁶¹ Cp. Dialogus de Scaccario (ed. Charles Johnson). London 1950, p. 53. «...Colonos per quos agricultura posset exerceri».

⁶² A. I. Robertson (The Laws of the Kings of England. Cambridge. 1925, p. 369—370) склонен противопоставить эти две категории держателей, видя в первых свободных держателей. F. Liebermann (указ. соч., стр. 512) гораздо осторожнее. «Cultivurs» он переводит «Bauern», «Naifs» — «die hörigen Eingeborenen».

заслуживают внимания те исторические экскурсы по вопросу о вилланстве, которые мы находим в «Диалоге о казначействе»⁶³ и в особенности в трактате Брактона⁶⁴. Как известно, Брактон различает на старинном домене короны «вилланов» сервильного происхождения и «вилланов» лично свободных, которые не могут быть согнаны с земли, пока они исправно отбывают повинности, почему он и называет их «*Glebae adscripticii*». Однако они имеют право покинуть землю, когда захотят (*et nihilominus Liberi*). Далее Брактон называет свободных, являющихся вилланами только по роду повинностей, взятых на себя «по договору». Итак, если для XIII в. «*villani*» и «*Nativi*» — термины юридически неразличимые, то это уже результат их последующей эволюции. Можно даже допустить, что они не различались уже в правосознании второй четверти XII в., то есть ко времени, когда был сделан латинский перевод указанных статей «законов Вильгельма». Однако к концу XI в. эти термины еще не были равнозначны с точки зрения «публичного права»⁶⁵. Вместе с тем не может быть ни малейшего сомнения в том, что в «законах Вильгельма» к «*Naifs*» отнесены не только *servi* Книги Страшного суда, но и, по крайней мере, часть из тех держателей, которые фиксированы в последней как *villani*, *bordarii*, *cotarii*. Если столь совпадающие по смыслу сообщения автора «Диалога» и Брактона об изгнании после завоевания изначально свободных земледельцев со своих наделов и о принуждении их войти в соглашение с лордами, чтобы вернуться к своей земле уже на вилланских повинностях, свидетельствуют о том, что значительное число вилланов могло быть названо «*cultivurs*», «*altri gainurs*», но не могло еще быть названо в «законах Вильгельма» «*Naifs*», то масса других, с точки зрения манориального права, воспроизводимого в «*Leis Willelme*», уже вне всякого сомнения носила этот стигмат рабства.

Что же касается последующей истории вилланства, то, поскольку она относится к средней Англии (*midlands*), существо ее заключается не в том, что свободные земледельцы со временем стали крепостными (последняя сторона вопроса особенно важна при изучении судеб того значительного слоя сокменов, которые были в конце XI в. фиксированы в области «датского права»⁶⁶), а в том, что вилланы Книги Страшного суда, уже крепкие земле, в конце XI в. превратились в «сервов» общего права. Этот процесс, естественно, мог быть только двусторонним: социальным возвышением сервов и социальным принижением вилланов. За отсутствием места мы укажем лишь его наиболее важные вехи. Процесс этот отчетливо прослеживается в юридической компиляции начала XII в., в так называемых «законах Генриха I», где очевидно, что сервы получили юридически признанных родителей и, следовательно, приобрели права на «вергельд»⁶⁷.

Исчезновение граней между «свободным» и «сервильным» держателем манора в реальной действительности отразилось в росте числа смешанных браков. Последние стали, по-видимому, столь распространенным явлением, что «законы Генриха I» в ряде статей регулируют казусы, возникавшие при определении статуса детей от таких браков⁶⁸.

Значительный интерес представляет и тот раздел «законов Генриха I», в котором регулируется освобождение раба и порабощение свободного⁶⁹. И здесь перемены по сравнению с «традиционным» правом англо-

⁶³ *Dialogus de Scaccario* (ed. Johnson), p. 54.

⁶⁴ См. fol. 7—7b. См. комментарий у Виноградова (*Villainage in England*, p. 121).

⁶⁵ F. Liebertmann. Указ. соч., кн. III, стр. 286.

⁶⁶ Многие сокмены (вероятно, большинство) уже в 1086 г. не могли «уходить» с наделом от данного господина. См. *Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis* (ed. N. Hamilton), p. 117.

⁶⁷ *Leges Henrici I. c. 74,4 si liber servum occidat... reddat parentibus XL den.* ср. там же, с. 70, 2.

⁶⁸ Там же, сс. 77,1, 77,2.

⁶⁹ Там же, сс. 76,3, 78.

саксов являются весьма поучительными. Оказывается, переход в серваж («самопорабощение») был возможен не только в публичном присутственном месте, но и в собрании манориальной курии («Halimot»). Тот же, кто принимает к себе раба, именуется possessor⁷⁰. Следовательно, правомочия, необходимые для оформления серважа, были связаны с землевладением. Очевидно, что статус серва к началу XII в. уже в значительной мере «феодализировался»⁷¹. Вытекавшие из этого статуса правоотношения фактически стояли в одном ряду с другими формами эксплуатации поземельно зависимых разрядов крестьян-держателей. Косвенное свидетельство этого мы видим в том, что юридический статус жителя деревни был временами настолько не ясен⁷² даже для его ближайшего окружения, что одного и того же человека можно было выдать по желанию господина то за раба, то за свободного⁷³.

Социальные последствия нормандского завоевания в такой же степени содействовали возвышению статуса сервов, в какой они с неизбежной необходимостью все более низводили по социальной лестнице вилланов к положению сервов. Если иметь в виду терминологию англо-нормандских законов, передающих «Тwyhindi» термином «villani», то вилланы в этих законах хотя и признаются «свободными», тем не менее отчетливо выступают уже как «неполноправные» свободные. Так, согласно «законам Генриха I», вилланы уже не являются (употребляя позднейшую формулу) *Liberi et legales homines*. Они потеряли способность судить о том, «что гласит закон», то есть одну из важнейших черт полноправия «старосвободного» кэрла, и поэтому исключены из числа «*Judices regis*»⁷⁴.

Образование в конце XI — начале XII в. мощного слоя феодалов — субдержателей, лордов разрозненных маноров или крупных держателей внутри их — в корне изменило социальное содержание понятия свободы. Оно стало чисто феодальным. Недаром «*Liber homo*» в юридических компиляциях этого времени все чаще идентифицируется с держателем на рыцарском праве⁷⁵. «Тwyhyndi» же оказываются в сравнении с ними лишь «бедными» и «малозначащими» людьми — *Smalemanni*, как они названы в «свитках казначейства» («мелкими людьми»), само имущественное положение которых более не соответствует статусу свободного⁷⁶ (хотя формально-юридически они все еще «свободны»).

Возможно, самая далеко идущая перемена в положении виллана заключалась в том, что в XII в. его стали рассматривать как подданного (*subditus*) манориального лорда не только в том случае, когда речь шла о фискальных платежах, связанных с землевладением, но и с точки зрения юрисдикции⁷⁷. Если для «законов Вильгельма» возможность предъявления держателем иска против нарушившего «договор» лорда является еще обычным явлением⁷⁸, то в «законах Генриха I» такая

⁷⁰ Там же, сс. 78, 78,2.

⁷¹ Для феодальной трактовки серважа характерна «символика» этой формы зависимости. См. там же, с. 78,2с, *servitutis arma... billum vel stumblum... succipiat*. Недаром этот символ «порабощения» — вручение «обращенному» вил или пастушеского посоха — стал впоследствии одним из признаков вилланства. Ср. *Curia Regis Rolls*. Vol. I, p. 22, 313 etc.

⁷² *Leges Henrici I*, с. 78,2а.

⁷³ Там же, с. 78, 2 b. «*Quia multi potentes volunt defendere homines suos modo pro servo modo pro libero*». Ср. *II Cnut*, с. 20, 1.

⁷⁴ Там же, сс. 29, 29,1.

⁷⁵ Там же, с. 82—83. *Leg. Edw. Conf.*, с. 12,4 «*Liber homo*» постепенно сливается с «*Liberalis homo*». См. *Pseudo-cnut de Foresto*, с. 15; «*Bonda*» в передаче так называемого «*Instituta Cnuti*» значит «*pauperi homines*». См. F. Lieberman n. Указ. соч., кн. I, стр. 315. Ср. *II. Cn. s.* 8; *Magnus Rotulus de Scaccario* 31. H. I (ed. Joseph Hunter. London. 1833, p. 71).

⁷⁶ *Assisa de Clarendon* (1166), с. 20 (*W. Stubbs. Select charters*. Oxford. 1870, p. 139). «*Prohibit... Rex ne monachi... recipiant aliquem de populo minuto*». Ср. *Leg. Edw. Conf.*, с. 12, 4 *Leges Henrici I*, с. 70.

⁷⁷ *Leges Henrici I*, сс. 20, I a, 20, 2, 27, 61, 9.

⁷⁸ *Leis Willelme*, с. 23.

практика уже совершенно исключена⁷⁹. Более того, господин уже выступает как судья в своем собственном деле (в тяжбе со своим человеком), как судья, имеющий значительные возможности для произвола⁸⁰. Это является свидетельством не только роста сословного неполноправия вилланов в сфере «публичного» права, но и все большего ущемления их гражданской правоспособности в сфере права «частного». Поземельная зависимость и манориальная юрисдикция оказались теми двумя факторами, которые больше всего содействовали приведению юридического статуса виллана в соответствие с его статусом социально-экономическим.

Уже в юридических компиляциях первой половины XII в. виллан выступает в основном как подданный вотчины и лишь в относительно узкой области уголовного права еще остается подданным короля. Виллан — крепостной манора; под угрозой насильственного водворения на прежний надел⁸¹ он не может искать другого лорда; в противовес тем, кто выплачивает только денежный ценз⁸², он отбывает барщину. Над вилланами бесчинствует бейлиф манора, но жаловаться на него можно только господину — лорду манора; их имуществу может быть нанесен ущерб фирмарием; лорду манора они выплачивают штрафы за мелкие уголовные преступления и «аморальное» поведение⁸³.

Последнюю ступень в падении социального статуса виллана можно проследить в так называемых «лесных законах» — «*Pseudo-cnut de Foresta*». В этой компиляции, составленной, вероятно всего, во второй половине XII в.⁸⁴, вилланы, как и в *Pipe Rolls* 1130 г., названы «*minuti homines*» — терминология, в какой-то мере отражавшая скорее прошлое, чем настоящее. Среди них можно различить и «свободных» и «сервов»⁸⁵. Но это уже совершенно малозначащее в реальной действительности различие. Последняя знает уже основное классовое деление общества феодальной эпохи. Человек может быть феодальным собственником, то есть «*Liberalis homo*»; он может быть держателем, так или иначе втянутым в рутину манориального хозяйства, тогда он «*homo illiberalis*». Но каков юридический статус этого человека с точки зрения «древнего права», уже неважно. Для правосознания Англии второй половины XII в. он «*servus*». Так появилась знаменательная антитеза: «*Liberalis et illiberalis — domini et servi*»⁸⁶. Вилланы и сервы слились в единую, с феодальной точки зрения, неразличимую массу — «*rustici*»⁸⁷.

Однако вплоть до реформ Генриха II наряду с этим уже чисто феодальным принципом права, господствовавшим в практике манориальных курий и постепенно пробивавшим себе дорогу в право публичное, все еще продолжалась традиция древнего «народного права», противоречившая новой социальной действительности и тормозившая ее окончательное и безраздельное торжество.

Историческое значение реформ Генриха II в том и заключалось, что они окончательно устранили это очевидное противоречие между реальными экономическими отношениями в обществе и «обобщением» их

⁷⁹ *Leges Henrici I*, cc. 32, 55; *Leg. Edw. Conf.*, c. 24, 4.

⁸⁰ *Leg. Edw. Conf.*, c. 9, 1.

⁸¹ *Leges Henrici I*, c. 43, 2. Ср. в отношении вассала. Там же, c. 55, 3b.

⁸² *Leis Willelme*, c. 20, 4. Там же, c. 20, 3.

⁸³ *Leges Henrici I*, c. 56, 4; c. 56, 3; c. 81, 3. Ср. *Domesday Book I*, fol. 204 a₂.

⁸⁴ F. Lieberman (указ. соч., Т. III, § 336, стр. 1185) датирует их 1130—1217 годами.

⁸⁵ *Pseudo-cnut de Foresta*, c. 4. *sint duo minutorum hominum quos tunman Angli dicunt*; там же, c. 5. *Si talis minutus servus*.

⁸⁶ Там же, c. 21.

⁸⁷ Ricardus de Monte (A. D. 115—9). «*Rex... iturus in expeditionem... nolens vexare agrarios milites nec burgenses nec rusticorum multitudinem*». Цит. по W. Stubbs. Указ. соч., стр. 122.

в «общем праве», поскольку это еще было «право англо-саксов»⁸⁸. Они закончили с дуализмом в праве и завершили структуру феодального «общего права» в наиболее важном его разделе — разделе, регулировавшем основное производственное отношение в стране. Но эти реформы, как мы видели, ничего не создавали заново. Они возвели в принцип общего права те отношения, которые давно уже сложились в «типических» манорах, рассеянных по большей части страны. Иначе говоря, они превратили социальную практику в положительный закон. Тем самым отношения между антагонистическими классами стали в праве столь же завершенными и универсальными, как и отношения внутри иерархии феодальных собственников.

В отличие от множественности и разнородности феодальных производственных отношений, господствовавших в странах континента, в Англии благодаря стечению ряда обстоятельств эти отношения были постепенно столь унифицированы, что во многом приблизились к практике стран так называемого второго издания «крепостного права».

Итак, процесс становления английского крепостничества рисуется нам следующим образом. Основу этого процесса составляло реальное отношение эксплуатации лично зависимого возделывателя земли ее феодальным собственником.

С этой точки зрения вилланство сложилось в Англии не только к моменту составления Книги Страшного суда, но и к моменту нормандского завоевания. Нормандские лорды, таким образом, являлись лишь правопреемниками своих англо-саксонских предшественников. Структура англо-саксонского сельского общества была уже в рамках обычного (поместного) права столь унифицирована к 1066 г., что завоевателям представилась возможность довольно адекватно отразить ее в обобщенной формуле описей DB. Что осталось на их долю — так это необходимость преодолеть дуализм староанглийского права: очевидное несоответствие между правом поместным и отстававшим от него правом королевским, общим.

Иначе говоря, роль завоевания здесь свелась к «переводу» реальных отношений на язык развитого феодального права, что в условиях централизованного английского государства произошло прежде всего в виде постепенной «рецепции» норм манориального права в общее право страны. В этом и заключалась сущность завершающей стадии процесса становления английского крепостничества в конце XI и в XII веке. Этот «перевод», несомненно, усугубил тяжелое положение основной массы крестьянства. Однако в пределах среднеанглийских графств он ничего заново не создавал. С другой стороны, то обстоятельство, что villanus в DB — термин манориального права, а villanus писцовых источников XIII в. — термин общего права, не должно заслонять от нас кардинальный факт: тождественность роли класса, им обозначаемого, в процессе феодального производства.

⁸⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 428, Энгельс — К. Шмидту, 27 октября 1890 года. «Таким образом, ход «правового развития» состоит по большей части только в том, что... пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую систему права».

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВА И СУЩЕСТВОВАНИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ В ГРУЗИИ

Ш. А. Месхиа, Н. Ю. Ломоури, О. Д. Лордкипанидзе

Вопрос о происхождении классового общества и государства на территории древней Грузии и о характере первых грузинских государств — один из самых сложных в грузинской историографии и не раз был предметом обсуждений. Он и сегодня не теряет своей актуальности; поэтому опубликование журналом «Вопросы истории» статей на эту тему в разделе дискуссии¹ является весьма полезным начинанием и будет, несомненно, способствовать дальнейшей разработке данной проблемы.

Первую и довольно успешную попытку марксистской разработки вопроса возникновения классового общества и государства в Грузии предпринял в 30-х годах нынешнего столетия акад. С. Н. Джанашиа. Основные выводы его исследований были обобщены в учебнике истории Грузии для средних школ и других работах², где данный вопрос был фактически лишь поставлен и частично обоснован некоторыми фактами³. Дальнейшее углубление и обоснование этой проблемы было теснейшим образом связано с развитием грузинской археологии, сопоставлением письменных источников с археологическими данными. В результате ряд доводов и положений получил несколько иное освещение, некоторые вопросы были уточнены и разработаны более детально. Основные итоги и выводы совместной работы грузинских историков, археологов, этнографов и др. были обобщены в специальной работе Г. А. Меликишвили, а также в его статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории»⁴.

С критикой этих положений выступил Г. К. Соселия⁵. Опровергая некоторые важные достижения грузинской исторической науки по данному вопросу, Г. К. Соселия попытался попутно воскресить высказанные им примерно 20 лет тому назад взгляды, абсолютно неприемлемые для гру-

¹ См. «Вопросы истории», 1956, №№ 4, 10.

² С. Н. Джанашиа. Курс истории Грузии. Вып. I и II. Тбилиси. 1932 (на грузинском языке); его же. Грузия на пути ранней феодализации. Тбилиси. 1937 (на грузинском языке); Н. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа. История Грузии. Ч. I. Тбилиси. 1946.

³ Основные положения С. Н. Джанашиа с привнесением некоторых коррективов были приняты не только грузинской историографией, но и другими советскими учеными: см., например, А. И. Болтунова. Описание Иберии в «Географии» Страбона. «Вестник древней истории», 1947, № 4, стр. 152—160; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1953, стр. 431—432; А. В. Арциховский. Основы археологии. М. 1954, стр. 160—163; Б. Д. Дацик. Рабовладельческий строй и рабовладельческие государства на территории Закавказья и Средней Азии. Восточные славяне. М. 1955, стр. 14—20; «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР». М. 1956, стр. 235 и сл.; «Всемирная история». Т. II. М. 1956, стр. 156.

⁴ Г. А. Меликишвили. К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии. Тбилиси. 1955 (на грузинском языке); его же. К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии. «Вопросы истории», 1956, № 4.

⁵ Г. К. Соселия. Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии? «Вопросы истории», 1956, № 10.

зинской советской историографии⁶. Острые всей критики Г. К. Соселия направляет против С. Н. Джанашиа, в частности, против его учебника истории Грузии⁷. При этом он нередко прибегает к искажению положений С. Н. Джанашиа и других грузинских историков.

Вот несколько примеров. Г. К. Соселия пишет: «В учебнике «История Грузии» много места уделено описанию социально-политического строя хеттов, субаров и урартийцев. Они признаны прямыми предками грузин. Об этом говорит С. Джанашиа и в других своих работах. Так как известно, что эти народы имели рабовладельческий строй, то и подразумевается, что и их прямые потомки — грузины — должны были иметь такой же строй» (№ 10, стр. 73).

Акад. С. Н. Джанашиа, как и другие ученые, действительно доказывал родство грузинских племен с народами Передней и Малой Азии, которых он причислял к так называемой «хетто-иберийской» семье народов, однако нет ни одного конкретного свидетельства того, чтобы С. Н. Джанашиа считал это родство аргументом существования рабовладельческого государства в Грузии. Наоборот, в учебнике истории Грузии С. Н. Джанашиа, указав на наличие классового общества и государства у субаров и хеттов с конца III тысячелетия до н. э., а в Урарту с IX в. до н. э., ниже дает характеристику развития грузинских племен в эпоху бронзы и раннего железа, то есть как раз с III по начало I тысячелетия до н. э., и показывает, что для грузинских племен — это эпоха родового строя. Лишь к VI в., по мнению С. Н. Джанашиа, население нынешней Грузии находилось «на той ступени развития, когда уже имеются все необходимые условия для возникновения государственности»⁸.

Еще рельефнее это показано в работах Г. А. Меликишвили, который пришел к верному выводу, что в эпоху существования больших древневосточных государств грузинские племена жили в условиях родового строя и лишь с середины II тысячелетия до н. э. происходил у них интенсивный процесс классообразования, завершившийся в основном к середине I тысячелетия до н. э.⁹

Далее Г. К. Соселия утверждает, что доказательства широкого распространения у грузин рабовладения, наличия у них в эпоху Страбона «класса рабовладельцев» С. Н. Джанашиа находил якобы в особой роли жречества того времени; в действительности же, по мнению Г. К. Соселия, «не существует никаких источников, подтверждающих, что жрецы в эпоху Страбона представляли господствующий класс в Грузии» (№ 10, стр. 74).

Такое мнение Г. К. Соселия указывает лишь на то, что он весьма тенденциозно истолковывает источники, в частности, «Географию» Страбона. В этом произведении, говоря о четырехгенном делении населения Ибе-

⁶ Г. К. Соселия. К вопросу происхождения государства среди грузинских племен. Тбилиси, 1936; его же. Невежество или сознательное вредительство? Газета «Коммунисти», № 88, 1936 год (на грузинском языке).

⁷ Редакция считает необходимым указать, что данный учебник под редакцией акад. С. Н. Джанашиа «История Грузии с древнейших времен до начала XIX в.». Ч. I. Тбилиси, 1946, переизданный в 1950 г. под редакцией Н. Бердзенишвили, неоднократно подвергался резкой критике, в частности на пленуме ЦК Коммунистической партии Грузии в августе 1956 г. (см. газету «Заря Востока», 23 августа 1956 г., выступления вице-президента АН Груз. ССР Г. Дзоценидзе и других), а также в докладе акад. А. М. Панкратовой на сессии Академии наук Закавказских республик, происходившей в Баку 29 марта — 2 апреля 1954 г., за ошибки, допущенные при освещении вопросов национально-освободительного движения в Грузии, роли личности и народных масс в истории, за недооценку прогрессивного значения присоединения Грузии к России и др.

⁸ См. С. Н. Джанашиа. История Грузии. Ч. I. Тбилиси. 1950, стр. 16—20, 33, 50.

⁹ Г. А. Меликишвили. О происхождении грузинского народа. Тбилиси. 1952; его же. К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии; его же. К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии, стр. 87—96.

рии, Страбон прямо указывает, что второй после царского «геноса» — это «генос» жрецов, которые ведают и спорными делами с соседями¹⁰.

Данный отрывок «Географии», как в свое время правильно отметил акад. С. Н. Джанашиа, доказывает, что жрецы ведали одной из основных областей политической деятельности, а это вместе с упоминанием их непосредственно после царского «геноса» давало возможность акад. Джанашиа сделать вывод о принадлежности жрецов к господствующему классу в Иберии¹¹. Опираясь на сведения Страбона относительно существования в Грузии богатого святилища Левкотей и привлекая для аналогии указания Страбона насчет храмов и храмовых рабов в соседней Албании, а также общеизвестные факты о положении жречества в странах Древнего Востока, С. Н. Джанашиа высказывал соображение, что храмы в Иберии имели значительные богатства, владели большим количеством земли и рабов¹². Однако он нигде не пытался обосновать «особой ролью жрецов» наличие рабовладельческого государства в Грузии или то, что жрецы были единственными представителями господствующего класса, как это совершенно безосновательно приписывает ему Г. К. Соселия.

В учебнике истории Грузии С. Н. Джанашиа рядом со жречеством упоминает в первую очередь представителей того круга людей или того рода, откуда происходит сам царь Иберии. Представители этого «царского рода» (по-грузински «сепсахли») принадлежали к господствующему классу и владели собственными земельными угодьями, которые обрабатывали полузависимые земледельцы, а также рабы¹³. Дальше С. Н. Джанашиа пишет, что у царя было много чиновников, среди которых наивысшие должности занимали великие и малые эристави (правители областей), эпитроп (двороправитель) и др.¹⁴. Все эти должностные лица являлись тоже представителями господствующего класса в Иберии до и после принятия христианства. В процессе феодализации они превращались из рабовладельцев в феодалов, ряды которых пополнялись, кроме того, разбогатевшими представителями разлагающегося «III-го геноса», то есть слоя мелких и средних землевладельцев¹⁵.

Г. К. Соселия, оставаясь последовательным, утверждает: «Жрецы не являлись господствующим классом вообще... Отпадает, следовательно, и «логический» вывод о том, что они должны были иметь рабов...» (№ 10, стр. 74).

Считаем излишним останавливаться на данном вопросе. Каждый, кому известны хотя бы важнейшие факты из истории рабовладельческой эпохи, и в частности из истории Древнего Востока, знает, что жрецы везде принадлежали к господствующему классу, что храмы являлись наиболее значительными владетелями земли и рабов. Достаточно сослаться хотя бы на те труды, которые сам Г. К. Соселия указывает, как якобы подтверждающие его явно ошибочное мнение¹⁶.

В данном случае особое значение имеет указание К. Маркса о том, что «необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия»¹⁷.

¹⁰ Страбон, XI, 3, 6.

¹¹ С. Н. Джанашиа. Курс истории Грузии. Вып. II. «Труды» Института истории АН Грузинской ССР. Т. II. Тбилиси, 1952, стр. 145 (на грузинском языке).

¹² Там же, его же. Грузия на пути ранней феодализации. «Труды» Института истории АН Грузинской ССР. Т. I. Тбилиси, 1949, стр. 155—159 (на грузинском языке).

¹³ С. Н. Джанашиа. История Грузии. Ч. 1, стр. 73.

¹⁴ Там же, стр. 74.

¹⁵ Процесс феодализации Грузии и дифференциация внутри «III-го геноса» были впервые разработаны акад. С. Н. Джанашиа в его работах: «Грузия на пути ранней феодализации» и «Феодалная революция в Грузии» (см. «Труды» Института истории АН Грузинской ССР. Т. I).

¹⁶ См. Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Т. I. М. 1936, стр. 135, 201; В. В. Струве. История Древнего Востока. М.-Л., 1941, стр. 74, 115 и др.

¹⁷ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 517.

Г. К. Соселия пытается далее доказать, что акад. Джанашиа и его единомышленники археологи Г. Ф. Гобеджишвили, Г. А. Ломтатидзе якобы считают показателями наличия в Грузии государства и рабовладельческого общества такие предметы, найденные археологами, как изящная серебряная чаша, красивые золотые браслеты, кольца для ожерелья, кольца с геммами, бусы, глиняные кувшины с орнаментами и т. д. Однако это тоже является явной натяжкой. Нигде, в том числе и на указанных Г. К. Соселия страницах трудов С. Н. Джанашиа, Г. Ф. Гобеджишвили и Г. А. Ломтатидзе, они не пытались доказать наличие государства и рабовладельческого общества в Грузии находкой золотых вещей, высокохудожественных изделий, орнаментированных глиняных кувшинов и т. д. Публикуя описание данных предметов, эти ученые указывают лишь на определенный высокий уровень ремесленного производства и искусства: сравнивая богатые и бедные погребения, они отмечают резко выраженное имущественное расслоение общества, выделение знатной и богатой верха родовой знати¹⁸.

Г. К. Соселия утверждает даже, что высокохудожественные вещи из археологических раскопок не являются местными изделиями, что они все привозные, изготовлены иноземными мастерами и, следовательно, не могут служить иллюстрацией уровня развития грузинских племен, их культуры и ремесла. Особое значение при этом Г. К. Соселия придает греческим колониям, возникшим на Черноморском побережье Грузии с VII—VI веков до н. э. (№ 10, стр. 76). Но это тоже неверно. Подобный взгляд на культурное наследие древних грузин является, по нашему мнению, рецидивом давно отвергнутого советской наукой ненаучного отношения к истории. Советской историографией давно установлены местные корни развития грузинского ремесла, в том числе и таких его отраслей, как металлургия, ювелирное искусство, керамическое производство и т. д. Еще в эпоху бронзы на территории Грузии оформились местные металлургические районы, где изготовлялись и откуда распространялись основные типы бронзовых изделий¹⁹.

В триалетских курганах середины II тысячелетия до н. э. найдены замечательные ювелирные изделия, орнаментация которых, воспроизводя местные грузинские варианты росписи глиняных сосудов того времени, доказывает местное производство этих изделий²⁰. Несмотря на определенную связь триалетских изделий с культурой хеттского круга, никому не приходит в голову отрывать эту культуру от общего развития грузинских племен данной эпохи.

Достижения грузинских племен в эпоху бронзы продолжали преемственно развиваться и в последующий период²¹.

Никто, конечно, не может отрицать наличия в грузинском археологическом материале иноземных изделий, проникавших на территорию Грузии вначале посредством межплеменного обмена, а позднее вследствие развитых торговых взаимоотношений с различными странами, но это во-

¹⁸ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси. 1952, стр. 113, 116—118, 158—159; Г. А. Ломтатидзе. Следы предков. Тбилиси. 1952, стр. 131—134, 139—140 (на грузинском языке); его же. Археологические раскопки в древней столице Грузии. Тбилиси. 1945, стр. 34 (на грузинском языке).

¹⁹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. «Известия» Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 120. 1935. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л. 1949, стр. 54—55; С. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. Журнал «Советская археология». Вып. XVIII. 1953.

²⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Т. 1. Тбилиси. 1941, стр. 78—100; А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 79.

²¹ А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета. Т. 1. Тбилиси. 1955, стр. 187—189; Г. А. Чубинашвили. Попытка художественной характеристики предметов питания, найденных в Армази. «Печатные тезисы XVII сессии отделения общественных наук АН Грузинской ССР». 1944.

все не значит, что все ценные, высокохудожественные изделия из золота, серебра и драгоценных камней были в Грузии исключительно привозными.

Что же касается греческих колоний, то они, несомненно, сыграли значительную роль в развитии западногрузинских племен. Города Фазис, Диоскурия, Питиунт, Гиенн, являясь развитыми рабовладельческими полисами, конечно, ускоряли рост производительных сил, втягивали местные племена в торговые взаимоотношения и городскую жизнь, способствовали развитию денежного хозяйства, ускоряли процесс классообразования. Однако, учитывая все это, не следует забывать и другую сторону вопроса. Как известно, основным достижением советской марксистской историографии является установление того факта, что греческая колонизация была двусторонним процессом, обусловленным определенным соотношением производственного и торгового развития как греков, так и туземных племен²². Установлено, что «греческие колонии без местных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени по всем направлениям своей экономической жизни»²³.

Греческие колонии не являлись изолированными от местных племен. Археологические раскопки в Сухуми (древняя Диоскурия) и близ Очемчирского порта (древний Гиенн) дали наряду с греческим инвентарем и большое количество местных туземных изделий; это позволяет считать, что греческие колонии постепенно превращались в городские центры колхидских племен²⁴.

В связи с этим особое значение приобретают указания Страбона о том, что Диоскурия являлась торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи, и что Фазис — это торговый порт колхов²⁵.

Вместе с тем наряду с греческими городами-колониями примерно в VI—V вв. до н. э. в Колхиде появляются уже и местные города, расположенные во внутренних областях. Городища этого времени были обнаружены археологами в Дабла-Гоми и Вани. Поэтому Б. А. Куфтин отметил, что «характерной чертой жизни рассматриваемой эпохи является различие поселений городского и сельского типов»²⁶. Особый интерес в этом отношении вызывает одно место из «Перипила» Псевдо-Скилакса, где он наряду с «эллинскими городами» Фазисом, Диоскурией и Гиенном упоминает «большой варварский город, откуда была Медея»²⁷.

Образование городов доказывает, что население Колхиды к VI—V вв. до н. э. представляло собой уже классовое общество, ибо отделение города от деревни является характерной чертой именно для эпохи цивилизации²⁸.

Археологический материал, обнаруженный на территории Западной Грузии, ясно показывает, что наряду с такими фактами, как развитие с начала первого тысячелетия до н. э. железной металлургии²⁹, образование к середине I тысячелетия до н. э. в Колхиде городских центров (греческих

²² К. М. Колобова. К истории вопроса о греческой колонизации. «Вестник древней истории», 1949, № 2, стр. 161.

²³ С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. «Вестник древней истории», 1938, № 1—2, стр. 161.

²⁴ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси. 1950, стр. 264—272; Ал. Каландадзе. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми. 1953, стр. 74—91 (на грузинском языке с русским резюме).

²⁵ Страбон, XI, 2, 16—17.

²⁶ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси. 1948, стр. 78—141; т. II, стр. 145; Н. В. Хоштария. Археологические раскопки 1947 г. в сел. Вани. «Мимомхилвели» Института истории АН Грузинской ССР, Т. I. 1949, стр. 303 и сл.

²⁷ GGM, Vol. 1, p. 61. § 81.

²⁸ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. Госполитиздат. 1952, стр. 298).

²⁹ Г. Ф. Гобеджишвили. Указ. соч., стр. 86—88.

колоний и местных городов)³⁰, наличие резкого имущественного неравенства, о чем свидетельствует погребальный инвентарь³¹, широкое развитие внутреннего обмена и внешней торговли³² и т. д., особое значение приобретает и факт появления в Колхиде чеканной монеты.

Г. К. Соселия отрицает значение этого факта для доказательства наличия классового общества и государства на территории Западной Грузии. По его мнению, так называемые «колхидки» и другие монеты с греческими надписями и изображениями греческих богов (!) говорят о том, что эти монеты чеканились в местных греческих колониях или правителями Колхиды, назначенными из Рима. В доказательство того, что такие монеты не могут подтверждать существования у грузин классового общества и государства, Г. К. Соселия ссылается на употребление древними германцами римских и кельтских монет (№ 10, стр. 78).

Но, во-первых, никто и не пытается доказывать наличие государства в Грузии иноземными монетами. Речь в данном случае идет именно о так называемых «колхидках». Следует отметить, что в туземном происхождении «колхидок» сомневались и другие ученые (например, А. И. Болтунова), однако никто из специалистов никогда не говорил о том, что на «колхидках» изображены греческие боги. Это является догадкой самого Г. К. Соселия. Еще в 1911 г. Е. А. Пахомов высказал предположение, что изображения на «колхидках» не греческого, а восточного типа. А. Н. Зограф допускает, что определенная часть «колхидок» чеканилась именно местными правителями, а не греческими колониями; Б. А. Куфтин, подробно разбирая изображения на «колхидках» и сравнивая их с изображениями на бронзовых изделиях Западной Грузии, приходит к выводу, что они восходят к местным, кавказским религиозным представлениям³³. Д. Г. Жапанадзе в специальном докладе на дискуссии, посвященной развитию государства в Грузии, также доказывает местное происхождение «колхидок»³⁴.

Следует особо обратить внимание на то, что распространение «колхидок» ограничивается исключительно территорией древней Колхиды; за ее пределами встречаются лишь единичные находки. В самой Колхиде эта монета обнаружена в очень большом количестве, иногда целыми кладами, во многих, в том числе даже горных районах Западной Грузии, а это, несомненно, указывает на то, что она чеканилась исключительно для местного, внутриколхидского обращения.

Сопоставляя вышеназванные факты, свидетельствующие об общем развитии западнотурецких племен, с фактом наличия в Колхиде местной чеканной монеты, мы должны полностью отвергнуть мнение Г. К. Соселия и присоединиться к выводу Г. А. Меликишвили о том, что в середине I тысячелетия до н. э., примерно к VI—V векам, на территории Западной Грузии возникает классовое общество и государство.

Нумизматический материал содержит и другие, еще более определенные указания о наличии в Колхиде государственной организации. Мы имеем в виду золотые статеры с именем базилевса Аки, датируемые III в. до н. э., и серебряные монеты с именем базилевса Савлака, датируемые II в. до н. э. Новейшие исследования доказали, что монеты чеканились в Кол-

³⁰ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. I, стр. 78—141; т. II, стр. 145; Н. В. Хоштария. Указ. соч., стр. 303 и сл.

³¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. II, стр. 145; Г. Ф. Гобеджишвили. Указ. соч., стр. 139.

³² Л. Н. Соловьев. Археологические раскопки г. Очемчири в Абхазии. «Советская Абхазия», 1937, № 4, стр. 243—244; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. II, стр. 20—147; Г. Ф. Гобеджишвили. Указ. соч., стр. 104—105 и др.

³³ Е. А. Пахомов. Несколько слов о происхождении рисунка «колхидок». Батуми. 1911; А. Н. Зограф. Находки античных монет в Закавказье. «Труды» Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Т. I. Л. 1945, стр. 38; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. I, стр. 153—155.

³⁴ См. отчет об этой дискуссии в «Трудах» Института истории АН Грузинской ССР. Т. I. 1955, стр. 416.

хиде местными правителями, а этот факт, в свою очередь, ясно свидетельствует, что в лице названных «базилевсов» мы имеем дело с представителями государственной власти, то есть с царями³⁵.

Теперь перейдем к Восточной Грузии, или Иберии. Основным источником для выяснения общественного развития населения Иберии обычно считают то место XI книги «Географии» Страбона, где дано разделение населения Иберии на четыре «геноса». Как известно, некоторые исследователи одно время считали, что в данном описании Страбона следует видеть родовой строй. Подробный анализ сведений Страбона дал С. Н. Джанашиа, впервые показавший, что здесь речь идет о классовом обществе и государственной организации. Этот основной тезис покойного академика с привнесением некоторых конкретных коррективов принят сейчас в грузинской историографии и разделяется также другими советскими учеными (например, А. И. Болтуновой). Возражение против этого тезиса мы находим опять-таки только в названной статье Г. К. Соселия. «География» Страбона, — пишет Г. К. Соселия, — ясно говорит о том, что к I в. до н. э. в Иберии — передовой части Грузии — существовало еще доклассовое общество» (№ 10, стр. 83).

Едва ли в этом общеизвестном указании Страбона можно видеть описание родового общества, ибо, как правильно отмечал акад. С. Н. Джанашиа, трудно найти родовое общество, где один род царствует, другой составляет жрецов, третий обрабатывает землю, а четвертый доставляет все необходимое для жизни царей. Трудно предположить также, что такая обширная страна, как Иберия, могла делиться только на четыре рода. Поэтому С. Н. Джанашиа отверг понимание термина «γῆνός» у Страбона как род в социальном значении, а Т. С. Каухчишвили на базе анализа терминологии Страбона установила, что в описании Иберии термин «γῆνός» употребляется в значении определения. Например, население четырех родов, четырех разных видов и т. д.³⁶

По мнению Г. К. Соселия, «ясным указанием, подтверждающим существование в то время у иберов родового строя, являются слова Страбона: «Имущества же у них общи по родам, управляет и заведывает имуществом старейший» (№ 10, стр. 83). Однако, как указывал С. Н. Джанашиа, Страбон здесь говорит об общности имущества не всех иберов, а лишь четвертого «геноса»³⁷. Действительно, местоимение «у них» может относиться лишь к «лаой», а не ко всем группам населения, так как нельзя предположить, что даже при высшей ступени родового строя у царей или, скажем, жрецов было общее имущество с «царскими рабами» («лаой»). Для последних же как раз характерной является общинная собственность.

Далее Г. К. Соселия полагает, что «о наличии родового строя в описании Страбона говорит и то, что военное дело еще не отделено от земледелия, в одном и том же гене находятся люди, которые занимаются и военным делом и земледелием» (№ 10, стр. 83). В данном случае Г. К. Соселия впадает в заблуждение; дело в том, что основным военным контингентом во всех рабовладельческих государствах Древнего Востока, Греции, а также до определенного времени и в Риме оставались мелкие и средние землевладельцы. Ту же картину мы видим и в данном случае.

Таким образом, с возражениями Г. К. Соселия против общепринятой

³⁵ См. Д. Г. Капанадзе. Новые материалы к изучению статеров царя Аки. «Вестник древней истории», 1948, № 1; его же. О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки. «Вестник древней истории», 1949, № 1; его же. Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко. «Вестник древней истории», 1951, № 4; К. В. Голенко. О монетах, приписываемых Савмаку. «Вестник древней истории», 1951, № 4.

³⁶ Т. С. Каухчишвили. К знанию термина «γῆνός» у Страбона, «Мимомхилвели» Института истории АН Грузинской ССР. Т. III, 1953, стр. 247—269 (на грузинском языке с русским резюме); ее же. География Страбона. Тбилиси. 1957, стр. 26—37.

³⁷ С. Н. Джанашиа. Курс истории Грузии. Вып. II, стр. 140.

трактовки сообщения Страбона нельзя согласиться, тем более что в «Географии» имеются и другие данные, доказывающие, что это описание подразумевает именно классовое общество, а не родовое.

Например, по сообщению Страбона, в Иберии вопросами правосудия ведал второе лицо после царя³⁸. Следовательно, данное описание греческого географа относится к тому времени, когда судопроизводство в Иберии уже отделилось от общества и стало функцией одного лица, а не народного собрания, как то было при родовом строе. Это лицо представляет уже интересы не всего общества, а лишь богатой и привилегированной его верхушки³⁹.

В той же XI книге «Географии» Страбон пишет: «И в самом деле Иберия хорошо заселена в большинстве случаев как городами, так и хуторами, так что там есть черепичные кровли, и согласное с правилами зодчества устройство жилищ, и рынки, и другие общественные здания»⁴⁰. Здесь Страбон прямо указывает на различие поселений городского и сельского типов и отмечает развитую городскую жизнь в Иберии, что, конечно, не могло иметь места при первобытно-общинном строе.

Данные Страбона о городской жизни в Иберии подтверждаются сообщениями как античных источников (Дион Кассий, Плиний, Кл. Птолемей), так и грузинских летописей («Обращение Каргли» и «История царей» Леонтия Мровели) и — что самое главное — археологическим материалом. Раскопки подтвердили существование городов античной эпохи Мцхета, Саркине, Гори, Уплисхихе, Рустави, Урбниси. Причем большинство этих городов оформляется в городские центры задолго до эпохи Страбона, примерно в IV—III вв. до н. э.⁴¹

Правда, в сведениях Страбона имеются некоторые детали, не соответствующие в полной мере конкретным указаниям других источников, а также данным археологических исследований. На это в свое время обратил внимание Н. А. Бердзенишвили и предположил, что «либо Страбон описывает положение, существовавшее задолго до него, либо его ввели в заблуждение»⁴².

Вот как, например, засвидетельствована система престолонаследия у Страбона. По словам последнего, иберы ставят царем «самого старшего, как по возрасту, так и по ближайшему родству» (надо подразумевать родство с умершим царем). Следовательно, обязательным условием престолонаследия считается старшинство среди ближайших родственников.

В то же время в ряде источников, как литературных (Дион Кассий, Тацит, у грузинских авторов), так и эпиграфических (арамейская надпись из Мцхета I в. н. э., греческая надпись Веспасиана близ Мцхета и др.), находим указание на то, что к началу нашей эры царская власть в Иберии переходит от отца к сыну⁴³.

В связи с вышеприведенными фактами весьма ценное значение при-

³⁸ Страбон, XI, 3, 6.

³⁹ Ср. например, Я. А. Ленцман. Послегомеровский эпос как источник социально-экономической истории ранней Греции. «Вестник древней истории», 1954, № 3, стр. 68—69.

⁴⁰ Страбон, XI, 3, 1.

⁴¹ С. Н. Джанашиа. Археологические разведки на горе Саркине. «Заря Востока», № 190, 1946; Г. Ф. Гобеджишвили. Указ. соч., стр. 120; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. Т. I. М. 1950, стр. 94—97; И. Н. Цицишвили. История грузинской архитектуры. Тбилиси. 1955, стр. 20—32 (на грузинском языке); Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в древней столице Грузии. Тбилиси, 1945, стр. 53—54; его же. Итоги археологических исследований в Урбниси. «Печатные тезисы III научной сессии Государственного музея Грузии». 1955.

⁴² Н. А. Бердзенишвили. Рецензия на работу С. Н. Джанашиа «Грузия на пути ранней феодализации». «Мимомхилвели» Института истории АН Грузинской ССР. Т. III, стр. 293—294.

⁴³ Cassius Dio, LVIII, 26, 4; Tacitus. Annales. VI, 32; Г. В. Церетели. Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии. «Вестник древней истории», 1948, № 2, стр. 49—57; И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа, 1881, стр. 66—69.

обращают и данные древнегрузинской исторической традиции, сохранившиеся у Леонтия Мровели. Согласно этой традиции, основание Иберийского царства с династией Фарнавазианов относится к 80—70-м годам III в. до н. э.⁴⁴ Несмотря на подробности легендарного характера, в этих сообщениях, несомненно, отразились реальные события, так как традиция содержит интересные и достоверные сведения о связях правителей Грузии (например, Фарнаваза) с Селевкидами⁴⁵.

Древнегрузинская историческая традиция именно Фарнавазу приписывает разделение страны на восемь военно-административных областей (саэристао)⁴⁶, то есть проведение территориального деления — одного из существенных признаков государства. Можно без преувеличения сказать, что это сообщение для истории генезиса государства в Грузии имеет такое же важное значение, как и сообщение древнегреческой традиции о разделении Клисфеном Аттики на десять территориальных филл или сведения древнеримской традиции о разделении Сервием Туллем Рима на территориальные трибы.

В 1940 г. в Мцхета была обнаружена двуязычная надпись, так называемая «Армазская билингва», в которой упоминаются «великие цари Иберии» и должностные лица при них: малый питиахш, питиахш (правитель области) и эпитроп (дворовый управитель)⁴⁷.

Г. К. Соселия отрицает значение этой надписи для обоснования наличия в Грузии рабовладельческого общества и государства, так как, по его мнению: 1) на основании структуры иерархии должностных лиц нельзя определять характер классового общества — рабовладельческое оно или феодальное; 2) не менее сложной была иерархия у германцев времен Тацита (тех разные *príncers'ы*) или у гомеровских греков; 3) эта надпись датируется II—III веками н. э. и не может поэтому служить доказательством наличия государства в Грузии перед началом нашей эры (№ 10, стр. 77—78).

Однако никто и не пытается обосновать структуру иерархии должностных лиц наличие в Грузии рабовладельческого общества. Данной иерархией доказывают лишь наличие развитой государственной организации.

Что касается того, что не менее сложной была иерархия должностных лиц у германцев и греков в эпоху военной демократии, это просто недоразумение. Не только «сложной иерархии должностных лиц», но этих последних вообще не было и не могло быть в то время у германцев и греков. Рексы, принцепсы и базилевсы эпохи Тацита и Гомера были представители родовой организации, а не должностные лица, так как в то время не существовало еще никаких органов власти, чиновников и т. д.

Наконец, двуязычная «Армазская билингва» датируется началом второй половины II в. н. э., а не II—III вв., как это пишет Г. К. Соселия⁴⁸. Засвидетельствованная в билингве развитая государственная организация,

⁴⁴ См. П. И. Ингорюк. Древнегрузинская летопись «Мокцевая Картлисая» и перечень царей Иберии античной эпохи. «Вестник» Государственного музея Грузии. Т. XI, 1941; Г. А. Меликишвили. К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии, стр. 98; А. И. Болтунова. Возникновение классового общества и государства в Иберии. «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 35—36.

⁴⁵ «Картлис Цховреба». Тбилиси. 1956, стр. 23 (на грузинском языке); А. И. Болтунова. Возникновение классового общества и государства в Иберии, стр. 36.

⁴⁶ «Картлис Цховреба», стр. 21 и сл.

⁴⁷ Г. В. Церетели. Армазская билингва. Тбилиси. 1941, стр. 23—52, 68; его же. Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии, стр. 50—57; С. Г. Каухчишвили. Греческие надписи, обнаруженные в Армази. «Сообщения» АН Грузинской ССР. Т. II. 1941, № 1—2, стр. 171—175; А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Указ. соч. Т. I, стр. 60—62.

⁴⁸ Г. В. Церетели. Армазская билингва, стр. 49; А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Указ. соч. Т. I, стр. 205—206.

аппарат чиновников не могли возникнуть сразу во II в.; эта система, несомненно, имела свою довольно продолжительную историю развития, в чем нас убеждает и факт перехода должностей по наследству от отца к сыну⁴⁹. Доказательство правоты этого суждения мы находим и в одноязычной арамейской надписи, датируемой I в. н. э., где также упоминаются питнахши царей Иберии, причем сами цари, согласно этой надписи, носят титул «великих царей»⁵⁰.

Таким образом, наличие в Иберии к началу нашей эры вполне сложившейся и развитой государственности не может вызывать сомнения у объективного исследователя.

До сих пор речь шла об образовании государства в Грузии. Однако не менее важным и вместе с тем крайне сложным является вопрос об общественном строе — сложным потому, что мы не имеем прямых источников, позволяющих со всей полнотой изучить и охарактеризовать социальный строй первых грузинских государств.

Советской грузинской историографией установлено, что развитие феодальных отношений в Грузии начинается примерно с IV в. н. э. Грузинские государства, возникшие в середине I тысячелетия до н. э., конечно, не могли быть феодальными, поэтому логически напрашивается вывод, что эти государства могли быть только рабовладельческими. Это априорное заключение можно подтвердить фактами, правда, малочисленными, но все же дающими полное право для подобного заключения. Впервые предположение о рабовладельческом характере древнейших грузинских государств выдвинул акад. С. Н. Джанашиа, затем это мнение утвердилось в нашей историографии. Г. А. Меликишвили, учитывая, что «основную массу непосредственных производителей в Грузии того времени все еще составляли свободные и полусвободные общинники», делает вывод: «Первые государственные образования Грузии являлись раннерабовладельческими или общиннорабовладельческими государствами»⁵¹.

Против подобного вывода выступил Г. К. Соселия. Он категорически отрицает существование в Грузии рабовладельческой формации и бездоказательно утверждает, что первые, слабо развитые грузинские государства возникли значительно позже — во II—IV веках н. э. — и являлись, как и само грузинское общество, феодальными (№ 10, стр. 84). Верно ли это?

Древнегрузинские литературные источники содержат ряд указаний относительно походов грузинских царей дофеодальной эпохи на север, в глубь Кавказских гор, и захвата ими множества пленных; отсюда Г. А. Меликишвили вполне правомерно, на наш взгляд, полагает, что основным источником рабства в Грузии были войны⁵². С. Н. Джанашиа и другие историки приводят еще некоторые факты, подтверждающие наличие в Грузии рабов и их применение в различных отраслях хозяйства. Например, обнаруженные археологическими раскопками памятники древнейшей архитектуры городов Иберии обращают на себя внимание своей монументальностью при необычайно трудных естественных условиях строительства и огромной трудоемкости работ⁵³. Г. К. Соселия заявляет,

⁴⁹ Г. В. Церетели. Армазская билингва, стр. 50—51, 67; А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Указ. соч. Т. I, стр. 205.

⁵⁰ Г. В. Церетели. Армазская билингва, стр. 62—63; его же. Эпиграфические находки в Мхета — древней столице Грузии, стр. 52—53.

⁵¹ Г. А. Меликишвили. К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии, стр. 96.

⁵² Там же, стр. 74.

⁵³ С. Н. Джанашиа. Древняя столица Грузии. Газета «Ахалгазрда коммунисти», 1945, № 19; И. Н. Цицишвили. История грузинской архитектуры. Тбилиси. 1955, стр. 24—28.

что это еще не доказывает наличия рабовладельчества. Однако важен не самый факт существования башен или крепостей, а размеры построек и необычайная трудность их возведения при слаборазвитой технике. Именно это давало основание нашим ученым предположить, что подобные сооружения были воздвигнуты в течение долгого срока и не иначе как путем кооперации многих людей. Таковыми по аналогии с Востоком могли быть только рабы⁵⁴, что, конечно, не исключало использования некоторого количества людей по найму, особенно на работах, требующих специальной квалификации.

Имеющиеся материалы дают возможность установить в городах Иберии (Мцхета) наличие крупных ремесленных мастерских. Так, археологические материалы свидетельствуют, что в экономике Мцхета видное место занимало производство строительных керамических материалов (черепица, кирпичи, керамические плиты, водопроводные трубы). Огромное количество и разнообразные виды керамических строительных материалов дают нам основание полагать, что основу этого производства составляло крупное ремесло, то есть крупные мастерские, в которых должен был применяться рабский труд.

В связи с этим большое значение имеет также материал, добытый археологической экспедицией АН Грузинской ССР под руководством А. М. Апакидзе в Саркинети⁵⁵ (в 8 км к западу от Мцхета, на левом берегу р. Куры). Экспедиции удалось вскрыть крупный очаг железной металлургии античного периода. Леонтий Мровели называет Саркинеэ кварталом («убани») большого города Мцхета⁵⁶. Очевидно, здесь находился металлургический район Мцхета, специализировавшийся на обработке железа (Саркинеэ — по-грузински «железный район»).

О размерах металлообрабатывающего производства в Саркинети можно судить и по тому, что только раскопками 1954 г. на сравнительно небольшой территории было обнаружено несколько тонн шлака. Добыча и доставка руды для производства столь крупного масштаба сами по себе говорят о высоком уровне организации этого производства, а его размеры можно объяснить лишь одновременным применением большого количества рабочей силы, то есть рабов.

Следовательно, можно сделать вывод, что в экономике городов Иберии античного периода важное место занимало ремесло крупного масштаба, которое было основано на широкой эксплуатации рабского труда.

Эти города являлись одновременно и центрами торговли, как внутренней, так и внешней. Благодаря большим торгово-транспортным дорогам, пролежавшим в античную эпоху через Иберию, местное население, несомненно, рано приобщилось к мировой торговле, а большое количество импортных товаров является ярким свидетельством широких торгово-экономических связей Иберии с античным миром⁵⁷.

Мы подошли к вопросу об определении социально-экономической основы городов Иберии. От выяснения этой проблемы во многом зависит и решение вопроса об общественном строе Иберии, ибо известно, что города играли важную роль в социально-экономической системе рабовладельческих государств.

Прежде всего отметим, что города Иберии не являлись средоточием только ремесла и торговли.

В Шатбердском варианте «Обращения Картли» при описании похода Александра Македонского в Картли упоминаются «города с их деревня-

⁵⁴ Ср. В. С. Сергеев. История древней Греции. М. 1948, стр. 97; «Политическая экономия». М. 1954, стр. 29.

⁵⁵ Материал еще не опубликован. См. дневники полевых работ.

⁵⁶ «Картлис Цховреба», стр. 17.

⁵⁷ Подробно см. О. Д. Лордкипанидзе. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. н. э. «Труды» Тбилисского государственного университета имени Сталина. Т. 65. 1957.

ми»⁶⁸. В связи с этим интересно одно сообщение «Жития св. Нины», из которого явствует, что в начале IV в. н. э. Эларбин, Сапурцле и Киндзар являлись деревнями «большого города Мцхета»⁶⁹. Другие сообщения древнегрузинских источников, а также результаты изучения некоторых древнегрузинских терминов⁶⁰ и археологический материал дают право утверждать, что города Иберии имели земельные владения, которые являлись их (городов) сельскохозяйственной территорией⁶¹. Следовательно, города Иберии представляли собой центры не только ремесла и торговли, но и земледелия и землевладения. Таким образом, к городам Иберии также можно применить классическое определение рабовладельческих городов, данное К. Марксом: «История классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и земледелии»⁶².

Важное значение для решения вопроса о характере общественного строя Иберии античного периода имеет выяснение основных типов землевладения. Весьма ценным в этом отношении оказывается сообщение Страбона о четвертом геносе населения Иберии⁶³. Упоминание в этом сообщении «царских рабов», которые «делают все необходимое для жизни (царей)», по нашему мнению, может служить свидетельством (пока пусть косвенным) наличия в Иберии царского хозяйства и, следовательно, *χώρα βασιλική* (царской земли). Это предположение можно аргументировать и другими данными.

Особую важность приобретает тот факт, что в греческом тексте «Армазской билингвы» упоминается «ἐπίτροπος βασιλέως Ὑβήρων». Греческий термин «ἐπίτροπος» в арамейской части надписи передается композитом *rb-trbs*. (глава двора), а это означает то же, что и грузинское «эзосмодзгуари» (двороуправитель)⁶⁴. Основное значение термина «ἐπίτροπος» — опекун, заведующий, управляющий (*procurator*)⁶⁵, и должность эта чисто хозяйственная⁶⁶. Отсюда можно заключить, что упомянутый в «Билингве» «ἐπίτροπος βασιλέως Ὑβήρων» является управляющим царским хозяйством.

Тем самым мы получаем еще одно ценное подтверждение наличия в Иберии *χώρα βασιλική* (царской земли), одной из самых важных частей царского хозяйства.

Большой интерес представляет указание армянского историка Моисея Хоренского, согласно которому иберийское *sephesuli* (представители царского рода) тождественно армянскому термину востаник⁶⁷; последним же, как убедительно показала А. Г. Периханиян, обозначались лица, принадлежавшие к господствующему классу и получавшие во владение деревни и дастакерты (крупные земельные хозяйства) на царских землях⁶⁸.

⁵⁸ Е. Такашвили. Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения». Т. II. Вып. IV. Тифлис. 1906—1912, стр. 708 (древнегрузинский текст).

⁵⁹ «Картлис Цховреба», стр. 85—86.

⁶⁰ Н. А. Бердзенишвили. Из истории топонимики древнего Тбилиси. «Мимохилвели» Института истории АН Грузинской ССР. Т. II. 1947, стр. 49—50 (на грузинском языке).

⁶¹ Подробно об этом см. О. Д. Лордкипанидзе. К вопросу о городской земле в Иберии. «Труды» Института истории АН Грузинской ССР. Т. III, 1957 (на грузинском языке).

⁶² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат при ЦК ВКП(б). 1940, стр. 52.

⁶³ Страбон, XI, 3, 6.

⁶⁴ А. Г. Шанидзе. Данные греческо-пехлевиийской билингвы из Армази для истории термина эзосмодзгуари в древнегрузинском. «Сообщения» АН Грузинской ССР. Т. II. 1941, № 1—2, стр. 186.

⁶⁵ Thalheim, *Επίτροπος*, RE, VI, стр. 224—225.

⁶⁶ Dittenberger. *Oriens Craeci Inscriptiones Selectae*. Vol. I—III. Leipzig. 1903—1905, №№ 678, 707.

⁶⁷ История Армении Моисея Хоренского, перевод с армянского Н. Эмина. СПб. 1889, II, стр. 7.

⁶⁸ А. Г. Периханиян. Древнеармянские востаники. «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 44—58.

Ряд указаний дает нам право полагать, что крупными землевладельцами были также и храмы.

Таким образом, в Иберии античного периода в основном существовали следующие формы землевладения: царское (по-видимому, преобладающее), храмовое и городское.

Из сказанного можно заключить, что Иберия античного периода являлась рабовладельческим государством. Рабы были сконцентрированы главным образом в городах, где их труд широко эксплуатировался в ремесленном производстве крупного масштаба (черепичное и металлообрабатывающее производства, строительные работы). Земледелие же было основано главным образом на эксплуатации, близкой по форме к рабству, зависимого сельского населения. Несмотря на наличие мелких свободных земледельцев и ремесленников, при определении производственных отношений важно именно то, что ведущим являлось крупное производство, которое базировалось на эксплуатации труда рабов и зависимых земледельцев.

Что касается Колхиды, то для характеристики ее социального строя мы имеем еще меньше данных. Однако, принимая во внимание общность социально-экономического и культурного развития Западной и Восточной Грузии, можно предполагать, что и здесь был в основном такой же строй, как в Иберии.

Раскопки в Дабла-Гоми доказали существование здесь развитого городского поселения и наличие городского ремесла в довольно широком масштабе⁶⁹. В городской ремесленной продукции Дабла-Гоми особое место занимает керамическое производство, представленное огромным количеством разнообразных изделий местного производства. Амфоры различных типов, пифосы, кувшины, блюда и миски, а главное, кровельная черепица и штампованный орнамент на многочисленных керамических изделиях (доказывающий серийный выпуск этих изделий в большом количестве) дают основание предполагать, что основой этого производства являлось, как и в Мцхета, крупное ремесло⁷⁰. Сосредоточение же такого крупного ремесленного производства в одном городе может достаточно определенно указывать на то, что в этих больших городских мастерских широко применялся труд рабов.

Еще большее значение должен был иметь рабский труд в металлургическом производстве. Известно, что добывание руды и ее обработка представляли в древности ввиду технической слабости производственного процесса наиболее трудоемкую, изнурительную работу; именно в этой отрасли производства и применялся особенно широко рабский труд.

Крупным металлургическим центром Западной Грузии с древнейшей эпохи являлся район верхнего течения р. Риони, горная грузинская область Рача, где близ с. Геби археологами были изучены древние сюрмовые шахты. Археологические изыскания показывают, что сюрмовые шахты эксплуатировались с особой интенсивностью с конца II тысячелетия до н. э. по III—IV века н. э.⁷¹

Обращают на себя внимание необычайно тяжелые условия добывания руды в этих шахтах и широкий масштаб горного дела. Сюрмовые шахты расположены в горах, на высоте 1 500—2 000 м над уровнем моря, в местности с необычайно суровым климатом. Доставка леса, обработка скалистого грунта, сама добыча руды, при слаборазвитой, можно сказать, примитивной технике были связаны с затратой огромного изнурительного труда. Следует отметить, что рудоносные жилы пролегали зачастую очень глубоко, почему приходилось пробивать в скале шахты значительной глубины⁷².

⁶⁹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. II, стр. 82, 145.

⁷⁰ Там же, стр. 83—113.

⁷¹ Г. Ф. Гобеджишвили. Указ. соч., стр. 53—58.

⁷² Там же, стр. 54—55.

Что касается масштаба добычи руды, то для этой эпохи он весьма значителен. На труднодоступных скалах расположено более сотни шахт, откуда добыто несколько сот тысяч тонн руды; в нескольких километрах от шахт обнаружено несколько больших бугров, образованных огромным количеством угля, шлака и невыплавленной или полувывплавленной руды⁷³.

Тяжелые условия работы и масштабы добычи руды дают основание полагать, что здесь широко использовался принудительный труд рабов.

Как было указано, начало интенсивной эксплуатации шахт падает на конец II тысячелетия до н. э. Это эпоха разложения первобытнообщинного строя, образования классового общества, выделения родовой аристократии по всей Колхиде; причем этот процесс наблюдается и в районе Геби, что хорошо иллюстрируется названным могильником⁷⁴. По нашему мнению, можно полагать, что уже в это время на шахтах использовался труд рабов-военнопленных наряду с трудом свободных общинников, начиная же с середины I тысячелетия до н. э., после образования классового общества и государства в Колхиде, обработка этих шахт могла быть рентабельной лишь при условии широкого использования рабского труда.

Вышеизложенные факты, по нашему мнению, говорят о том, что в Грузии античной эпохи широко применялся труд рабов главным образом в городском производстве, на государственных строительствах, в горнорудном деле и других крупных предприятиях. Однако основную массу непосредственных производителей в Грузии того времени все еще составляли свободные и полусвободные общинники. Отсюда вывод: рабовладельческий способ производства в Грузии не достиг тогда своего высшего развития, не охватывал всех отраслей хозяйства, и первые грузинские государственные образования были государствами примерно такого же типа, как эллинистические государства Малой и Передней Азии.

Г. К. Соселия пытается рассмотреть интересующий нас вопрос и в другом аспекте. Поскольку, по его мнению, в Грузии не было рабовладельческого строя, то и в раннефеодальную эпоху, как он полагает, не сохранились остатки этой формации. Свое предположение автор обосновывает в первую очередь тем, что «у грузин в период возникновения феодализма нет даже термина для обозначения раба в настоящем смысле этого слова» (№ 10, стр. 80). Доказательству того, что в древнегрузинских источниках слово «мона», обозначающее в новом грузинском языке раба, употреблялось как синоним вассала, домашнего служителя, слуги («мсахури»), домочадца, Г. К. Соселия посвятил специальную статью⁷⁵.

Этот вывод Г. К. Соселия сделал на основе анализа, причем весьма неполного и одностороннего, литературных памятников феодальной эпохи (в основном эпохи развитого феодализма — X—XII вв.), когда определенным образом изменился смысл слова «мона», и оно действительно не всегда обозначало раба. Г. К. Соселия выбрал из соответствующих источников лишь те сведения, которые подтверждают его взгляд, и намеренно обошел данные, опровергающие его мнение.

Не привлекая внимания Г. К. Соселия, например, известный памятник раннефеодальной эпохи (VIII в.) «Мученичество Або Тбилели», где наряду с «мона» (раб) упоминается «мсахури» (слуга-служитель). У автора

⁷³ В данном случае наряду с указанным сочинением Г. Ф. Гобеджишвили мы использовали материалы Рачинской экспедиции, любезно предоставленные в наше распоряжение Г. Ф. Гобеджишвили.

⁷⁴ Г. Ф. Гобеджишвили. Указ. соч., стр. 55.

⁷⁵ Г. К. Соселия. «Мона» по древнегрузинским источникам. «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 128—131.

этого памятника Иоанна Сабаниедзе «мона» в отличие от «мсахури» является лицом, приобретенным путем купли; он пишет: «Назвал вас рабами Христа, потому что вы куплены честною кровью его»⁷⁶. Следовательно, даже в VIII в. «мона» назывался тот, кто был куплен, а это, по нашему мнению, указывает на сравнительно высокий уровень рабства⁷⁷.

Уже одно то, что в памятнике отдельно упоминается «мона» и «мсахури», положение которых совершенно различно, позволяет считать, что в раннефеодальную эпоху «мона» не являлся синонимом слуги («мсахури») или домохадца («шина-мсахури»).

То же самое подтверждается и памятником V в. — «Мученичество Шушаники» Якова Цуртавского, где также упоминаются отдельно «мона» и «мсахури», причем ясно, что правовое и экономическое положение тех и других совершенно различно.

«Мсахури» и «мона» упоминаются и в других произведениях раннефеодальной эпохи. Например, в памятнике VI в. «Мученичество Эвстафия Мцхетского» рабы и рабыни («мона-мхевали») упомянуты отдельно от домохадцев («сахлеули»). Здесь же мы узнаем — и это особенно интересно, — что у ремесленника-сапожника Эвстафия имеются «мона» (рабы) и «мхевали» (рабыни)⁷⁸.

Имеются и более определенные данные, объясняющие первоначальное значение термина «мона». По сообщению Джуаншера (историк XI в.), Вахтанг Горгасал, один из последних царей рабовладельческой Иберии, однажды после победы послал своему дяде в качестве даров «мона» тысячу, лошадей выючных тысячу, лошадей верховых тысячу; он же подарил персидскому царю «мона» 10 тысяч, лошадей выючных 10 тысяч, лошадей верховых 10 тысяч⁷⁹. Вне всякого сомнения, «мона», посылаемые в дар, — это рабы, о чем свидетельствует и упоминание их наряду с выючными и верховыми лошадьми.

Оценивая общую методологическую основу позиции Г. К. Соселия по разбираемому вопросу, мы считаем необходимым сделать еще одно замечание. Г. К. Соселия, касаясь в своей статье истории грузинского права, заявляет, что некоторые институты государственной организации Грузии восходят к родовому строю, а «многие... были заимствованы у соседей, главным образом у народов Ирана» (№ 10, стр. 82).

Таким образом, получается, что феодальная формация, которая по теории самого же Г. К. Соселия возникает во II—IV вв. н. э. и существует в Грузии вплоть до второй половины XIX в., ничего своего не создала.

В другом месте Г. К. Соселия делает такой вывод: «Процесс разложения первобытно-общинного строя, начавшийся в I в. до н. э., развился в связи с господством римлян в Грузии быстрыми темпами, и во II—IV вв. в Грузии возникает феодальное общество и государство» (№ 10, стр. 84). Следовательно, разложение родового строя и возникновение феодализма в Грузии, а также развитие грузинского права Г. К. Соселия связывает с внешней силой — господством римлян. Но как же объяснить этот процесс в Восточной Грузии, в Иберии? Ведь там не было никакого «господства римлян». И наконец, если господство римлян имело такое решающее значение для внутренних процессов, почему же это классическое рабовладельческое государство вызвало формирование именно фео-

⁷⁶ «Памятники древнегрузинской агнографической литературы». Грузинский текст перевел и снабдил комментариями проф. К. С. Кекелидзе. Тбилиси. 1956, стр. 43.

⁷⁷ Интересен факт, что в словаре известного грузинского лексикографа Сулхан-Саба Орбелиани слово «мона» объясняется как «купленный мужчина» («наскиди важи»), причем он ссылается на древний источник — Евангелие Матфея (см. Сулхан-Саба Орбелиани. Грузинский словарь. Тбилиси. 1949, стр. 406).

⁷⁸ «Хрестоматия по древнегрузинской литературе». Составил С. И. Кубанейшвили. Т. 1. Тбилиси. 1946, стр. 47.

⁷⁹ «Қартлис Цховреба», стр. 153.

дализма, а не рабовладельческого строя? На все эти вопросы Г. К. Соселия ответа не дает.

В заключение несколько слов относительно методологической и научной стороны статьи Г. К. Соселия.

1. Вся статья Г. К. Соселия проникнута тенденциозным желанием во что бы то ни стало доказать наличие родового строя у грузинских племен вплоть до II в. н. э., отвергнуть существование в Грузии рабовладельческой формации и все источники и материалы втиснуть в «прокрустово ложе» своего мнения.

2. Г. К. Соселия особенно ополчается против акад. С. Н. Джанашиа и его последователей, причем противопоставляет им более старое поколение исследователей: М. Броссе, Д. Бакрадзе, М. Джанашвили, С. Какабадзе, Г. Натадзе, И. Джавахишвили и др. Он утверждает, что все без исключения ученые до акад. С. Н. Джанашиа отрицали существование в Грузии рабства (№ 10, стр. 73). Во-первых, нет ничего удивительного в том, что историки Броссе, Джанашвили, Бакрадзе имели подобное мнение: ведь они не располагали большей частью тех материалов, которые имеются ныне в распоряжении науки (данные археологии, этнографии, эпиграфические памятники). Во-вторых, Г. К. Соселия произвольно излагает взгляды некоторых историков старой школы. Хотя акад. И. А. Джавахишвили в своих ранних работах и не смог правильно разрешить вопросы образования государства в Грузии, однако он не только не отрицал существования рабства в Грузии в эпоху Страбона, но, наоборот, специально подчеркивал ведущее его значение. Именно И. А. Джавахишвили писал еще в 1928 г.: «С полной очевидностью выясняется, что в Грузии в I—VII веках было только рабство, а феодализм (в грузинском тексте «патронкмоба», употребляемый И. А. Джавахишвили для выражения понятия феодализм.— Ш. М., Н. Л., О. Л.) тогда не существовал. Со второй же половины X в. в Грузии был только феодализм; рабство как общее явление уже не существовало»⁸⁰. Известно, что и проф. С. Какабадзе в свое время весьма энергично выступал с утверждением о наличии рабовладения в Грузии античной эпохи, присваивая себе даже приоритет в разработке этой проблемы⁸¹.

3. Не только историография вопроса предстает в статье Г. К. Соселия в неверном виде, но и те источники, которыми он оперирует, в большинстве случаев истолкованы неправильно. Это относится в первую очередь к «Географии» Страбона, откуда автор берет только те отрывочные сведения, которые подтверждают его взгляды, и игнорирует другие указания греческого географа. Что касается других источников (Дион Кассий, Аппиан, Тацит, Плутарх), то Г. К. Соселия обходит их молчанием.

4. Археслогический материал, имеющий решающее значение в выяснении вопроса об образовании классового общества и государства, а также проблемы рабовладельческой формации, не нашел надлежащего места в работе Г. К. Соселия. Вместо того, чтобы серьезно отнестись к археологическим данным, он предпочел просто отрицать их значение в разработке данного вопроса.

5. Ратуя за марксистский подход к явлениям истории, Г. К. Соселия в ряде случаев следует таким методологическим принципам, которые имеют мало общего с марксистско-ленинской методологией. Он принимает значение внутреннего развития грузинских племен, причисляет все изделия грузинских ремесленников к иноземным, отрицает самобытное развитие грузинского феодального государства и общества, придает решаю-

⁸⁰ И. А. Джавахишвили. История грузинского права. Т. I. 1928, стр. 198 (на грузинском языке).

⁸¹ См. С. Н. Джанашиа. По поводу одного «похода» С. Н. Какабадзе. «Известия» Института языка, истории и материальной культуры имени Н. Я. Марра, Т. IV. 1938, стр. 162 и сл.

щее значение внешнему фактору (господству римлян) в разложении родового строя и формировании феодальных отношений и т. д.

6. В ряде случаев Г. К. Соселия дает неверное освещение ряда конкретных вопросов: о роли жречества в древности, об основном военном контингенте рабовладельческих государств, о характере феодального права и т. д.

7. Г. К. Соселия неправильно также излагает отдельные факты истории Грузии. Он говорит о господстве римлян в Грузии, в то время как в Восточной Грузии никакого господства римлян не было; он утверждает, что до эпохи Страбона Мцхета вообще неизвестен. Но археологические данные наряду с грузинскими источниками («Обращение Грузии», Леонтий Мровели и др.) доказывают, что Мцхета как город оформляется уже в начале эллинистической эпохи. Г. К. Соселия, по-видимому, неизвестно даже то, что фамилия царевича Теймураза (грузинского историка конца XVIII и начала XIX в.) была не Батонишвили, как он пишет (№ 10, стр. 73), а Багратиони.

8. Г. К. Соселия, пытаясь доказать отсутствие местной чеканки монет на территории Грузии до н. э., ссылается на работу И. А. Джавахишвили, изданную в 1907 г. (!), и труд Е. А. Пахомова, вышедший в 1910 году. Но ведь с тех пор прошло уже полстолетия, за это время сделаны большие археологические открытия, найдено несколько тысяч монет, которые изучены и систематизированы видными специалистами античной нумизматики (А. Н. Зограф, Е. А. Пахомов, Д. Г. Капанадзе и др.)! Разве можно сегодня серьезно рассуждать о проблемах генезиса государственности, стоя на уровне достижений науки 10-х годов нашего века? Весьма симптоматично и то, что вне внимания Г. К. Соселия осталось такое знаменательное явление, как выход в свет первой монографической научной публикации археологического материала из Мцхета (А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета. Т. I. Тбилиси. 1955).

Резюмируя все вышеизложенное, мы считаем нужным заявить, что статья Г. К. Соселия не способствует разрешению вопросов возникновения классового общества и государства в Грузии, разработке проблем социального строя Грузии. Наоборот, статья Г. К. Соселия лишь вносит дезориентацию в это дело и отвлекает внимание историков от научного исследования поставленных вопросов.

СООБЩЕНИЯ

«КОЛОКОЛ» И ЕГО ПРОГРАММА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ (1859—1861)

(К 100-летию юбилею «КОЛОКОЛА»)

Г. И. Ионова

Подъем общественного движения в России в конце 50-х годов XIX в. вызвал огромную потребность в революционном печатном органе. Создание такого органа в условиях царской цензуры было чрезвычайно трудным делом, которое взялись осуществить великий революционный демократ А. И. Герцен и его соратник Н. П. Огарев, находившиеся в эмиграции. Герцен считал, что «основание русской типографии в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании исполнения иных лучших дел»¹. Еще с 1855 г. А. И. Герцен начал выпускать ежегодный альманах «Полярная звезда». Но для более действенной пропаганды революционных идей нужна была газета. Такой газетой и явился «Колокол». Первый номер его вышел 1 июля 1857 года. В течение последующих десяти лет (1857—1867) «Колокол» неизменно оставался органом революционной демократии. Уже сам по себе факт десятилетнего существования «Колокола» является исключительным в истории русской революционной печати, так как в дальнейшем не было ни одного русского заграничного периодического издания, которое бы сохранилось в течение столь длительного срока. Временем наибольшего распространения и влияния «Колокола» был период революционной ситуации 1859—1861 годов, когда его популярность была особенно велика. Тираж его доходил до 2 500—3 000 экземпляров. Но этого количества оказалось недостаточно. Спрос на «Колокол» был так велик, что в 1860 г. возникла необходимость переиздать номера, вышедшие с 1857 по 1859 г.; в дальнейшем переиздавались также номера за 1860—1861 годы. Всего за десять лет вышло 245 номеров. Рассчитанный на нелегальное распространение, «Колокол» издавался на тонкой бумаге, небольшого формата — менее половины современного газетного листа, — что облегчало его широкое распространение по всей России.

Появление «Колокола» произвело громадное впечатление. В условиях царской цензуры внутри страны, когда запрещалось даже упоминание об отмене крепостного права, на всю Россию прозвучал призыв к немедленному освобождению крестьян. Этот вопрос ставился в центре внимания читателей «Колокола» уже с первого номера. В передовой статье А. И. Герцен выдвигал его как главное из тех основных преобразований, которые необходимо было немедленно осуществить в России. В статье «Что сделано для освобождения крепостных людей?» Н. П. Огарев резко упрекал правительство за бездеятельность и медлительность в решении этого важнейшего вопроса; «Колокол» разоблачал воровство чиновников, клеймил преследования раскольников.

Эти обличения благодаря своей смелости, актуальности, резкости и разящей герценовской иронии оказывали на современников громадное

¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений. Под редакцией М. К. Лемке. Т. VII. Пгг. 1923, стр. 234.

воздействие. «Трудно себе представить,— писал Герцен в «Колоколе»,— какой сильный отголосок находят эти обличения и какой ужас наводят они не только на обличенных, но и на тех, которые еще не обличены строками «Колокола». До сих пор эти действительные тайные газели прыгали по вершинам правительственных Альп, с презрением посматривая вниз на облака, из которых сыпались уголовные и литературные громы на станowych и секретарей, оставляя их в покое, и вдруг их дела напечатаны русскими буквами, с именем и этот ужас, эта безнравственность ходит из рук в руки, может попасть в тайную канцелярию, быть прочтена в передней»².

«Колокол» впервые развернул широкую агитацию против крепостного права, которой придавал особую силу блестящий публицистический талант Герцена. Эта агитация имела громадное революционное значение в условиях обострения классовой борьбы, которая усиливалась с каждым годом по мере углубления революционного кризиса. «Колокол» находился в этот период в центре борьбы демократических сил против крепостного права; он был грозным оружием, которое Герцен со всем блеском своего таланта использовал в борьбе за интересы народа.

Приступая к изданию «Колокола», Герцен предназначал его для широких демократических кругов. Он писал: «Мы поставили эпиграфом «Vivos voco!». Живые — это те рассеянные по всей России люди мысли, люди добра всех сословий, мужчины и женщины, студенты и офицеры, которые краснеют и плачут, думая о крепостном состоянии, о бесправии в судах, о своеволии полиции, которые пламенно хотят гласности, которые с сочувствием читают нас. «Колокол» их орган, их голос — на бесплодных каменных вершинах некому его слушать, чистый звон его может раздаться сильнее в долинах!.. Звон нашего «Колокола» входит именно в вопль, поднимающийся из съезжих, из казарм, с помещичьих конюшен, с барщинных полей, с цензурной бойни,— «Колокол» решительно принадлежит дурному обществу, оттого у него и нет ни канцелярской вежливости, ни секретарской учтивости!»³.

А. И. Герцен решительно подчеркивал свою принадлежность к демократам — письма из этого лагеря он всегда публиковал как письма своих, а письма либералов — как письма из враждебного стана⁴.

Наибольшее распространение «Колокол» приобрел именно в широких демократических кругах. Здесь его передавали из рук в руки⁵. Революционные студенческие кружки в Харькове, Киеве, Москве занимались распространением изданий А. И. Герцена, в том числе и «Колокола», отдельные номера которого литографировались, что значительно увеличивало его тираж.

Для революционной молодежи «Колокол» был боевым органом, которым пользовались для революционной агитации среди народа. Такие факты были установлены специальной следственной комиссией в 1862 г. в Сампсониевской и Введенской воскресных школах Петербурга, расположенных в фабричных районах⁶. Преподаватели этих школ знакомили своих учеников-рабочих с отдельными номерами «Колокола» и брошюрами «Что нужно народу» и «Что делать войску»⁷. Рабочие же, в свою очередь, распространяли на фабриках «Колокол», прокламацию «Молодая Россия» и другую революционную литературу⁸. В 1861 г. московской полицией было установлено, что на кирпичном заводе почетного гражданина

² «Колокол» № 32—33, 1 января 1859 года.

³ «Колокол» № 18, 15 июня 1858 года.

⁴ Например, письмо Чичерина («Колокол» № 29, 1 декабря 1858 года).

⁵ «Колокол» № 23—24, 15 сентября 1858 года.

⁶ «С.-Петербургские ведомости», 14 сентября 1860 года.

⁷ Центральный государственный исторический архив в Москве, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 105—108.

⁸ Центральный государственный военно-исторический архив в Ленинграде, ф. 9, II отд., 1 стол, 1863 г., д. 11, лл. 181—181 об.

Прорехова (в деревне Лихоборы, Московского уезда) один из рабочих читал своим товарищам «Колокол». Однако разыскать его полиции не удалось⁹. О распространении «Колокола» среди офицеров и матросов известно из анонимного доноса на кондуктора штурманского клипера «Алмаз» Павла Мордовина¹⁰.

«Колокол» доходил и до крестьян. Так, корреспондент сообщал Герцену из Херсонской губернии, что 22-й номер «Колокола», в котором было напечатано о зверствах помещицы Клопотовской, с жадностью читался по всей губернии и редкий мужик в Тираспольском уезде не знал о том, что «про Клопотовскую напечатано где-то за границей»¹¹. В сентябре 1859 г. полицией в Нижегородской губернии были привлечены к следствию четыре крестьянина за чтение «Колокола»¹². Следствие установило, что «Колокол» лежал в деревенской лавке; следовательно, его могли читать, кроме привлеченных к следствию, и другие крестьяне. В Москве, как свидетельствует донесение московского обер-полицмейстера, издания Герцена открыто продавались на рынках и давались на прочтение за небольшую плату¹³.

Но распространение «Колокола» среди простого народа все же было редкостью. Основной сферой его распространения были широкие круги демократической интеллигенции. В ее сплочении и идейном воспитании «Колокол» сыграл выдающуюся роль.

Научная оценка роли А. И. Герцена в подготовке русской революции и значения «Колокола» в период революционной ситуации 1859—1861 гг. была впервые дана В. И. Лениным. Высоко оценивая революционную роль изданий вольной русской типографии, В. И. Ленин подчеркивал, что «Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом», и указал на громадное значение «Колокола»: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»¹⁴. Распространение по всей России «Колокола»¹⁵ В. И. Ленин рассматривал как одно из наиболее ярких, примечательных явлений, характеризующих революционную ситуацию 1859—1861 годов. Говоря о классовой позиции «Колокола», В. И. Ленин показал, что этой газетой был поставлен важный исторический вопрос «о различии интересов в либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской буржуазной революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции»¹⁶. Разоблачая буржуазно-либеральную и либерально-народническую клевету на Герцена, В. И. Ленин отмечал, «что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»¹⁷.

В. И. Ленин подчеркивал роль А. И. Герцена и его «Колокола» в истории русского революционного движения: «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разнородных, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещан-

⁹ Государственный исторический архив Московской области, ф. канцелярии московского гражданского губернатора, секретное отделение, 1861 г., д. 135, лл. 38—38 об.

¹⁰ ЦГИАМ, ф. III отд., 1 экзп., 1862 г., д. 230, л. 86.

¹¹ «Колокол» № 39, 1 апреля 1859 года.

¹² Журнал «Красный архив», 1937, № 2(81), стр. 221.

¹³ Н. М. Дружинин. Москва накануне реформы 1861 года. «Вестник Московского университета», 1947, № 9, стр. 42.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 12, 15.

¹⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 26.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 12.

¹⁷ Там же.

ству, купечеству, крестьянству»¹⁸. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин указывал, что общедемократическая бесцензурная печать во главе с «Колоколом» Герцена была «предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати...»¹⁹.

Глубокий ленинский анализ значения «Колокола» в период революционной ситуации 1859—1861 гг., его классовых позиций и роли в истории русского революционного движения, ленинская критика буржуазно-либеральной и либерально-демократической литературы, искажавшей облик А. И. Герцена, — все это заложило основу для научного исследования герценовского «Колокола».

Из обширной буржуазно-либеральной литературы наибольший интерес с точки зрения обобщения фактического материала представляет работа В. Е. Чешихина-Ветринского «Герцен», в которой «Колоколу» посвящено несколько глав, но в принципиальной оценке «Колокола» автор не отступает от обычной либеральной концепции и видит в его статьях лишь либеральную апелляцию к «верхам»²⁰.

В статье, посвященной «Колоколу», Г. В. Плеханов сделал попытку по-новому взглянуть на его деятельность. Однако он не смог преодолеть буржуазно-либеральную концепцию и утверждал, что А. И. Герцен все свои надежды возлагал на правительство, от которого ждал уничтожения крепостного права. Программой, объявленной А. И. Герценом в первом номере «Колокола», по мнению Г. В. Плеханова, ограничивается содержание газеты²¹.

Взгляд на Герцена как на либерала сохранялся и в советской исторической литературе двадцатых годов²². Эту оценку Герцена разделял и М. Н. Покровский. В тот период изучение «Колокола» не продвинулось вперед.

Лишь в тридцатых годах советские исследователи, опираясь на ленинские указания, по-настоящему начали изучение «Колокола». В 1937 г. в «Красном архиве» было опубликовано несколько документов, которые характеризовали борьбу царизма против распространения «Колокола» и проникновения его в деревню. Это было новым в исследовании деятельности «Колокола». В краткой вступительной статье Д. И. Заславский характеризовал значение деятельности А. И. Герцена в соответствии с ленинской концепцией²³.

В 1941 г. появилась статья И. С. Смолина «Колокол» (1857—1861 гг.). Автор с марксистско-ленинских позиций рассматривает выступление «Колокола» против крепостного права как одно из проявлений классовой борьбы в условиях бурного роста массового движения и убедительно показывает, что, «несмотря на свои колебания в сторону либерализма, «Колокол» был революционно-демократическим органом»²⁴. В специальной статье И. С. Смолин рассмотрел также вопрос о борьбе царизма против распространения герценовских изданий²⁵.

Большим шагом вперед явилось издание в 1949 г. работы З. П. Базилевой — первой специальной монографии, посвященной изучению «Колокола»²⁶. Особое внимание в работе справедливо уделено анализу значения «Колокола» в период борьбы против крепостного права. Автором собран

¹⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 223.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. Е. Чешихин-Ветринский. Герцен. С.-П. 1908, главы IX—X.

²¹ Г. В. Плеханов. Герцен и крепостное право. Т. XXIII, стр. 269 и др.

²² См. Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский. Т. II. М.-Л. 1928, стр. 59 и др.

²³ «Красный архив», 1937, № 2(81), стр. 209 и др.

²⁴ И. С. Смолин. «Колокол» (1857—1861 гг.). «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена. Т. 39, 1941, стр. 69.

²⁵ И. С. Смолин. Царизм в борьбе с вольной печатью Герцена. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена. Т. 61, 1947.

²⁶ З. П. Базилева. «Колокол» Герцена (1857—1867). М. 1949.

обширный материал, рисующий распространение «Колокола» и его влияние в России. Однако книга не свободна от недостатков. Так, нельзя согласиться с тем, что время издания «Колокола» — с 1857 по 1861 г. — было периодом блока Герцена с либералами. В действительности А. И. Герцен уже в этот период подчеркивал, что «Колокол» издается для широких демократических кругов. Кроме того, на наш взгляд, необходимо было бы при периодизации деятельности «Колокола» выделить годы революционной ситуации, так как именно они были годами наивысшего успеха издания. Роль «Колокола» уменьшается после разгрома демократических сил в условиях спада революционного движения и наступления реакции.

В работе Я. Е. Эльсберга «Герцен. Жизнь и творчество» специальный раздел посвящен «Колоколу»²⁷. Автор показал громадную революционную роль «Колокола» в борьбе за освобождение крестьян, его демократизм и доказал, что в публицистической деятельности А. И. Герцена не было момента, который можно было бы характеризовать как проведение либеральной линии. Для А. И. Герцена были характерны лишь колебания от демократической линии к либерализму. Пробелом в этой работе является отсутствие анализа конспиративной революционной деятельности²⁸. Между тем это очень важно для правильного понимания «Колокола».

Важное значение для дальнейшего изучения «Колокола» имеет статья М. В. Нечкиной о новых документах архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева²⁹ и публикация этих документов в «Литературном наследстве» (тт. 61 и 62). Полемика между М. В. Нечкиной и Б. П. Козьминым³⁰ по частному вопросу о лондонском свидании А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского сыграла заметную роль в дальнейшем исследовании «Колокола» и его роли в годы революционной ситуации.

Статья Я. И. Линкова³¹ справедливо указывает на необходимость изучения участия А. И. Герцена и Н. П. Огарева в подготовке к созданию революционной организации. Без учета этой стороны их деятельности было бы неполным исследование «Колокола».

Несмотря на появление ряда серьезных трудов, посвященных изучению «Колокола», тема эта еще далеко не исчерпана. Одним из вопросов, требующих исследования, является программа «Колокола». Этот вопрос до сих пор не рассматривался специально. Между тем среди авторов, писавших о «Колоколе», нет единства в оценке его программы.

Советскими учеными уже давно было отмечено, что программа «Колокола» является не полным, а лишь частичным выражением программы А. И. Герцена и Н. П. Огарева — лондонского революционного центра³². Приступая к изданию «Колокола», А. И. Герцен ставил перед собой задачу объединить все прогрессивные элементы, способные принять участие в борьбе против крепостного права. Поэтому программа «Колокола» выдвигает сначала только те минимальные требования, которые могли быть

²⁷ На это справедливо указал Я. И. Линков. Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества «Земля и Воля». «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 114.

²⁸ Я. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество. М. 1951.

²⁹ М. В. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. IV, № 2. 1947.

³⁰ М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.). «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIII, вып. 1. 1954; ее же. О взаимоотношениях петербургского и лондонского центров русского освободительного движения в годы революционной ситуации (1859—1861). «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIV, вып. 2. 1955; Б. П. Козьмин. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 году и его переговоры с А. И. Герценом. «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XII, вып. 2. 1953; его же. К вопросу о целях и результатах поездки Н. Г. Чернышевского к А. И. Герцену в 1859 году. «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIV, вып. 2. 1955.

³¹ Я. И. Линков. Указ. соч.

³² М. В. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации, стр. 121; Я. Эльсберг. Указ. соч., стр. 434.

платформой для широких прогрессивных слоев: «Освобождение слова от цензуры! Освобождение крестьян от помещиков! Освобождение податного сословия от побоев!»³³.

В условиях господства феодально-крепостнической системы эти требования, несмотря на всю свою скромность, были революционными³⁴. При этом следует отметить, что фактически «Колокол» ставил вопрос о необходимости гораздо более широкого круга преобразований. Уже в первом номере, заявляя эту программу, Герцен добавлял, что «Колокол» не ограничится этими вопросами. В дальнейшем сфера программных положений «Колокола» расширилась.

Действительная программа революционного преобразования всех сторон русской общественной жизни фактически развертывалась на страницах «Колокола» уже в первые два года его издания.

Выдвинув как главное требование немедленное освобождение крестьян со всей землей, которой они пользуются, «Колокол» последовательно отстаивал, конкретизировал и развивал его.

Вместе с тем в процессе обсуждения вопроса об освобождении крестьян, «Колокол» выдвинул также ряд новых программных требований. Борьба против крепостного права превращалась в борьбу против самодержавно-крепостнического государства. Так, уже с первых номеров «Колокол» выступил против существовавшей в России администрации: суда, полиции, чиновничества. Он доказывал, что, пока существует казенное чиновничество, освобождение крестьян невозможно. Четвертый номер почти полностью посвящен обличению гражданской и военной бюрократии. Помещенное в этом номере «Письмо из Петербурга» разоблачает реакционность бюрократии и показывает, что табель о рангах препятствует привлечению в государственный аппарат свежих, способных кадров.

Большое внимание «Колокол» уделял обличению суда³⁵.

Не ограничиваясь одними обличениями, издатели «Колокола» уже в 12-м номере предложили проект преобразования администрации — замены казенного чиновничества выборными людьми. В статье «Русские вопросы» Н. П. Огарев выдвинул план создания третейских судов по гражданским делам в губерниях, введения в селах и городах выборной администрации и полиции, которые отчитывались бы перед избирателями и от них получали жалованье. Дворянство также должно избирать своих предводителей на тех же условиях. Уголовное судопроизводство нужно сделать гласным, ввести суд присяжных.

Уничтожению чиновничества и созданию выборной администрации издатели «Колокола» придавали громадное значение. Уже через год после начала издания в статье «1 июля 1858» А. И. Герцен повторил требования, выдвинутые им в первом номере газеты и дополнил их требованием уничтожения чиновничества и введения гласности³⁶.

Формулируя таким образом требование «Колокола», А. И. Герцен пошел дальше в наступлении на самодержавно-крепостнический строй.

Новым явился также вопрос о свободе торговли, выдвинутый в статье «Русские вопросы»³⁷. Это было одним из важных требований — уничтожить дворянские привилегии, мешавшие развитию крестьянской торговли.

Уже в начале 1858 г. «Колокол» поднимал вопрос о необходимости улучшить систему налогов³⁸. В связи с борьбой против крепостного права,

³³ «Колокол» № 1, 1 июля 1857 года.

³⁴ На это ранее указывал И. С. Смоллин. См. указ. соч., стр. 13.

³⁵ Например, «Последствия сечения Ярославской помещицы». «Колокол» № 26, 15 октября 1858 года.

³⁶ «Колокол» № 18, 1 июля 1858 года.

³⁷ «Колокол» № 12, 1 апреля 1858 года.

³⁸ Там же.

А. И. Герцен считал одной из важных задач обличение церкви и, таким образом, по существу, ставил вопрос о свободе совести, столь характерный для его мировоззрения³⁹.

«Колокол» боролся против преследования раскольников, заявляя, что «гонение раскольников глупо, безобразно, несовременно»⁴⁰. «Колокол» выступил против господства православной церкви как силы, поддерживавшей устои крепостничества, освящавшей учреждение крепостного права, военные поселения, казни и поддерживавшей реакцию⁴¹.

В связи с главной задачей освобождения крестьян «Колокол» ставил вопрос о просвещении народа. В номере девятом эта проблема выдвигалась как один из трех животрепещущих вопросов: ликвидация крепостного права, уничтожение чиновничества и преобразование управления и судопроизводства, распространение в народе образования без насилия⁴².

В номере 34-м «Колокол» поднял новый важный вопрос о свободе Польши. В статье «Россия и Польша» А. И. Герцен заявляет, что Польша должна быть освобождена. В дальнейшем Польша и Россия могут рука об руку идти одной дорогой к новой, свободной социальной жизни⁴³, но этот союз возможен только как добровольный. «Колокол» поставил вопрос о необходимости изменения внешней политики России, так как царь проводит ее вопреки интересам народа. Герцен подчеркивал, что новый курс внешней политики, который должна проводить обновленная демократическая Россия, окажет громадное воздействие на развитие освободительной борьбы народов Европы⁴⁴. А. И. Герцен ратовал за уничтожение национального гнета внутри России.

«Колокол» широко пропагандировал утопический социализм. Вопрос о преимуществах социалистического пути развития поднимался уже в 9-м номере «Колокола», в статье «Русские вопросы», и в дальнейшем занимал важное место в газете. А. И. Герцен и Н. П. Огарев доказывали возможность социалистического пути для России. А. И. Герцен считал, что Россия может пойти своим особым путем и опередить западные страны. «Хорошие ученики часто переводятся через класс»⁴⁵. Возможность социалистического развития он видел в факте существования в России крестьянской общины.

Н. П. Огарев теоретически защищал перед западной наукой право на своеобразное развитие России. «В форме общинного землевладения социализм становится на почву, потому что при наследственном землевладении почва для него невозможна»⁴⁶, — писал он.

В. И. Ленин подчеркивал, что в утопическом социализме А. И. Герцена нет ни г р а н а социализма. А. И. Герцен считал, что предстоящая в России революция приведет к развитию социализма, так как для этого, по его мнению, достаточно было освобождения крестьян с землей. Это непонимание буржуазной природы русской революции было его глубочайшей ошибкой. В действительности освобождение крестьян с землей привело бы лишь к быстрому развитию капитализма. Однако развитие капитализма пошло бы революционным, а следовательно, наименее болезненным для крестьян путем, и здесь А. И. Герцен объективно выступал на стороне революционных крестьян в буржуазной революции против либеральной буржуазии, стремящейся к соглашению с паризмом, которое привело бы к развитию капитализма в сельском хозяйстве прусским путем, мучительным для крестьянства.

³⁹ «Колокол» № 5, 1 ноября 1957 г.; № 17, 15 июня и № 22, 1 сентября 1858 года.

⁴⁰ «Колокол» № 10, 1 марта 1858 года.

⁴¹ «Колокол» № 42, 1 мая, № 43, 15 мая 1859 года.

⁴² «Колокол» № 9, 15 февраля 1858 года.

⁴³ «Колокол» № 34, 15 января 1859 года.

⁴⁴ «Колокол» № 44, 1 июня 1859 года.

⁴⁵ «Колокол» № 9, 15 февраля 1858 года.

⁴⁶ «Колокол» № 38, 15 марта 1859 года.

Доказывая преимущества социалистического пути развития, «Колокол» подвергал критике различные формы буржуазной собственности на землю. В одном из первых номеров «Колокола», в статье «Русские вопросы», Н. П. Огарев показал, что нищета народных масс является неизбежным следствием частной собственности на землю независимо от того, является ли эта собственность крупной, как в Англии, или мелкой, как во Франции. В Америке нищеты пока нет, так как еще имеются в наличии свободные земли, но здесь «буржуазное стремление к отдельной собственности, приняв и негра за собственность, не останавливается ни перед каким средством распространить власть своего уродливого своеволия...» Н. П. Огарев решительно отвергает этот путь развития собственности, путь, который, «несмотря на огромный успех промышленности, привел человеческое общество к нечеловеческому образу»⁴⁷.

Уже в 1857—1858 гг. обличениями самодержавия «Колокол», по существу, ставил вопрос о его уничтожении. Эти обличения начинаются с описания в первом номере «Колокола» путешествия вдовствующей императрицы, за которое расплачиваются мужики⁴⁸. Обличая жестокость помещиков, А. И. Герцен подчеркивал, что систему крепостнического насилия охраняют правительство и самодержавие: «...в сущности, отчего же не сечь мужика, если это позволено, если мужик терпит, церковь благославляет, а правительство держит мужика за ворот и само подстегивает... Секите, братцы, секите с миром! А устанете, царь пришлет флигель-адъютанта на помощь!!!»⁴⁹.

Итак, несмотря на то, что специально сформулированная программа «Колокола» в 1857—1858 гг. ограничена требованиями освобождения крестьян, свободы печати, отмены телесных наказаний, уничтожения казенного чиновничества, то есть суда и полиции, она дополнялась, по существу, требованиями введения местного выборного управления, свободы торговли, изменения системы налогов, свободы совести, необходимости образования для народа, освобождения поляков, украинцев и других угнетенных народов и создания федерации; в «Колоколе» ставился вопрос о возможности социалистического развития России, хотя это и была программа крестьянского утопического социализма.

Анализ программных утверждений «Колокола» за 1857—1858 гг. свидетельствует о том, что идеи общественного переустройства России, изложенные Н. П. Огаревым в 1859 г. в рукописи «Идеалы»⁵⁰, вынашивались в течение длительного периода и в некоторой степени нашли отражение на страницах «Колокола». Рукопись «Идеалы» рисует будущее устройство России в виде республики, представляющей собой федерацию девяти областей с организацией общинно-волостного самоуправления; центральная власть выборная: кандидаты от волостей избирают из своей среды министров, которые избирают «между собой» президента.

Обсуждение этих программных вопросов, так же как и проблемы создания тайной революционной организации во время лондонского свидания Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена в 1859 г., вполне вероятно. Материалы «Колокола», рассмотренные выше, свидетельствуют о том, что уже с первых номеров его, еще со статьи «Русские вопросы», Н. П. Огарев был занят обдумыванием этих проблем и возвращался к ним постоянно. О том, что издатели «Колокола», несмотря на присущие им в этот период либеральные колебания и многократные обращения к Александру II, думали о революционном пути преобразования России, свидетельствует записка о тайном обществе, написанная Н. П. Огаревым в 1857 г., что

⁴⁷ «Колокол» № 9, 15 февраля 1858 года.

⁴⁸ «Колокол» № 1, 1 июля 1857 года.

⁴⁹ «Колокол» № 6, 1 декабря 1857 года.

⁵⁰ М. В. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации, стр. 108—109.

было отмечено М. В. Нечкиной⁵¹. Об этом говорят также и материалы «Колокола». Несмотря на либеральные обращения к царю, часто в одном и том же номере, А. И. Герцен и Н. П. Огарев писали о неизбежности революции. В январе 1859 г. в статье «Россия и Польша»⁵² А. И. Герцен выражал уверенность в неизбежности революции. Он писал: «Народ мрачно ждет», и он не намерен уступать ни пяди земли.

Отвечая анонимному автору брошюры «Александр Герцен и вольная русская типография в Лондоне», упрекавшему его в том, что он отступил от своих прежних идей, А. И. Герцен всей своей статьей подчеркивал, что его деятельность в этих условиях определяется его революционными социалистическими убеждениями, от которых он нисколько не отступил. «Я рад, что ваша статья дает мне повод коснуться главных основ моих убеждений и дать отчет, почему я поступаю так, а не иначе с уверенностью, что поступаю совершенно сообразно с ними. Я был до того занят частными русскими вопросами, что все общие места, professions de foi, отступили на задний план. Ваши замечания напомнили мне, что это умалчивание, или подразумевание может быть иначе истолковано и дурно понято».

Из этого текста нередко цитируется лишь одна фраза — о том, что общие вопросы отступили на задний план. Однако это не дает представления о мысли, развиваемой А. И. Герценом. Он говорил, что при существующих условиях «задача человека, желающего участвовать в новом движении, становится другая, она становится специальнее. Мало знать станцию, к которой мы едем, — надо определить, которую версту по пути к ней мы проделываем, и какие рытвины и мосты именно на этой версте». Далее он еще более ясно указывает: ««Есть время камни собирать, говорит Соломон, и есть время камни метати». А ведь для того, кто хочет воевать пращей, это не два дела, а два момента одного и того же дела». Герцен отчетливо дает понять в этой статье, что именно потому, что он собирается принять участие в приближающейся революции — «воевать пращей», — он занимается изданием «Колокола». Конкретная революционная агитация «Колокола» в данных условиях была лучшей формой борьбы, соответствующей основным убеждениям его издателей.

Как уже указывалось, Герцен еще в 1853 г., создавая вольную типографию, подчеркивал, что обращение к России с революционным словом было «делом наиболее практически революционным в ожидании исполнения иных лучших дел»⁵³.

О конспиративной стороне деятельности А. И. Герцена и Н. П. Огарева, их организационных связях с русским революционным подпольем свидетельствует призыв Герцена в «Колоколе» в 1859 г., обращенный к московским студентам: «С чистой совестью и с откровенностью любви мы решаемся умолять вас быть осторожными, вы можете погубить не только себя, но гораздо больше»⁵⁴. Несколько позднее, в статье «Сербы и черногорцы», А. И. Герцен говорит о наличии, кроме правительственной, еще другой России. Другая Россия существует, «растет, — она слаба, но и зимний дворец не крепок». Где она — «это трудно сказать — много посторонних нас слушают». И далее Герцен предлагает славянским революционерам установить связь с этой, другой Россией через «Колокол»⁵⁵.

Либеральные колебания Герцена более всего проявились в области тактики. Это были колебания революционера, который, приветствуя рево-

⁵¹ М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.), стр. 55.

⁵² «Колокол» №№ 32—33, 1 января 1859 года.

⁵³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений. Т. VII, стр. 234.

⁵⁴ «Колокол» № 55, 1 ноября 1859 года.

⁵⁵ «Колокол» № 84, 1 ноября 1860 года. Впервые на эти слова А. И. Герцена обратил внимание Л. Хинкулов. Т. Г. Шевченко и его современники. Журнал «Советская Украина», 1955, № 8, стр. 176.

люцию, понимая ее близость и готовясь к ней, допускал возможность «самодержавных» преобразований. А. И. Герцен не понимал исторической закономерности революции, так как не смог подняться до исторического материализма.

Либеральные колебания, которые в конце 1850-х годов проявляли А. И. Герцен и Н. П. Огарев, были свойственны тогда значительной части демократических кругов, ибо в то время еще шел процесс размежевания демократической и либеральной тенденций в русском общественном движении. Поэтому критика Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым либеральных иллюзий издателей «Колокола» имела громадное значение для консолидации сил революционного лагеря: это была не только борьба за последовательность двух великих революционеров, но борьба за общее сплочение революционных сил.

Неправильно было бы считать, что единственным результатом лондонского свидания было извинение А. И. Герцена за статью «*Very dangerous!*». Такое истолкование слов Чернышевского «я ездил не понапрасну»⁵⁶ было бы произвольным, так как сам Н. Г. Чернышевский не указывает, к чему именно относятся его слова. Однако те изменения, которые заметны в «Колоколе» в 1859—1860 годах, позволяют судить об этом. Как известно со слов Г. С. Стахевича, Н. Г. Чернышевский настаивал во время переговоров в Лондоне на необходимости выработки «Колоколом» определенной и четкой программы. Он говорил Г. С. Стахевичу: «Я нападал на Герцена за чисто обличительный характер «Колокола». Если бы, говорю ему, наше правительство было чуточку поумнее, оно благодарило бы вас за ваши обличения; эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в узде в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным, а суть-то дела именно в строе, не в агентах. Вам следовало бы выставить определенную политическую программу, скажем — конституционную или республиканскую, или социалистическую; и затем всякое обличение являлось бы подтверждением основных требований вашей программы»⁵⁷. В номерах «Колокола», которые выходили уже в последующее время, можно проследить более четкую и детальную разработку программы. Это происходит не сразу, и здесь сказала, по-видимому, не только критика со стороны Чернышевского и других представителей революционно-демократического лагеря (например, письма «Русского человека»), но также и дальнейший рост классовой борьбы в условиях уже сложившейся революционной ситуации, рост крестьянского движения.

Первого июня 1859 г. в качестве приложения к «Колоколу» был опубликован проект освобождения крестьян. Проект требовал немедленного освобождения их со всей той землей, которой владели общины, через выкуп не путем крестьянских взносов, а путем общей финансовой меры⁵⁸.

В сентябре 1859 г. в статье «Комиссии для составления положения о крестьянах» Н. П. Огарев указывал на необходимость «утверждать, развивать те основания администрации, которые лежат в духе народном, т. е. совершенную выборность властей и их ответственность на миру. Вот где прочное основание русской гражданской жизни»⁵⁹. Эти мысли перекликаются с идеями его рукописи «Идеалы», о которой уже говорилось.

Н. П. Огарев подчеркивает в этой статье гражданские способности народа, который, «несмотря на свою необразованность, несмотря на возбужденность страстей, вызванных словом освобождения — остается неколебим в грозном гражданском спокойствии, и только создает общества трезвости, как бы в укор помещикам, прославившим его пьяницей, и не-

⁵⁶ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. XIV. М. 1949, стр. 379.

⁵⁷ Г. С. Стахевич. Среди политических преступников — Н. Г. Чернышевский. М. 1928, стр. 103.

⁵⁸ «Колокол» № 44, 1 июня 1859 года.

⁵⁹ «Колокол» № 51, 1 сентября 1859 года.

смотря на то, что министерства финансов и государственных имуществ и местные правительственные власти, закупленные откупщиками, палкой гонят его на пьянство, как на барщину!»⁶⁰. Указание на гражданские качества народа, его способность действовать, проявившуюся в движении 1859 г., является новым положением Н. П. Огарева.

В ноябре—декабре 1859 г. А. И. Герцен гораздо более развернуто, чем раньше, разрабатывает вопрос о социалистическом пути развития России, посвящая ему специальный цикл статей «Русские немцы и немецкие русские». Он доказывал, что Европа уже исчерпала силы для дальнейшего развития и теперь именно Россия может скорее двинуться по социалистическому пути благодаря сохранению в ней общины⁶¹. Н. Г. Чернышевский подверг резкой критике эти идеи А. И. Герцена в статье «О причинах падения Рима». Он разоблачил несостоятельность представления о том, что Европа исчерпала возможности дальнейшего прогрессивного развития, и показал, что русская община в ее настоящем виде весьма далека от социализма⁶². Этот спор, развернувшийся в печати, явился, очевидно, продолжением прежнего. Одновременно Н. П. Огарев в № 57—58 «Колокола» за 1 декабря 1859 г., в статье «Письмо и ответ», опираясь на цифры, доказывал широкое распространение общинного владения землей в Европейской России, создающее, по его мнению, объективные предпосылки для социалистического развития России.

В мае 1860 г. впервые в «Колоколе» ставится вопрос о конституционной монархии. Ранее А. И. Герцен и Н. П. Огарев не излагали своих взглядов по поводу форм организации политической власти. Теперь, отвечая П. Долгорукову, А. И. Герцен сказал: он «полагает, что мы, как социалисты, не будем согласны с его конституционными стремлениями. Мы думаем, напротив, что есть обстоятельства, при которых нельзя избежать этих переходных форм», — они могут оказаться необходимыми, чтобы ограничить «беснующееся самодержавие», как смиренный камзол необходим сумасшедшему⁶³. «Колокол» продолжал выдвигать новые требования необходимых преобразований, в частности, ограничения срока военной службы одним годом, изменения свода законов⁶⁴.

Дальнейшим важным шагом вперед в разработке программы явилась статья Н. П. Огарева «Письмо к соотечественнику», напечатанная в «Колоколе» 1 августа 1860 года. Если ранее весьма важные программные заявления были разбросаны в разных номерах «Колокола», а специально сформулированная программа ограничивалась тремя основными требованиями, о которых говорилось ранее, то в этой статье Н. П. Огарев излагал конкретную, четко сформулированную программу широких преобразований, необходимых, по его мнению, для социалистического развития России.

Н. П. Огарев говорит, что для этого нужно «освободить народное начало общественного права собственности и самоуправления, так, чтобы оно могло развиваться без препятствий на свободе». Для этого необходимо уничтожить табель о рангах и вызвать деятелей, преданных России; освободить помещичьих крестьян с землей, освободить Россию от казенной администрации и дать развиваться выборному городскому и сельскому самоуправлению, дать гласность суду и освободить народный обычный суд от казенного формализма, уничтожить III отделение и дать России свободу слова; осуществить свободу торговли для всех без различия сословий, развитие общественного кредита на основе общественной собственности и создание общественных банков в каждой области империи; необхо-

⁶⁰ «Колокол» № 51, 1 сентября 1859 года.

⁶¹ «Колокол» № 56, 15 ноября, № 59, 15 декабря 1859 года.

⁶² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. VII. М. 1950, стр. 661.

⁶³ «Колокол» № 70, 1 мая 1860 года.

⁶⁴ «Колокол» № 52, 15 сентября и № 55, 1 ноября 1859 года.

димо также освобождение Польши и добровольная федерация свободных областей⁶⁵. Если бы царь согласился на такое изменение общественного устройства, говорил Н. П. Огарев, он мог бы «остаться главой вольных русских областей», но так как действия правительства говорят, что на это надеяться нельзя, то эти преобразования должно осуществить образованное меньшинство дворянства, начав с соглашения с крестьянами о выкупе и создания своих третейских судов.

Обращение А. И. Герцена и Н. П. Огарева к дворянскому меньшинству давало возможность убедиться в иллюзорности надежд на него как на силу, способную к революционному действию. Это был положительный процесс освобождения от либеральных иллюзий не только для А. И. Герцена и Н. П. Огарева, но и для значительного круга передовых демократов в России, еще в известной мере сохранявших такие иллюзии.

В статье «Письмо к соотечественнику» Н. П. Огарев сделал первую попытку обобщить широкий круг требований, выдвигавшихся «Колоколом», и дать развернутое изложение программы. 1861-й год был кульминационным пунктом революционной ситуации 1859—1861 годов. В условиях мощного подъема демократического движения, нарастания реальной возможности революционного взрыва издатели «Колокола» завершили разработку программы. Таким дальнейшим шагом вперед в разработке программы явилась статья Н. П. Огарева «На новый 1861 год!»⁶⁶, напечатанная в «Колоколе» 1 января 1861 г., распространявшаяся затем в России как прокламация. Н. П. Огарев, исходя из того, что близкое освобождение никого не удовлетворит, писал, что дворянство должно помимо правительства осуществить освобождение крестьян с землей путем создания местных банков, создать областные центры и решить следующие вопросы: 1) общинное владение землей в Великороссии и поземельное владение везде; 2) общинное и общественное самоуправление; 3) упразднение казенного чиновничества и замена его выборным управлением, отчитывающимся перед обществом; 4) гласность суда и уголовный суд присяжных; уничтожение телесных наказаний; 5) введение третейского гражданского суда; 6) создание нового свода законов; 7) свобода слова; 8) свобода вероисповедания и совести; 9) свобода преподавания; 10) свобода торговли; 11) уничтожение паспортов; 12) изменение системы рекрутства, с установлением шестимесячного срока военной службы; 13) уничтожение вмешательства военной власти в дела управления и судопроизводства; 14) содержание войска на общественные деньги посредством областных управлений; 15) организация финансирования по областям и сбор податей выборными лицами в каждой общине; 16) создание областных законодательных дум; 17) учреждение государственной союзной думы из посланных от всех областных дум; 18) создание государственного банка, управляемого выборными от областных банков; 19—20) осуществление исполнительной власти правительством, ответственным перед союзной думой; 21) гласность внешней политики.

Программа, изложенная Н. П. Огаревым 1 августа 1860 г., конкретизирована и дополнена здесь требованиями изменения системы рекрутства, уничтожения паспортов, свободы преподавания, вероисповедания и совести; в статье разработаны вопросы финансирования областей, дана структура законодательных и исполнительных органов. Требование свободы Польши специально не указано, но оно подразумевается, поскольку речь идет о самостоятельности областей. О дальнейшем существовании царской власти Н. П. Огарев писал, что от самих императоров будет зависеть «мирно достигать тех идеалов, к которым Россия невольно будет стремиться». Это была дань либеральным иллюзиям.

⁶⁵ «Колокол» № 77—78, 1 августа 1860 года.

⁶⁶ «Колскол» № 89, 1 января 1861 года.

Статья «На новый 1861 год!» представляет собой развернутое изложение тех же идей и принципов, которые содержатся в рукописи Н. П. Огарева «Идеалы»⁶⁷. Даже слово «идеалы» употреблено в статье. В конце статьи Н. П. Огарев ясно намекает на необходимость решительных революционных действий для осуществления этой программы. Он писал: «В заключение мы только напомним, что обстоятельства делаются людьми, а не сами собой, по воле неведомых судеб»⁶⁸. Эта статья Н. П. Огарева содержит наиболее полное изложение программы общественного переустройства. В дальнейшем она стала теоретической основой для тайного общества «Земля и Воля».

Бурный размах крестьянского движения в ответ на реформу 1861 г., свирепое подавление царизмом крестьянского движения, выступления поляков в 1861 г. и студентов — этот суровый опыт классовой борьбы заставил А. И. Герцена и Н. П. Огарева, с одной стороны, освободиться от веры в возможность «самодержавной революции» и, с другой, — наглядно показал наличие в России революционного народа. В этих условиях «Колокол» уже прямо обращается к народу, интересы которого он неизменно защищал. Первым обращением непосредственно к народу явилась редакционная статья «Что нужно народу?»⁶⁹, распространявшаяся затем в России как прокламация и ставшая первой программой тайного общества «Земля и Воля».

Выведенные в ней требования не давали детальной картины будущего устройства, но они вытекали из развернутой программы преобразования общества, изложенной ранее в статье Н. П. Огарева «На новый 1861 год!». Вместе с тем отдельные первоочередные, особенно близкие крестьянам положения здесь конкретизировались и уточнялись. Для того, чтобы народ получил землю, волю, образование, заявлялось в статье «Что нужно народу?», необходимо: 1) объявить, что крестьяне свободны с той землей, которой они владеют, добавив при малоземелье из свободных или помещичьих земель; 2) всех крестьян обложить податью не более той, которую платили государственные крестьяне; 3) помещикам выплатить через казначейство вознаграждение в размере примерно 60 млн. руб. в год за счет государственных средств, без увеличения податей с крестьян; 4) если этих средств будет недостаточно, нужно сократить расходы на войско; 5) сократить расходы царя; 6) уничтожить чиновничество и заменить его выборными лицами, создать третейский суд и полицию из выборных лиц. Уплату податей осуществлять на основе круговой поруки, для облегчения которой создать мирской капитал; 7) подати и повинности должен собирать и раскладывать сам народ через своих выборных, взимать подати не с души, а с земли.

Как и прокламация Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам», статья «Что нужно народу?» (1861 г.) призывает не к немедленному восстанию (сигнал к которому, по прокламации Н. Г. Чернышевского, дает революционная организация), а к подготовке сил для общего одновременного выступления, призывает к сближению с войском и установлению связей с людьми, которые борются за интересы народа, «чтобы можно было умно, твердо, сильно, дружно и смело отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную, да правду человеческую».

В статье решительно подчеркивается, что народ не должен надеяться на царя. Осуществление этих требований возможно только в результате революционных действий самого народа. В ней детально разработан вопрос о крестьянском землевладении и организации местного управления, она призывает к борьбе против царя, но в плане будущего устройства

⁶⁷ На это ранее указывал Я. И. Линков. Указ. соч., стр. 115.

⁶⁸ «Колокол» № 89, 1 января 1861 года.

⁶⁹ «Колокол» № 102, 1 июля 1861 года.

все же предусматривается сохранение царской власти, ограниченной народом.

В этом отношении Н. П. Огарев сделал новый шаг вперед в разработке программных требований в статье «Ответ на ответ Великооруссу», где впервые задача ликвидации самодержавия выдвигается как первоочередная⁷⁰.

В конце 1861 г., в обстановке наибольшего размаха студенческого движения, «Колокол» еще раз сделал попытку использовать оппозиционность дворянства для осуществления широкой программы общественных преобразований, выдвинутых ранее.

В статье «Что нужно помещикам?» делается попытка использовать столкновение царя и помещиков, пытавшихся подать конституционный адрес. В ней говорится, что подобный адрес может быть принят царем лишь при условии поддержки народа, а эта поддержка возможна, если помещики выдвинут требования отмены переходного состояния, немедленного освобождения помещичьих крестьян при полных земельных наделах с взиманием с них обычных податей и вознаграждения помещикам из государственных доходов. Если эти требования будут удовлетворены, то из них, как неизбежное последствие, разовьется осуществление всей обширной программы преобразований, которая была изложена в «Колоколе» ранее.

Программа «Колокола» далеко не была исчерпана формулировкой трех требований, помещенных в первом его номере. Но исследователи и популяризаторы нередко выдают ее за постоянную, законченную программу «Колокола». Между тем программа расширялась, росла, углублялась. Показать это и являлось целью нашей статьи.

Анализ программы «Колокола» свидетельствует о том, что разработка ее основных положений началась вместе с изданием «Колокола». Дальнейшая ее разработка развертывалась под влиянием критики со стороны Н. Г. Чернышевского и других последовательных революционных демократов и под воздействием обострения классовой борьбы, нараставшей в России по мере развития революционной ситуации. Освобождение издателей «Колокола» от либеральных иллюзий имело большое значение для консолидации сил революционного лагеря, для идейного воспитания революционно-демократических кругов России.

А. И. Герцен чутьем революционера правильно оценил значение революционной печати, роль которой в создании революционной партии и сплочении всех политических сил, заинтересованных в преобразовании общественного строя, впоследствии, в другую эпоху, научно обосновал В. И. Ленин⁷¹.

«Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева занимал важное место в развитии русского революционного движения. В. И. Ленин подчеркивал, что «беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы»⁷².

«Колокол» сыграл важную роль в сплочении революционных сил. Его столетний юбилей является яркой знаменательной датой в истории русского революционного движения.

⁷⁰ «Колокол» № 108, 1 октября 1861 года.

⁷¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 369, 371, 384, 469.

⁷² В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 15.

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Статьи и обзоры

СТАТЬИ ПО НОВОЙ ИСТОРИИ В НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

И. А. Никитина

В научных изданиях университетов и педагогических институтов, вышедших в свет в 1945—1956 гг., опубликовано около ста работ по новой истории. В нашем кратком обзоре мы рассмотрим некоторые статьи, посвященные проблемам экономического развития, буржуазных революций, рабочего движения и внутренней политики в отдельных странах, а также истории внешней политики и международных отношений¹.

Одной из важных задач советских историков является исследование экономического развития отдельных стран. Такое изучение дает основу для более ясного понимания законов исторического развития и политической борьбы. К сожалению, вопросы экономической истории, судя по рецензируемым изданиям, еще не привлекли к себе необходимого внимания наших исследователей.

Весьма значительная часть статей, опубликованных в рецензируемых сборниках, посвящена истории буржуазных революций и прежде всего английской революции середины XVII века.

С. И. Архангельский в статьях «Английское крестьянство и его участие в революции 40—50-х годов XVII века», «Крестьян-

ское восстание в Англии в 1643 г.» и «Борьба крестьян за леса и другие богатства земли в 40-е годы XVII века в Англии»² исследует обширный новый документальный материал, характеризующий положение и борьбу крестьянства в годы буржуазной революции. Изучение положения, требований и борьбы английского крестьянства в то время является очень важным, так как аграрный вопрос был основным в английской буржуазной революции, а крестьянство составляло подавляющее большинство населения страны. Крестьянство с самого начала революции боролось за возвращение земель, огороженных лендлордами. Но отдельные выступления крестьян не были связаны между собой. Интересны сообщаемые С. И. Архангельским сведения о вспыхнувшем в 1643 г. восстании крестьян, рабочих рассеянных мануфактур и кустарей. Автор полагает, что это восстание — «ответ народа, пострадавшего от грабежей эпохи первоначального накопления и оказавшегося в безвыходном положении благодаря экономической депрессии, лишившей его заработка от ткацкого, прядильного и других промыслов»³. В указанных статьях С. И. Архангельского не получил, однако, освещения вопрос о дифференциации английского крестьянства. Между тем его изучение позволило бы значительно полнее раскрыть роль крестьянства на разных этапах английской революции.

Большой интерес представляет статья С. И. Архангельского «Экономика Англии и

² «Ученые записки» Горьковского государственного университета. Вып. 13, 1947; вып. XVIII, 1950; вып. XXVI, 1954.

³ «Ученые записки» Горьковского государственного университета. Вып. XVIII, 1950, стр. 135.

¹ В данном обзоре не освещаются опубликованные высшими учебными заведениями сборники статей, уже подвергшиеся рецензированию в исторических журналах. Например, рецензия на «Ученые записки» кафедры истории нового времени Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина (т. XIV, вып. 1, 1951; т. XXV, вып. 2, 1953) опубликована в журнале «Вопросы истории», 1955, № 4; рецензия на сборник «К столетию революции 1848 года» кафедры новой истории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова опубликована в журнале «Советская книга», 1950, № 3.

экономические проблемы английской буржуазной революции XVII века»⁴. Анализируя положение в хозяйствах кентского помещика Тоука и епископского манора Горн-си, автор показывает на этом частном примере, что накануне революции феодальное землевладение в Англии тесно переплеталось с элементами капитализма.

В статье Г. Р. Левина «Вопрос о всеобщем избирательном праве на Пётнейской конференции»⁵ дан тщательный разбор борьбы между индепендентами и левеллерами, развернувшейся в Пётни. Автор справедливо отмечает, что под влиянием народных масс индепенденты в 1648 г. отказались от защиты монархии и стали требовать установления республики. Однако Г. Р. Левин упускает из виду то, что индепенденты стали поддерживать весьма популярное в народе требование установления республики в значительной степени для того, чтобы обеспечить себе руководящую роль в революции. Автор характеризует левеллеров как радикальных буржуазных демократов XVII в., представлявших интересы мелких торговцев, ремесленников, копигольдеров, плебейских элементов города и беднейшего крестьянства, которые двигали революцию вперед (стр. 219, 227). В такой оценке взглядов и деятельности левеллеров есть некоторая тенденция к преувеличению степени их народности. Автор избежал бы этого, если бы более последовательно показал мелкобуржуазную ограниченность взглядов левеллеров, а также и то, в какой степени их взгляды соответствовали интересам широких народных масс.

Борьбе левеллеров против индепендентской республики посвящена статья Я. А. Левицкого «Индепендентская республика и майское восстание левеллеров в армии в 1649 году»⁶. Эта тема является составной частью сложного вопроса о борьбе народных масс и буржуазных демократов за дальнейшее углубление революции после установления индепендентской республики. Я. А. Левицкий в известной мере дает ответ на вопрос о причинах неудачного исхода этой борьбы. Несомненно, автор прав, доказывая, что борьба левелле-

ров против индепендентской республики при всех свойственных левеллерам мелкобуржуазных иллюзиях выражала «глубокую неудовлетворенность народных масс, городского и сельского плебейства, крестьянства, мелкой буржуазии города и отчасти радикальной средней буржуазии политикой индепендентов...» (стр. 31). В статье выявляется мелкобуржуазная ограниченность взглядов левеллеров и дается анализ причин, хода и результатов поднятого левеллерами в мае 1649 г. восстания в армии. Этот материал Я. А. Левицкий использовал в дальнейшем в главе «Борьба левеллеров и диггеров за углубление революции» в коллективном труде «Английская буржуазная революция XVII века» (Т. I. АН СССР. 1954).

Ю. М. Сапрыкин в статье «К вопросу об отношении левеллеров к борьбе классов за землю»⁷, анализируя классовую сущность аграрных требований левеллеров, приходит к правильному выводу, что левеллеры не распространяли на поземельные отношения те революционные идеи о естественных правах человека и суверенитете народа, при помощи которых они обосновывали свои прогрессивные требования о формальном равенстве всех перед законом, о демократизации государственного строя и суда, об установлении свободы торговли, совести и т. д. (стр. 78—79). Автор считает, что некоторые советские историки, в том числе С. И. Архангельский и Г. Р. Левин, идеализируют левеллеров, ошибочно видят в них выразителей интересов народа. Несомненно, такой упрек имеет некоторые основания. Но Ю. М. Сапрыкин упускает из виду, что борьба левеллеров за буржуазно-демократическую республику в определенной степени соответствовала интересам широких трудящихся масс.

И. С. Кон в статье «Политические воззрения Джона Мильтона»⁸ уделяет главное внимание выявлению противоречивости и непоследовательности взглядов Мильтона, но мало освещает их прогрессивное содержание. Автор явно преувеличивает, утверждая, что анализ взглядов Мильтона содействует разоблачению идеологии современной империалистической буржуазии. Не следует забывать того, что взгляды

⁴ Там же.

⁵ «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Кафедра новой истории. Т. 62. 1948.

⁶ «Ученые записки» Московского областного педагогического института. Т. 16. 1950.

⁷ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1951. № 4.

⁸ «Ученые записки» Вологодского государственного педагогического института. 1. 9. 1951.

английской буржуазии и обуржуазившегося дворянства, боровшихся накануне и в годы буржуазной революции против феодально-абсолютистского строя, существенно отличались от крайне реакционной идеологии английской финансовой олигархии эпохи империализма. Автору не удалось также достаточно четко определить, к какой группировке внутри блока буржуазии и обуржуазившегося дворянства принадлежал Мильтон.

В статье А. С. Самойло «Ограбление Ирландии Англией в 50-х годах XVII века»⁹ ярко показано ограбление ирландского народа английскими колонизаторами и пагубное влияние завоевания Ирландии на развитие английской буржуазной революции. Статья А. С. Самойло хорошо документирована; автор использует такие ценные источники, как «*Journal of the House of Commons*», «*Clarendon State Papers*», «*Thurloe State Papers*», «*The Writings and Speeches of Oliver Cromwell (Abbot)*» и др. Недостатком статьи является то, что захватническая политика Англии в годы буржуазной революции мало связывается с потребностями экономического развития страны. Автор не считает нужным даже упомянуть о том, что колониальные захваты Англии в то время являлись одним из методов первоначального накопления капитала. Материалы рецензируемой статьи А. С. Самойло в дальнейшем были подвергнуты им углубленному анализу и успешно использованы в XIV главе I тома коллективного труда «Английская буржуазная революция XVII века».

Ю. М. Сапрыкин в обстоятельной статье «Английская колонизация графства Уэксфорд в Ирландии в начале XVII века»¹⁰ тщательно изучает вопрос о конфискации английской короной земель у ирландских кланов в графстве Уэксфорд и о заселении его английскими колонизаторами. Это небольшое по размерам исследование дает интересный новый материал о размерах и методах осуществления английскими колонизаторами экспроприации ирландцев, являвшейся одним из существенных моментов первоначального накопления капитала в Англии в предреволюционные годы.

Большой интерес представляют статьи В. М. Лавровского под общим названием

«Некоторые спорные вопросы английской буржуазной революции XVII века»¹¹. Автор изложил свой взгляд на такие сложные вопросы, как происхождение parceliarной собственности йоменри и их роль в английской буржуазной революции. Публикация подобного рода статей, посвященных спорным проблемам новой истории, весьма желательна.

Сказанное выше дает основание утверждать, что советские историки ведут упорную и плодотворную работу, изучая такие важные проблемы, как положение и роль английского крестьянства в буржуазной революции середины XVII в., борьба народных масс за углубление этой революции, классовая сущность общественно-политических взглядов ее деятелей, борьба политических партий, захватническая политика господствующих классов Англии в то время. Серьезным вкладом в изучение английской буржуазной революции середины XVII в. является разработка советскими историками ряда сложных вопросов истории аграрного развития Англии. Эти вопросы почти не привлекали внимания буржуазных исследователей, ограничивавшихся лишь изучением политической истории английской буржуазной революции. Между тем изучение аграрного развития Англии XVII в. глубже раскрывает закономерность гибели феодализма и победы капитализма, выявляет особенности победы капиталистической общественно-экономической формации в Англии.

Советская историческая наука располагает рядом серьезных исследований, посвященных истории Французской буржуазной революции конца XVIII века. Однако изучение многих важных проблем этой революции продолжает оставаться настоятельно необходимым. К их числу относится дальнейшее изучение требований, борьбы и роли плебейских «низов» в этой революции. Крайне отрицательно оценивая революционную борьбу плебейских «низов», буржуазные историки преднамеренно игнорировали ее изучение. Важность изучения этой проблемы определяется тем, что она позволит глубже раскрыть характер революции, так и тем, что французский пролетариат того времени является предшественником героического рабочего класса Франции, обладающего великими революционными традициями.

⁹ «Ученые записки» Московского областного педагогического института. Т. 16. 1950.

¹⁰ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1955. № 11.

¹¹ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1954. № 1; 1955. № 1.

Изучению требований и борьбы плебейских «низов» во Французской буржуазной революции конца XVIII в. посвящена содержательная статья В. С. Алексеева-Попова «История основания «Социального кружка»»¹², которая является сокращенным вариантом одной из глав его монографии о деятельности «Социального кружка». Используя обширный материал, в том числе «Акты Парижской Коммуны во время революции», газеты «Bouche de fer» и «Moniteur», В. С. Алексеев-Попов дает в этой статье интересный анализ взглядов Бонвилля и Клода Фоме, сообщает новый материал, относящийся к образованию «Социального кружка», сыгравшего важную роль в развитии коммунистической идеи. Результаты дальнейших исследований этой проблемы опубликованы автором в статье ««Социальный кружок» и его политические и социальные требования» (см. сборник «Из истории социально-политических идей». М. 1955).

Изучению революционной борьбы народных масс посвящена также статья В. Д. Марковой «Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 г.— 29 мая 1793 г.)»¹³. В ней показана слабо освещенная в исторической литературе борьба лионских клубов за повышение заработной платы, упорядочение финансовой системы, а также борьба народных масс Лиона за введение всеобщего максимума. Автор доказал, что «Лион стал одним из первых городов, пытавшихся осуществить максимум внутренними силами, и инициатором этой борьбы за максимум в республиканском масштабе» (стр. 21). Приводится материал, раскрывающий борьбу Центрального лионского клуба за создание революционной армии и за учреждение революционного трибунала.

В «Трудах» Тбилисского государственного университета (т. 55, 1954) опубликована статья А. Наморадзе «Доклад и проект Шарля Дантона о ликвидации общинных земель во Франции, представленный им в 1792 г. в Комитет земледелия». Автор приходит к обоснованному выводу, что Шарль Дантон выражал интересы сельской буржуазии и разделял воззрения физиократов.

Внешняя политика якобинской республики оставалась в значительной мере вне поля зрения буржуазных и советских исследователей. Между тем изучение ее необходимо для более правильного и глубокого понимания борьбы различных политических течений в якобинском блоке. Ей посвящено несколько ценных статей А. Л. Нарочницкого, представляющих собой главы его неопубликованной монографии. Так, в статье «Крушение дипломатии Дантона в июне — июле 1793 г.»¹⁴ на основе многочисленных источников показано, что внешнеполитические планы Дантона определялись его программой в области внутренней политики. Обосновано утверждение автора о том, что во второй половине 1793 г. дантоны выражали интересы «новой спекулятивной буржуазии и финансистов, обогащавшихся в ходе революции, жаждавших мира, защиты собственности и предотвращения крайних революционных мер...» (стр. 16).

В статье «Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 года»¹⁵ А. Л. Нарочницкий дает анализ борьбы робеспьеристов, эбертистов и дантонистов по вопросам внешней политики в июле — сентябре 1793 года. Автор рассматривает внешнеполитическую программу каждой из политических группировок якобинского блока в тесной связи с их программой в области внутренней политики. В статье показано, что «революционная мелкая буржуазия и плебейство не имели своих завоевательных стремлений и материальных, захватнических интересов вне Франции» (стр. 69). Народные массы Франции хотели путем войны à outrance «защищать свое революционное отечество, сломить сопротивление богатых собственников и обеспечить торжество связанной с интересами народных масс мелкобуржуазной демократии с уравнительными порядками в духе требований плебейства» (стр. 79). Большой интерес представляет данная автором в той же статье характеристика требования борьбы за «всемирную республику», выдвигавшегося во Франции в 1793 г. иностранными революционерами-эмигрантами (Клоотц и другие).

¹² «Труды» Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова. Т. 144. Серия исторических наук. Вып. 4. 1954.

¹³ «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Кафедра истории нового времени. Т. LVIII. Вып. 2. 1949.

¹⁴ «Доклады и сообщения» исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Вып. 6. 1947.

¹⁵ «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Кафедра истории нового времени. Т. LVIII. Вып. 2. 1949.

Падению диктатуры якобинцев содействовал, в частности, раскол среди них и обострение борьбы между различными группами якобинцев по вопросам внешней политики. Эти важные для правильного понимания классовой сущности якобинской диктатуры и причин переворота 9 термидора вопросы тщательно разобраны А. Л. Нарочницким в другой его статье, «Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г.»¹⁶. В этой статье правильно определяется значение борьбы робеспьеристов с эбертистами и дантонистами по вопросам внешней политики: борьба эта была весьма упорной; она содействовала расколу якобинского блока, хотя и не явилась его главной причиной. Решающее значение в расколе якобинцев имели глубокие разногласия между ними по вопросам внутренней политики. В свою очередь, эти разногласия были обусловлены тем, что в якобинский блок входили социальные группы с противоречивыми стремлениями, по-разному понимавшие конечную цель революции и расходившиеся в своих идеалах будущего общественно-политического строя. Приводимые в статье материалы убеждают в том, что в марте 1794 г. «главные разногласия эбертистов с робеспьеровским комитетом касались внутренней политики» (стр. 123). Правильным является также утверждение автора о том, что капитулянтская внешнеполитическая программа дантонистов не была основной причиной борьбы дантонистов и робеспьеристов. Все указанные статьи А. Л. Нарочницкого о внешней политике якобинской республики представляют большой интерес для всех, изучающих историю якобинской диктатуры.

В некоторых статьях, посвященных истории Французской буржуазной революции конца XVIII в., освещается борьба против нее контрреволюционных правительств европейских держав и римской католической церкви. Такова статья Г. Кигурадзе «Англия и французская буржуазная революция»¹⁷. Автор правильно определяет цели Англии в войне против революционной Франции и указывает, что английская буржуазия и землевладельцы были в то время душой контрреволюционной коалиции.

Контрреволюционная деятельность папы Пия VI и католической церкви хорошо показана в статье М. Я. Домнича «Римский папа и революция во Франции в период 1789—1791 гг.»¹⁸. Автор отмечает, что папа Пий VI и католическая церковь «уже с момента провозглашения Национального Собрания заняли резко враждебную позицию в отношении всех без исключения реформ, как церковных, так и политических» (стр. 96).

Интересная статья В. И. Ивашкевич «Прогрессивные польские публицисты второй половины XVIII века»¹⁹ освещает слабо изученные ранее взгляды представителей польского просвещения — Станислава Сташица, Гуго Коллонтай, Францишека Езерского. В ней показано, что эти представители шляхетско-буржуазной прогрессивной идеологии «выступали против неограниченного господства шляхты, связывали борьбу за установление независимой и сильной Речи Посполитой с решением социальных вопросов, с улучшением положения крестьянства и городского населения» (стр. 53). Усиление внимания наших исследователей к важным проблемам истории Польши, в том числе к истории революционной борьбы польского народа и к идеологии польских прогрессивных деятелей является весьма желательным.

Таким образом, проблемы буржуазных революций в европейских странах нашли широкое отражение на страницах научных изданий высших учебных заведений. К сожалению, историки нового времени до сих пор еще мало изучают буржуазные революции в странах американского континента. Между тем огромное научно-политическое значение указанной тематики не подлежит сомнению. В рецензируемых сборниках почти нет статей, посвященных истории буржуазных революций этих стран. Можно указать на статью Н. М. Лаврова «Аграрный вопрос в мексиканской революции 1910—1917 годов»²⁰. Статья хорошо документирована, содержит интересный материал. Автор доказывает, что главным содержанием революции была борьба крестьянства против помещиков, за уничтоже-

¹⁸ «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института. Кафедра новой истории. Т. 62. 1948.

¹⁹ «Вестник» Ленинградского государственного университета. Т. 8. 1956.

²⁰ «Доклады и сообщения» исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Кн. 10. 1950.

¹⁶ «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Т. 37. Вып. 3. 1946.

¹⁷ «Труды» Тбилисского государственного университета. Т. 55. 1954.

ние латифундий; однако эта борьба не привела к победе, так как мексиканская буржуазия, связанная с помещиками, не могла повести крестьянство на борьбу за революционное разрешение аграрного вопроса, мексиканский же пролетариат был еще слаб. Обоснованным является вывод Н. М. Лаврова о том, что разрешение аграрного вопроса в Мексике тесно связано с борьбой мексиканского народа за национальную независимость.

Значительная часть опубликованных в рецензируемых сборниках статей посвящена изучению истории рабочего движения. Внимание авторов привлекают различные проблемы истории рабочего движения: положение рабочего класса в отдельных странах, его революционная борьба, общественно-политические взгляды и деятельность виднейших представителей рабочего движения, критика мелкобуржуазных и ревизионистских идей.

Обращают на себя внимание статьи М. И. Фримана, посвященные истории берлинского пролетариата второй половины 40-х годов XIX века. Существенное научное значение имеет его статья «Критический обзор источников и литературы о берлинском пролетариате накануне революции 1848 года»²¹. Используя обширный документальный материал, автор вскрывает недостатки прусских статистических таблиц второй половины 40-х годов XIX в. и показывает, что в них преуменьшена степень развития наемного труда и, следовательно, смягчены классовые противоречия. В статье освещается сложный и почти не изученный ранее вопрос о развитии промышленного переворота в Пруссии, о его конкретном проявлении в Берлине, а также о формировании берлинского промышленного пролетариата. Автор убедительно показывает, что к концу 40-х годов XIX в. «центр тяжести берлинской экономики еще находился в промежуточной сфере мануфактурного производства, все более и более приближаясь к фабричной стадии» (стр. 26).

Обстоятельна статья того же автора «Материальное положение берлинских рабочих накануне революции 1848 г.»²². Раз-

работка этого, также ранее почти не изученного вопроса необходима для более углубленного понимания роли рабочего класса в революции 1848 года. Автором использованы разнообразные по своему характеру источники и исследования, в том числе новые материалы, например, опубликованные за последние годы в Германской Демократической Республике: сборник документов «Берлинская жизнь в 1806—1847 гг. Воспоминания и отчеты» (Берлин. 1954), исследование В. Шульце «Детский и женский труд в предмартовской Пруссии» и другие. Важным является выдвинутое М. И. Фриманом положение о том, что начало промышленного переворота в Германии «принесло с собой распространение интенсивных форм эксплуатации наряду с весьма значительным дальнейшим усилением экстенсивных форм эксплуатации» (стр. 58). В свете приведенных автором данных неоспоримым является его утверждение о том, что «в Берлине накануне революции уже возникло ядро фабрично-заводского пролетариата» (стр. 71). Накануне революции 1848 г. берлинские рабочие получали «при максимальном рабочем дне минимальную заработную плату» (стр. 94). Это побуждало рабочих многих профессий в ходе революции разворачивать стачечную борьбу с целью сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Данная статья раскрывает полную несостоятельность точки зрения ряда буржуазных исследователей, выразившуюся в отрицании ими обострения классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом накануне революции и в отрицании того, что пролетариат представлял собой тогда революционную силу.

В статье «Стефан Борн, как выразитель экономистской тенденции в рабочем движении Германии в 1848—1849 гг.»²³ М. И. Фриман пришел к правильному выводу, что «направление Борна выражало собой ранний экономизм в германском рабочем движении» (стр. 20) и что Борн был одним из первых представителей «реформистской тенденции в германском рабочем движении» (стр. 21).

Содержательна статья А. М. Миркинда «Лейпцигский процесс 1872 г. над руководителями германской социал-демократической партии А. Бебелем и В. Либкнех-

²¹ «Ученые записки» Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского. Вып. VII. 1945.

²² «Ученые записки» Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского. Вып. XXII (XXXII). 1957.

²³ «Ученые записки» Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского. Вып. VII. 1945.

том»²⁴. Автор показывает не освещенную ранее в исторической литературе борьбу выдающихся деятелей германского рабочего движения во время Лейпцигского процесса. Вопреки расчетам буржуазии и юнкерства, которые стремились скомпрометировать социал-демократическую партию, судебный процесс содействовал дальнейшему распространению в Германии марксизма. Важный материал, характеризующий острую классовую борьбу в Германии летом 1871 г., дает А. М. Миркин и в статье «К вопросу об агитации германской социал-демократической партии за закон о десятичасовом рабочем дне (лето 1871 г.)»²⁵.

В статье Я. Р. Волина «Дрезденский партийный съезд и борьба с ревизионизмом в немецкой социал-демократии (1898—1903 гг.)»²⁶ освещается значение борьбы В. И. Ленина против оппортунизма в германском рабочем движении и дана оценка заслуг и ошибок «левых» в германской социал-демократической партии. Однако автор склонен ошибочно рассматривать возникновение ревизионизма лишь как следствие смерти Ф. Энгельса. Я. Р. Волин, к сожалению, не учел в этой статье анализ причин возникновения оппортунизма, данный В. И. Лениным в статьях «Марксизм и ревизионизм», «Разногласия в европейском рабочем движении» и др.

В статье И. Д. Белкина «К вопросу о соединении рабочего движения с социализмом во Франции»²⁷ использован богатый документальный материал, в том числе газета «Egalité» и «Séances du Congrès ouvrier en France 1876». В статье сообщаются новые сведения о деятельности Жюль Геда во второй половине 70-х годов XIX века. И. Д. Белкин впервые приводит данные, свидетельствующие о том, что на идейное развитие Ж. Геда большое влияние оказали взгляды Н. Г. Чернышевского. Недостатком статьи является то, что в ней обойден вопрос об объективных условиях, в которых стало возможным распространение марксизма во французском рабочем движении. Можно сказать, что И. Д. Белкин

несколько переоценил личную роль Ж. Геда в распространении марксизма во Франции; трудно согласиться с одним из основных положений статьи, будто Ж. Гед «подготовил условия для слияния социалистического и рабочего движения» (стр. 7). Эта концепция нашла отражение в известной монографии И. Д. Белкина «Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции» (М. 1952), частично включающей материалы названной статьи. В действительности условия для распространения марксизма во Франции возникли в первую очередь в результате обострения классовой борьбы в период постепенного перехода капитализма в империалистическую стадию развития. И. Д. Белкин почти не уделит внимания проблеме абсолютного и относительного обнищания французского рабочего класса, проблеме интенсификации труда рабочих, влиянию разгула политической реакции на рост революционных настроений среди рабочих.

Безвременная кончина автора прервала его работу над дальнейшей разработкой этой темы и подготовкой II тома его труда. Спорный характер некоторых выдвинутых И. Д. Белкиным положений не лишает ценности его монографию, являющуюся большим и серьезным исследованием.

Тщательно подготовлена статья Ю. Г. Трунского «Позиция французских социалистов в крестьянском вопросе в конце XIX века»²⁸. При разработке этой не исследованной ранее темы автор изучил социалистическую прессу, стенографические отчеты и протоколы конгрессов французских социалистов, произведения руководителей социалистического движения и другие источники. В статье обстоятельно анализируются позиции гедистов, радикал-социалистов и жоресистов в отношении крестьян; автор обоснованно критикует серьезные теоретические и тактические ошибки французских социалистов в их борьбе за французское крестьянство в последней четверти XIX века.

В статье А. А. Трембицкой «Объединенная социалистическая партия и военная опасность во Франции накануне первой мировой войны (1912—1913 гг.)»²⁹ использован обширный материал, в том числе

²⁴ «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. XVI. 1955.

²⁵ «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. VI. 1953.

²⁶ «Ученые записки» Молотовского государственного университета. Т. V. Вып. 2. 1947.

²⁷ «Доклады и сообщения» исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Кн. 10. 1950.

²⁸ «Ученые записки» Казанского государственного педагогического института. Вып. II. 1956.

²⁹ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1951. № 1.

газета «Humanité», протоколы конгрессов в Лиможе и в Нанси и др. Автор рассматривает борьбу течений в объединенной социалистической партии, правильно оценивает деятельность Ж. Гедда, выясняет значение борьбы В. И. Ленина против эрвеизма, наконец, хорошо показывает глубокий кризис, который переживала объединенная социалистическая партия накануне первой мировой войны.

Важной теме посвящена статья Р. Ю. Энгельгардта «Анархо-синдикализм — злейший враг рабочего движения Франции (1890—1914 гг.)»³⁰. Однако ограниченный круг источников и слишком широкие хронологические рамки статьи придали ей характер беглого обзора. Автор без достаточного основания утверждает, что «главный вред анархо-синдикализма заключается в том, что он в первую очередь был направлен против вооруженной борьбы пролетариата, против вооруженного победоносного восстания рабочего класса» (стр. 164). Автор отодвигает на задний план отрицание анархо-синдикалистами политической борьбы, диктатуры пролетариата, централизованной пролетарской государственной власти. Р. Ю. Энгельгардт не использовал той обстоятельной критики анархо-синдикализма, какая была дана в ряде трудов марксистских авторов.

Обстоятельно критикует фабианский социализм Н. Ф. Мочульский в статье «Фабианское общество в период его основания (1884—1889 гг.)»³¹. Фабианское общество 80-х годов XIX в. и взгляды его виднейших деятелей не были ранее достаточно изучены. Н. Ф. Мочульский внимательно исследует «Fabian Essays in Socialism» и работу С. Уэбба «Socialism in England». Он знакомит читателя со взглядами и деятельностью руководителей фабианского общества. Бесспорно утверждение автора о том, что «разные пути привели каждого из эссеистов к фабианскому движению», но что «все они были представителями мелкобуржуазной интеллигенции, идеологиями мелкобуржуазного социализма, противниками марксизма и идей пролетарского революционного социализма» (стр. 7). Содержащаяся в работе Н. Ф. Мочульского критика и разоблачение научной несостоятельности фабианского социализма, в

частности идеалистических взглядов фабианцев на основные проблемы исторического развития, помогают глубже понять особенности современного английского дейборизма.

Буржуазно-демократическая революция 1905 г. в России имела большое международное значение. Она содействовала усилению революционной тенденции в рабочем движении многих стран и интернациональной солидарности пролетариата различных стран, ярко показала ведущую роль русского пролетариата в международном рабочем движении. Заслугой историков нового времени является то, что за последние годы они уделили большое внимание изучению вопроса о влиянии революции 1905 г. на рабочее движение европейских стран. Следует отметить, что еще в 40-х годах эта важная тема была слабо изучена.

Влияние первой русской революции на австрийское рабочее движение освещает Р. С. Мнухина в статье «Отклики в Австрии на события 9 января 1905 г. в Петербурге»³². В статье хорошо использованы протоколы австрийского парламента, газета «Neue Freie Presse» за 1905 г.; привлечены материалы Архива внешней политики России. Р. С. Мнухина показывает подъем политической активности народных масс в Австрии, Чехии и Галиции, вызванный в первую очередь обострением классовой борьбы и усилением национально-освободительного движения в Австро-Венгрии в эпоху империализма, а также глубоким влиянием первой русской буржуазно-демократической революции.

Революционной борьбе венгерского рабочего класса в начале XX в. посвящена хорошо документированная и представляющая значительный научный и политический интерес статья И. Бабирак «Влияние первой русской революции на венгерское рабочее движение»³³. Автор приводит яркие данные о положении венгерского рабочего класса в начале XX в. и характеризует его состав. Статья дает обширный новый материал о влиянии первой русской революции на забастовочное и национально-освободительное движение в Венгрии. Автор показывает, как под влиянием ре-

³⁰ «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. XVI. 1955.

³¹ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1948. № 7.

³² «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Вып. XVII. 1950.

³³ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1956. № 1.

волюционных событий в России активизировались левые элементы в социал-демократической партии Венгрии.

И. А. Яков и И. Н. Иотов в статье «Влияние первой русской революции на рабочее движение в Болгарии»³⁴ отмечают, что революция 1905 г. в России содействовала усилению болгарского движения. Авторы приходят к выводу, что большая часть стачек в 1905—1907 гг. в Болгарии носила организованный массовый наступательный характер и завершилась полным или частичным успехом рабочих. К сожалению, экономические причины бурного нарастания стачечного движения в Болгарии в начале XX в. остались в этой статье почти невыясненными. Статья значительно выиграла бы, если бы в ней был приведен материал о положении болгарских рабочих, о составе болгарского рабочего класса в начале XX века. Здесь можно указать также на интересную статью И. Н. Частухина «Развитие капитализма в Болгарии в конце XIX века»³⁵. Автор показывает, как турецкий военно-феодальный режим сдерживал развитие болгарской промышленности. Он отмечает, что капиталистическое развитие Болгарии тормозилось также неравноправными договорами, навязанными ей западными державами. В статье И. Н. Частухина показано огромное значение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для освобождения Болгарии от турецкого ига и ликвидации в стране феодальных производственных отношений, содержится обширный фактический материал, характеризующий развитие капитализма в Болгарии в конце XIX века. Материалы этой статьи были затем использованы автором в соответствующей главе I тома коллективного труда «История Болгарии» (АН СССР. 1954).

Анализ положения и борьбы румынских крестьян в 1905—1907 гг. дается А. Э. Новаком в статье «К вопросу о влиянии первой русской революции 1905—1907 гг. на крестьянское восстание 1907 г. в Румынии»³⁶. Автор опровергает несостоятельную точку зрения буржуазных историков на причины и характер восстания 1907 г. и на основе большого документального материала воссоздает трагическую картину

положения румынского крестьянства в начале XX века. Он доказывает, что восстание было вызвано малоземельем, жестокой эксплуатацией и политическим бесправием крестьян. Несмотря на горячее сочувствие крестьянам, в целом рабочий класс Румынии не поднялся на борьбу вместе с ними против буржуазно-помещичьего строя. Автор правильно объясняет отсутствие в то время союза между рабочим классом и крестьянством относительной слабостью румынского пролетариата, выразившейся, в частности, в отсутствии в Румынии революционной марксистской партии. А. Э. Новак отмечает, что рабочий класс Румынии не оказал тогда решительной поддержки восставшим крестьянам также «в результате предательской политики оппортунистов» (стр. 99).

И. Д. Очак в статье «Положение и борьба рабочего класса Сербии в период 1905—1907 годов»³⁷ доказывает, что русская революция 1905 г. оказала большое влияние на Сербию, где в начале XX в. еще не были разрешены задачи буржуазно-демократической революции. Первая русская революция «послужила толчком для подъема массового рабочего движения в Сербии, что имело большое значение для роста и сличения рабочих организаций и усиления борьбы трудящихся за свои экономические и политические права» (стр. 134). В статье впервые приводится фактический материал о положении различных категорий сербского рабочего класса в начале XX в. и о борьбе сербских рабочих против жестокой эксплуатации. И. Д. Очак вскрывает внутренние причины, обусловившие подъем революционной борьбы сербских рабочих в 1905—1907 годах.

Из статей, посвященных влиянию революции 1905 г. на рабочее движение европейских стран, менее удачной представляется статья Р. Ю. Энгельгардта «Революция 1905 г. в России и кризис идеи анархо-синдикалистской всеобщей стачки во Франции»³⁸. Автор показывает, что под влиянием революционной борьбы в России в 1905 г. идеологи анархо-синдикализма должны были признать возможность применения всеобщей стачки с политическими требованиями, которые они всячески стре-

³⁴ Там же.

³⁵ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1953. № 7.

³⁶ «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. XXI. 1956.

³⁷ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Т. I. 1956.

³⁸ «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. XXI. 1956.

мились ограничить (стр. 106). Правильным является утверждение автора, что революция 1905 г. в России «пошатнула позиции анархо-синдикализма в рабочем движении Франции, нанесла серьезный удар по этому оппортунистическому течению» (стр. 109). Однако в статье не нашел отражения важный вопрос о вызревающих во Франции внутренних причинах, постепенно подрывавших влияние анархо-синдикализма. Критика вреднейшей для рабочего класса теории и тактики анархо-синдикализма дана здесь также весьма поверхностно.

Революция 1905 г. в России не только содействовала усилению революционной тенденции в международном рабочем движении, но оказала также влияние на передовую интеллигенцию ряда стран. Влиянию первой русской буржуазно-демократической революции на передовую французскую интеллигенцию посвящена статья Л. М. Кантора «Деятельность «Общества друзей русского народа и присоединенных к России народов» в Париже в годы первой русской революции»³⁹. Используя в основном прессу того времени, автор приводит веские доказательства в пользу того, что в 1905 г. «во Франции в противовес реакции образовался как бы единый фронт всех прогрессивных сил, призванных оказывать моральную и материальную помощь русскому народу в его титанической борьбе с царским самодержавием» (стр. 8). Л. М. Кантор правильно отмечает, что главным участником движения солидарности с героическим русским народом был в то время французский промышленный пролетариат.

Изучение истории социалистических идей и развития научного коммунизма является исключительно важной задачей советских историков. Оно помогает глубже понять великую революционную силу марксизма, раскрывает всемирно-историческое значение революционной борьбы пролетариата за свое освобождение, помогает героической борьбе трудящихся нашей Родины за построение коммунизма. К сожалению, эта важнейшая в политическом и научном отношении тематика нашла очень слабое отражение в рецензируемых сборниках. Число статей, посвященных этой тематике, крайне незначительно. Теорети-

ческий уровень их не всегда достаточно высок. Мало также опубликовано статей, посвященных истории Первого и Второго Интернационалов.

В статье «Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса за единство Германии в 40-х годах XIX века»⁴⁰ Н. И. Циулин показывает, что борьба К. Маркса и Ф. Энгельса за революционный путь объединения Германии имела огромное значение для международного рабочего движения. Автор идет по правильному пути, стремясь показать борьбу основоположников марксизма за объединение Германии в тесной связи с их выступлениями против различных ошибочных взглядов по этому важнейшему вопросу, которых придерживались братья Бауэры, М. Гесс, Гейнцен, Штирнер, Вейтлинг.

Правильно изложены взгляды Ф. Энгельса на вооруженное восстание как средство борьбы рабочего класса за свое освобождение в статье Г. С. Гунько «Фридрих Энгельс о вооруженном восстании и вооруженных силах пролетарской революции»⁴¹.

Не удовлетворяет читателя научный уровень статьи Н. И. Немакова «Великое содружество К. Маркса и Ф. Энгельса»⁴². Уделив главное внимание личным взаимоотношениям К. Маркса и Ф. Энгельса, автор отодвинул на второй план вопрос о творческом содружестве основоположников научного социализма. Он не раскрыл значения трудов, совместно написанных К. Марксом и Ф. Энгельсом. Недостатком статьи является и то, что в ней не рассматривается вопрос об объективных условиях, в которых стало возможным открытие законов общественного развития и возникновение научного социализма, а также не учитывается в должной мере положение о том, что возникновение марксизма являлось революционным переворотом в науке. При этом Н. И. Немаков ограничился использованием в этой статье давно известных фактов.

Представляет научный интерес опубликованная Р. Ш. Тагировым статья «Из истории русской секции международного това-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1951. № 1.

⁴² «Вестник» Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 1952. № 1.

³⁹ «Ученые записки» Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского. Вып. XXII (XXXII). 1957.

рищества рабочих»⁴³. В советской исторической литературе деятельность русской секции МТР была ранее слабо освещена. Р. Ш. Тагиров использовал важные источники, в том числе газеты «Народное дело», «Suisse radicale», «L'Egalité», ежемесячник «Der Vorbote» и другие. Большое положительное значение имела борьба руководимой К. Марксом русской секции Первого Интернационала как против бакунизма, так и против реакционного панславизма и русского самодержавия. Этой борьбе автор уделяет в своей статье значительное внимание. Интересен сообщаемый автором материал, освещающий борьбу революционных эмигрантов во главе с Н. И. Утиным совместно с швейцарскими секциями Первого Интернационала против реакционных действий швейцарского федерального правительства, которое в 1872 г. предприняло репрессии против находившихся в Швейцарии деятелей Интернационала. Заслуживает внимания содержащийся в статье материал об участии русской секции МТР совместно с другими секциями в организации и руководстве стачками в Швейцарии.

М. Н. Свердлова в статье «Создание секции Первого Интернационала в Бельгии и начало ее деятельности (1865—1866 гг.)»⁴⁴ дает насыщенный яркими фактами обзор социально-экономической и политической жизни Бельгии в 60-х годах XIX в., освещает положение и борьбу бельгийского рабочего класса. В статье подробно говорится о роли К. Маркса в создании бельгийской секции Интернационала.

Проблемы внутренней политики европейских и американских стран в новое время мало привлекают к себе внимание наших исследователей. Это объясняется отчасти плохой доступностью соответствующих источников.

В. А. Дунаевским опубликованы статьи «Борьба партий в Национальном собрании и выработка французской конституции 1875 года»⁴⁵ и «К вопросу о принятии французской конституции 1875 г. в Национальном собрании»⁴⁶. В этих статьях пока-

⁴³ «Ученые записки» Казанского государственного педагогического института. Вып. II. 1956.

⁴⁴ «Ученые записки» Псковского государственного педагогического института. 1954.

⁴⁵ «Доклады и сообщения» исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Кн. 10. 1950.

⁴⁶ «Труды» Воронежского государственного университета. Т. XXIX. 1954.

зано, как борьба партий и группировок в парламенте отражала острые классовые конфликты в стране. Автор прав, утверждая, что за конституцией 1875 г. скрывалась жесточайшая диктатура реакционной буржуазии. Однако важное положение о решающей роли французского народа в победе республиканского строя осталось нераскрытым. В статье не приводятся конкретные данные о борьбе народных масс за сохранение республики.

Аналогичный недостаток характерен для статьи В. К. Дробер «Армия и правительство в первые годы Третьей Республики»⁴⁷. Автор говорит о том, что французский народ сыграл решающую роль в предотвращении монархического переворота в 1873 г., однако он не приводит никаких конкретных данных в подтверждение этого важного положения. Автор пытается заменить цитатами отсутствующий в статье фактический материал о решающей роли народных масс в предотвращении монархического переворота (стр. 152, 160). Недостаточно убедительно и утверждение автора о том, что военная реформа 1873 г. во Франции имела значение только как внутривластическое мероприятие (стр. 142). Не следует упускать из виду, что, усиливая в начале 70-х годов XIX в. военный потенциал Франции, французская буржуазия была также заинтересована в решении важных для нее внешнеполитических задач, — например, в развертывании широкой колониальной агрессии; к тому же в 70-х годах перед Францией неоднократно стояла реальная угроза нового германского нападения, требовавшая укрепления французских вооруженных сил.

Я. И. Хейфец в хорошо документированной статье «Готтентотский блок» и выборы в германский рейхстаг в 1907 г.»⁴⁸ вскрывает внутренние противоречия бюловского блока: «Объединенные общей платформой колониальной и мировой политики юнкерские и буржуазные партии соперничали друг с другом в вопросе о руководящей роли, в определении методов и средств осуществления этой политики» (стр. 135). Автор доказывает, что так называемая «оппозиция» католической партии Центра в

⁴⁷ «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Кафедра новой истории. Т. 62. 1948.

⁴⁸ «Ученые записки» Кабардинского государственного педагогического и учительского института. Вып. 3. 1951.

колониальном вопросе в значительной степени вызывалась демагогическими соображениями. «Именно непопулярностью колониальной войны, тем, что масса поддерживающих Центр мелкой буржуазии, крестьянства, отдельных слоев рабочего класса осуждала ее, вызывались наскоки Центра на колониальную администрацию, чтобы, критикуя отдельные язвы колониального управления, спасти от принципиального осуждения всю колониальную политику в целом» (стр. 136). Можно согласиться и с выводом о том, что победа «готтентотского блока» на выборах 25 января 1907 г. означала «открытое сплочение всех буржуазных партий вокруг колониального знамени» (стр. 158).

Несколько рецензируемых статей посвящено отдельным проблемам истории международных отношений.

Обстоятельна статья А. Л. Нарочницкого «Международные отношения в Европе в июне — декабре 1848 года»⁴⁹, в которой привлечены новые материалы из Архива внешней политики России. Заслуживает внимания утверждение автора о том, что либеральная буржуазия Франции, Англии, Германии и Италии представляла собой в рассматриваемый период контрреволюционную силу, которая поддерживала политику и дипломатию, направленную на удушение революций (стр. 105). Анализируя причины поражения последних, автор приходит к правильному выводу о том, что международные отношения не играли в этом поражении определяющей роли. В статье разоблачается роль царизма как главного оплота европейской реакции. История международных отношений в 1848 г. была в дальнейшем кратко освещена А. Л. Нарочницким в соответствующих главах коллективного труда «Революции 1848—1849 гг.» (АН СССР, 1952).

Ш. И. Басилая опубликовал статьи «Царское правительство и Парижская Коммуна», «Меры Российского правительства для ограждения империи от проникновения идей Парижской Коммуны», «Борьба царского правительства в союзе с правительствами европейских государств против идей Парижской Коммуны»⁵⁰. Ис-

пользуя обширный документальный материал, в том числе из Центрального государственного исторического архива в Москве, Ш. И. Басилая показывает, как «осуществлялось фактическое сотрудничество между прусским юнкерством, царской дипломатией и французской буржуазией в борьбе с пролетарской революцией» (т. V, стр. 92). Автор склонен переоценивать международное влияние царской России в начале 70-х годов XIX века. В частности, содержащееся в последней из указанных статей Ш. И. Басилая утверждение о том, что царская Россия оказала решающее воздействие на позицию Пруссии по отношению к Парижской коммуне, осталось недоказанным⁵¹.

В конце XIX — начале XX в. одним из важных узлов международных противоречий являлись противоречия капиталистических держав на Балканах. Изучение этих противоречий и борьбы держав за влияние на Балканах помогает раскрытию важных проблем истории балканских народов в то время, содействует более глубокому пониманию причин первой мировой войны. Анализу противоречий и борьбы капиталистических держав на Балканах посвящено несколько работ, в частности статья Н. Г. Левинтова «Берлинский договор и отношение к нему различных классов болгарского общества»⁵². Автор правильно отмечает, что Берлинский договор создавал угрозу превращения Болгарии в полуколонию. Успех в разработке Н. Г. Левинтовым указанной темы зависел в основном от того, в какой мере удастся ему показать отношение болгарского народа к Берлинскому договору. Эту нелегкую задачу автор успешно разрешил: он показал, что народные массы Болгарии являлись главной силой, защищавшей национальные интересы страны. Болгарские рабочие, крестьяне и революционно-демократическая часть буржуазии были решительными противниками Берлинского договора. Н. Г. Левинтов показывает, что либеральная бур-

т. VII. 1952; т. VII-а. 1954. В 1954 г. автор выпустил в Сухуми книгу «К вопросу об отношении царского правительства к Парижской Коммуне», в которую вошли в качестве отдельных глав указанные статьи.

⁴⁹ «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Кафедра истории нового времени. Т. LVIII. Вып. 2. 1949.

⁵⁰ «Труды» Сухумского государственного педагогического института. Т. V. 1949;

⁵² «Ученые записки» Ульяновского государственного педагогического института. Вып. V. 1953.

буржуазия и чорбаджи готовы были полностью принять Берлинский договор, «но в целях обуздания народного движения и восстановления потерянного благодаря цепи предательств политического веса примкнули к национальному движению» (стр. 275).

Существенные возражения вызывает статья Б. И. Распутнис «Борьба империалистических держав за Балканы в первом десятилетии XX века»⁵³. Автор приводит ряд веских доказательств в пользу того, что в начале XX в. царская Россия рассматривала Балканы в первую очередь как важную военно-стратегическую позицию на случай войны с германо-австрийским блоком. Однако утверждение автора о том, что царская Россия совсем не преследовала в этот период на Балканах экономических интересов (стр. 56), противоречит фактам. Не следует игнорировать того, что еще в предшествующее время, борясь за влияние на Балканах, русская буржуазия и дворянство преследовали не только стратегические, но и экономические цели. В эпоху империализма существовавшая ранее экономическая заинтересованность царской России на Балканах не утратила своей силы. Вызывает недоумение утверждение автора о том, что австро-русские противоречия являлись лишь «определенным звеном англо-германского соперничества на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны» (стр. 55). В действительности русско-германские и австро-русские противоречия в то время имели и самостоятельное значение, на что указывал В. И. Ленин⁵⁴. В то же время не следует забывать того, что главными противоречиями между империалистическими странами являлись противоречия между Англией и Германией.

В статье Г. М. Труханова «Провокационная политика Германии на Лондонской конференции послов по Балканскому вопросу (декабрь 1912 г.—январь 1913 г.)»⁵⁵ хорошо показана ожесточенная борьба империалистических держав на Балканах накануне первой мировой войны. В статье раскрыта провокационная сущность германской политики на Лондонской конфе-

ренции послов, проявившаяся в поддержке Германией Турции в адрианопольском вопросе. Автор рассматривает также борьбу Германии за отрыв Болгарии от Балканского союза. Он уделяет большое внимание захватническим планам английских, германских, австрийских и французских империалистов в отношении Балкан. Однако серьезным недостатком статьи Г. М. Труханова является недооценка агрессивного характера политики царской России на Балканах в годы, предшествовавшие первой мировой войне.

Важным вопросам истории международных отношений посвящены также статьи А. Б. Беркевича и З. М. Гершова. А. Б. Беркевич в статье «Германский империализм и революция 1905—1907 гг. в Прибалтике»⁵⁶ анализирует контрреволюционную позицию империалистической Германии в годы первой русской буржуазно-демократической революции. Автор приводит интересный материал, доказывающий, что немецкие империалисты, содействуя царизму в борьбе против революции, стремились осуществить свои собственные агрессивные планы в Прибалтике. Автору, однако, не удалось достаточно убедительно показать причины, заставившие германских империалистов воздержаться от посылки в декабре 1905 г. военной эскадры в русскую Прибалтику. В этой связи, в частности, желательно было бы раскрыть значение усилившихся тогда англо-германских империалистических противоречий.

В статье З. М. Гершова «К истории империалистической экспансии США в годы первой мировой войны»⁵⁷ убедительно разоблачается лживая версия о «миролюбии» президента В. Вильсона и обстоятельно раскрываются подлинные причины нейтралитета США до апреля 1917 года. В статье убедительно показано, что политика нейтралитета США в указанное время соответствовала интересам американских монополистов. Нам представляется, что автор поступил бы правильно, если бы, излагая причины, обусловившие нейтралитет США в то время, выдвинул на первый план борьбу США за захват решающих позиций в мировой экономике и политике.

Изучение борьбы капиталистических держав за влияние на Дальнем Востоке и за

⁵³ «Доклады и сообщения» Львовского государственного университета. Вып. 2 1949.

⁵⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 115—116.

⁵⁵ «Ученые записки» Белорусского государственного университета. Вып. 16. 1953.

⁵⁶ «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Вып. 15. 1947—1948.

⁵⁷ «Вестник» Ленинградского государственного университета. 1949. № 11.

закабаление Китая является важной задачей наших ученых. Оно помогает глубже раскрыть историю этих агрессивных стран и империалистических противоречий между ними, а также содействует более углубленному пониманию истории Китая и героической борьбы великого китайского народа за свое освобождение от иноземных поработителей. Несколько статей, опубликованных в рецензируемых сборниках, посвящено борьбе Англии и США за закабаление Китая.

Т. А. Ваганова в статье «Начало английской завоевательной политики в Китае»⁵⁸ выясняет размер и значение ввоза опиума английскими колонизаторами в Китай. В статье имеются существенные недостатки: не освещены причины захватнической политики Англии на Дальнем Востоке в 30—40-х годах XIX в., захватническая политика английской буржуазии рассматривается вне связи с развитием экономики Англии и ее внутренней историей.

В статье «Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866—1871 гг.)»⁵⁹ Р. Ш. Ганелин раскрывает захватнические цели и коварные методы американской дипломатии. Но дальневосточная политика США рассматривается автором в отрыве от экономического развития этой страны после завершения гражданской войны; вследствие этого автору не удалось достаточно четко доказать, в чьих классовых интересах проводилась агрессия на Дальнем Востоке. К сожалению, автор обошел очень важный вопрос об отношении американского народа к агрессии США на Дальнем Востоке.

Содержательна статья С. Б. Горелик «Борьба американского империализма за господство в Маньчжурии в конце XIX века»⁶⁰. Автор доказывает несостоятельность широко распространенной в буржуазной исторической литературе точки зрения, будто бы США враждебно относились к политике раздела Китая на «сферы влияния». Используя опубликованные и архивные источники, в частности послание президента Мак Кинли конгрессу (декабрь 1898 г.), донесения посланника США в Ки-

тае Конджера, материалы Архива внешней политики России и Центрального государственного исторического архива, С. Б. Горелик приводит веские доказательства в пользу выдвинутого ею положения о том, что «США не только не были принципиальными противниками раздела Китая на «сферы влияния», но сами пытались принять в нем непосредственное участие» (стр. 179). Автор показывает, что желание сохранить свободу торговли во всем Китае сочеталось у монополистов США с попытками образовать в Китае сферу американского влияния. Интересен приведенный С. Б. Горелик материал, характеризующий экспансию американского монополистического капитала в Маньчжурии после японо-китайской войны. Вызывает, однако, сожаление, что в этой обстоятельной и нужной статье не нашла достаточного отражения борьба политических партий в США по вопросам внешней политики.

Ф. И. Сурин в статье «Американский империализм и дальневосточная политика Теодора Рузвельта»⁶¹ осветил агрессивную позицию США в русско-японской войне и японо-американские империалистические противоречия после ее окончания. Интересен материал, характеризующий борьбу американских властей против японской иммиграции в США в 1906—1907 годах. В статье отмечена, но не раскрыта на конкретном материале агрессивная сущность политики «открытых дверей», проводившейся США по отношению к Китаю. Ф. И. Сурин возражает против идеализации буржуазными историками дальневосточной политики Т. Рузвельта. Однако критического разбора конкретных работ буржуазных историков в статье нет, что ослабляет ее полемическую направленность.

Краткий обзор статей по новой истории, опубликованных в 1945—1956 гг. в сборниках научных работ преподавателей университетов и педагогических институтов, позволяет сделать некоторые выводы. Большинство статей посвящено актуальной тематике, содержит марксистский анализ обширного фактического материала, носит исследовательский характер, опровергает некоторые несостоятельные концепции буржуазных авторов. В целом

⁵⁸ «Вестник» Ленинградского государственного университета. 1949. № 7.

⁵⁹ «Вестник» Ленинградского государственного университета. 1951. № 8.

⁶⁰ «Ученые записки» Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского. Вып. XXII (XXXII). 1957.

⁶¹ «Ученые записки» Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Вып. XI. Исторический. 1952.

опубликованные в сборниках материалы составляют определенный вклад в марксистскую разработку вопросов новой истории и свидетельствуют об улучшении научно-исследовательской работы на кафедрах новой истории в наших высших учебных заведениях. Положительной оценки заслуживает то, что в рецензируемых сборниках значительное внимание уделено проблемам рабочего движения, а также истории международных отношений.

Вместе с тем в указанных сборниках слабее отражено изучение истории общественных идей и, в частности, возникновения и развития научного социализма. В ряде статей дается анализ положения и борьбы рабочего класса и крестьянства, тщательно исследуется роль народных масс в истории. Однако отдельные авторы лишь провозглашают положение о решающей роли народных масс в истории, не раскрывая его на конкретном фактическом материале. В некоторых работах имеется тенденция преувеличивать роль отдельных

деятелей в развитии рабочего движения. Серьезным пробелом является почти полное отсутствие статей, посвященных деятельности Первого и Второго Интернационалов, истории стран американского континента, проблемам историографии. Содержащаяся в ряде статей критика концепций буржуазных историков иногда носит поверхностный характер.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза потребовал резкого повышения уровня научно-исследовательской работы. В решении этой важной задачи значительную роль должна сыграть своевременная публикация исследований, авторами которых являются ученые, работающие в высших учебных заведениях. Ненормально, что в ряде случаев ценные исследования ждут опубликования несколько лет. Назрел также вопрос о введении открытой продажи всех изданий «Ученых записок» и других научных сборников, выпускаемых университетами и педагогическими высшими учебными заведениями.

НОВЕЙШАЯ НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА О РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 годов В ГЕРМАНИИ

С. Б. Кан

На страницах нашего журнала уже отмечалось¹, что из всех довольно многочисленных книг, появившихся в Западной Германии, в связи со столетним юбилеем мартовской революции 1848 г., «Политическая и социальная история революции 1848 г.» тюрбингенского профессора Р. Штадельмана² обратила на себя наибольшее внимание буржуазных историков. Да это и не удивительно. Пожалуй, ни в одной другой монографии не нашло в такой степени и с такой отчетливостью свое выражение характерное для всей современной реакционной буржуазной историографии стремление усматривать наиболее глубокие внутренние

причины революции не в обострившемся противоречии между производительными силами и производственными отношениями, между базисом и надстройкой, не в ухудшении объективных условий существования трудящихся масс, а в области чисто субъективных, психологических факторов.

Р. Штадельман утверждал, что накануне мартовской революции будто бы никаких серьезных изменений в социально-экономическом положении народных масс не наступило; положение их в конце 40-х годов XIX в. было даже лучше, чем до этого. Последовавший в марте 1848 г. революционный взрыв, по мнению автора, своим происхождением обязан не проявлению объективных закономерностей общественного развития и не действительным потребностям народных масс, а проникновением — «инфильтрацией» — в их «пассивную и мир-

¹ См. С. Кан. Столетний юбилей революции 1848 г. в немецкой исторической литературе. «Вопросы истории», 1950, № 11.

² R. Stadelmann. Soziale und politische Geschichte der Revolution von 1848. München. 1948.

ную среду» идей со стороны «социально безродных» и «лишенных корней» промежуточных элементов общества — «пролетарских интеллигентов», агитаторов и фанатиков³.

Общие причины незавершенности и поражения революции 1848 г. Р. Штадельман объяснял не изменой либеральной буржуазии делу народа, а «неумеренностью» социально-политических требований оторванной будто бы от народа кучки демократов-республиканцев и коммунистов. Именно их «анархические» выступления, по мнению Штадельмана, и заставили не только буржуазию, но и народные массы в поисках защиты от нарушителей «порядка» в страхе шарахнуться в сторону государей и дворянства. При этом сами народные массы изображались Р. Штадельманом, В. Моммзенем⁴ и другими реакционными историками ФРГ исключительно в виде отсталых крестьян и ремесленников, все помыслы которых будто бы были в период революции направлены лишь в сторону сохранения старых сословно-корпоративных порядков⁵. Даже рабочие того времени, по мнению Р. Штадельмана, были еще целиком связаны с миром буржуазных представлений⁶, а само рабочее движение направлено «не столько против капитализма, сколько против машины»⁷ и не ставило себе еще никаких классовых целей.

После юбилейных дней прошло не слишком много времени, но в ФРГ появилось уже несколько новых монографий, посвященных проблематике революции 1848 года. Эти новые труды представляют собой локальные исследования и не ставят задачи рассмотрения основных проблем. Однако по ним можно судить о том, что семена, брошенные Р. Штадельманом, дали свои всходы. Современные буржуазные историки ФРГ по-прежнему стремятся ни в чем существенном не уклониться от глубоко реакционной схемы, которая мало чем отличается от обычных еще в гогенцоллерновской Германии глубокомысленных рассуждений университетских профессоров об исключительной приверженности немцев к «спокойствию» и «порядку» и их верности «королю» и «отечеству». Как известно, по

мнению Зибелей и Трейчке, только одна подрывная, преступная деятельность различных «эмиссаров»-чужеземцев была способна на короткий срок сбить «доброе Михеля» с пути и свергнуть его в пучину революционных бедствий. Р. Штадельман, отвергая как «наивные» представления Фридриха Вильгельма IV о занесении «революционной заразы» извне, сам, по существу, склоняется к подобной же интерпретации революционных событий. Он весьма далек от научной объективности, когда после исторического опыта ноябрьской революции 1918 г. и всех последовавших событий в наши дни повторяет отдающие гитлеровским душком слова о «социально безродных» элементах как подлинных «зачинщиках» революции.

Раньше других после юбилейных дней вышла в Баварии объемистая монография проф. Л. Циммермана «Объединительное и освободительное движение и революция 1848 г. во Франконии»⁸. В предисловии к своему труду Л. Циммерман подчеркивает совпадение поставленных им проблем с задачами, выдвинутыми ранее В. Моммзенем и Р. Штадельманом⁹. Выражая полную идейную близость им, он подчеркивает, что при изучении истории революционных событий в одной небольшой баварской провинции будет искать отражения общей проблематики германской революции. Л. Циммерман тщательно изучил обширную литературу и материалы местного баварского архива, в своей значительной части почти никем не использованные. Привлечены им также и донесения иностранных дипломатов из Мюнхена, издающиеся ныне в Баварии в 14 томах. Но как при этом незначительны, как мало оригинальны и, главное, как мало историчны его выводы!

В первой части книги, посвященной положению в предмартовской Франконии, поражает почти полное отсутствие внимания автора к социально-экономическим вопросам. Из двухсот с лишним страниц этим вопросам отведено едва ли тридцать, на которых изложены всего лишь неточные и отрывочные сведения о положении рабочих, ремесленников и зависимых от помещиков крестьян. Л. Циммерман утверждает, что местные франконские помещики стремились к сохранению самостоятельных крестьян-

³ Там же, стр. 158.

⁴ См. W. Mommsen. Größe und Verfall des deutschen Bürgerturns. Stuttgart. 1949.

⁵ R. Stadelmann. Указ. соч., стр. 74, 166.

⁶ Там же, стр. 173.

⁷ Там же, стр. 170.

⁸ L. Zimmermann. Die Einheits und Freiheitsbewegung und die Revolution von 1848 in Franken. Würzburg. 1951.

⁹ Там же, стр. VIII.

ских дворов и поддерживали их¹⁰. По мнению автора, положение ремесленников в конце 40-х годов «определенно улучшалось»¹¹. Что касается многочисленных во Франконии рабочих, то они, оказывается, сами были повинны в распространении пауперизма: лень и пьянство якобы постоянно бытовали в «фабричных» селениях¹².

Пересказывать все эти рассуждения, разумеется, нет смысла. Отметим только, что Л. Циммерман в своих взглядах на причины революции сближается с Р. Штадельманом¹³ и приходит к вполне аналогичному выводу, что народные массы Баварии якобы были так далеки от какой-либо революционности, что в Баварии в конце 40-х годов нельзя было заметить приближения революционного взрыва¹⁴. Во франконские деревни, пишет Л. Циммерман, «мятежный дух» был занесен исключительно одними только представителями интеллигенции, странствующими подмастерьями и в особенности литераторами-евреями. Антисемитские выпады вообще весьма характерны для эрлангенского профессора.

Л. Циммерман, оперируя главным образом официальными правительственными материалами, почти не пользуется прессой периода революции — этим важнейшим источником для изучения истории именно народных движений. Но даже собранные автором фактические сведения целиком опровергают его выводы. Баварское крестьянство действительно было втянуто в борьбу против помещиков позднее, чем соседнее вюртембергское и баденское, однако и оно еще до начала революции в Мюнхене дружно поднялось против своих феодальных угнетателей. Следовательно, нельзя говорить об отсутствии в Баварии до марта 1848 г. признаков надвигающейся революционной бури. Сам Л. Циммерман подробно рассказывает, не скупясь при этом на поносящие восставших крестьян выражения, о широком размахе уже в первые дни марта 1848 г. массового крестьянского движения против помещиков. При этом он явно сочувствует карательной экспедиции, «усмирявшей» восставших крестьян, и с удовлетворением отмечает ту быстроту, с которой была проведена «очистительная акция»

(«Säuberungsaktion») ¹⁵. Типично гитлеровская терминология в устах современного баварского историка-реакционера весьма характерна: вся его монография открыто направлена против революционного движения. Понятно, почему она могла выйти в свет при прямой материальной поддержке со стороны Вюрцбургского банка, компании Симменс-Шукерт и других монополистических предприятий Западной Германии¹⁶. При этом Л. Циммерман открыто берет под защиту «господствующие слои» («herrschende Schichten»), указывая, что они не могли нести ответственность за тяжелое положение голодавших франконских деревень¹⁷.

Научная ценность монографии Л. Циммермана весьма низка. Содержание его труда свидетельствует о том, что и через сто лет после мартовской революции идеологи современной империалистической буржуазии ФРГ не могут объективно судить о ней, как не могли этого делать дворянско-буржуазные историки гогенцоллерновской Германии.

К монографии Л. Циммермана непосредственно примыкает диссертация К. Бахмана «Народное движение 1848—1849 гг. в Альгау и его предшественники»¹⁸. К. Бахман является учеником профессора-реакционера Л. Циммермана, однако по идейному содержанию его книга ближе к политическим установкам либерального историка Ф. Валентина. Широко используя местную прессу (не в пример своему учителю), К. Бахман подробно освещает деятельность демократических союзов в Альгау в период революции и одновременно знакомит читателей с такими выдающимися деятелями «левых», какими, бесспорно, являлись редактор демократической «Kempter Zeitung» Вейлер и его политический единомышленник Шнетцер. Несмотря на то, что автор так же, как и Р. Штадельман, не понимает социально-экономического характера мартовской революции 1848 г.¹⁹, на страницах его книги приводится много неизвестных ранее фактов из истории борьбы свободолюбивых крестьян и ремесленников Альгау не только против дворянства, но и против буржуазных конституционалистов.

¹⁰ L. Zimmermann. Указ. соч., стр. 181.

¹¹ Там же, стр. 185.

¹² Там же, стр. 184.

¹³ Там же, стр. 188, 195.

¹⁴ Там же, стр. 199.

¹⁵ Там же, стр. 249.

¹⁶ Там же, стр. X.

¹⁷ Там же, стр. 199.

¹⁸ K. Bachmann. Volksbewegungen 1848—1849 in Allgäu und ihre Vorläufer. Erlangen. 1954.

¹⁹ Там же, стр. 39.

Сочувствие К. Бахмана на стороне демократических низов; он признает прогрессивность их основных требований. Несмотря на противоречивость, полную методологическую беспомощность и отсутствие какого-либо социально-экономического анализа, работа К. Бахмана в фактическом отношении не бесполезна для изучающих историю революции 1848—1849 гг. в Германии.

В отличие от указанных выше баварских историков В. Шульте в своей монографии «Народ и государство. Вестфалия перед мартовской революцией и во время революции 1848—1849 годов»²⁰ уделяет место социально-экономическим вопросам, но его анализ основных причин революции, тем не менее, не может быть признан удовлетворительным. В противоположность Р. Штадельману он признает факт растущего обнищания трудящихся масс накануне революции. Однако этот факт он объясняет лишь чисто случайными причинами, лежащими вне сферы производственных отношений. Ему абсолютно чужд какой-либо исторический подход к вопросам экономики. С большим усердием В. Шульте старается доказать, что можно было без труда избежать социальных конфликтов времен революций 1848—1849 гг., если бы прусское правительство лучше прислушивалось к «мудрым» советам Гаркорта, Финке, Кеттелера и других видных вестфальцев — сторонников проведения социальных реформ в консервативно-христианском духе, стремившихся «излечить общественные недуги» и тем самым «упрочить существование буржуазного общества»²¹.

Обращение к таким давно забытым планам социальной реформы позволяет В. Шульте в завуалированной форме развивать такие мысли по рабочему вопросу, которые не столь давно можно было прочитывать в соответствующих фашистских пропагандистских книжонках. Чего стоят, например, рассуждения В. Шульте (со ссылками на Гаркорта и других консервативных социальных реформаторов эпохи 1848 г.) о желательности предоставления рабочему всей полноты «человеческих прав», конечно, в рамках существующего капиталистического общества, о возможности обеспечить рабочему «счастливое» существование и «жизненное пространство»,

о значении «ведущих личностей», об «организмическом членении общества» и т. п.²²

В. Шульте нисколько не скрывает своей политической тенденциозности. «Старое» крепко связано с «новым», утверждает он, и именно поэтому считает особенно важными для современников уроки революции 1848 года²³. В своей книге он выступает против революционной демократии и коммунистов 1848—1849 гг., заявляя об их мнимой оторванности от народных масс, о якобы «чуждом германскому духу» иностранном происхождении всей их идеологии.

На материале и примере Вестфалии, этой наиболее развитой в экономическом отношении прусской провинции, В. Шульте пытается опровергнуть утверждение К. Маркса о том, что события 1848—1849 гг. в Германии являлись развернувшейся «в грандиозных политических формах» классовой борьбой между рабочими и буржуазией²⁴. С этой целью В. Шульте упорно стремится «показать» отсутствие у вестфальских рабочих в 1848—1849 гг. каких-либо политических целей и представить их борьбу в виде выступлений только с экономическими требованиями. «Здесь, как и в остальной Вестфалии, дело в конечном счете шло не о монархии или республике, не о свободе печати или собраний, а о куске хлеба и о работе»²⁵, — подчеркивает В. Шульте. Он утверждает, что «трагедия», например изерлонских рабочих, так же как и рабочих остальной Вестфалии, якобы состояла в том, что их, помимо собственной воли, «втягивали» различные политические агитаторы в борьбу за совершенно чуждые им цели и тем прямо отдавали на расправу солдатам и полиции, как это имело место в мае 1849 г. в дни борьбы за имперскую конституцию. В. Шульте не в состоянии привести какую-либо серьезную аргументацию против К. Маркса. Ему остается лишь ссылаться на возможность сохранения «естественного взаимного доверия» и «естественной трудовой общности» между рабочими и фабрикантами и указывать на пример вестфальского фабриканта Гаркорта, действительно умевшего своими демагогическими «Письмами» отвлекать от классовой борьбы наиболее отсталую часть рабочих²⁶.

²² W. Schulte. Указ. соч., стр. 344.

²³ Там же, стр. 17.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 429.

²⁵ W. Schulte. Указ. соч., стр. 317.

²⁶ Там же, стр. 318.

²⁰ W. Schulte. Volk und Staat. Westphalen im Vormärz und die Revolution 1848—1849. Regensburg—Münster. 1954.

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 453.

Не трудно понять, что при подобной беззастенчивой тенденциозности научная ценность объемистой монографии В. Шульте не выше труда Л. Циммермана. Его книгу не спасает даже огромный, занимающий большую часть книги, вспомогательный аппарат. Известный интерес представляют только собранные автором фактические сведения о малоизученном народном восстании в Изерлоне в мае 1849 г. во время борьбы за имперскую конституцию и анализ партийных группировок в Вестфалии.

Отметим в этой связи диссертацию Е. Гённера, посвященную революционным событиям в двух маленьких княжествах — Гогенцоллерн-Хекинген и Зигмаринген²⁷. В ней собран большой архивный материал, свидетельствующий о том, какой исключительной напряженности достигала политическая борьба в 1848—1849 гг. даже в самых захолустных уголках Германии.

О методологии Е. Гённера не приходится много говорить. Вслед за Р. Штадельманом он усматривает причины революции не в нарастании угнетения, не в тяжелом и все ухудшавшемся материальном положении народных масс, а лишь в «осознании» этими массами своего тяжелого положения вследствие пропагандистской деятельности либеральных журналистов²⁸. Гённер утверждает, что положение народных масс в 30—40-х годах XIX в. улучшалось во всех отношениях и вследствие этого мартовская революция явилась результатом «душевного перелома» и изменившегося психического состояния народных масс²⁹. Если к подобным соображениям прибавить враждебное отношение автора ко всем народным массовым выступлениям вообще, как выступлениям «анархическим»³⁰, то общее направление его монографии станет в основном ясным.

И, тем не менее, вопреки воле автора собранный им материал ничего не оставляет от надуманной и ничем не подтвержденной, заимствованной у Р. Штадельмана, схемы. Наоборот, все то, что рассказывает Гённер о большом размахе революционно-демократического движения в двух указанных княжествах, целиком опровергает обычные выводы реакционной историогра-

фии относительно полной будто бы «аполитичности» и «пассивности» немецких народных масс, об отсутствии у них какой-либо сознательности и т. п. Гённер на страницах своего труда обстоятельно рассказывает о революционной деятельности организатора зигмарингенского «Отечественного союза» адвоката К. Вюрта, возглавлявшего в течение всего революционного периода борьбу народных масс в Зигмарингене против феодально-помещичьей контрреволюции. Он правильно отмечает тесную связь между демократическим движением в гогенцоллерновских княжествах и борьбой демократов-республиканцев в других частях Германии, правильно устанавливает общность задач К. Вюрта и других зигмарингенских демократов с задачами Ф. К. Геккера, Г. Струве и других баденских республиканцев.

То же самое характерное противоречие содержится в небольшой книге Г. Энтхольта о революционных событиях 1848 г. в Бремене³¹. Автор оказывается вынужденным признать факт «глубокого озлобления»³², охватившего в марте 1848 г. почти все население города. По его собственному признанию, он не в состоянии до конца выяснить подлинные причины этого «озлобления» и полагает, что в нем повинна небольшая группа «одаренных молодых людей» — интеллигентов, агитаторов. «Зажигательной» агитации этой группы приписывает он исключительный размах народно-демократического движения, наблюдавшийся в Бремене. Однако и этот западногерманский историк не замечает самих народных масс и их творческой деятельности. Подобно многим другим, он усматривает в любом массовом народном выступлении лишь проявление «дикости»³³. Этому, однако, вопреки желанию автора совершенно противоречит собранный в его же книге материал о деятельности разветвленного бременского демократического союза³⁴ и об успехах в Бремене на выборах представителей именно демократической «левой»³⁵, а также о поддержке, которую оказало население близких к Бремену деревень демократам. Энтхольт отмечает также широкое распространение в Бремене демократиче-

²⁷ E. Gönner. Die Revolution von 1848—1849 in den hohenzollernschen Fürstentümern und deren Anschluss an Preussen. Hechingen. 1952.

²⁸ Там же, стр. 57.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 62.

³¹ H. Entholt. Die bremische Revolution von 1848. Bremen. 1951.

³² Там же, стр. 88.

³³ Там же, стр. 33.

³⁴ Там же, стр. 28.

³⁵ Там же, стр. 22.

ской печати. Среди многочисленных революционных газет он особенно выделяет «Объединение» («Die Vereinigung»). Редактором этой газеты был близкий К. Марксу и Ф. Энгельсу коммунист Г. А. Кеттген.

Небезынтересно отметить, что последний номер этой газеты, вышедший 30 июня 1849 г., был напечатан по примеру «Новой Рейнской газеты» красной типографской краской. Об истинном характере владевших народными низами чувств можно судить по редакционной статье, опубликованной в этом номере. «В сердцах бедняков вспыхнул неугасимый огонь ненависти к богатым и привилегированным, — говорилось в статье, —...и ненависть эта вызовет страшные бои, которые будут длиться до тех пор, пока народ ценой потоков крови и горы трупов не завоюет себе господство»³⁶.

Другой современный историк ФРГ, Л. Репген, автор монографии «Мартовское движение и майские выборы на Рейне в революционный 1848 год»³⁷, в еще более категорической форме отказывает народным массам в какой-либо политической сознательности. Л. Репген утверждает, что выступления рабочих и крестьян в 1848 г. не имели никакого отношения к политическим событиям эпохи³⁸. Вслед за Р. Штадельманом он заявляет, что выступление золингенских точильщиков, приведшее в ночь на 17 марта к разгрому машин и поджогу ряда фабричных зданий, а также аналогичные выступления эльберфельдских и мюльгеймских рабочих 18 марта не были связаны ни с предшествующей социалистической пропагандой, ни с «политикой» вообще. «...разве затрагивало их в какой-либо мере мартовское политическое движение?» — вопрошает он. «Им необходима была «не свобода печати, а лишь свобода жратвы» («Fressfreiheit»)»³⁹. Именно вследствие этого, по его мнению, рейнское мартовское движение являлось вовсе не восстанием народных масс, а лишь направленным на завоевание конституции движением буржуазных кругов⁴⁰. Народу будто бы эти «требования и завоевания буржуазного

движения были совершенно непонятны и безразличны»⁴¹.

Выступления народных низов Л. Репген связывает с тем «массовым психозом»⁴², которым, по его мнению, были охвачены рабочие и крестьяне после начала революции. Он не скрывает страшного испуга буржуазии, вызванного этими выступлениями. Л. Репген не видит огромного революционного значения даже первых примитивных «бунтов» рабочих, не понимает, что именно эти «бунты» неизбежно приводили в дальнейшем к всесторонней борьбе рабочего класса за свое освобождение. Не видит он и организующей деятельности германских коммунистов, начавших задолго до революции готовить массы к политической борьбе. Между тем монографические исследования других более вдумчивых буржуазных историков указывают как раз на серьезное влияние на рабочих именно социалистической и коммунистической пропаганды⁴³.

Стремясь доказать отсутствие у народных масс Рейнской области каких-либо политических стремлений и революционных чувств, Л. Репген детально анализирует результаты майских выборов в берлинское и франкфуртское учредительные собрания. Используя материалы рейнских провинциальных архивов, автор устанавливает победу католических кандидатов в большинстве рейнских избирательных округов и на этом основании пытается с цифрами в руках «доказать» приверженность народных масс на Рейне к «спокойствию» и «порядку», а во-вторых, отсутствие у них каких-либо революционных устремлений. Но дают ли в действительности результаты майских выборов возможность судить о подлинных политических настроениях населения как в самой Рейнской области, так и в остальной Германии? Этот вопрос даже не приходит в голову Л. Репгену, как это и полагается последовательному приверженцу формальной буржуазной демократии. А между тем избирательные законы от 8 и 11 апреля 1848 г. не только устанавливали систему косвенных выборов,

⁴¹ Там же, стр. 52.

⁴² Там же, стр. 57.

⁴³ См. S. Kuhn. Der Aufstand der Kleinen-Industriearbeiter im Stadt und Landkreis Solingen am 16. und 17. März 1848. Diss. München. 1938; K. Stommel. Sozialistisch-Kommunistische Bewegungen im Rheinland vor der Revolution 1848—1849. Diss. Bonn. 1949.

³⁶ Там же, стр. 43.

³⁷ L. Repgen. Märzbewegung und Maiwahlen des Revolutionsjahres 1848 in Rheinland. Bonn. 1955.

³⁸ Там же, стр. 51.

³⁹ Там же, стр. 50.

⁴⁰ Там же, стр. 77.

но и вводили высокий возрастной ценз, так же как и ценз оседлости. Они устанавливали далеко не равные избирательные округа и отстраняли от участия значительное число «несамостоятельных» граждан. По данным прусского статистического бюро, в отдельных округах Рейнской провинции принимало участие в выборах менее одной четвертой части населения⁴⁴. Таким образом, даже становясь на чисто формальную точку зрения, никак нельзя считать, что результаты майских выборов сколько-нибудь правильно отражали подлинные политические настроения народных масс. Если же принять во внимание, что недостаток времени помешал проведению избирательной кампании, не дал возможности демократам и коммунистам развернуть среди населения необходимую разъяснительную пропагандистскую работу, то станет понятным, что майские выборы могли дать только весьма искаженную картину политического настроения масс.

Весьма характерно, что Л. Репген лишь мимоходом рассказывает о событиях 3 марта 1848 г. в Кельне, имевших, как известно, огромное значение для всего последующего развития политической борьбы на Рейне. Вместо того, чтобы в соответствии с исторической действительностью правильно описать массовые выступления кельнских рабочих против местных городских властей и раскрыть большое историческое значение тех требований, которые от имени «четвертого сословия» были выдвинуты в городской ратуше коммунистом А. Готшалком, автор оттягивает их будто бы антигосударственный и антинациональный характер⁴⁵.

Анализ содержания новейших трудов немецких буржуазных историков, посвященных проблематике такого важнейшего события в истории Германии XIX в., каким, бесспорно, являлась незавершенная буржуазно-демократическая революция 1848—1849 гг., показывает полную невозможность добиться каких-либо серьезных научных результатов, игнорируя народ — этого истинного творца истории — и отказываясь видеть в нем основную движущую силу революционного процесса. Ни одна из перечисленных выше монографий не поднимается до понимания подлинных причин начавшейся в марте 1848 г. революции и ее неудачи. Тем не менее, упорно придерживаясь давно уже совершенно устаревших и лживых

схем буржуазно-дворянской историографии конца XIX в. и начала XX в., отдельные западногерманские историки оказываются все же вынужденными, подобно Бахману или Энтхольту, признать факт значительного размаха народно-демократического и, в частности, крестьянского движения в годы революции. Собранный ими новый исторический материал, даже относящийся к захолустным районам и местечкам, не только не опровергает, но подтверждает выводы марксистских историков революции 1848—1849 гг. о полной возможности победоносного развития и завершения в Германии буржуазно-демократического переворота, если бы не измена либеральной буржуазии и ее союз с дворянством, если бы не колебания и нерешительность, проявленные представителями германской мелкобуржуазной демократии того времени.

Новейшие труды прогрессивных германских историков, посвященные той же самой проблематике, свободные от навязчивых схем Зибелей и Трейчке, отводящие народным массам подобающее им место в историческом процессе, по своим результатам выгодно отличаются от объемистой, но малосодержательной продукции историков ФРГ. Среди монографий, написанных за последние годы историками Германской Демократической Республики, обращает прежде всего внимание небольшое, но содержательное исследование недавно скончавшегося профессора Иенского университета К. Гриванка — автора, в частности, капитального труда о Венском конгрессе 1814—1815 годов⁴⁶. Статья К. Гриванка «Причины и последствия неудачи германской революции 1848 г.»⁴⁷ и написана явно с целью опровержения уже известных нам взглядов Р. Штадельмана и других реакционных историков. В 1950 г. она была напечатана на страницах «Historische Zeitschrift» — основного исторического журнала ФРГ, что, конечно, свидетельствует о том, что не все историки Западной Германии готовы безоговорочно принимать предложенную Штадельманом и ставшую столь популярной в буржуазных кругах схему. К. Гриванк категорически отрицает факт улучшения в 30—40-х годах XIX в. мате-

⁴⁶ К. Griewank. Der Wiener Kongress und die europäische Restauration 1814/15. Leipzig. 1954.

⁴⁷ К. Griewank. Ursachen und Folgen des Scheiterns der Deutschen Revolution von 1848. «Historische Zeitschrift». Bd. 170, Heft 3. 1950.

⁴⁴ L. Repgen. Указ. соч., стр. 141.

⁴⁵ Там же, стр. 23.

риально-имущественного положения широких масс трудящихся. Наоборот, он вполне убежден в том, что положение это систематически ухудшалось в течение первой половины века, и это целиком объясняется, по его мнению, той «перегруппировкой» среди немецкого населения, которая наблюдалась задолго до революции 1848 г. и «отягощала низшие и беднейшие слои»⁴⁸.

Опираясь на данные статистики и, в частности, на новейшие труды профессора Ю. Кучинского, К. Гриванк убедительно доказывает ухудшение положения основной массы рабочих и ремесленников, особенно перед самой Мартовской революцией, в связи с неурожаями и экономическим кризисом. Сводить причины революции к одним только мотивам идейно-политического характера, полагает он, невозможно, так как были и мотивы социального характера⁴⁹. Это лучше всего доказывается страхом перед возможным выступлением пролетариев, охватившим с начала революции слои собственников и приведшим к характерным растерянности и колебаниям господствующих классов в период, непосредственно предшествовавший Мартовской революции 1848 года.

Как известно, достаточно было уже первых шагов самостоятельного рабочего движения, чтобы толкнуть либеральную буржуазию к сближению с монархией и дворянством. Следовательно, не агитация и не неумеренные требования коммунистов явились причиной неудач Мартовской революции,— неудача эта была вызвана историческими особенностями, резко отличающими эту революцию от Французской революции 1789 г.: противоречия между третьим сословием и силами «старого порядка» проявились во Франции значительно сильнее, чем в Германии. Зато противоречия внутри антиправительственного лагеря в Германии были куда более обостренными⁵⁰. Этим, а не присущим будто бы немецкому народу «духом послушания» («Obdientzgesinnung»), как это утверждает, например, Ф. Мейнке, объясняются причины незавершенности и поражения революции 1848—1849 гг. в Германии⁵¹.

Монография другого крупного историка ГДР, профессора К. Обермана, посвящена выяснению роли немецкого рабочего класса

в революции⁵². В противоположность обычным в реакционной буржуазной литературе рассуждениям о «пассивности» и природной консервативности немецких рабочих К. Оберман подробно прослеживает возмужавшую политическую активность немецкого пролетариата, начиная с первых шагов, носивших еще стихийный характер, и вплоть до начала Мартовской революции. Осветив общее положение трудящихся перед революцией, К. Оберман с особым вниманием останавливается на последствиях экономического кризиса 1847 г. и связанных с ним революционных массовых народных выступлениях, непосредственно свидетельствовавших о назревании в Германии революционной ситуации (гл. III). Затем автор переходит к анализу программных требований рабочих и к их борьбе в первые месяцы революции (гл. IV). Глубокое изучение прессы революционной эпохи позволяет ему со значительно большей полнотой выяснить участие рабочих в политической борьбе в качестве крайнего левого крыла демократического движения. В этой связи представляют интерес те разделы книги, которые посвящены «Новой Рейнской газете» и ее смелой борьбе как против феодальной, так и против буржуазной контрреволюции (гл. VII).

К. Гриванк в своей статье отмечал, что борьба широких народных масс и, в частности, рабочих против абсолютизма, за окончательное и полное уничтожение феодализма и превращение Германии в единую демократическую республику привела осенью 1848 г. к подъему революционной волны и к появлению очертаний новой, второй, подлинно демократической революции⁵³. К. Оберман, со своей стороны, уделяет большое внимание этой «второй, надвигавшейся осенью 1848 г.» революции. Он совершенно правильно подчеркивает, что именно на плечи рабочих масс легла вся тяжесть борьбы осенью 1848 г., а затем весной 1849 г. против перешедшей в наступление контрреволюции. О том, как велик был революционный подъем среди передовых рабочих того времени, можно судить хотя бы на основании свидетельств Л. Фейербаха, отмечавшего в своем письме жене, что подавляющее большинство ра-

⁴⁸ Там же, стр. 503.

⁴⁹ Там же, стр. 502.

⁵⁰ Там же, стр. 500.

⁵¹ Там же, стр. 509.

⁵² K. Obermann. Die deutschen Arbeiter in der Revolution von 1848. Berlin. 1950.

⁵³ K. Griewank. Ursachen und Folgen des Scheiterns der Deutschen Revolution von 1848, S. 507.

бочих Франкфурта-на-Майне настроено демократично и что ни один рабочий не принял участия в празднествах по поводу приезда в город имперского наместника⁵⁴. Говорить о политической «пассивности» рабочих и о их «безразличном» отношении к исходу политической борьбы при наличии свидетельств подобного рода можно, только сознательно игнорируя тот бесспорный факт, что именно «германский пролетариат держал в боях 1848—1849 гг. передний край обороны и последовательно сражался за демократию»⁵⁵ и что «только выдающееся участие рабочих придало значение самой революции»⁵⁶.

К. Оберман вполне правильно уделяет внимание не только главному печатному органу демократии — «Новой Рейнской газете», но и «Новой Кельнской газете» («*Neue Kölnische Zeitung*»), издававшейся с 10 сентября 1848 г. членом Союза коммунистов Ф. Аннеке и ставившей своей целью «защиту интересов всех классов трудящихся»⁵⁷. Эта газета хотя и не избежала ошибок в вейтлингианском духе, все же стояла в одном ряду с газетой Маркса и Энгельса и в 1848—1849 гг. вела борьбу за победное завершение демократической революции в Германии. Ее лозунгом было: «Не трудящийся да не ест», — и она, бесспорно, отражала возросшее в революционный период политическое классовое самосознание немецких пролетариев.

Уделяя внимание «Новой Кельнской газете», К. Оберман почему-то оставил в стороне другие печатные органы революционной демократии, боровшиеся с феодальной и буржуазной контрреволюцией плечом к плечу с «Новой Рейнской газетой». «*Neue Deutsche Zeitung*», издававшаяся в 1848—1849 гг. в Франкфурте-на-Майне, «*Neue Oderzeitung*», издававшаяся в Бреславле, «*Die Vereinigung*», выходившая в Бремене, отражали настроения рабочих масс, и напечатанный ими богатый материал убедительно показывает надуманность и тенденциозность обычных для современных реакционных буржуазных историков рассуждений о «пассивности» и «консерватизме» огромного большинства немецких рабочих того времени.

Значение книги К. Обермана определяет-

ся тем, что она лучше других позволяет судить о роли молодого еще германского рабочего класса в революции 1848—1849 годов. Германский пролетариат середины XIX в. был еще слаб и недостаточно организован, не мог в полной мере возглавить общедемократическое движение, тем не менее он все же принимал действительное участие во всех политических событиях революции и вселял в буржуазию примерно такой «великий страх», каким в 1789 г. было охвачено французское дворянство перед лицом поднимающегося массового крестьянского движения.

Монографическое исследование другого прогрессивного историка, берлинского профессора Г. Шильфerta, «Победа и поражение демократического избирательного права в революции 1848—1849 гг.»⁵⁸ позволяет также проверить выводы многих буржуазных историков, и в частности Л. Репгена, о безучастном будто бы отношении широких народных масс Германии к политической борьбе и к вопросу о всеобщем избирательном праве.

Свое исследование Г. Шильферт начинает с опровержения широко распространенного в исторической литературе мнения о том, что либеральное бюргерство, особенно после французской Февральской революции, само встало на защиту всеобщего и равного избирательного права, приняло это право «как нечто само собою разумеющееся»⁵⁹ и добилось его осуществления. Это ошибочное мнение широко распространилось вследствие того, что в реакционной буржуазной исторической литературе совершенно замалчивались такие факты, как начавшееся еще до мартовских дней массовое народное движение за всеобщее избирательное право и упорное противодействие введению этого права со стороны либерального бюргерства. В действительности введению новых избирательных законов предшествовала короткая, но ожесточенная борьба, в ходе которой народным массам удалось добиться от пришедшей к власти буржуазии обещания ввести всеобщее избирательное право⁶⁰.

Введение хотя и неполного и не вполне всеобщего избирательного права на выборах как в общегерманское, так и в прусское учредительные собрания являлось бе-

⁵⁴ Цит. по К. Оберманн. Указ, соч., стр. 303.

⁵⁵ Там же, стр. 392.

⁵⁶ Там же, стр. 333.

⁵⁷ Цит. по К. Оберманн. Указ, соч., стр. 296.

⁵⁸ G. Schilfert. Sieg und Niederlage des demokratischen Wahlrechts in der deutschen Revolution 1848—1849. Berlin. 1952.

⁵⁹ Там же, стр. 9.

⁶⁰ Там же.

зусловной крупной победой народных масс, достигнутой лишь в результате ожесточенной борьбы против юнкерства и крупной буржуазии. Соотношение классовых сил в первые недели Мартовской революции было таково, что не позволяло ввести прямые выборы. Закон от 8 апреля устанавливал лишь косвенные выборы, что и привело в середине апреля к новому политическому кризису. Шильферт уделяет борьбе народных масс за подлинно демократические выборы большое внимание и правильно усматривает причину неудачи массовой народной демонстрации в Берлине в день 20 апреля в политической линии мелкой буржуазии, и прежде всего ремесленных мастеров, отказавшихся в решительный момент поддерживать требования рабочих и принять участие в массовой демонстрации против правительства. В этой связи Г. Шильферт выясняет тактическую линию С. Борна и возглавлявшегося им «Братства рабочих». Г. Шильферт, как и советский историк М. Фриман⁶¹, правильно подчеркивает, что занятая «Братством» примиренческая позиция способствовала неудачному исходу народной демонстрации.

Введение всеобщего избирательного права, даже при невозможности добиться проведения прямых выборов, являлось крупнейшим завоеванием народных и, в частности, рабочих масс. От возможности его последовательного проведения в жизнь наперекор дворянству и крупной буржуазии в немалой степени зависело дальнейшее развертывание начавшейся демократической революции. Именно вследствие этого Г. Шильферт, опираясь на документальный материал и прессу периода революции, внимательно следит за всеми перипетиями борьбы народных масс против феодальной и буржуазной контрреволюции, пытавшейся с осени 1848 г. отнять у них это важнейшее завоевание. При этом правильно отмечается большое значение принятого конституционной комиссией Франкфуртского собрания по докладу Вайца проекта нового имперского избирательного закона, вызвавшего во всей Германии волну протестов рабочих масс. Этот проект предоставлял избирательные права лишь одним «самостоятельным» гражданам, к числу которых не относились ни подмастерья, ни фабричные

рабочие. Подробный анализ различных воззрений, направленных против классового законодательства буржуазии, позволил Г. Шильферту, в противовес Р. Штадельману и другим реакционным историкам, убедительно доказать, что политическая активность рабочих масс стояла еще в начале 1849 г. на большой высоте и что именно благодаря этой активности из окончательного текста нового имперского избирательного закона, принятого Франкфуртским собранием, были исключены места, ограничивавшие права фабричных рабочих и подмастерьев.

Вышеизложенное свидетельствует о большом научном значении исследования Г. Шильферта. Мимо его книги, так же как и мимо книги К. Обермана, бесспорно, не сможет в дальнейшем пройти ни один серьезный историк революции 1848 года. В упрек Г. Шильферту можно, пожалуй, поставить только известное сужение поля исследования: в своей книге он останавливается главным образом на борьбе рабочих масс в Пруссии за демократическое избирательное право, оставляя в стороне аналогичную борьбу демократов-республиканцев, имевшую также немалое значение в демократической революции. Отмечая большое историческое значение организованной кельнскими коммунистами массовой демонстрации 3 марта 1848 г., Г. Шильферт склонен считать именно ее первым шагом в борьбе за демократическое избирательное право⁶². Следует заметить, что значение этой демонстрации заключалось в том, что она впервые выдвигала чисто пролетарские требования. Что касается требований введения всеобщего избирательного права, то они задолго до марта 1848 г. выдвигались на Оффенбургском демократическом съезде и на многих других народных собраниях в юго-западной Германии. Недостаточное внимание к деятельности демократов-республиканцев проявляет Г. Шильферт и при описании политического кризиса в апреле 1848 года. Он подробно останавливается на причинах неудачи массовой демонстрации в Берлине, назначенной на 20 апреля, но почти ничего не говорит об одновременных событиях в юго-западной Германии, имевших для общего исхода борьбы за торжество демократической революции, безусловно, не меньшее, если не большее значение.

⁶¹ М. Фриман. С. Борн, как выразитель экономической тенденции в рабочем движении Германии 1848—1849 годов. «Ученые записки» Ярославского педагогического института, Вып. VII. Ярославль, 1945.

⁶² G. Schilfert. Указ. соч., стр. 36.

Двумя разобранными здесь монографиями не исчерпываются результаты трудов прогрессивных историков ГДР в области изучения революции 1848—1849 годов. По-нятно, что их особое внимание привлекла многогранная революционная деятельность Маркса и Энгельса как редакторов «Новой Рейнской газеты» и как вдохновителей и руководителей молодого еще тогда немецкого рабочего движения. На страницах журнала «Вопросы истории» не так давно была помещена обстоятельная рецензия на книгу того же профессора К. Обермана «К истории Союза коммунистов»⁶³. В этой монографии собран богатейший материал, убедительно доказывающий, что реорганизованный в 1848—1849 гг. Союз коммунистов являлся в последний период революции единственной значительной революционной организацией в Германии и что его члены оказывали самое серьезное влияние на «Братство рабочих» и на другие рабочие союзы того времени.

Истории Союза коммунистов посвящены труды нескольких других историков ГДР. В частности, не малый интерес представляет статья Г. Левентала о судебных процессах, организованных полицией в 1847 г. против членов берлинской общины Союза справедливых и в декабре 1850 г. против членов общины Союза коммунистов⁶⁴. Фактические сведения, собранные автором, позволяют судить об относительно широкой пропагандистской деятельности берлинских коммунистических общин, а также вполне подтверждают подозрения, что сапожник Гетцель — один из руководителей общины «Вперед» в Берлине — вступил на путь предательства задолго до своего окончательного разоблачения на Кельнском процессе Союза коммунистов в 1852 году.

Сборник материалов, относящихся к этому процессу, выпущен К. Виттелем⁶⁵. Помимо подробных отчетов о ходе судебных заседаний, перепечатанных из «Кельнской газеты» и других органов печати, читатель находит в нем многочисленные и хорошо подобранные документы из архивов прус-

ского полицей-президиума, вполне подтверждающие полную историческую достоверность сделанных К. Марксом еще в 1852 г. разоблачений⁶⁶. Среди этих документов особое место занимает малоизвестное письмо Фридриха Вильгельма IV министру внутренних дел Мантейфелю от 11 ноября 1850 г., недвусмысленно требующее задолго до самого Кельнского процесса скорейшей расправы над революционерами. Король советует воспользоваться для этого услугами Штибера. Письмо представляет столь большой интерес, что мы приводим его здесь почти полностью:

«Белльвью, 11 ноября 1850 г.

Дражайший Мантейфель!

Только что ознакомился с докладом о побегах Кинкеля. Это навело меня на мысль, которую я никак не могу отнести к числу прозрачно чистых. Именно, не является ли Штибер как раз той драгоценной личностью, которой предназначено распутать хитросплетения свободолюбивого сообщества и развернуть перед прусской публикой долгожданную картину разоблаченного и, главное, понесшего заслуженную кару заговора? Потропите же с назначением Штибера и дайте ему возможность выступить со своей пробной работой. Я полагаю, что эта мысль носит плодотворный характер, и придаю большое значение ее незамедлительному осуществлению... Сожгите этот листок.

Будьте здоровы. Фридрих Вильгельм»⁶⁷.

Истории Союза коммунистов и, в частности, его процессу посвящен, помимо указанных, еще ряд работ⁶⁸. Из них наиболее интересна статья Г. Винклера «Об историческом месте Союза коммунистов в немецком рабочем движении»⁶⁹. В ней совершенно правильно подчеркивается, что в существующей литературе обычно оттеняется лишь одна сторона вопроса и указывается лишь на международное значение создания

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. VIII, стр. 503—558.

⁶⁷ К. Bittel. Указ. соч., стр. 16. Подчеркнуто прусским королем!

⁶⁸ См. К. Obermann. Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1953, № 3; Max. Schneider. Der Kommunistenprozess zu Köln. «Weg und Ziel», 1955, № 1.

⁶⁹ G. Winkler. Über die historische Stellung des Bundes der Kommunisten in der deutschen Arbeiterbewegung. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1954, № 4, S. 538—550.

⁶³ К. Obermann. Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1852. Berlin. 1955; см. рецензию М. И. Михайлова («Вопросы истории», 1956, № 5).

⁶⁴ Н. Löwenthal. Berliner Prozesse um den Kommunisten Bund in den Jahren 1847 und 1850, «Staat und Recht». Berlin. Oktober 1953. Heft. 5, S. 606—631.

⁶⁵ К. Bittel. Der Kommunistenprozess zu Köln 1852 im Spiegel der zeitgenössischen Presse. Berlin. 1955.

Союза коммунистов, в то время как огромное место, занимаемое им именно в истории немецкого рабочего движения, остается недостаточно раскрытым. Г. Винклер стремится восполнить этот пробел, но, полемизируя с советским историком Е. П. Канделем, без достаточных к тому оснований настаивает на том, что Союз коммунистов уже являлся «первой немецкой революционной марксистской партией»⁷⁰ и не был лишь ее «прообразом», как это более правильно утверждает Е. П. Кандель⁷¹.

Деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса в ходе революции 1848—1849 гг. посвящен ряд работ молодых историков ГДР⁷². Среди них наибольший интерес представляет исследование Д. Шмидта «Борьба «Новой Рейнской газеты» в последний период ее существования за создание самостоятельной организации немецкого рабочего класса»⁷³.

Работа Д. Шмидта опирается на известный и в общем хорошо изученный материал, тем не менее она не плохо вводит читателя в круг тех острых политических вопросов, которые весной 1849 г. волновали массы немецкого народа. Статья в основном правильно разъясняет причины, обусловившие в апреле 1849 г. разрыв руководимой К. Марксом газеты с мелкобуржуазной демократией, и выясняет попытки К. Маркса создать самостоятельную политическую рабочую партию в Германии. Д. Шмидт, однако, не связывает изменения в политической линии «Новой Рейнской га-

зеты» с вопросом реорганизации Союза коммунистов, что, на наш взгляд, является серьезным упущением: нельзя забывать, что Маркс и Энгельс в 1848—1849 гг. являлись членами революционной коммунистической организации и, как таковые, осуществляли тогда политическую линию этой последней.

Помимо указанных работ, специально посвященных проблемам рабочего движения, отметим обстоятельную статью К. Винтера, выясняющую политическое лицо знаменитого немецкого биолога Р. Вирхова и его отношение к происходившим в 1848—1849 гг. событиям⁷⁴. В противовес дворянско-буржуазной историографии, стремившейся представить Р. Вирхова реакционером и националистом, автор, на основании сохранившейся переписки Р. Вирхова с родными, убедительно доказывает, что великий немецкий ученый всегда был и оставался прогрессивным общественным деятелем, выступал как «гуманист и борец за мир, как сторонник дружбы народов и противник шовинизма»⁷⁵.

Мы полагаем, что даже краткий анализ новейших трудов прогрессивных немецких историков в области изучения проблематики революции 1848—1849 гг. позволяет высоко оценить их усилия, направленные на выяснение роли, сыгранной в ходе революционной борьбы молодым тогда еще и недостаточно зрелым германским рабочим классом. Их труды, посвященные истории деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса в ходе революции, истории «Новой Рейнской газеты» и, главное, Союза коммунистов, представляют значительный вклад в общую историографию вопроса, и мимо них, конечно, не сможет пройти ни один исследователь, серьезно изучающий историю Германии XIX века. Меньшее внимание привлекли к себе крестьянские массы и особенно многочисленные еще тогда в Германии ремесленники, также активно участвовавшие в борьбе и в известном смысле даже определившие своей недостаточной стойкостью и уступчивостью исход событий. Еще меньшее внимание уделяется пока прогрессивными германскими историками такому важнейшему вопросу, как борьба за различные пути национального объединения, с особой силой развернувшаяся в

⁷⁰ Там же, стр. 549.

⁷¹ Е. П. Кандель. К. Маркс и Ф. Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М. 1953, стр. 11.

⁷² См. Förster. Marx und Engels und die deutsche Arbeiterbewegung in der Revolution von 1848/49, «Arbeit», 1954, №№ 4—5; R. Schulz. K. Marx und F. Engels Kampf um die Einheit Deutschlands. «Wissenschaftliche Zeitschrift der K. Marx Universität». Leipzig 1952—1953, Heft 9—10, S. 431—440 (Ges.—und Sprach. Serie); H. Teschner. Der publizistische Kampf von Marx und Engels in der Neuen Rheinischen Zeitung. «Wissenschaftliche Zeitschrift der M. Luther Universität», Halle. 1953, Heft I. S. 119—126; G. Heidorn. Die praktisch-revolutionäre Tätigkeit von Marx und Engels während der Revolution von 1848/49 in Deutschland. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock». 1953—1954. Heft I, S. 29—63.

⁷³ D. Schmidt. Der Kampf der Neuen Rheinischen Zeitung für die Schaffung einer selbständigen. Organisation der deutschen Arbeiterklasse. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1953. Heft 2, S. 198—241.

⁷⁴ K. Winter. R. Virchow und die Revolution von 1848. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1954, Heft 6, S. 844—865.

⁷⁵ Там же, стр. 865.

1848—1849 гг. в связи с начавшейся буржуазно-демократической революцией. Углубленная исследовательская работа в этой области должна привести к более пристальному изучению дипломатической истории и вообще истории международных отношений в период революции. Хорошее начало в этой области положено Г. Кречмаром и Х. Шлехте, которые выпустили в свет сборник «Французские и саксонские посольские донесения из Дрездена и Парижа в 1848—

1849 годах»⁷⁶. Поскольку с публикацией документов времен революции 1848—1849 гг. в Германии дело обстоит по-прежнему далеко не блестяще, инициативу лейпцигских профессоров можно только всячески приветствовать.

⁷⁶ Н. Kretzschmar, H. Schlechte. Französische und sächsische Gesandtschaftsberichte aus Dresden und Paris 1848—1849. Berlin. 1956. S. 549.

Рецензии

История СССР

С. ГЕРШБЕРГ. *Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности (1935—1941)*. Госполитиздат. М. 1956. 260 стр. Тираж 20 000. Цена 4 руб. 70 коп.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин писал: «Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами.

Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование»¹.

Социалистическое соревнование в нашей стране — проявление животворного советского патриотизма. На каждом этапе жизни Советского государства народное творчество выдвигало своеобразные формы соревнования, являвшиеся свидетельством активности и самоотверженности в труде, роста новых талантов из среды трудящихся. Коммунистические субботники в годы интервенции и гражданской войны, производственные совещания в период восстановления народного хозяйства, содоговоры, ударные бригады, встречные планы, общественные буксиры в годы первой пятилетки — таковы основные формы этого подлинно народного движения.

В 1935 г. возникло и получило развитие движение новаторов производства, получившее название «стахановского». Этому новому этапу в развитии социалистического соревнования посвящена книга С. Р. Гершберга «Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности (1935—1941)».

Автор правильно отмечает, что ленинские указания явились идейной основой руководства партии социалистическим соревнованием. В книге анализируются труды В. И. Ленина, решения Коммунистической партии по вопросу организации борьбы за поднятие производительности труда, кратко освещается развитие социалистического соревнования в СССР до 1935 г. как история движения трудящихся масс, возглавленного Коммунистической партией.

Стахановское движение как движение новаторов производства было подготовлено всем предшествующим ходом социалистического строительства. В книге показано, что стахановцы имели своих предшественников и учителей в лице многих передовиков — рабочих страны и, в частности, шахтеров, творчески решавших задачи улучшения работы угольной промышленности. Но только в 1935 г., когда механизация Донбасса продвинулась далеко вперед, а технический уровень шахтеров значительно возрос, появился метод Стаханова, правильно оцененный автором как ре-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 367.

зультат всего предшествующего развития Донбасса.

Автор рассказывает, как движение новаторов было поддержано и возглавлено партийными организациями. Шаг за шагом прослеживается живая, опирающаяся на народную инициативу и народный опыт деятельность коммунистов Донбасса — от партийной группы участка «Никанор — Восток», парткома шахты «Центральная — Ирмино» до Донецкого обкома КП(б)У. В книге раскрывается огромная работа Центрального Комитета партии. Газета «Правда» стала трибуной передового опыта и организатором борьбы с трудностями и недостатками.

В книге С. Р. Гершберга дана яркая картина развития смелого почина новаторов в стране. Здесь много имен. Но это не простое перечисление фамилий и пересказ общих фраз, которыми, к сожалению, изобиливали до недавнего времени многие наши книги и брошюры. Автор показывает живых людей, их воспоминания, заметки, письма, раскрывает то особенное, своеобразное, что характерно и для новаторов других отраслей промышленности: ткачих Е. и М. Виноградовых, кузнеца А. Бусыгина, сталевара М. Мазая, перетяжчика обуви Н. Сметанина, фрезеровщика И. Гудова и многих других славных пионеров стахановского движения. Вслед за ними выступили новаторы сельского хозяйства страны: трактористки П. Ангелина и П. Ковардак, комбайнеры Ф. Колесов, К. Борин, С. Полагутин, свекловоды М. Демченко, М. Гнатенко. Эти передовые советские люди повели за собой миллионы трудящихся, обеспечив успешное выполнение второго пятилетнего плана. Эти люди выступают не одиночками-героями, а вместе с их коллективами и партийными организациями.

Коммунистическая партия не только популяризировала опыт новаторов через печать. В течение октября — ноября 1935 г. были проведены слеты и совещания стахановцев, партийных, хозяйственных и профсоюзных работников, представителей инженерно-технического персонала. Вопросы руководства социалистическим соревнованием стояли в центре внимания областных, городских и районных комитетов партии.

Используя материалы архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и периодической печати, автор показывает руководство движением новаторов произ-

водства со стороны Московского и Ленинградского городских и областных комитетов партии, Горьковского и Сталинградского крайкомов партии, раскрывает огромную помощь движению новаторов, оказанную Центральным Комитетом КПСС.

14 ноября 1935 г. по инициативе ЦК партии в Кремле открылось первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта. Рассказывая об этом замечательном событии, автор пишет: «В своих выступлениях на совещании рабочие и работницы воспроизводили картину начавшейся в советской индустрии глубокой технической революции. Она вела к слому, к замене многих технических устоев, понятий, норм, укорененных практикой... Каждый оратор принес на трибуну Всесоюзного совещания крупницы драгоценного опыта, который здесь коллективно осмысливался» (стр. 99).

В книге анализируются выступления новаторов производства, которые выдвинули и обосновали новые методы работы: разделение труда, увеличение машинного времени, многостаночничество, интенсификацию работы машин и агрегатов. На Всесоюзном совещании стахановцев выступили И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, П. П. Постышев, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, А. А. Жданов, Н. М. Шверник, К. Е. Ворошилов. Выступления на совещании, как правильно замечает автор, демонстрировали тесную сплоченность рабочего класса вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. «Обстановка, в которой протекало совещание стахановцев, была настолько теплой и товарищеской, не было никакой стеснительности и принужденности, что я чувствовал себя легко, свободно и радостно — я находился в обществе самых близких людей», — писал участник совещания ленинградский фрезеровщик В. Авдеенко (стр. 101).

Достоинством книги является показ того, как после Всесоюзного совещания росло и крепло движение новаторов производства, какие методы и формы работы применяли партийные организации для роста движения вширь и вглубь. Особенно интересен материал по московской партийной организации, привлеченный автором из архива МК КПСС: районные собрания партактива с выступлениями участников совещания и докладами секретарей райкомов Москвы и Московской области, выявление новых резервов, движение за увеличение выпуска продукции на

существующих производственных мощностях. Так разнообразна и плодотворна была трудовая инициатива народа, возглавленная партией.

Подробно останавливается автор на работе Пленума ЦК партии 21—25 декабря 1935 г., сыгравшего большую роль в развертывании массового движения новаторов производства. В работах этого Пленума ЦК участвовало около трех тысяч хозяйственников, инженеров, техников, рабочих-новаторов. С докладами на Пленуме о задачах тяжелой промышленности, транспорта, пищевой, легкой и лесной промышленности в связи со стахановским движением выступили Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микоян, И. Е. Любимов, С. С. Лобов. В докладах и решениях Пленума были освещены успехи в развитии промышленности и транспорта, достигнутые под руководством партии в период второй пятилетки, подведены итоги выполнения ленинской программы электрификации и индустриализации страны. Декабрьский Пленум ЦК партии наметил ясную и четкую программу развития движения новаторов, организации борьбы за высокую производительность труда².

В книге подробно рассказывается о борьбе Коммунистической партии за массовость движения новаторов на основе выполнения решений декабрьского Пленума ЦК. На конкретных примерах работы отдельных предприятий автор показывает, как под руководством партии повышалась организованность в работе шахт, агрегатов, цехов и смен, как шло постепенное внедрение методов новаторов — от единичных рекордов к стахановским неделям.

С. Р. Гершберг приводит яркие цифры, которые веско, убедительно раскрывают сущность исследуемого явления. Например, на стр. 167 автор рассказывает, что в 1935 г. кузнец А. Бусыгин отковал 1 100 коленчатых валов при норме 675, и это было рекордом. А в 1937 г. уже все рабочие выполняли норму в 1 300 коленчатых валов. Так, в нескольких цифрах лаконично показывается путь технического прогресса, революционная роль движения новаторов производства.

Вторая часть книги, посвященная периоду третьей пятилетки, написана более бледно, разработана менее тщательно, чем

ее первая половина, посвященная началу стахановского движения.

В целом в книге правдиво освещается картина движения новаторов, направленного на поднятие производительности труда, имеющего большое значение не только для 1935—1941 годов, но и для последующего периода. Показывая методы и формы политического и организационного руководства ЦК партии и Советского правительства, наркоматов и местных партийных организаций этим движением, автор правильно оценивает это руководство, как «классический образец искусства партии возглавлять инициативу масс и вести их за собой в борьбе за разрешение задач коммунистического строительства» (стр. 90).

Интересен материал, привлеченный в специальном разделе книги «Международное значение почин рабочих-новаторов в СССР». В нем использованы многочисленные высказывания зарубежной коммунистической печати: «Юманите», «Дейли Уоркер», «Руде право», брошюра видного деятеля Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго «Стахановское движение в социалистическом строительстве», книга известного деятеля Компартии и профсоюзов Франции Пьера Семара «СССР. Его социалистические победы. Стахановское движение».

Картина была бы еще более полной, если бы в этом разделе автор рассказал о подпольных изданиях коммунистической печати, распространявшихся в фашистской Германии в этот период и посвященных стахановскому движению в СССР. Уместно было бы здесь привести и высказывания о движении советских новаторов таких представителей мировой культуры, как Ромен Роллан³, Анри Барбюс и другие.

С. Р. Гершберг приводит также и отклики буржуазной прессы, которая после неудачных попыток замолчать или оклеветать это движение вынуждена была признать его значение.

Примечательными являются выступления французских рабочих текстильщиков, приведенные в книге генерального секретаря Французского общества друзей СССР Фернанда Гренье «Стахановское движение». Текстильщики Жан Обер и Сюзанна Каже с горечью говорят о том, что они работают «лишь мускулами». Много есть на ткацких фабриках Франции ловких рабочих рук. Но в большинстве случаев рабочие плохо чи-

² См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II. Госполитиздат. Изд. 7-е, стр. 810—831.

³ «Известия», № 148, 27 июня 1936 года.

тают и пишут, работают автоматически, не имея понятия о технике ткацкого дела. «Можно ли себе представить, что, скажем, старая мамаша Каже и ее товарищи-ткачи побегут вечером учиться на «курсы усовершенствования»? Зачем? Осваивать технику, чтобы повысить производительность труда? Предложить хозяину производить больше? Нет! У рабочих нашей страны нет на это ни малейшей охоты...» (стр. 230).

Капиталистическая система производства тормозит творческий рост рабочего, мешает его развитию, препятствует культурно-техническому подъему. Сама система капиталистической эксплуатации принижает роль рабочего и, выматывая его силы, стремится превратить его в придаток машины. Развитие социалистического соревнования, движение новаторов производства немыслимы в мире капитализма. Социалистическое соревнование может возникнуть только на почве, очищенной от капиталистической эксплуатации. К этому выводу подводит читателя автор книги. В этом плане интересен пример республиканской Испании, где в 1936 г., во время героической борьбы против фашизма, создавались стахановские бригады. Этот вывод полностью подтверждается опытом, практикой стран, отпавших от системы капитализма в Европе и Азии. Братский обмен опытом с советскими новаторами широко используется и творчески развивается рабочими всех народно-демократических стран.

В заключение автор кратко обобщает значение великого опыта, накопленного Коммунистической партией Советского Союза по руководству разнообразными формами социалистического соревнования. Автор правильно замечает, что этот опыт не только принадлежит истории, но является арсеналом живой жизни, живой практики. Методы руководства, выработанные партией за годы первых пятилеток, творчески применяются и по сей день: например, такие формы общегосударственного руководства соревнованием, как всесоюзные съезды и совещания передовиков производства, практика принятия специальных решений местными партийными организациями о почине передовиков производства, выполнение ленинского требования гласности соревнования, превращение газет в органы производственного воспитания масс.

С. Р. Гершберг, подвергая критике недостатки в практической работе некоторых

организаций, подчеркивает, что партия, поддерживая все новое, живое и прогрессивное, в то же время осуждает парадность и шумиху, неустанно борется с элементами формализма, шаблона и казенщины в руководстве соревнованием. Автор справедливо критикует газеты, которые, рассказав о данном начинании, скупы в раскрытии опыта, в показе того, какими путями были достигнуты результаты. Следует, однако, отметить, что этот упрек был бы значительно действеннее, если бы автор привел здесь конкретные примеры из местных и центральных газет.

Автор, на наш взгляд, правильно подчеркивает необходимость сохранения славных традиций торжественного занесения отличившихся в Книгу почета, на Доску почета, вручения переходящих красных знамен, переключек, смотров, взаимопроверок выполнения обязательств, то есть восстановления тех традиций соревнования, которые, содержа элементы революционной романтики, имеют большое воспитательное значение.

Однако полезная книга С. Р. Гершберга не лишена недостатков. Прежде всего автор недостаточно полно показывает исторический фон движения новаторов, не дает картины успехов социалистической индустриализации, технического прогресса в СССР к началу стахановского движения, и особенно в ходе выполнения второй и третьей пятилеток. Говоря о технической революции, автор не приводит суммарного материала, подтверждающего это определение. Мало, на наш взгляд, используются в книге материалы советской статистики.

Серьезным пробелом является недостаточное освещение проблемы помощи науки производству. Автор приводит по этому вопросу лишь несколько откликов советских ученых. Следовало бы глубже и основательнее, с привлечением фактического материала показать, какие задачи были поставлены перед наукой движением новаторов и как эти задачи решались советской интеллигенцией.

Некоторым отраслям промышленности, например, добыче нефти, почти не уделено внимания. Не анализируется в работе роль советских женщин в движении новаторов.

Освещая огромную работу Коммунистической партии по руководству социалистическим соревнованием и движением новаторов, автор сосредоточил свое внимание на деятельности партийных организаций

Москвы, Ленинграда, Донбасса и некоторых центральных районов страны. Вопросы руководства движением новаторов партийными организациями целого ряда областей и краев, а также национальных советских республик в книге С. Р. Гершберга не освещены.

Особо следует отметить, что в рецензируемой монографии явно недостаточно разработан научно-справочный аппарат. Правда, в книге имеется ряд сносков на источники, однако лишь в отдельных случаях. Научная ценность исследования была бы несравненно выше при наличии хотя бы краткой библиографии, хронологической таблицы, указателя имен и т. д. Все эти элементы научного исследования до сих пор почти не используются Госполитиздатом при издании исторической литературы. Однако они оказали бы серьезную помощь исследователю, преподавателю, студенту для изучения проблемы. Не пора ли, кстати, поставить этот вопрос перед издательством со всей серьезностью?

Было бы полезно также предпослать данной книге обзор и критику имеющейся литературы по исследуемому вопросу. Пренебрежение к вопросам историографии в работах по истории советского общества снижает уровень наших книг, не дает возможности плодотворно использовать и критически освоить накопленный опыт. Между тем у нас имеется ряд историко-экономических исследований, популярных книг и статей, где в той или другой степени рас-

считывается изучаемый вопрос⁴, не говоря уже о диссертациях.

Не менее важен вопрос об исторических источниках. С. Р. Гершберг проделал большую работу в центральных и местных архивах страны, особенно в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и в архиве МК КПСС. Однако известно, что документальный фонд материалов по второй и третьей пятилеткам в ряде местных и ведомственных архивов не сохранился. Поэтому обзор источников для данной работы был бы особенно ценным и полезным для последующих исследователей истории этого периода.

В целом книга С. Р. Гершберга заслуживает положительной оценки.

Она будет с интересом прочтена не только историками, но и партийным активом на предприятиях, рабочими-новаторами и советской интеллигенцией.

Л. М. Зак

⁴ См. Г. Евстафьев. Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М. 1952; И. Кузьмин. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М. 1940; Н. Маслова. Производительность труда в промышленности СССР. М. 1949; А. Штылько. Подъем культурно-технического уровня трудящихся СССР. М. 1953; Н. Нефедьев. История возникновения стахановского движения. «Исторический журнал», 1941, № 1; В. Селицкий. Начало стахановского движения в Ленинграде. «Вопросы истории», 1951, № 11, и др.

«Очерки истории СССР». Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. Под редакцией докторов исторических наук: А. И. Барановича, Б. Б. Кафенгауза, кандидатов исторических наук: П. К. Алефиренко, Ю. Р. Клокмана, Е. Н. Кушевой. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1956. 894 стр. + карты. Тираж 13 000. Цена 55 руб. 35 коп.

Рецензируемый том посвящен второй половине XVIII в. — одному из важных периодов истории России. Развитие капиталистических отношений в недрах феодальной формации достигло к этому времени такого уровня, что уже явственно обозначилось несоответствие феодальных производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил страны. Это по-

казывало, что началось разложение феодально-крепостнического строя. Обострение в этот период классовых противоречий в России, оживление на этой основе общественно-политической мысли, а также распространение идей французских философов способствовали формированию идеологии русского просветительства, видными представителями которого являлись Я. П. Ко-

зельский, С. Е. Десницкий, А. Я. Поленов, Н. И. Новиков и др. В конце XVIII в. с призывом к уничтожению крепостного права выступил первый русский дворянский революционер А. Н. Радищев.

Структура рецензируемого тома «Очерков» не отличается от структуры предшествующих томов. В главах I—V дается характеристика экономического, социального и политического развития Российской империи во второй половине XVIII века. В главах VI—XIII рассматривается история отдельных народов, входивших в состав России. В написании «Очерков истории СССР» принимали участие около 60 историков Москвы и Ленинграда, а также историки союзных республик. В их числе: С. В. Бахрушин, Н. А. Бердзенишвили, М. П. Вяткин, Ю. В. Готье, К. Г. Гуслистый, В. В. Данилевский, Б. О. Долгих, А. Р. Иоаннисян, Б. Б. Кафенгауз, Н. Н. Коваленская, Л. В. Крестова, В. Д. Кузьмина, Е. Н. Кушева, Г. П. Макогоненко, И. П. Петрушевский, Д. Л. Похилевич, С. Д. Сказкин, К. В. Сивков, Н. В. Устюгов, О. Д. Чехович и др.

Главные выводы авторов «Очерков истории СССР» не вызывают возражений. Их можно свести к следующим основным положениям.

1) В 1750—1790 годах в России происходил дальнейший рост производительных сил. Это выражалось в распашке новых земель, колонизации юга и востока страны, росте крупной промышленности, особенно металлургической на Урале. Благодаря подъему промышленности Урала русская металлургия заняла первое место в мире по объему продукции. Неравномерность развития по районам способствовала усилению обособления черноземной полосы от нечерноземной; в первой из них преобладала барщина, во второй — оброк. В экономике страны складывался капиталистический уклад, что проявилось в увеличении числа предприятий с применением наемного труда за счет использования оброчных крестьян. Углублялся процесс социального расслоения городского населения, а также и сельского, где выделялся слой деревенской буржуазии и увеличивалось число бедняцких хозяйств. К концу XVIII в. усилился процесс перерастания мелкой промышленности в мануфактуру. Развитие капиталистических отношений происходило в условиях сохранения феодального строя, тормозившего ход исторического развития.

2) Усиление феодального гнета во вто-

рой половине XVIII в. вызвало обострение классовой борьбы. Антифеодальное движение охватывало все категории крестьян (помещичьих, церковных, государственных, дворцовых) и работных людей (приписных, вечноотданных, наемных). Наиболее крупные выступления крестьян были в Центрально-промышленном районе, в Поволжье и Приуралье. Грандиозный размах приняли народные волнения во время Крестьянской войны 1773—1775 годов под предводительством Е. И. Пугачева.

3) В развитии государственного устройства Российской империи и внутренней политики правительства во второй половине XVIII в. ясно заметны два периода: до Крестьянской войны 1773—1775 годов, когда правительство, прикрывая свою дворянскую сущность, лавировало и проводило отдельные мероприятия в духе «просвещенного абсолютизма», и после нее, когда политика царизма внутри страны стала откровенно реакционной. Рост абсолютизма сопровождался некоторыми уступками формирующейся буржуазии (отмена внутренних таможен, монополий казны, издание жалованной грамоты городам и т. д.). Но эти уступки не затрагивали, однако, основ классового господства дворян.

4) Внешняя политика России во второй половине XVIII в. отвечала интересам господствующего класса дворян, а также купечества и была активной, завоевательной. Однако при всей ее классовой дворянской направленности ряд войн в этот период имел объективно прогрессивное значение: Россия закрепилась в Прибалтике, вытеснила Турцию из Северного Причерноморья и утвердилась на побережье Черного и Азовского морей; украинский и белорусский народы воссоединились с русским народом. Реакционная роль царизма во внешней политике ярко проявилась в резко враждебном отношении к Французской революции и в участии в разделах Польши.

5) Во второй половине XVIII в. произошли серьезные сдвиги в развитии просвещения, науки и техники. В русской культуре заметное влияние приобретало просветительство и появились элементы демократизма. А. Н. Радищев выступил с революционными идеями. Русская наука, передовая общественная мысль, литература и искусство этого периода внесли значительный вклад в сокровищницу мировой культуры.

6) Царизм жестоко угнетал нерусские народы, всячески тормозил развитие их эко-

номики и культуры. В то же время во второй половине XVIII в. росли и крепились еще ранее складываться экономические, культурные и политические связи русского народа с другими народами России, а также с народами Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, не входившими в тот период в состав Российской империи. Это выразилось в расширении и углублении торговых связей и втягивании национальных окраин во всероссийский рынок. Большинство народов России находилось на различных стадиях феодального строя, а у некоторых народов преобладал родовой строй. Передовая роль в социально-экономическом развитии принадлежала русскому народу, и общение с ним нерусских народов способствовало развитию у народов Поволжья, Сибири и других более высокой материальной и духовной культуры.

Таково краткое содержание рецензируемой книги.

«Очерки истории СССР» заслуживают высокой положительной оценки. Собранный и обобщенный в них большой фактический материал позволил весьма полно осветить историю нашей Родины во второй половине XVIII в., несмотря на то, что значительная часть проблем русской истории этого периода не может считаться достаточно изученной. Источниковедческая база «Очерков» довольно широка и разнообразна. Авторский коллектив привлек для освещения целого ряда вопросов неопубликованные архивные документы; в большом количестве использованы сочинения и мемуары современников, русская периодическая печать второй половины XVIII в., статистические сборники, Полное собрание законов, исследования дореволюционных и советских историков.

Особенно удачными в «Очерках», на наш взгляд, являются разделы, посвященные классовой борьбе (и прежде всего раздел о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева), внешней политике России и истории русской культуры. Так, рассказывая о Крестьянской войне, авторы А. И. Андрущенко и С. Л. Марголин дали не только подробное изложение событий, но попытались выявить новые моменты: определили более четко классовый состав движущих сил, этапы Крестьянской войны, особенности и отличия восстания 1773—1775 годов от крестьянских войн XVII века. Раздел о внешней политике (авторы — С. Д. Сказкин, Ю. Р. Клокман,

Е. И. Дружинина, А. М. Станиславская, П. К. Алефиренко) дает много нового и интересного материала о дипломатической истории Русского государства, выясняет место России в международной политике. С большим интересом читаются страницы, посвященные истории русской культуры. Особенно хочется выделить параграф «Литература и журналистика» (авторы — Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина), где доступность и ясность изложения сочетаются с интересным содержанием и новым решением ряда проблем. В целом рецензируемый том является значительным вкладом в советскую историческую науку.

В то же время освещение в «Очерках» ряда вопросов русской истории, а также способ преподнесения материала в некоторых главах вызывают серьезные возражения. Существенным недостатком является то, что авторам (К. В. Сивкову, Б. Б. Кафенгаузу, П. Г. Рындзюнскому, К. Н. Щепетову, Ю. Я. Когану, В. Н. Яковцевскому) не удалось с необходимой полнотой и глубиной показать социально-экономическую историю России во второй половине XVIII века. Материал о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве носит в значительной мере иллюстративный характер. Утверждения авторов о растущей товарности сельского хозяйства (стр. 30, 31, 33, 44 и др.), сосредоточении земельной собственности в руках разбогатевших крестьян (стр. 38, 52—53), о роли скупщиков во втягивании сельского хозяйства в рыночные отношения (стр. 64 и др.) слабо подкреплены фактическими данными. При изложении причин, способствовавших расслоению и разорению крестьян и отрыву их от сельского хозяйства, из поля зрения авторов выпал вопрос о роли фискальной системы и государственных на-

логов. Маркс подчеркивал значение фискальной системы для отрыва непосредственных производителей от средств производства в процессе первоначального накопления. «Экспроприирующее действие фискальной системы,— писал он,— ещё усиливается благодаря протекционизму, который сам представляет одну из неотъемлемых составных частей фискальной системы»¹.

К числу серьезных недостатков «Очерков» относится слишком общая характеристика развития промышленности России

¹ К. Маркс. Капитал. Т. 1. Госполитиздат. 1955, стр. 760.

во второй половине XVIII в. (автор — М. П. Вяткин). На наш взгляд, слабо освещены такие важные вопросы, как разделение труда на мануфактурах, соотношение квалифицированных и неквалифицированных работников, преемственность в труде рабочих людей, формирование постоянных рабочих кадров и т. д.

Сосредоточив основное внимание при характеристике внутренней политики на изучении законодательства и материалов, связанных с деятельностью Уложенных комиссий 1754 и 1767 годов, авторы, как нам кажется, недостаточно анализируют многочисленные проекты улучшения состояния промышленности, торговли, финансов и т. д., обедняя тем самым содержание «Очерков». Развитие товарно-денежных отношений в стране, активное втягивание помещичьего и крестьянского хозяйства в рыночные отношения, усиление притока сельского населения в промышленность, финансовые мероприятия правительства, рост крестьянских волнений и многие другие вопросы глубоко волновали современников. Во второй половине XVIII в. правительству было подано свыше ста различных проектов и записок². Часть этих проектов была опубликована³ и подвергнута анализу⁴. Среди авторов проектов и запи-

сок были не только купцы и заводчики, но и такие крупные государственные деятели, как П. И. Шувалов, Я. П. Шаховской, М. И. Воронцов, П. И. Рычков, М. М. Щербатов, Д. А. Голицын, А. А. Вяземский и многие другие. Одновременно с появлением многочисленных сочинений русских авторов было переведено значительное число произведений о торговле, мануфактурах, денежном обращении и пр. с французского, немецкого, английского и других языков⁵. Авторы «Очерков» поступили бы более правильно, если бы шире использовали эти материалы, так как анализ проектов позволил бы глубже и полнее показать классовый характер внутренней политики правительства в области промышленности, торговли и т. д.

Ничем не оправдано включение сведений о финансах в раздел о торговле (стр. 148—151): это нарушает структуру тома. Рассмотрение истории финансов России во второй половине XVIII в. следовало бы выделить в отдельный параграф и поместить его в третью главу — «Государственный строй и внутренняя политика». Истории финансов, а также созданию системы банков в России авторами «Очерков» уделено очень мало места (стр. 143—146, 148—151). Цель создания банков трактуется ими слишком узко, утилитарно, в то время как образование системы банков в тот период свидетельствовало о новом явлении в товарно-денежных отношениях, объективно способствовало развитию капитализма в России, являясь фактором первоначального накопления.

Малоудачны, на наш взгляд, подбор материала и выводы авторов, сделанные в параграфах 2 и 4 второй главы («Классовая борьба»). Здесь говорится о борьбе рабочих людей в 50—60-х и 70—80-х годах XVIII века. Авторы (М. П. Вяткин и П. Г. Рындзюнский) утверждают, что борьба рабочих людей на мануфактурах в 70—80-х годах отличалась от борьбы 50—60-х годов по характеру требований, по числу участников и т. д. Но приведенный в книге материал по этому вопросу показывает, что сколько-нибудь существенных различий в требованиях рабочих людей в тот или другой период не было (стр. 179—193, 243—246). Нет четкости и в определении времени зарождения такого нового средства борьбы рабочих людей против капиталистической эксплуатации,

² К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. СПб. 1886, стр. 99—101.

³ «Письмо конференц-секретаря Д. В. Волкова о русской торговле». «Архив кн. Воронцова». Т. 24. М. 1880; фон Клингштедт. План приведения российской торговли в лучшее состояние. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (ЧОИДР). Кн. 2. М. 1863; «Мнение кн. Щербатова, члена Комиссии о коммерции, о поправлении баланса российской торговли». См. К. Лодыженский. Указ. соч. Приложение № 5, стр. 27—45; М. М. Щербатов. Неизданные сочинения. М. 1935; многочисленные проекты П. И. Шувалова и других об улучшении финансов страны, заведении банков, развитии торговли и документы об их обсуждении в Сенате и других центральных учреждениях опубликованы в издании: вел. кн. Георгий Михайлович. Монеты в царствование имп. Елизаветы и имп. Петра III. Тт. 1—2. СПб. 1896; его же. Монеты в царствование имп. Екатерины II. Т. 1. СПб. 1894 и т. д.

⁴ И. С. Бак. Дмитрий Алексеевич Голицын (Философские, общественно-политические и экономические воззрения). «Исторические записки». Т. 26. 1948, стр. 258—272; «История русской экономической мысли». Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 1. IX—XVIII вв. М. 1955, стр. 458—699 и др.

⁵ К. Лодыженский. Указ. соч., стр. 102—103 и др.

как стачка: ее возникновение относится то к 50—60-м годам (стр. 193), то к 70—80-м (стр. 246).

Во введении и в третьей главе, при характеристике внутренней политики в 50-х годах XVIII в., авторы несколько раз упоминают о политике «просвещенного абсолютизма» (стр. 6, 263—265, 273, 284, 288, 292). Содержание и понятие политики «просвещенного абсолютизма» в нашей исторической литературе в последнее время получили различную оценку. В этой связи хотелось бы, чтобы авторский коллектив более четко определил классовую сущность, типичные приемы и методы политики «просвещенного абсолютизма», а также причины, порождавшие или вызывавшие проведение подобной политики дворянским правительством. Из «Очерков», однако, не вполне ясно, что понимают авторы под политикой «просвещенного абсолютизма», так как «демагогическую фразеологию» (стр. 264), «содействие развивавшейся буржуазии» (стр. 265) со стороны правящих кругов можно найти не только во второй половине, но и в первой четверти XVIII века. Нет ясности и в том, в какие же периоды осуществлялась в России политика «просвещенного абсолютизма»: сперва авторы считают, что после разгрома Крестьянской войны прекратились лицемерные жесты в духе «просвещенного абсолютизма» (стр. 6), но позже, при изложении материала о внутренней политике царизма в конце 70—80-х годов, они не раз вновь возвращаются к нему (стр. 288, 292).

В разделе, посвященном внешней политике, авторы хорошо осветили историю дипломатии и ход боевых операций во время войн, показали классовый, дворянский характер внешней политики России. Однако следует отметить неровность изложения материала. Так, если в 3-м параграфе четвертой главы («Русско-турецкая (1787—1791) и русско-шведская (1788—1790) войны») довольно равномерно показана дипломатическая история и ход военных действий, то в параграфе 1-м («Россия в Семилетней войне (1756—1763)» авторами сделан упор на освещение военных операций, а в следующем параграфе («Русско-турецкая война 1768—1774 гг. Первый раздел Польши»), наоборот, главное внимание уделено дипломатической истории.

В главе, рассматривающей русскую культуру, дано представление о развитии просвещения, науки и техники, передовой общественной мысли, литературы и искус-

ства. Но некоторые разделы этой главы не вполне удовлетворяют читателя. Правильно сосредоточив основное внимание на развитии передовой общественной мысли, авторы П. К. Алефиренко, Г. П. Макогоненко, Ю. Я. Коган отказались от критического анализа взглядов представителей господствующего класса крепостников, что представляется нам неправильным. При таком подходе авторам не удалось показать во всем объеме борьбу двух течений в русской общественной мысли — прогрессивного и реакционного.

Развитие товарно-денежных отношений в стране и неумение части дворян приспособиться к новым условиям, рост крестьянского движения вызывали серьезную тревогу у господствующего класса. Для борьбы с этими явлениями некоторые представители дворянства стали искать выход в усилении крепостничества и увеличении сословных привилегий дворян, в то время как другие, наиболее дальновидные робко высказывались за постепенную отмену крепостного права (Д. А. Голицын). Первую точку зрения развивал и подробно аргументировал крупнейший дворянский идеолог и публицист М. М. Щербатов, но характеристике его общих взглядов и исторических воззрений отведено лишь несколько строк (стр. 459).

В последние годы советские ученые много сделали для того, чтобы показать взгляды А. Н. Радищева, который олицетворял собой вершину русской общественно-политической мысли конца XVIII века. Раздел о А. Н. Радищеве в «Очерках» отражает достижения нашей исторической науки, в нем вполне определенно показано, что А. Н. Радищев выступал противником самодержавия, являлся первым русским революционером. Его «Путешествие из Петербурга в Москву» целиком было посвящено острой критике крепостничества. В данном разделе не лишним было бы оговорить существование среди советских историков различных точек зрения при оценке политических взглядов Радищева, его места в истории революционного движения в России, охарактеризовать экономические взгляды Радищева, что позволило бы всесторонне раскрыть его мировоззрение.

В разделе о русской общественной мысли авторы не только не показали «сочувственников» и «единомышленников» А. Н. Радищева — В. В. Пассека, Г. И. Попова, И. П. Пнина, П. И. Челищева, П. А. Словоцова, В. В. Попугаева, И. Рожнова и дру-

гих «радищевцев», но даже не упоминают о них, хотя материал об идейных единомышленниках А. Н. Радищева в советской исторической литературе имеется⁶. В результате у неискушенных читателей может сложиться ошибочное представление о том, что Радищев был одинок.

Следует отметить, что глава о культуре содержит в основном сведения о развитии науки и литературы в Петербурге и Москве; в ней приведено очень мало сведений о культурной жизни провинции, это является существенным недостатком главы.

В рецензируемых «Очерках» большое место (немного менее трети тома) отведено освещению истории народов Украины, Белоруссии, Севера, Поволжья, Приуралья, Сибири, Прибалтики, Молдавии, Кавказа, Казахстана и Средней Азии. Авторами собран и систематизирован значительный фактический материал по истории нерусских народов, причем многие факты впервые вводятся в научный оборот. В целом «Очерки» дают самое общее представление о социально-экономической, политической и культурной истории нерусских народов. Авторы правильно поступили, уделив значительное внимание показу влияния переломной русской культуры, укреплению и расширению связей между русским и нерусскими народами. Однако не все в этих разделах в равной мере может удовлетворить читателя. Главы, в которых рассматривается история отдельных народов, по полноте изложения особенностей социально-экономических отношений, политической истории, материальной и духовной культуры написаны не одинаково. Если часть разделов о нерусских народах написана в исследовательском плане, с привлечением значительного количества новых фактов и дает довольно полное представление об истории этих народов: «Народы Севера» (Н. В. Устюгов), «Народы Поволжья» (Е. А. Швецова), «Башкирия» (Н. Ф. Демидова), «Народы Северного Кавказа» (Е. Н. Кушева и Е. И. Дружинина), «Казахстан» (Н. Г. Аполлова), — то остальные очерки носят общий характер, содержат

мало свежего материала, многие важные события из истории отдельных народов не нашли в них отражения. Это касается прежде всего главы об Украине (авторы — И. Д. Бойко, В. А. Голобуцкий, А. И. Баранович и К. Г. Гуслистый). Очерк, посвященный истории украинского народа во второй половине XVIII в., получился до известной степени поверхностным, в нем недостаточно конкретных фактов по социально-экономической истории. В результате этого авторам не удалось с должной полнотой показать особенности развития экономики Украины этого периода, развитие новых, капиталистических отношений. Так, рост товарности сельского хозяйства Украины в это время, при отсутствии хороших путей сообщения с Центральной Россией, необходимых для вывоза украинского хлеба, находил отражение в широком развитии винокурения, но об этом авторы почему-то почти не говорят. Ничего не сказано о складывании украинской нации, что, на наш взгляд, является серьезным упущением. Воссоединение Украины с Россией, развитие товарного производства и укрепление торговых связей способствовали изживанию хозяйственной раздробленности украинского народа, объединению отдельных частей Украины (Левобережье, Запорожье, а затем и Правобережье) и укреплению экономических и культурных связей между ними. В результате этого создались условия для формирования украинской нации⁷.

Ни во введении, где содержится историографический обзор, ни в шестой главе («Украина») авторы почему-то не подвергли критике антинаучные концепции украинских буржуазно-националистических историков (М. С. Грушевского и др.) по истории Украины этого периода⁸. Авторы правильно показали наличие далеко зашедшего социального расслоения среди запорожских казаков, но не раскрыли ошибочности утверждений украинских националистов об отсутствии там классовых противоречий⁹.

Неполнота и недостаточная аргументированность есть и в других главах по истории нерусских народов. Так, в разделе

⁶ См. о них подробнее Л. Светлов. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в. «Из истории русской философии XVIII—XIX веков». Сборник статей. М. 1952, стр. 38—72; К. В. Сивков. Читатели и распространители «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в конце XVIII века. «Исторические записки». Т. 40. 1952, стр. 279—282 и др.

⁷ «История Украинской ССР». Т. 1. Киев. 1953, стр. 371—372.

⁸ Там же, стр. 355, 357; З. К. Звездин. К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII в.— начале XVIII в. «Исторические записки». Т. 39. 1952, стр. 181—203.

⁹ См. «История Украинской ССР». Т. 1, стр. 362.

о Карелии важные положения о быстром росте товарного производства и товарного обращения и усилении роли скупщика (стр. 631—635), по сути дела, только декларируются. В параграфе о народах Поволжья почти полностью обойден вопрос о положении так называемых лашманов — татар и марийцев, приписанных к Адмиралтейству и обязанных заготавливать лес для строительства флота. Эта большая группа нерусского населения Поволжья находилась в очень тяжелом положении, а о ней автор лишь упоминает.

Излишне общий характер носит изложение хозяйственной истории народов Сибири. Так, неясно, какие народы под влиянием русских начали заниматься земледелием (стр. 669); не отмечено увеличение финансового гнета в связи с реформой ясачного обложения в Якутии в 60-х годах XVIII в. (стр. 673—676) и т. д.

Нельзя не пожалеть о том, что авторы рецензируемого тома привлекли для освещения истории России во второй половине XVIII в. в общем все же небольшое число новых архивных источников.

Остановимся на характере изложения материала в «Очерках». В указанном томе не всегда соблюдается последовательность в изложении, имеются повторения. Например, определение основных задач «Очерков» и характеристика узловых проблем даются не только во введении, но и в заключении, которое в значительной мере повторяет введение. Было бы более правильным, по нашему мнению, использовать удачный опыт издания «Очерков истории СССР, XVII в.», где в заключении рассмотрен вопрос о формировании русской нации. Вторая половина XVIII в. является, по справедливому мнению авторов «Очерков», «переломным» моментом в истории нашей Родины (стр. 24). К этому времени относится складывание капиталистического уклада, углубление социального расслоения и т. п. Поэтому в заключении было бы целесообразно подвести итоги социально-экономическому и культурному развитию страны в изучаемый период и осветить дальнейший процесс формирования русской нации.

Имеются повторения и в других местах книги. Например, о межевании земель и отмене внутренних таможенных пошлин говорится на стр. 76, 260—262, определении «тягла» на стр. 52, 56 и т. д. В «Очерках» встречается ряд терминов, не имеющих пояснений: «берковец», «юфть» (стр. 128),

«служебные думы» (стр. 615), «земяне» (стр. 616) и др.

Обзор историографии дан во введении, но в дальнейшем авторы почему-то сделали отступление от этого принципа и включили в текст обзор литературы о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева (стр. 193—207), не содержащий ничего принципиально нового по сравнению с тем, что уже было сказано во введении. Читатель будет в недоумении, почему авторский коллектив и редакторы поступили таким образом в отношении литературы о Крестьянской войне, не сделав этого при трактовке дискуссионных вопросов о социальной природе русской мануфактуры, времени складывания капиталистического уклада и других нерешенных проблем. Кстати, в «Очерках» совершенно недостаточно обращено внимания на общие дискуссионные вопросы исторической науки (и во введении и в тексте). Вследствие этого изложение и выводы авторов даются по всем разделам в категорической форме, без всяких оговорок.

Особо необходимо остановиться на указателях. Обычно в рецензиях, за немногими исключениями, на них не обращают специального внимания, однако, по нашему мнению, указатели к «Очеркам» заслуживают подробного разбора.

В ранее вышедших томах «Очерков» был избран средний тип указателей, где, кроме наименований, сообщались краткие дополнительные сведения. Этот же тип, по-видимому, избрал и автор указателей рецензируемой книги (А. П. Виноградова), однако последовательно его не провел. Составитель именного указателя решил, что для авторов, чьи работы использованы в томе, довольно ограничиться фамилиями и инициалами с краткими указаниями: историк, писатель и т. д. Данные о большинстве исторических деятелей, упоминаемых в тексте книги, приведены в указателе более подробно: указано их общественное положение, отмечена их роль и значение в историческом процессе. Сделано это удачно для многих, порою даже второстепенных лиц.

Но некоторым крупным и подлинно народным деятелям «не повезло». Например, о лучшем из пугачевских полководцев — выборном атамане яицких казаков Андрее Афанасьевиче Овчинникове сказано следующее: «Овчинников Андрей (отчество не указано, хотя оно хорошо известно.— *Рец.*), яицкий казак, атаман в войске Пугачева». Думается, что полководец, разгро-

мивший регулярные войска генерала В. А. Кара и с исключительным упорством, мужеством и умением руководивший сопротивлением повстанцев в бою под крепостью Татищевой, заслуживал большего внимания. Столь же мало сказано и о другом крупном деятеле Крестьянской войны 1773—1775 годов — Иване Никифоровиче Зарубине, по прозвищу Чика. Основное название дано даже не на его настоящую фамилию «Зарубин», а на прозвище «Чика». При этом сказано: «Чика-Зарубин, яицкий казак, соратник Пугачева». У Е. И. Пугачева было немало соратников из яицких казаков, но не каждый из них был таким крупным организатором, успешно управлявшим целым краем, как И. Н. Зарубин. Афанасий Тимофеевич Соколов, по прозвищу Хлопуша, также в указателе дан по прозвищу, инициалы его не раскрыты. Организатор и предводитель работных людей горных заводов Урала имеет право претендовать на большее внимание со стороны составителя указателя. Так обстоит дело в указателе с крупнейшими деятелями Крестьянской войны конца XVIII века. Между тем о второстепенных лицах, например о статс-секретаре Екатерины II П. В. Завадовском, сказано подробнее, хотя в тексте «Очерков» о нем говорится единственный раз, в связи с пожалованием ему имени в Белоруссии.

Некоторые сведения указателя неверны. Мухаммеджан Гуссейнов (Хусаинов) назван казахским муфтием, хотя таких муфтиев не существовало в природе. М. Хусаинов был первым оренбургским муфтием, управлявшим мусульманами всей России, кроме Таврического полуострова, где был свой муфтий.

Не лучше обстоит дело и с географическим указателем. Когда географический пункт имеет несколько названий, все данные о нем и перечень страниц должны даваться по основному названию, а по всем другим даются только ссылки. Составитель поступил иначе, указав различные названия, и под каждым поместил разные страницы. Например, слобода Вязники и город Вязники, Орская крепость и город Орск и др. Иногда автор делает наоборот: под од-

ним названием объединяет различные пункты. Например, из трех страниц, какие указаны к названию Троицк, две относятся к Троицкому острову, Троицкой провинции, и одна — к г. Троицку (Троицкой крепости) Оренбургской губернии, причем отдельно и с другими страницами даны и Троицкая крепость и Троицкий острог.

Наконец, нужно сказать о некоторых географических «открытиях» составителя. До сих пор считалось, что р. Томь — правый приток Оби. Указатель утверждает, что Томь впадает в р. Зею. Другим «открытием» указателя является река Усть-Сысоло, тогда как эта река называется Сысолой, а Усть-Сысоло — название населенного пункта, находившегося при впадении Сысолы в Вычегду. Ныне на месте этого пункта расположена столица Коми АССР г. Сыктывкар. Перечень ошибок в указателях можно было бы увеличить. Возникает законный вопрос: почему редакция тома, состоящая из пяти человек, не поправила составителя указателей?

Отмеченные недостатки значительно снижают качество рецензируемого издания, но не меняют его общей положительной оценки. Авторами проделана большая и полезная работа по выявлению и систематизации фактического материала. Поэтому надо всячески приветствовать выход в свет «Очерков истории СССР», которые не только подводят итоги изучению истории второй половины XVIII в., но и содержат ряд новых ценных наблюдений и до известной степени заполняют пробел в исследовании этого весьма важного периода в развитии нашей страны.

«Очерки» снабжены большим количеством карт (составлены И. А. Голубцовым), хорошо подобранными и красочными иллюстрациями (Н. А. Бакланова). Они явятся ценным пособием при изучении истории нашей Родины второй половины XVIII в. как для историков-специалистов, преподавателей, студентов, аспирантов высших учебных заведений, так и для широких слоев советской интеллигенции.

С. М. Троицкий,
Т. М. Ягодина

«История СССР». Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. Под редакцией членов-корреспондентов АН СССР М. В. Нечкиной, Б. А. Рыбакова, докторов исторических наук А. А. Новосельского, А. В. Фадеева, Л. В. Черепнина (отв. редактор) и проф. В. И. Лебедева. Госполитиздат. М. 1956. 896 стр. Тираж 100 000. Цена 20 руб.

Создание марксистских учебников по отечественной истории является одной из важнейших задач советских историков. Поэтому выход в свет нового учебника истории СССР для студентов исторических факультетов высших учебных заведений следует признать весьма положительным фактом. В его написании и редактировании приняли участие свыше 20 сотрудников Института истории АН СССР и исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

В какой же мере новый учебник отражает современное состояние советской исторической науки, насколько последовательно проводится в нем ленинский принцип партийности при анализе исторических явлений, как разрешены идейно-воспитательные задачи, правильно ли он построен в учебно-методическом отношении, удовлетворяет ли современным требованиям преподавания отечественной истории в высшей школе?

Исходя из этих важных, определяющих положений, следует дать в общем положительную оценку новому учебнику и признать, что во всех указанных направлениях авторский коллектив и редакторы, несомненно, проделали большую и полезную работу.

По сравнению с принятым прежде на исторических факультетах первым томом учебника истории СССР, изданным десять лет назад и чрезвычайно устаревшим (а в некоторых разделах и по сравнению с выпущенным в 1954 г. третьим изданием второго тома), новый учебник является определенным шагом вперед. Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на значительное улучшение, в нем имеется еще целый ряд недостатков и упущений, заслуживающих серьезной критики.

Главное условие, определяющее доброкачественность любого учебника,— его идейно-теоретический уровень, методологическая направленность. В этом отношении авторы рецензируемой книги добились успешного разрешения ряда поставленных перед ними задач. Основные проблемы ис-

тории СССР с древнейших времен до середины XIX в. рассматриваются в учебнике в свете марксистско-ленинского учения о первобытнообщинной, рабовладельческой и феодальной формациях. Составители стремились не просто сообщить учащимся определенную сумму исторических фактов, а раскрыть на конкретном материале важнейшие закономерности в развитии народов нашей страны, дать классовый анализ исторических событий. В новом учебнике значительно большее место, чем в прежнем, уделено вопросам социально-экономической истории, развитию классовой и национально-освободительной борьбы народов СССР, показу роли народных масс.

Как положительную сторону нужно отметить отсутствие в учебнике чрезмерного количества различных цитат, которое было характерно для большинства прежних изданий. Однако в этом деле допущен некоторый перегиб. Например, ничем не оправдано исключение из текста книги ряда важнейших положений классиков марксизма-ленинизма, в особенности ленинских оценок, относящихся к истории России и имеющих огромное научно-теоретическое и воспитательное значение. Рассматривая на протяжении почти всей книги историю феодальной формации, авторы не нашли места для классической характеристики основных черт барщинного хозяйства, которую дал В. И. Ленин. В книге отсутствует ленинская характеристика русского просветительства, не приведена полностью оценка Лениным XVII в. как начала «нового периода русской истории», опущены ленинские положения о формах «соединения промысла и земледелия», о трех стадиях развития капитализма в промышленности, нет многих других оценок и характеристик. Все это обедняет методологическую основу учебника.

Второй крупный недостаток, снижающий теоретический уровень книги,— почти полный отказ авторов от полемики с ошибочными и фальсификаторскими построениями дореволюционных и современных буржуазных историков, от разоблачения антинаучных концепций истории России.

Отказавшись от помещения специальных историографических справок, имевшихся в прежних учебниках, авторы в то же время не выполнили в должной мере своего обещания, данного во введении, сообщать в тексте учебника о различных точках зрения, существующих в литературе (см. стр. 11). Немногочисленные указания в отдельных разделах книги на ошибочность буржуазных точек зрения не раскрывают существа дела и носят формальный характер (исключение составляет лишь критика норманской «теории» на стр. 60—68, которая, впрочем, тоже могла бы быть более острой). При таких условиях книга во многих местах утрачивает боевой дух, слабо вооружает читателей методом марксистской критики, не приучает студентов к тому, чтобы они не только знали факты, но и «учились сравнивать старую науку и новую»¹. Отсутствие историографических и источниковедческих материалов, развернутой научной аргументации выдвигаемых положений сообщает изложению во многих местах категорический или даже догматический характер. Значительно резче и убедительнее следовало бы сформулировать исходные методологические позиции во введении к учебнику, к сожалению, написанном очень бледно.

Важной задачей при составлении учебника является отбор материала и его расположение. Хотя вопрос о типе учебного пособия по истории для высшей школы и поныне еще окончательно не решен, есть все основания считать, что учебник не должен заключать в себе подробное и исчерпывающее изложение материала по всем вопросам истории СССР, являться своего рода энциклопедическим справочником по истории. Назначение учебника в том, чтобы сообщить студентам необходимый минимум строго отобранных и проверенных фактов, а главное, дать четкое и ясное представление об основных проблемах исторического развития народов нашей страны, о главных исторических процессах, о важнейших закономерностях.

Авторы правильно поступили, поставив цель сократить общий объем учебника, разгрузить его от излишних подробностей и второстепенных фактов, дать более сжатое, компактное изложение. Но выполнили они эту работу очень неровно, не довели

ее до конца. В одних разделах и главах книги оказались совсем опущенными многие важные вопросы, в других — сохранились длинноты, повторения и малозначащие детали. Например, студент узнает из учебника о том, на ком был женат и как проводил время царевич Алексей (или другие детали подобного рода), но почти ничего не найдет там о внутреннем строе Золотой Орды, о системе татарского господства в русских землях и т. п.

Большинство глав и параграфов все еще перегружено материалом. Желая сказать о многом и в то же время сократить объем учебника, авторы ведут изложение сухо и торопливо, часто ограничиваются только оценкой того или иного явления, не разъясняя его сущности, и, таким образом, впадают в схематизм. Можно с уверенностью сказать, что студенты будут читать такие разделы неохотно.

В композиционном отношении новый учебник имеет ряд преимуществ перед прежним, материал в нем расположен более стройно и последовательно. Авторы положили в основу правильный принцип деления материала по томам в соответствии с принятой периодизацией исторического процесса по формациям: первый том доводится до конца феодальной формации, а не до 1800 г., как это делалось в прежних изданиях. Правда, это значительно осложнило работу по отбору материала и отчасти обусловило те недостатки в изложении, о которых говорилось выше. Выделение отдельных периодов внутри феодальной формации (II—V разделы учебника), хотя и не является абсолютно бесспорным, подчинено единому принципу и может быть признано логичным. Весьма ценной надо признать попытку авторов и редакторов по-новому разрешить сложную задачу изложения истории русского народа в тесной связи с историей других народов нашей страны путем включения важнейших этапов истории нерусских народов в основные главы книги. Этим составители рецензируемой книги в значительной степени приблизились к требованиям, которые предъявляются к учебникам истории СССР.

Деление текста на главы и параграфы, за небольшими исключениями, произведено правильно. В методическом отношении хороши «форточки», помогающие студенту быстро находить нужный материал.

Недостатком структуры является, на наш взгляд, чрезмерная дробность материала,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIX. Изд. 3-е, стр. 442.

его фрагментарность, что отчасти связано со стремлением авторов изложить синхронно различные исторические явления. Сам по себе правильный, этот принцип требует более тщательного выделения отдельных проблем, периодов и т. д. с тем, чтобы сохранить непрерывность изложения и избежать ненужных повторений, обилия общих характеристик и определений, которых в разбираемой книге, к сожалению, немало (особенно в разделах, посвященных социально-экономической истории, истории отдельных народов и пр.).

Таковы некоторые общие соображения о новом учебнике. Обратимся к замечаниям по важнейшим проблемам истории СССР, получившим освещение в книге.

Как уже указывалось, авторы полнее и теоретически более глубоко, чем в предшествующем учебнике, освещают экономическую историю. В книге в основном верно показана связь экономических процессов с социальными и политическими. Читатель найдет в учебнике краткие характеристики основных черт первобытнообщинного и рабовладельческого строя, правильное объяснение явлений, связанных со сменой общественно-экономических формаций.

Главное внимание авторы сосредоточивают на вопросах возникновения, развития и кризиса феодального способа производства. Новые хронологические рамки учебника позволили более отчетливо показать главные этапы развития феодализма, дать целостное представление об эволюции его важнейших черт. Впервые период разложения феодализма предстает перед читателем как единый диалектический процесс последовательного развития капиталистического уклада в России в рамках сохранявшей свое господство феодально-крепостнической формации.

Однако не все вопросы здесь поставлены и освещены должным образом. Общая характеристика феодализма, данная в главе III на стр. 42—43 (автор — Б. А. Рыбаков), неполна и страдает серьезными погрешностями. Прежде всего недооценивается значение такой главной, определяющей черты феодализма, как господство натурального хозяйства. По учебнику получается, что натуральное хозяйство присуще только деревне и усадьбе феодала, город же находится вне этой системы. Ничего не говорится о низком, рутинном состоянии техники и причинах этого явления. Читателю так и остается неясным,

кому же принадлежат при феодализме средства производства (кроме земли) — крестьянину или феодалу, так как на стр. 23—24 и 42 содержатся противоречивые утверждения. Не определено отношение авторов к поставленным в нашей литературе вопросам об основном экономическом законе феодализма, об основном противоречии феодального способа производства.

В учебнике слабо освещен генезис феодализма у восточных славян и других народов нашей страны. Содержащиеся в книге самые общие данные не могут заменить собой конкретного анализа исторических условий возникновения феодальных отношений. При этом не делается никаких замечаний о состоянии изучения этого вопроса к моменту написания учебника. В начале главы V (стр. 101) недостаточно обоснован важный тезис о прогрессивности перехода к феодальной раздробленности (автор — В. Т. Пашуто).

Значительное место в учебнике отводится показу развития производительных сил в различные периоды истории нашей страны, приведены краткие сведения о технике сельского хозяйства, урожайности, об уровне ремесленного и мануфактурного производства, о технических и научных знаниях. К сожалению, в этих разделах авторы многократно и назойливо повторяют трафаретные определения, одни и те же общие данные (о пашенном земледелии и трехполье, о сельскохозяйственных культурах, о видах ремесла и др.). В ряде разделов содержатся интересные сведения о передвижении населения в связи с развитием хозяйства.

В книге достаточно убедительно показаны эволюция форм феодальной земельной собственности, а также этапы и формы докапиталистической ренты. Наряду с сельскохозяйственным производством в феодальной деревне в учебнике охарактеризованы различные формы докапиталистической промышленности и феодальный город. Нам представляется, что автор XX главы Б. Б. Кафенгауз более верно, чем это делалось прежде, определяет социально-экономическую природу промышленности XVIII в. как полуфеодальную, полукапиталистическую, указывая при этом и на другие точки зрения (стр. 515). В учебник введена (правда, слишком лаконичная) характеристика первоначального накопления и его особенностей. Следовало бы раскрыть более отчетливо процесс первоначального

накопления не только в первой половине XVIII в., но и в предшествующий период.

Авторы XVI и XVII глав (Н. И. Павленко, В. И. Лебедев, П. П. Епифанов) не вскрывают достаточно ясно сущность политики меркантилизма при Петре I, не показывают особенностей этой политики. Вообще в книге следовало бы уделить больше внимания выяснению своеобразия, специфических особенностей процесса социально-экономического развития России.

Одной из удачных является глава XXIV (автор — М. К. Рожкова), посвященная экономическому развитию России в первой половине XIX века. Автор правильно начинает показ процесса разложения феодализма с сельского хозяйства, без чего невозможно понять условия развития капиталистической промышленности. В главе, с учетом новых работ, правильно фиксируется внимание не только на отсталости экономики России, но и на тех реальных сдвигах, которые происходили в производстве, в технике сельского хозяйства и промышленности. Говоря о начале промышленного переворота в России, автор характеризует его не только с технической, но и с социальной стороны, с точки зрения той перестройки производственных отношений, которая была неизбежным следствием переворота. Положительным моментом является включение в главу параграфа об особенностях социально-экономического развития центра и национальных районов России. Однако автор не показывает борьбы вотчинной и посессионной мануфактур с мануфактурой капиталистической. Ничего не говорится также о месте России в системе мировой экономики в первой половине XIX века.

Как несомненное достоинство учебника можно отметить правильное освещение в нем классовой борьбы и народных движений. В соответствующих разделах содержится свежий материал, много новых и интересных фактов. Различные формы народного сопротивления эксплуататорам связываются с развитием социально-экономических отношений, показывается роль классовой борьбы в историческом процессе. Убедительно раскрываются причины, характер и движущие силы ряда крестьянских и городских движений, подчеркнуты особенности крестьянских войн как наиболее мощных взрывов народного недовольства в феодальной России. Антифеодальные движения нерусских народов освещены в тесной связи с выступлениями рус-

ских крестьян и посадских людей. Учебник дает краткие сведения о новых формах борьбы, которые применялись во время волнений приписных крестьян и наемных рабочих людей на мануфактурах. Есть целый ряд интересных моментов в показе классовой борьбы в первой половине XIX века. Так, новыми являются факты о крестьянском движении в 1802—1804 гг. в Петербургской и Новгородской губерниях, в Прибалтике и Белоруссии. Некоторые новые материалы использованы авторами и при характеристике движения помещичьих крестьян 40-х годов XIX века.

В то же время в освещении классовой борьбы и народных движений имеется ряд пробелов. В учебнике недостаточно выявлены новые черты крестьянских движений в период разложения феодализма. Невыразителен параграф о крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (авторы — В. И. Лебедев, Л. В. Черепнин), не показана связь между этим движением и классовой борьбой на Украине в 60—70-х годах XVIII в., не говорится о том, что восстание Пугачева было последней крестьянской войной в России, и не выясняется, почему крестьянское движение в XIX в. приняло уже иные формы. Нужны также некоторые уточнения в хронологии крестьянских движений. Так, в главе XI (автор — А. А. Новосельский) не указана начальная дата крестьянской войны под руководством С. Т. Разина. В параграфе о восстании Болотникова (автор — А. А. Зимин) после рассказа о поражении повстанцев под Москвой говорится, что «восставшие к концу 1606 г. осадили Нижний Новгород» (стр. 287). Недавно обнаруженный документ позволяет установить более точную дату — осада Нижнего Новгорода началась в конце октября — начале ноября 1606 года².

Развитие государственного строя феодальной России рассматривается в тесной связи с изменениями, которые происходили в социально-экономическом базисе. Авторы правильно характеризуют государственное устройство России в XVI—XVII вв. как сословно-представительную монархию, показывают зарождение и постепенное развитие элементов абсолютизма, а затем и окончательное оформление в первой четверти XVIII в. феодально-абсолютистской монархии, опиравшейся на чиновничье-бюрократический аппарат управления и регу-

² См. «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 130.

лярную армию. При рассмотрении политической истории второй половины XVI в. (глава IX) автору А. А. Зимину удалось избежать тех ненужных крайностей, которые в недавнее время допускались некоторыми историками в оценке политики Ивана IV и опричнины, и дать, по нашему мнению, исторически верную и обоснованную оценку этих явлений.

В учебнике ясно видно стремление авторов подчеркнуть роль классовой борьбы в политической жизни России. Однако этот правильный принцип проводится не во всех случаях. Так, в главе XVI (автор — Н. И. Павленко) при выяснении предпосылок преобразований, осуществленных при Петре I в первой четверти XVIII в. (стр. 416), ничего не говорится о значении классовой борьбы, и лишь в дальнейшем изложении этот недостаток устраняется.

Не все вопросы политической истории России изложены достаточно убедительно и ясно. Не вполне удачно, например, написан параграф 6 главы III (автор — Б. А. Рыбаков) об образовании древнерусского государства. В нем ряд спорных положений и выводов, которые останутся неясными для читателей (о государственных образованиях у восточных славян до середины IX в., о «династии Кня», о княжениях варяжских князей Рюрика и Олега, которые, как предупреждает читателей тот же автор в следующей главе на стр. 75, «временно правили на Руси» и др.). Видимо, надо было более четко сформулировать основные задачи, стоявшие перед Киевским раннефеодальным государством в области внутренней и внешней политики, а затем уже показать, как они разрешались.

Серьезные возражения вызывает трактовка проблемы образования Русского централизованного феодального государства (глава VII, параграфы 2—8, автор — Л. В. Черепнин). Методологическая сторона этого чрезвычайно важного вопроса выяснена в учебнике недостаточно. Автор почему-то не счел нужным привести известные определения и характеристики исторических условий образования централизованных государств на западе и востоке Европы, содержащиеся в материалах X съезда партии³, опустил некоторые важные моменты, тесно связанные с этой проблемой, как, например, вопрос о прогрессивной роли королевской (великокняжеской)

власти, являвшейся «представительницей порядка в беспорядке»⁴.

Оставляя в стороне вопрос о хронологических рамках процесса складывания централизованного государства, мы считаем, что самый ход этого процесса и его содержание освещены в учебнике односторонне. В ряде мест (на стр. 174, 193 и др.) автор рассматривает образование централизованного государства лишь как результат объединения русских земель вокруг Москвы (непонятно, почему только русских?), в полном отрыве от вопросов организации политической власти, от процесса складывания централизованной монархии. Такая трактовка вопроса сказалась и на структуре соответствующих разделов книги. Создание централизованного государственного аппарата, внутренняя и внешняя политика государства, в частности борьба с Ордой и Литвой, обеспечившая независимость Руси от монголов и воссоединение русских земель на западе, выносятся за скобку и рассматриваются не как важнейшие звенья единого процесса, а как самостоятельные сюжеты. Нам представляется, что учащиеся из этих разделов книги не получат отчетливого марксистского представления о создании централизованного многонационального государства на Руси.

В учебнике слабо показаны развитие русской военной организации, вооружение войск и военная техника, особенности русской военной школы (Румянцев, Суворов, Кутузов). При характеристике внутренней политики царизма в первой половине XIX в. следовало бы резче подчеркнуть тезис о реакционной роли самодержавия как тормоза исторического развития России. Неудачно выражение о том, что Александр I отказался от проектов реформ и отстранил Сперанского, «не желая ссориться с дворянской аристократией» (стр. 657), хотя в других местах авторы правильно указывают, что Александр вовсе не был заинтересован в каких-либо реформах и только играл в либерализм.

Значительное место в учебнике занимают вопросы внешней политики. В большинстве случаев они освещаются правильно и достаточно полно. Авторы дают исторически верную классовую оценку целей, характера и международного значения крупнейших войн феодальной России, рисуют героические страницы борьбы народов нашей страны за национальную независи-

³ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Госполитиздат. Изд. 7-е, стр. 553—554.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. XVI, ч. 1-я, стр. 445.

мость, показывают решающую роль народных масс в разгроме иноземных захватчиков. Правильно оцениваются Ливонская война, русско-турецкие войны второй половины XVIII в., разделы Польши. Удачно написаны разделы, посвященные внешней политике России до и после Тильзитского мира, восточному вопросу (гл. XXIX, автор — А. В. Фадеев) и др.

Однако в освещении внешней политики есть ряд погрешностей и упущений. Не во всех случаях раскрывается взаимосвязь внутренней и внешней политики, не всегда дипломатия и войны России изображаются на широком фоне международных отношений.

Очень мало внимания уделено вопросу об отношениях России с Китаем в XVII—XVIII веках. По-видимому, наступило время, когда можно потребовать гораздо более полного освещения в общих трудах и учебниках начального периода русско-китайских отношений (с XVII в.), ибо источники и литература вполне позволяют выполнить эту актуальную задачу.

Нельзя согласиться с оценкой, которая дается Северной войне начала XVIII в. (глава XVIII, параграф 2, автор — П. П. Елифанов). При рассмотрении причин и хода войны автор больше говорит об агрессивных тенденциях и планах Швеции, нежели о целях России, о которых сказано глухо и в явно смягченной форме. Между тем вывод об объективно прогрессивном характере данной войны (со стороны России) вовсе не снимает вопроса о классовых целях внешней политики России как государства помещиков и нарождавшегося купечества. В учебнике также недостаточно отчетливо показана международная обстановка накануне и в период Северной войны.

Сухое и неинтересно написан раздел об Отечественной войне 1812 г. (глава XXV, параграф 5, автор — Л. Г. Бескровный). Главный его недостаток — нечеткий показ народного характера войны. На стр. 665 автор, правда, несколькими общими фразами говорит о начале крестьянского партизанского движения, но затем забывает о нем и возвращается к этому вопросу лишь при освещении периода контраступления (на стр. 673, под заголовком «Малая война»). Таким образом, читатель не получает ясного представления о той грандиозной народной войне, которая, нарастая по мере продвижения неприятеля в глубь страны, приобрела особенно широкий раз-

мах после Бородинского сражения и далее в период пребывания французов в Москве, когда партизанские отряды блокировали столицу. При чтении учебника создается впечатление, что крестьяне активно взялись за оружие только в последний период войны, под влиянием действий войсковых партизанских отрядов.

В разделе «Заграничные походы 1813—1814 гг.», написанном тем же автором, надо было более четко определить характер войны, резче подчеркнуть освободительные цели борьбы народов и реакционную, захватническую политику правительства союзных держав. В главе XXXI, посвященной Крымской войне, необходимо было связать вопрос о причинах войны и активизации внешней политики царского правительства с вопросом о роли царизма как жандарма Европы, с усилением реакционной роли царизма на международной арене после разгрома революции в Венгрии.

Общественное движение и идейная борьба в России в первой половине XIX в. изложены в книге (главы XXVII и XXX, автор — М. В. Нечкина) менее содержательно, чем во втором томе прежнего учебника. К этим разделам сделаем ряд замечаний. В главе о движении декабристов слабо выяснены связи Северного и Южного обществ, умалчивается о тактике Общества соединенных славян, хотя трактовка этого вопроса в прежних учебниках неоднократно подвергалась критике. Вряд ли следовало при таком сжатом изложении выделять особым вопросом вклад декабристов в русскую культуру, лучше бы рассмотреть эту тему в главе о русской культуре первой половины XIX века.

При анализе идейной борьбы 30—40-х годов хорошо освещена эволюция взглядов Герцена и Белинского. Однако нам представляется неудачным в XXX главе заголовков параграфа 3 — «Революционная агитация А. И. Герцена. Революционный демократизм В. Г. Белинского». Ведь и дворянский революционер Герцен и разночинец Белинский оба были, хотя, может быть, и неодинаково последовательными, представителями сформировавшихся в 40-е годы революционно-демократических взглядов. Автору необходимо было показать связи Белинского и Герцена, их личную близость и взаимную симпатию, единство точек зрения по важнейшим вопросам окружавшей их крепостнической действительности, одинаково отрицательную оценку буржуазного строя Запада, одинаковые

симпатии к историческим деятелям типа Робеспьера, единство философских воззрений и т. д. В учебнике отсутствует, к сожалению, важный вывод о том, что и Герцен, и Огарев, и Белинский, и передовые петрашевцы были представителями формирующейся в то время в России революционно-демократической идеологии.

Поставленная перед составителями учебника задача раскрыть связь истории России с историей других стран в разделах, посвященных общественному движению, осуществлена далеко не в полной мере. Так, не показано влияние на Россию революций 1830 и особенно 1848 года. Отношение передовых людей России к революции 1848 г. освещено только на примере петрашевцев, что явно недостаточно. В учебнике отсутствуют какие-либо данные, характеризующие отношение передовых представителей русского революционного движения и общественной мысли к славянским народам, их идейные связи с ними.

Как правильно указывается во введении к учебнику, значительное место авторами уделено вопросам истории культуры русского и других народов СССР. Хорошо показано значение народного творчества как основы и неиссякаемого источника культурного развития, прослеживаются, хотя и не везде, связи русской и мировой культуры, выясняется влияние передовой русской культуры на духовное развитие других народов России и зарубежных стран. Авторы правильно указывают на наличие двух направлений, двух тенденций в развитии культуры феодального периода, приводят известное ленинское положение о двух культурах в каждой национальной культуре эпохи развитого капитализма. И все же в учебнике культура рассматривается только как итог достижений, а не как арена острой идеологической борьбы противостоящих классов. В частности, очень слабо подчеркнута реакционная роль церкви и духовенства как силы, являвшейся на определенном историческом этапе сильнейшим тормозом культурного развития страны, оплотом мракобесия. Вообще следует сказать, что материал, который мог бы способствовать научно-атеистическому воспитанию учащихся, почти не нашел места в учебнике.

В разделах, посвященных культуре, есть спорные формулировки, неточности. Трудно, например, согласиться с утверждением, что И. Пересветов в своих социальных и философских взглядах «выходил за рамки

дворянской ограниченности» (стр. 265) или что Курбский, обосновывая свою реакционную политическую программу, «прибегал к рационалистическому освещению современных ему явлений общественной жизни» (стр. 267). На стр. 603 (глава XXIII, параграф 7, автор — М. Т. Белявский) указывается, что автором популярной комической оперы «Мельник—колдун, обманщик и сват» являлся композитор Е. И. Фомин. Правильнее было бы сказать, что Фомин лишь обработал эту оперу, текст же ее написал А. О. Аблесимов, а музыку — М. М. Соколовский. Есть в этих разделах и другие мелкие неточности.

Положительной стороной учебника является то, что авторам удалось показать в тесной взаимной связи наиболее значительные события в истории народов нашей страны, представить весь процесс развития России как многонационального государства. Этому, как уже говорилось выше, в значительной мере способствует принятая авторами структура учебника. Перед читателем книги раскрывается сущность колониальной политики царизма в ее различных проявлениях и в то же время убедительно показано зарождение солидарности различных народов России, общность их исторических судеб. Страницы, на которых описывается совместная героическая борьба народов нашей страны против эксплуататоров и иноземных захватчиков, будут иметь большое воспитательное значение для молодого читателя.

Однако большим недостатком материалов по истории народов России является их чрезмерная лаконичность, фрагментарность, причем по мере приближения исторического процесса к конечной хронологической грани учебника этих материалов приводится все меньше и меньше. Вследствие этого читатель не получает ясного представления о специфических чертах развития той или иной народности (для примера можно взять хотя бы характеристику народов Кавказа в первой половине XIX в.). Отсутствие историографических данных отрицательно сказывается и в этих разделах, поскольку внимание читателя не заостряется на критике и разоблачении буржуазно-националистических извращений в трактовке истории отдельных народов СССР.

В заключение хочется сделать несколько общих замечаний о содержании и оформлении книги в целом. Несмотря на серьезную работу, проделанную авторами и ре-

дкторами, отдельные ее главы и параграфы неравноценны, некоторые разделы написаны сухо, тяжелым языком. В тексте встречаются неудачные обороты и формулировки, неточно передающие смысл (например, на стр. 192, 196, 209 и др.). В книге даются чрезвычайно нужные для учащихся пояснения непонятных слов, исторических терминов, географических названий. Однако некоторые понятия и выражения все же остались нерасшифрованными, такие, например, как «патрилокальный брак» (стр. 23), «Иванское сто» (стр. 157), «магдебургское право» (стр. 183, 185 и др.), «привилей» (стр. 185) и т. п. В транскрипции географических названий (особенно прибалтийских) нет единого принципа; для удобства учащихся лучше было бы во всех случаях указывать и новое и прежнее обозначения. К учебнику приложены карты; очень хорошо, что некоторые карты и схемы даны в самой книге. К сожалению, многие из приложенных карт, ценные в научном и методическом отношении, выполнены в мелком масштабе и технически не всегда удовлетворительно. Станным кажется отсутствие хронологической таблицы. Как справочный материал она абсолютно необходима в учебном пособии по истории,

тем более, что авторы, разгружая учебник, исключили из текста очень многие даты.

В книге есть некоторые фактические неточности. Например, Гадячский договор датируется 1657 г. (стр. 387), тогда как в действительности он был подписан в сентябре 1658 г.; на стр. 460 неверно утверждается, что в XVII в. «устья всех больших судоходных рек, впадающих в Балтийское море, от Одера до Невы, оказались под шведской властью»; на стр. 506 авторы почему-то датируют екатерининский указ о предоставлении помещикам права ссылать крестьян на каторгу 1763 годом.

В краткой рецензии мы отметили лишь некоторые достоинства и недостатки книги. Проверка научных и методических качеств нового учебника практикой преподавания непосредственно в студенческой аудитории и дальнейшая критика имеющихся в нем недостатков позволят значительно улучшить его при последующих переизданиях. Учебник, несомненно, сыграет положительную роль в преподавании истории СССР и будет ценным пособием не только для студентов, но и для всех, кто интересуется историей нашей Родины.

А. М. Ардабацкая, Г. Д. Бурдей,
Л. А. Дербов

Всеобщая история

Р. О. БОЙЕР и Г. М. МОРЕЙС. *Нерассказанная история рабочего движения*. Повесть о классовых боях, поражениях и победах американских рабочих — мужчин и женщин. Изд-во иностранной литературы. М. 1957. 654 стр.

Издательство иностранной литературы выпустило в переводе с английского книгу американских историков Ричарда О. Бойера и Герберта М. Морейса «Нерассказанная история рабочего движения. Повесть о классовых боях, поражениях и победах американских рабочих — мужчин и женщин». Авторы наглядно и образно рассказывают об истории развития рабочего движения в США почти за столетие. Начиная изложение событий с Гражданской войны 1861—1865 гг. они доводят его до 1955 года.

Показывая многочисленные эпизоды классовой борьбы американских рабочих — забастовки, митинги и демонстрации, — говоря о судьбах простых людей и деятелей рабочего движения, о растущей классовой солидарности рабочих и деятельности профсоюзных организаций, авторы рисуют картину развития классовой борьбы пролетариата, развертывающейся на фоне истории американского капитализма.

На русском языке уже были ранее изданы такие важные работы по истории американского рабочего движения, как Ф. Фо-

нер «История рабочего движения в США. От колониальных времен до 80-х годов XIX в.». (М. 1949), С. Иелн «Из истории забастовочного движения в США» (М. 1950). Известны также книги: Команс и др. «История труда в США» в четырех томах (Нью-Йорк. 1918—1936), Дюренд «Рабочая сила в США» (Нью-Йорк. 1948), Миллис и Браун «От акта Вагнера до Тафта — Хартли» (Чикаго. 1950), и многие другие. Однако книга Бойера и Морейса выгодно отличается от других книг тем, что в ней дано цельное и сжатое, яркое и правдивое описание истории американского рабочего движения, периода расцвета капитализма и его последней стадии — эпохи империализма.

Свою книгу авторы назвали «Нерассказанная история рабочего движения в США», и одна из ее важнейших целей состоит в том, чтобы показать закулисную сторону американской действительности, раскрыть механику борьбы американских монополий против рабочих организаций и рабочего движения. Приведенные в книге факты и документы показывают, что ложь и насилие, произвол и беззаконие составляют обычные средства в руках господствующего класса, используемые им для преследования рабочих организаций и их деятелей. Горстка монополистов, подчинивших себе государственный аппарат, безудержно попирает и конституцию, и «Билль о правах», и правосудие. Авторы наглядно показывают, как находящееся на службе монополий государство издает реакционные антирабочие законы и проводит их в жизнь, как преследуются рабочие стачки, провоцируются и проводятся различного рода судебные процессы, осуществляется полицейский террор. Большое внимание уделяется показу методов провокационной деятельности агентов буржуазии в рядах рабочего движения, подкупу «рабочей аристократии», разложению верхушки профбюрократии, находящейся на службе монополий.

Особую ценность книги составляет насыщенность ее фактическим материалом. Авторы использовали обширный круг источников, официальные документы и данные прессы, материалы судебных процессов и мемуары, многочисленные высказывания государственных деятелей, представителей монополистического капитала, лидеров профсоюзного движения, и, наконец, в книге приведен большой материал личных наблюдений авторов. Раскрывая всю глубину социальных противоречий и обнажая корни и содержание классовой борьбы в Соеди-

ненных Штатах Америки, книга наглядно и убедительно разоблачает пресловутый «американский образ жизни». Своими фактами и документами, показом реальной американской действительности, своей жизненной правдой она бьет по трубадурам американского империализма.

В книге поставлены и научно освещены важнейшие проблемы отношений между трудом и капиталом, проблемы американского рабочего движения. В ней всесторонне характеризуется система капиталистической эксплуатации, доводящая рабочего до крайней степени истощения всех его сил; безраздельное господство монополий, творящих под ширмой буржуазной демократии произвол и беззаконие в отношении трудящихся; безудержное наступление монополий на жизненный уровень рабочего класса; проблема единства рабочего движения и пробуждение политического сознания в рабочих массах. Раскрывая драматическое развитие событий на основных этапах классовой борьбы американских рабочих, авторы приводят читателя к логическому выводу, что именно классовая борьба составляет основной двигатель социального прогресса и только народ является подлинным творцом истории.

В кратком предисловии авторы указывают: «Цель этой книги не в том, чтобы дать полный отчет о всех конфликтах, возникавших из года в год между трудом и капиталом, а лишь рассказать в основных чертах историю их возникновения со времен Гражданской войны, когда в американской жизни началось господство промышленного капитала, и до наших дней, когда его господство в Америке, по-видимому, достигло своего зенита» (стр. 22). Этот очерк развития американского капитализма и служит тем историческим фоном, на котором разворачивается картина борьбы американских рабочих против гнета и эксплуатации.

В начале книги авторы справедливо заявляют, что история рабочего движения есть история американского народа и великие движущие силы, определившие исторические судьбы американского народа, — это те же силы, которые способствовали формированию рабочего движения (стр. 24).

Начало профсоюзного движения в Америке как мощного общенационального движения относится ко времени Гражданской войны. Нищета, голод и изнурительный труд рабочих Севера толкали их на путь объединения своих сил, на путь организованной борьбы.

Гражданская война 1861—1865 гг., уничтожившая рабство, определила пути капиталистического развития Соединенных Штатов. Решающую роль в этой войне сыграли рабочие, мелкие фермеры и особенно негритянский народ, доведшие войну до победного конца. Высоко оценивая революционные традиции в истории американского народа, В. И. Ленин в «Письме к американским рабочим» подчеркивал величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение Гражданской войны¹. По сути дела, Гражданская война представляла собой буржуазно-демократическую революцию, поскольку основной удар был направлен на уничтожение рабства. Движущей силой в этой революции выступали трудящиеся массы, а плодами ее победы воспользовалась буржуазия, утвердившая свое господство в экономической и политической жизни страны. Уильям Фостер в «Очерке политической истории Америки» отмечает: «Капиталисты, как голодные волки, набросились на страну и ее богатейшие природные ресурсы и расхитили подавляющую их часть... Это была оргия «свободного предпринимательства»².

В книге Р. О. Бойера и Г. М. Морейса рассказывается о том, как скованная, но постепенно накапливавшаяся энергия, проявляясь в форме предпринимательства, захлестнула страну. Свыше 1 млн. долл. в день тратило федеральное правительство на оплату поставок для ведения Гражданской войны. Строились тысячи миль железных дорог и телеграфной связи. Сооружались громадные фабрики и заводы с применением новых методов массового производства. За период с 1860 по 1870 г. валовая продукция в одной только обрабатывающей промышленности США возросла более чем в два раза. Возросли капиталовложения в тяжелую промышленность. «Революционизирующая сила угля, пара и железа», — пишут авторы, — освободила энергию, которая в середине девяностых годов сделала Соединенные Штаты первой промышленной державой мира, производившей треть всей мировой промышленной продукции (стр. 39—40). Рост промышленного производства сопровождался увеличением числа фабрично-заводских рабочих. Уже к 1870 г., помимо 2 млн. промышленных рабочих, насчитывалось 3 600 тыс. рабочих других категорий и служащих. И эта масса людей, занятых

в производстве, замечают авторы, составляла потенциальную армию членов профсоюзов.

Бурный рост промышленности и накопление ловкими предпринимателями огромных прибылей происходили за счет массового обнищания трудящихся, за счет зверской эксплуатации рабочего класса и фермеров. Именно в эти годы набирают силы молодые капиталистические хищники — династии Морганов, Рокфеллеров, Меллонов. Массовое обнищание характеризовалось прежде всего тем, что стоимость жизни увеличивалась несравненно быстрее, чем заработная плата. Одновременно со снижением реальной заработной платы рабочих вводились новые методы интенсификации труда при наличии длительного рабочего дня. Продолжительность рабочего дня на фабриках и заводах, сообщают авторы, составляла обычно одиннадцать часов, но не редкостью был и двенадцати- и даже четырнадцатичасовой рабочий день.

Одним из крупнейших деятелей американского рабочего движения в его ранний период был Уильям Г. Силвис. Под его руководством в 1859 г. был создан профсоюз литейщиков в масштабе всей страны. Развивали активную деятельность профсоюзы механиков и кузнецов, корабельных плотников и конопатчиков, профсоюз бондарей и профсоюз печатников. К концу 1864 г. число членов профсоюзов возросло до 200 тысяч. В августе 1866 г. в Балтиморе собрался учредительный съезд, создавший Национальный рабочий союз — первую общенациональную федерацию труда. Одним из важных решений этого съезда было принятие резолюции о восьмичасовом рабочем дне. Развернувшееся затем мощное движение в поддержку этого мероприятия приняло столь массовый характер, что федеральное правительство вынуждено было издать в 1868 г. закон о введении восьмичасового рабочего дня на государственных предприятиях. Однако наличие в законе огромного числа оговорок фактически сводило на нет этот декларативный жест. На съезде Национального рабочего союза в 1869 г. было принято важное решение о приеме в профсоюз рабочих-негров. Этого долго добивался председатель союза Силвис, умерший накануне съезда. Спустя шесть лет после своего образования Национальный рабочий союз распался.

Промышленный бум периода Гражданской войны и первых послевоенных лет сменился жесточайшим экономическим кри-

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 51.

² Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 315.

зисом. Кризис разразился в 1873 г. с циклической последовательностью, как и все прочие кризисы. Замерла жизнь на фабриках и заводах, многие шахты превратились в безлюдные пещеры. К 1877 г. число безработных достигло грандиозной цифры — 3 млн. человек. Заработная плата занятых на производстве рабочих была урезана на 45%. Капиталисты повели наступление на рабочий класс. Объявлялись локауты, вывешивались черные списки, рабочих вынуждали подписывать обязательства никогда не вступать в профсоюз. Из тридцати профсоюзов, насчитывавшихся к началу кризиса, только восемь или девять сохранились до 1877 года. Выступления рабочих подавлялись силой оружия. Но, как повествуют авторы книги, эти выступления носили в тот период еще стихийный и разрозненный характер. Авторы приводят высказывание У. Х. Фостера, генерального секретаря Федерации организованных профессиональных и рабочих союзов Соединенных Штатов и Канады, который заявлял, что среди рабочих было распространено «скрытое недовольство. У них, по-видимому, нет еще решимости открыто высказать то, о чем они думают все время». Авторы рассказывают далее, что капиталисты широко использовали агентов Пинкертона и милицию штатов; их обычным способом разрешения конфликтов с рабочими было применение силы и насилия, кровавой расправы с бастующими. Все это порождало широкое недовольство в рабочих рядах и накапливало горючий материал для взрыва и схваток в классовой борьбе.

В разделе книги, озаглавленном «Свинцовый голод», авторы рассказывают о мужественной борьбе рабочих тех лет, наиболее ярко проявившейся во время всеобщей стачки железнодорожников в 1877 г., и величайшем злодеянии господствующих классов, подавивших эту стачку вооруженным путем.

Эта первая в истории американского рабочего движения всеобщая стачка на железных дорогах началась 16 июля 1877 года. Она не была заранее подготовлена и, хотя вспыхнула стихийно, тем не менее быстро распространилась по всей стране, охватывая штат за штатом, город за городом. Непосредственной причиной забастовки было очередное снижение заработной платы, проведенное к этому времени на большинстве железных дорог страны. Рабочие боролись против снижения заработной платы, против усиливавшейся интенсификации тру-

да. Однако, готовя кровавую расправу, правящие круги объявили борьбу рабочих не более и не менее как коммунистическим заговором. «С первых же дней,— пишут авторы,—газеты объявили забастовку коммунистическим заговором, ставящим целью свержение правительства с помощью силы и насилия» (стр. 102). Подобные приемы, как известно, широко использовались капиталистами США и во всей последующей истории и особенно используются сегодня.

Станув войска к центрам рабочего движения, правительство пустило их в ход против рабочих Чикаго, Питтсбурга, Балтимора и других городов. По всей стране проходили кровавые столкновения, десятки рабочих были убиты и сотни ранены. Забастовка была подавлена. «Только ружейным огнем нас заставили вернуться на работу»,—заявляли рабочие. Но их воля к борьбе не была сломлена. Еще более пробудилось сознание необходимости объединения своих сил. Именно в этих условиях среди рабочих приобретает большую популярность профсоюзное объединение — орден «Рыцари труда».

Возникнув еще в 1869 г., орден «Рыцари труда» более десяти лет был тайной и малочисленной организацией. Но после того, как в 1881 г. этот профсоюз перешел к открытой деятельности, его численность стала быстро возрастать, и он превратился в крупнейшую рабочую организацию, когда-либо ранее существовавшую в Америке. Орден «Рыцари труда» объединял квалифицированных и неквалифицированных рабочих, включая в свои ряды как негров, так и американцев иностранного происхождения. Авторы книги не привлекают к этому факту внимания читателей. А именно эта особенность и выделяет данную организацию в истории американского рабочего движения.

У. З. Фостер отмечает: «На первых порах руководители ордена «Рыцарей труда» отличались боевым духом и растущей революционностью, характерными для рабочих того времени. Основатель ордена Стивенс решительно настаивал на создании организации, объединяющей весь рабочий класс, в том числе неквалифицированных рабочих, негров, женщин и прочих. Не будучи марксистом, Стивенс, тем не менее, считал, что основная цель ордена состоит в «полном освобождении производителей богатств от порабощения и от системы наемного рабства»³. Однако последующая капитулянт-

³ Там же, стр. 459.

ская линия поведения руководящей верхушки ордена привела к его упадку, являясь зловещим предостережением гибельности политики классового сотрудничества, принесшей огромный ущерб рабочему движению США и характеризующей слабость этого движения.

В книге Р. О. Бойера и Г. М. Морейса нет более или менее цельного анализа развития капиталистических отношений, так же как нет и специальной характеристики особенностей американского капитализма. Свою задачу авторы ограничивают главным образом описанием фактической стороны истории рабочего движения в США. Однако приводимый ими материал о росте промышленности, концентрации и централизации производства, о возраставшем влиянии банков и слиянии промышленного и банковского капиталов, о возникновении и развитии капиталистических монополий дает возможность проследить процесс перерастания капитализма на рубеже XIX и XX веков в его высшую и последнюю стадию — империализм. Содержание книги служит наглядным подтверждением указаний В. И. Ленина о том, что США, выйдя на первое место среди других капиталистических стран по уровню развития производительных сил, применению машин и «всех чудес новейшей техники», в то же время стали «одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на грани нищеты, с другой»⁴.

В разделах «Божье золото», «Трест и «блага цивилизации» и в ряде других мест авторы приводят убедительные примеры и цифры, показывающие, как возникали и развивались мощные капиталистические монополии, подчинившие себе экономическую и политическую жизнь страны, поставившие себе на службу весь государственный аппарат и подавляющие все демократические свободы.

К началу XX в. монополии крепкими руками охватили все отрасли промышленности. Рокфеллеры господствовали в нефтяной промышленности, Хавмейеры — в сахарной. Дьюки — в табачной, Меллоны — в алюминиевой, Карнеги и Фрики — в чугунолитейной и сталелитейной, Морганы — на железных дорогах и в зарождавшейся электротехнической промышленности. К этому

времени Соединенные Штаты стали ведущей промышленной державой мира, производя почти в два раза больше промышленной продукции, чем Великобритания, считавшаяся до того промышленной мастерской мира. Число рабочих, занятых в промышленности, увеличилось с 1310 тыс. в 1860 г. до 4713 тыс. в 1900 году. «Всем этим огромным хозяйством в масштабе всей страны, — отмечают авторы, — управляла небольшая группа финансистов, контролирующая банки и промышленность. Представители этой финансовой олигархии понимали значение силы единства, чего не понимали руководители рабочего движения» (стр. 220). Создавая монополии, капиталисты были движимы желанием «не только разделаться с конкурентами и тем самым установить цены на наиболее выгодном для них уровне, но и сломить организованное рабочее движение и снизить, таким образом, заработную плату. Они прекрасно сознавали, что, используя «мощь укрупненного капитала», они могут занять более независимую позицию по отношению к профсоюзному движению, особенно учитывая тот факт, что силы профсоюзов были раздроблены по цеховому признаку» (стр. 218).

Именно в этот период — накануне образования крупных монополий, накануне наступления эпохи империализма — и возникает национальная организация профсоюзов — Американская федерация труда, более полувека играющая большую роль в профсоюзном движении США.

АФТ была образована в ту пору, когда вследствие ряда благоприятных условий рабочим США удалось вырвать у предпринимателей значительные экономические уступки. В то же время это была пора, когда квалифицированные рабочие представляли собой важнейший фактор в промышленном производстве. Стремясь создать себе социальную опору в массах, набиравшие силы монополии старались подкупить эту категорию рабочих более высокой заработной платой, выделить их на положение «рабочей аристократии», привлечь на свою сторону и расколоть рабочее движение. Все это способствовало тому, что в рабочей среде порождались иллюзии классового мира, вера в возможность реформистским путем завоевать экономические и политические права и свободы. При таких условиях буржуазии сравнительно легко удалось создать себе довольно многочисленную агентуру в рабочем движении, а руководящие деятели профсоюзных объединений и прежде всего

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 45.

такого профсоюзного объединения, как Американская федерация труда, стали верными проводниками буржуазной идеологии и политики монополий в рабочей среде.

Учредительный съезд Американской федерации труда состоялся в 1881 году. Одним из лидеров этой организации был Сэмюэл Гомперс, под руководством которого АФТ, игравшая вначале прогрессивную роль, вскоре превратилась в оплот рабочей аристократии и профбюрократии, в орудие подчинения интересов рабочего класса господству капитала.

Американская федерация труда объединяла главным образом квалифицированных рабочих по цеховому принципу. В каждой из отраслей промышленности создавалось по несколько десятков цеховых союзов, действовавших независимо друг от друга. В эти профсоюзы не принимались неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие, женщины, негры и иммигранты. Лидеры АФТ, ведя активную борьбу против массового профсоюзного движения, представителями которого был Национальный рабочий союз и орден «Рыцари труда», препятствовали организации широких масс рабочего класса, противопоставляя их интересам интересам квалифицированных рабочих.

«Ирония истории заключалась в том,— пишут Р. О. Бойер и Г. М. Морейс,— что как раз тогда, когда одна корпорация стала направлять деятельность многих предприятий и контролировать целый ряд промышленных процессов... рабочее движение начинало раскалываться на цеховые профсоюзы... рабочее движение, руководимое Американской федерацией труда, распалось на обособленные, соперничающие друг с другом организации квалифицированных рабочих, совершенно игнорируя миллионы неорганизованных, неквалифицированных рабочих, занятых в отраслях промышленности массового производства, в частности негров и иммигрантов» (стр. 176).

Проводимая профбюрократией политика предательства интересов рабочего класса проявлялась во многих отношениях. Выступая противниками социализма и яркими апологетами капитализма, Гомперс и его последователи пропагандировали идею классового мира, единства интересов рабочих и предпринимателей. «Американская федерация труда была первым в истории Америки национальным профсоюзным объединением, одобрявшим капитализм как общественно-экономический строй» (стр. 174).

Реакционные лидеры АФТ энергично боролись против самостоятельных политических выступлений рабочих. Они безоговорочно поддерживали внутреннюю и внешнюю политику господствующего класса капиталистов. Выслуживаясь перед предпринимателями, профбюрократы стремились «гарантировать их от забастовок», препятствовали введению различных форм социального страхования, поддерживали на выборах кандидатов буржуазных партий, выступали против создания рабочей или народной партии. Вот почему, отмечают авторы книги, «хотя промышленники никогда не отказывались от своих планов разгромить профсоюзы, чему имеется множество доказательств, однако им многое нравилось в Американской федерации труда» (стр. 177). Нравилось им не только то, «что они предпочитали цеховую систему организации профсоюзов системе организации их по производственному принципу. Им было также по душе требование Гомперса, чтобы профсоюзы не предпринимали независимых политических действий» (там же).

К 1904 г. в Американской федерации труда состояло более 1,5 млн. членов, хотя в стране в это время насчитывалось уже семь с лишним миллионов промышленных и транспортных рабочих, а всего работавших по найму было более 30 млн. человек. Естественно, широкие массы рабочего класса, остававшиеся за бортом Американской федерации труда, проявляли тягу к организации, к борьбе за свои классовые интересы. В различных отраслях промышленности возникали новые профсоюзы, не входившие в АФТ, создавались новые профсоюзные объединения. Наибольшую популярность приобретает организованное в 1905 г. профсоюзное объединение «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). «Индустриальные рабочие мира задалась целью объединить неорганизованных рабочих на основе единства рабочего класса. ИРМ выступила не только против принципа объединения в профсоюзы по цеховому признаку, но и против нерешительного и слишком осторожного подхода руководящей верхушки АФТ к крупному капиталу. Стремясь придать классовой борьбе боевой характер, который отличал ее в более ранний период, ИРМ призывала к активным действиям как на экономическом, так и на политическом фронтах» (стр. 266).

На протяжении полутора десятков лет профсоюзное объединение ИРМ провело ряд крупных забастовок и политических

кампаний. Оно сыграло важную роль в развитии классового самосознания рабочих и распространении идеи производственного принципа построения профсоюзов. Эта организация не стала массовой и не смогла превратиться в новый профсоюзный центр национального масштаба. Наличие в ИРМ анархо-синдикалистских настроений и использование ее членами неправильных тактических приемов борьбы привели в 20-х годах к упадку этой организации.

Характеризуя обстановку кануна первой мировой войны, авторы приводят документальные данные, свидетельствующие о резких контрастах американской действительности, — накопление колоссальных богатств на одном полюсе, все усиливавшийся гнет, обнищание и эксплуатация трудящихся — на другом. Согласно официальным правительственным данным, в 1910 г. на промышленных предприятиях работало около 2 млн. детей, заработок которых не превышал 2—3 долл. в неделю, и свыше $\frac{1}{4}$ части рабочей силы в стране составляли женщины, зарабатывавшие в среднем 6 долл. в неделю. В книге приводятся материалы опубликованного в 1915 г. доклада Федеральной комиссии по вопросу о трудовых отношениях в промышленности, в котором указывалось: «Шесть долларов в неделю — что это значит для некоторых? Три билета в театр, бензин на неделю или цена обеда на двоих; пара туфель, три пары перчаток или стоимость вечера, проведенного за игрой в бридж. Для [работающей] девушки это означает, что нужно считать каждый пенни, что каждое нормальное желание нужно подавлять и каждую основную жизненную потребность можно удовлетворить лишь с трудом, жертвуя для этого чем-то другим, столь же необходимым» (стр. 301).

За один только 1914 г. от несчастных случаев в американской промышленности погибло примерно 35 тыс. человек. В том же докладе отмечалось, что «богатым», составляющим 2 процента населения, принадлежит 35 процентов всех богатств. «Средний класс», то есть 33 процента населения, владеет 35 процентами всех богатств. «Бедным», составляющим 65 процентов населения, принадлежит 5 процентов богатств (стр. 299).

В главе «Убийство и миллионы» авторы рассказывают, как американские монополии, наживаясь во время войны на крови народов, еще более усиливали гнет и эксплуатацию трудящихся масс, вели развернутое наступление на их жизненный уро-

вень и права. В стране обострилась классовая борьба. В 1917 г., по свидетельству авторов, было зарегистрировано 4450 забастовок, в которых участвовало свыше 2 300 тыс. рабочих. Среди широких народных масс росли антивоенные настроения.

Огромное влияние на активизацию борьбы рабочего класса США и всего мира оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Авторы пишут: «Во всем мире, в том числе и в Америке, народ пришел в движение. Чтобы остановить этот народный подъем в Соединенных Штатах, американские монополии пустили в ход осященное временем красное пугало. Пожалуй, никогда еще оно не применялось так широко, и, пожалуй, никогда еще народ так смело не давал ему отпора» (стр. 326). В книге приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о росте забастовочного движения, охватившего 4 млн. человек в различных отраслях промышленности. Авторы рассказывают о стачке сталелитейщиков в 1919 г., всеобщих забастовках рабочих Сизтла, Виннипеги и других мест, стачках портовых рабочих, грузчиков, рабочих боев, судостроителей и многих других. Однако лидеры АФТ занимали непримиримо враждебную позицию в отношении Советской России, выступая верными слугами своих империалистических хозяев.

«Золотым безумием» называли авторы главу, в которой рассказывается о промышленном «буме» 30-х годов. Этот «бум» сопровождался, с одной стороны, баснословным ростом прибыли монополий, «лихорадочной жадной обогащения», а с другой — дальнейшим наступлением на рабочих и на профсоюзные организации. «В период «золотого века» продолжительность рабочего дня стремительно росла, а потогонная система все усиливалась» (стр. 380). В это время еще более углубилась пропасть между эксплуататорской верхушкой общества и народными массами. Авторы приводят цифры, из которых явствует, что «общий доход одной десятой одного процента семей, стоявших на верхушке общественной пирамиды, был равен общему доходу 42 процентов семей, находившихся у ее основания» (стр. 380). В результате гонений против профсоюзов и рабочих, участвовавших в стачечной борьбе, осуществлявшихся предпринимателями, поддерживаемыми правительством, резко сократилось число членов профсоюзов, а в ряде отраслей промышленности профсоюзы были совершенно уничтожены.

В этом черном деле наступления капитала на рабочий класс реакционные лидеры профсоюзной бюрократии рьяно защищали интересы монополий, а «профсоюзы выродились в нечто, мало чем отличающееся от контролируемого предпринимателями агентства по интенсификации труда» (стр. 370—371). Оценивая деятельность профсоюзных лидеров, авторы пишут: «Верхушка АФТ откровенно и охотно покончила со всякой политикой, которая не содействовала увеличению прибылей монополий, и, по-видимому, нисколько не была встревожена тем, что членский состав входящих в федерацию профсоюзов продолжал неуклонно сокращаться. Когда же председатель «Юнайтед Стейтс стил» Элберт Гэри заявил, что «рабочие союзы больше не нужны!», а в стране стали плодиться всевозможные компанейские союзы, единственный ответ АФТ состоял в утверждении, что ее профсоюзы могут выполнить волю предпринимателей еще лучше, чем компанейские» (стр. 371).

Промышленный «бум» сменился жесточайшим мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., который поразил больше всего главную страну капиталистического мира — Соединенные Штаты Америки. По данным, приводимым в книге Р. О. Бойера и Г. М. Морейса, в стране потерпел крах 5 761 банк, доходы фермеров сократились с 12 млрд. долл. до 5 млрд., заработная плата снизилась в среднем на 45%, промышленное производство сократилось почти на половину, число безработных к 1933 г. составило 12—17 млн. человек. «К 1933 г. третья часть населения страны, около 40 миллионов мужчин, женщин и детей, жила, не получая средств к существованию от заработка в промышленности или других обычных источников дохода; каждый из них мог бы повествовать свою собственную историю страданий и разбитых надежд» (стр. 403). Ведя борьбу за свои жизненные права, трудящиеся участвовали в голодных походах безработных, проводили огромные демонстрации с требованиями государственной помощи, развертывали массовое движение против выселения из квартир.

Все больше и больше проявлялась тяга рабочих к организации, к объединению своих сил. Но Американская федерация труда, основанная на принципах узкоцеховой организации рабочих по профессиям и игнорировавшая стремление масс к организации рабочих в производственные профсоюзы по отраслям промышленности,

тормозила рост профсоюзных рядов, искусственно сдерживала развитие профсоюзного движения. «В стране насчитывалось 35 миллионов рабочих, которых можно было организовать, и большинство из них требовало защиты со стороны профсоюзов. Между тем АФТ объединяла в своих рядах в 1935 году только 3 045 347 рабочих. Еще 571 тысяча входила в независимые профсоюзы. Всего, таким образом, профсоюзы объединяли 3 616 347 рабочих — только 10 процентов тех, кто добивался организации» (стр. 468).

Под влиянием левых элементов, при активном воздействии коммунистов в стране развернулось мощное движение по вовлечению в профсоюзы рабочих основных отраслей промышленности. Несмотря на монопольное положение АФТ и противодействие ее лидеров, это движение стало проявляться и в рядах этой организации. В 1935 г. 8 профсоюзов, входивших в АФТ во главе с председателем союза горняков Джоном Л. Льюисом, создали Комитет по организации производственных профсоюзов. Этот Комитет, объединивший профсоюзы, представлявшие около 1 млн. рабочих, развернул активную деятельность по организации новых массовых производственных профсоюзов в металлургической, автомобильной и других трестированных отраслях промышленности, где рабочие почти не были охвачены профсоюзами. Кстати, надо отметить, что Р. О. Бойер и Г. М. Морейс дают незаслуженно высокую оценку деятельности Льюиса, забывая о том, что в его поведении было много демагогии, что, несмотря на его расхождения с реакционными лидерами АФТ, он все же был типичным представителем тред-юнионистского течения в профсоюзном движении.

Авторы книги с присущим им мастерством показывают, как на волне рабочего движения, на фоне мощных забастовок и грандиозных демонстраций безработных происходит самораскол профсоюзного движения, терпит крах монополия АФТ и в США создается новый профсоюзный центр.

После образования Комитета по организации производственных профсоюзов реакционное руководство АФТ, испуганное перспективой роста влияния прогрессивных сил, исключило из своего состава те союзы, которые основали Комитет, а также не признавало и те новые союзы, которые этим Комитетом создавались. В 1938 г. Комитет по организации производственных профсоюзов, ставивший перед собой ранее цель —

создание производственных профсоюзов в рамках Американской федерации труда, реорганизуется в Конгресс производственных профсоюзов (КПП) и образует тем самым второй профсоюзный центр в стране, который объединяет как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих.

Энергичная кампания, развернутая КПП по вовлечению рабочих в производственные профсоюзы, привела к быстрому росту численности не только профсоюзов, входивших в КПП, но и профсоюзов, объединявшихся АФТ. Росли и те профсоюзные организации, которые не входили в эти профцентры, так называемые независимые профсоюзы. «К 1940 году АФТ насчитывала в своих рядах 4 247 443 организованных рабочих, КПП — 3 810 318, независимые профсоюзы — еще около 2 миллионов. За четыре года американские профсоюзы выросли почти втрое, объединив около 10 миллионов рабочих и служащих» (стр. 510). Оценивая успехи профсоюзного движения тридцатых годов, Уильям Фостер писал: «Именно в эти годы и зародилось в Соединенных Штатах современное рабочее движение»⁵. Успехи роста профсоюзов были в значительной степени обусловлены тем, что левые элементы профсоюзного движения объединились против правых, реакционных лидеров, что в комитеты по вовлечению рабочих в профсоюзы входили многие коммунисты, вносящие в их работу большую энергию.

В главе «Война — «горячая» и «холодная» авторы рассматривают развитие рабочего движения в годы второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие. Оценивая участие США в войне на стороне антигитлеровской коалиции, авторы указывают: «Если для народа эта война была антифашистской, то для монополий, поскольку она их касалась — а она имела к ним самое непосредственное отношение, — это была война ради прибылей» (стр. 534). В книге приводятся такие характерные цифры: около 117 млрд. долл., взятых у налогоплательщиков, были положены в сейфы ста крупнейших корпораций страны в виде оплаты военных заказов. Прибыли монополий увеличились по сравнению с довоенным уровнем на 250%. Заработная плата была заморожена на уровне, превышавшем уровень 1941 г. только на 15%, в то же время цены повысились примерно на 45%. Капиталисты усиливали потогонную систему и удлиняли рабочий день.

Во время войны профсоюзы США проводили политику содействия расширению производства и отказа от забастовок. Но при страстной жажде наживы со стороны монополий усилия рабочих, направленные на увеличение производства, приводили, с одной стороны, к обеспечению монополиям баснословных прибылей, с другой — к значительным жертвам рабочего класса. Авторы книги приводят такие разительные цифры: число погибших и получивших увечья в основных отраслях обрабатывающей и добывающей промышленности США за период с 1941 по 1945 г. составило 11 200 тыс. человек; это почти в 11 раз превышало общие потери Соединенных Штатов на фронтах второй мировой войны.

Характеризуя послевоенную политику правящих кругов США как политику «холодной войны», авторы указывают, что внутри страны эта политика означает дальнейшее наступление монополий на рабочий класс, непрерывные атаки против гражданских свобод и рабочего движения. «За пять лет начиная с 1947 года тяжкий труд американского народа и деньги, выжатые из него с помощью налогов, обеспечили американским монополиям, по их же данным, 113,3 миллиарда долларов чистой прибыли. Большая часть из 300 миллиардов долларов, израсходованных правительством на «холодную войну», поступила в основном от рабочего класса и перешла главным образом в сейфы монополий» (стр. 552). В июне 1947 г. конгресс США принял пресловутый закон Тафта — Хартли. «Меры, предусматриваемые законом Тафта — Хартли, — пишут авторы, — многочисленны. Все они представляют опасное оружие в руках монополистов и все направлены на уничтожение профсоюзов как самостоятельной силы, подконтрольной своим членам и ответственной перед ними» (стр. 564). Закон Тафта — Хартли требует, чтобы профсоюзы предупреждали предпринимателей о забастовке рабочих за шестьдесят дней. Он разрешает предпринимателям препятствовать вступлению рабочих в профсоюзы и лишает профсоюзы права тратить свои средства на политические кампании. Он запрещает массовое пикетирование и поощряет штрейк-брехерство.

Р. О. Бойер и Г. М. Морейс называют закон Тафта — Хартли «бомбой замедленного действия», которая должна взорваться в период кризиса или в любой другой острый момент. Однако пагубное влияние на профсоюзы этого реакционного закона сказалось

⁵ Уильям З. Фостер. Указ. соч., стр. 759.

незамедлительно. Оно проявилось в приостановке организационного роста профсоюзного движения, потере профсоюзами миллионов долларов, взимаемых предпринимателями в виде штрафов и компенсаций, в создании благоприятной почвы для натравливания одного профсоюза на другой, в гонении прогрессивных деятелей рабочего движения.

В то время как реакция развертывала все новые и новые наступления на рабочее движение, принимая один за другим антирабочие законодательные акты, широко используя антирабочую практику судебно-административных органов, проводя увольнения с предприятий передовых рабочих и профсоюзных активистов под предлогом их «неблагонадежности», профсоюзам нанесли удар в спину агенты империализма в самом рабочем движении. В этом плане пагубные последствия имела раскольническая деятельность правых лидеров КПП.

Филипп Мэррей, сменивший в 1940 г. на посту председателя КПП Льюиса, и его группа, более десяти лет сотрудничавшая с коммунистами, под давлением масс проводили, хотя и нерешительно, прогрессивную политику. И КПП достиг за эти годы значительных успехов. Однако после войны возглавляемая Мэрреем группа лидеров КПП порвала блок с коммунистами и другими прогрессивными элементами, встала на позиции «холодной войны», включившись в поход «борьбы с коммунизмом». В ноябре 1949 г. на съезде в Кливленде КПП исключил из своего состава Объединенный профсоюз рабочих электротехнической, радио- и машиностроительной промышленности, насчитывающий 500 тыс. членов; вслед за этим были исключены один за другим другие левые профсоюзы. Этот «самораскол» авторы книги расценивают, как «почти равносильный самоубийству организации».

Давая оценку деятельности руководства КПП, авторы пишут: «Политику саморазрушения КПП следует рассматривать как следствие истории «холодной войны». Крики о «красных» становились столь пронзительными и приобретали на съездах КПП столь настойчивый характер, что для обыкновенного здравого смысла уже вовсе не оставалось места на этих съездах, и все прогрессивное неизменно изображалось здесь как коммунистический заговор. Защита всеобщего мира стала расцениваться как проповедь измены родине. Предложения, направленные на запрещение истребле-

ния людей с помощью атомной бомбы, рассматривались как верный признак коммунизма. Предостережения о неизбежности экономического кризиса в результате гонки вооружений и «холодной войны», фантастических прибылей и понижения реальной заработной платы объявлялись кремлевской пропагандой. Нежелание участвовать в травле «красных» и в «охоте на ведьм» (травле прогрессивных сил.— С. М.), нежелание раскалывать и ослаблять профсоюзы расценивалось как молчаливое признание руководства Москвы» (стр. 571).

Гибельные последствия раскола КПП не замедлили сказаться на резком сокращении членов союзов. Если в 1946 г. численность КПП достигала 6,3 млн. членов, то к 1954 г. она сократилась до 4,6 миллиона.

Вопреки политике реакционных лидеров профсоюзного движения, рядовые члены АФТ, КПП и исключенных из КПП независимых профсоюзов продолжали настойчивую борьбу за единство, за слияние профсоюзных организаций США в один центр. Тяга рабочих масс к единству продолжала возрастать. Под влиянием требований рабочих лидеры АФТ (председатель Джордж Минни) и КПП (Уолтер Рейтер — руководитель организации с 1952 г. после смерти Филиппа Мэррея) выступили в конце 1954 г. с совместным заявлением, в котором обещали к 1955 г. слить эти две организации в одну.

9 февраля 1955 г. исполнительные комитеты АФТ и КПП подписали соглашение о слиянии профсоюзных организаций АФТ и КПП в единый профсоюзный центр, который должен «сохранить целостность каждого входящего в его состав национального и межнационального профсоюза». Новый профсоюзный центр США предполагал объединить 145 профсоюзов, которые насчитывают 15 млн. членов. Сообщая об этом, авторы книги указывают далее: «И хотя почти 2 миллиона организованных рабочих: 600 тысяч членов профсоюза угольщиков, 400 тысяч членов профсоюзов железнодорожников и остальные — члены других независимых профсоюзов, таких, как профсоюз электриков, профсоюз рудокопов и рабочих цветной металлургии, профсоюз портовых грузчиков и работников складов, все еще остаются вне новой федерации, тем не менее существует возможность объединить все профсоюзное движение и таким образом обеспечить единство действий рабочего класса» (стр. 605).

Этот вывод авторов должна подтвердить

еще сама жизнь, дальнейшая история рабочего движения США. Во всяком случае следует иметь в виду, что слияние профцентров, происшедшее под влиянием требований рабочих масс, проводилось теми людьми, которых никак нельзя считать сторонниками подлинного рабочего единства. Эти люди, возглавляя новый профцентр, стремятся противопоставить его прогрессивным элементам в рабочем движении, заявляя о желательности единства «перед лицом коммунистической угрозы».

На проходившем в феврале 1957 г. XVI съезде Коммунистической партии США указывалось, что «сейчас складываются условия, при которых может выкристаллизоваться антимонополистическая коалиция во главе с рабочим классом, охватывающая широкие слои членов профсоюзов, фермеров, негров, мелких предпринимателей, деятелей науки и культуры»⁶.

Дух оптимизма пронизывает книгу Р. О. Бойера и Г. М. Морейса. Глубокой верой в перспективы рабочего движения США проникнута и заключительная глава книги, названная авторами «Тем величественнее будет победа». В этой главе, подводя итоги своей работы, авторы заявляют: «История рабочего движения в США дает все основания для уверенности в том, что наступит время, когда война, бедность, преследования за убеждения станут всего лишь тяжелым воспоминанием о прошлом» (стр. 620). Они призывают к единству рабочих рядов, к объединению всех демократических сил США под руководством рабочего класса для совместных усилий в борьбе за разрешение насущных задач трудящихся масс на пути мира и демократии. «Единство народа сильнее лю-

бой водородной бомбы», — заявляют авторы. Рабочие знают, что «их ждут великие битвы и временами черные дни». Но впереди, пробиваясь сквозь пелену мрака, уже сияет лучезарный свет яркого нового дня. И они удовлетворены, ибо знают, что «чем тяжелее жертвы, тем величественнее будет победа».

При всей положительной оценке книги Р. О. Бойера и Г. М. Морейса нельзя не отметить и наличие в ней некоторых недостатков и недоработки. В частности, авторы не дают достаточно глубокого анализа причин слабости рабочего движения в США на современном этапе. В книге мало отражена роль Коммунистической партии, хотя известно, например, что именно активная деятельность коммунистов в рядах КПП обеспечила в свое время мощный рост ее рядов и влияние в рабочем движении. Коммунисты выступают последовательными революционными борцами за интересы рабочего класса, за подлинное единство его рядов, за победу сил мира, демократии и социализма.

Правильная оценка основных положений книги и теоретических взглядов ее авторов дана во вступительной статье И. Микусона, предпосланной русскому изданию. Вместе с этим книга снабжена также большим научным аппаратом в виде многочисленных примечаний от редакции, предметно-географического и именного указателей.

Как по богатству фактического материала, так и по своей форме эта книга выгодно выделяется из всего того, что до сих пор издавалось у нас по рабочему движению в США. Поэтому нет сомнений в том, что она будет с большим интересом прочитана не только специалистами, изучающими историю Америки, но и более широким кругом советских читателей.

С. М. Майоров

⁶ Журнал «Коммунист», 1957, № 4, стр. 87—88.

COSTIN MURGESCU. *Reforma Agrară din 1945*. București. Ed. Academiei Republice Populare Romîne. 1956. 267 p.

К. МУРЖЕСКУ. *Аграрная реформа 1945 г.*

Аграрная реформа 1945 г. — одно из первых и наиболее крупных революционных преобразований, осуществленных в Румынии после установления народно-демократического строя. Реформа явилась назревшей необходимостью для румынской деревни и имела глубокие последствия в жизни крестьянства и всего румынского народа как важнейшее условие демократизации страны. Понятен поэтому интерес к ее изучению в Румынии и за ее пределами. В последние годы в Румынии опубликован ряд интересных материалов по отдельным вопросам реформы. Особо следует отметить исследования о проведении аграрной реформы в различных уездах, районах и даже в отдельных селах. Изданный Институтом истории при ЦК Румынской рабочей партии сборник трудов по этим вопросам¹ служит ценным пособием при изучении аграрной реформы 1945 года. Все опубликованные работы исследуют, однако, отдельные аспекты реформы. Обобщающего труда о реформе в целом до последнего времени не было. Рецензируемая книга в значительной мере восполняет этот пробел.

В работе собран большой фактический материал, характеризующий подготовку, проведение и результаты реформы. В пяти главах книги обстоятельно разобраны «предыстория» аграрной реформы 1945 г., условия ее осуществления и открытые ею перспективы развития сельского хозяйства страны.

Вопрос о земле, об аграрных отношениях был одним из самых жгучих в жизни румынского народа в течение его многовековой истории. Он приобрел еще большую остроту со времени вступления Румынии на путь капиталистического развития. Накануне первой мировой войны о необходимости реформы аграрных отношений заговорили даже представители господствующих классов. Убедительнейшим аргументом в пользу такой реформы послужило грозное крестьянское восстание 1907 года. Однако дальше разговоров и обещаний дело не шло. Буржуазно-помещичьи прави-

тельства всячески затягивали и срывали решение вопроса. Великий пример Октябрьской социалистической революции, показавшей образец разрешения вопроса о земле в пользу трудящегося крестьянства, заставил господствующие классы Румынии пойти на уступки. Совершенно определенно писал об этом буржуазный исследователь Теодор Рышкану: «С 1913 по 1917 г. вопрос об аграрной реформе остался висеть в воздухе. Возможно, что он и в дальнейшем остался бы в подобном положении, если бы не произошла русская революция, уничтожившая царский режим. В России, во время революции, крестьянство накинулось на крупную собственность и, экспроприировав помещиков, поделило ее между собой. Этот опасный факт мог заразить и наши крестьянские массы, которые сталкивались с русскими солдатами на фронте. Наши правящие круги посоветовали тогда королю Фердинанду, в целях избежания русских революционных заразных идей, взять на себя инициативу аграрной реформы и экспроприировать крупных собственников. Эту печальную миссию король, находившийся между молотом и наковальней, и вынужден был исполнить»². В книге К. Муржеску приведены многочисленные высказывания отдельных крупных помещиков, буржуазных ученых, членов правительственных буржуазных партий, авторов и участников разработки реформы, совершенно недвусмысленно признающих роль Октябрьской революции в появлении закона о земле. Он был принят в течение нескольких лет в виде ряда решений и постановлений и известен как закон об аграрной реформе 1917—1921 годов. Первая глава книги К. Муржеску представляет собой обстоятельный очерк о содержании и результатах этой реформы.

Буржуазные ученые исписали горы бумаги, стремясь доказать, что реформа 1917—1921 гг. была проведена исключительно в интересах крестьянства, и тем самым прославить помещичье-буржуазных правителей Румынии, «даровавших» землю крестьянам. Аграрная реформа 1917—1921 гг. действительно изъятия у помещиков

¹ Din lupta pentru încheierea alianței clasei muncitoare cu taranimea muncitoare în bătăia pentru reforma agrară din 1944—1945. Studii și referate monografice. Vol. I. București. 1955.

² T. Răscănu. Problema pământului în România. București. 1922, p. 250—251.

(но при этом за солидную компенсацию) сравнительно большую площадь земли. Ее размер превышает даже площадь, которая была экспроприирована у помещиков по реформе 1945 года. На этом основании некоторые буржуазные ученые пытались ставить в один ряд обе реформы, заявляя, что реформа 1945 г. является продолжением или даже повторением аграрной реформы 1917—1921 годов³. К. Муржеску с самого начала разбивает эти лжетеории, указывая, что главным, определяющим в оценке обеих реформ является не размер изъятой земли, а то, каким классом и в интересах какого класса проведены одна и другая реформы. «Аграрная реформа 1917—1921 годов,— подчеркивает автор,— была осуществлена буржуазией и помещиками в их интересах и против интересов трудящегося крестьянства, чтобы спасти буржуазию и помещиков, обеспечить капиталистическое развитие сельского хозяйства одновременно с сохранением полуфеодалных отношений и созданием новых условий ограбления крестьян. Аграрная же реформа 1945 г. была осуществлена рабочим классом и трудящимся крестьянством против буржуазии и помещиков, для ликвидации помещиков как класса, подрыва экономической и политической мощи эксплуататорских классов и создания лучших условий жизни трудящихся» (стр. 7—8).

Эта классовая, марксистско-ленинская характеристика двух реформ положена в основу исследования К. Муржеску.

Аграрная реформа 1917—1921 гг. передала крестьянам часть помещичьей земли. Однако она не только не ликвидировала крупное помещичье землевладение, но даже и не стремилась этого сделать. Автор показывает, что «законы 1917—1921 годов об отчуждении помещичьей земли могли бы с большим правом называться законами защиты крупной помещичьей собственности» (стр. 24). И действительно, закон предусматривал, что в каждой помещичьей усадьбе остается неприкосновенной площадь пахотной земли не менее 100 га, причем размер этой неприкосновенной площади мог быть доведен до 500 га. В то же время закон предоставлял помещикам многочисленные возможности нарушения и этих норм. Они могли, например, владеть несколькими поместьями, расположенными в разных местах. Всего по закону 1917—1921 гг. было отчуждено у помещиков не-

сколько больше половины всей земли — 2,4 млн. га. Но не вся отчужденная земля попала к крестьянам. Они получили только 56% этой площади. Большая часть остальной отчужденной земли попадала под различными видами и предложениями (чаще всего как пастбище) к тем же помещикам или переходила в руки кулаков. К. Муржеску приводит весьма красноречивые цифры, показывающие крупный размер оставшихся после реформы помещичьих латифундий. Правда, средний размер помещичьего владения уменьшился в 1930 г. с 712 до 448 га, но в то же время в Румынии имелось 2 700 помещичьих хозяйств со средним размером каждого в 1 250 га (стр. 30).

Глава насыщена интересным и содержательным материалом, доказывающим буржуазно-помещичий характер реформы 1917—1921 годов. Однако недостатком этой главы, как нам кажется, является отсутствие анализа законодательства о реформе по отдельным историческим провинциям. А между тем она не носила единого характера по всей стране: в разных провинциях были установлены разные нормы конфискации помещичьей земли и наделения ею крестьян. В одном только месте (стр. 3) говорится, что в Трансильвании и вообще в областях с национальными меньшинствами крестьяне получили значительно меньшие наделы, чем в Старом королевстве. Автор правильно объясняет это положение переплетением аграрной политики буржуазно-помещичьих правительств с политикой национального угнетения. Однако одно это объяснение представляется недостаточно полным и точным. При изучении аграрной реформы 1917—1921 гг. бросается в глаза тот факт, что она носила более широкий и последовательный характер в тех областях, где под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции развернулось мощное народное движение. Например, в Бессарабии, захваченной румынской военщиной, влияние Октябрьской революции проявилось значительно глубже, чем в других провинциях Румынии. Крестьянам удалось добиться здесь больших уступок от правительства. Их наделы были больше, чем в других местах, а размер земли, оставленной помещикам, значительно меньше. Меньше всего земли крестьяне получили в Буковине⁴. В этой неравно-

³ См. P. Pandrea, *Portrete și controverse*. Vol. II. București. 1946, p. 6.

⁴ Максимальный размер крестьянских наделов в Бессарабии составлял 8 га, в Старом королевстве — 5 га, в Трансильва-

мерности распределения земельных наделов, бесспорно, сказалось конкретное влияние Октябрьской революции на различные районы Румынии.

Несмотря на буржуазно-помещичий характер, реформа 1917—1921 гг. имела значительные последствия в жизни румынской деревни. С ней связано дальнейшее капиталистическое развитие сельского хозяйства и аграрных отношений до 1945 года. Этому вопросу посвящена вторая глава книги, названная «Положение сельского хозяйства накануне реформы 1945 года». На ряде фактов К. Муржеску показывает, что важнейшей особенностью сельского хозяйства этого периода является продолжавшийся процесс его капиталистического развития, происходивший на основе сохранения крупного помещичьего землевладения, укрепления кулацких хозяйств и получения дешевой рабочей силы для помещичьих и кулацких хозяйств за счет безземельных и обезземеленных после реформы крестьян. В то же время Румыния продолжала оставаться преимущественно отсталой аграрной страной со значительными феодальными пережитками в сельском хозяйстве.

Скучность и ненадежность буржуазной статистики и недостаточная изученность вопроса не дали автору возможности осуществить глубокий и всесторонний анализ развития капитализма в сельском хозяйстве в период между двумя мировыми войнами. Тем более важно отметить, что К. Муржеску весьма убедительно показывает характерные особенности развития сельского хозяйства Румынии в указанный период. Крупная помещичья собственность оставалась решающим фактором в сельском хозяйстве. В руках сельской буржуазии и сельских арендаторов были сконцентрированы крупные массивы земли, в то время как миллионы крестьян продолжали страдать от малоземелья и безземелья. Так, 25 тыс. помещиков и кулаков с земельной площадью в каждом хозяйстве свыше 50 га (что составляло 0,8% всех землевладельцев в стране) владели 32,2% всей земли, а 2,5 млн. крестьянских хозяйств, участки которых не превышали 5 га (что составляло 74,9% общего числа всех землевладельцев) владели 26,2% всей земельной площади. В стране насчитывалось 1 710 тыс. крестьянских хозяйств, каждому из которых принадлежало не больше 1,5 га. Даже

ни — 4,28 га, в Буковине — 4 га (см. С. Тимофеев. Аграрный вопрос в Румынии. М. 1928, стр. 172).

по данным официальных обследований, эти сельские собственники не были в состоянии трудом на своем участке обеспечить себе и своей семье самое скромное пропитание. Таким образом, с учетом 700 тыс. крестьян, полностью лишенных земли, в стране после проведения реформы 1917—1921 гг. насчитывалось 2 500 тыс. крестьян, вынужденных вместе с членами своих семей искать работу в помещичьих и кулацких хозяйствах (стр. 56).

Превознося на все лады аграрную реформу 1917—1921 гг., ученые буржуазно-помещичьей Румынии заявляли, что она якобы уничтожила эксплуатацию крестьянского труда, что после первой мировой войны сельское хозяйство основывалось на труде крестьян—земельных собственников. К. Муржеску вскрывает всю лживость этого утверждения и на конкретных данных показывает, что эксплуатация миллионов румынских крестьян приняла после реформы еще более острый характер. Значительный интерес представляют данные о сельскохозяйственных объединениях, которые создавались в этот период и носили подлинно монополистический характер.

Вместе с тем автор выявляет сохранившиеся и после реформы докапиталистические формы эксплуатации — такие, как барщина, отработки, издольщина.

Глава изобилует фактами, характеризующими упадок сельского хозяйства после первой мировой войны, продолжающееся обезземеливание крестьян, получивших наделы по реформе 1917—1921 гг., и усиливающуюся пауперизацию их. По данным официальных опросов 1934—1935 гг., проведенных в 15 тыс. крестьянских хозяйств, годовой доход крестьянской семьи, владевшей 5 га земли (что значительно превышало средний уровень крестьянского надела), составлял 10 тыс. лей. В качестве сравнения автор указывает, что годовая заработная плата домашней работницы в эти годы составляла 6 тыс. лей. По данным опросов 1938 г., проведенных в 11 тыс. крестьянских хозяйств, 33% из них не обеспечивали себе средств существования трудом на своей земле (стр. 89). Эти и другие данные, почерпнутые автором из официальных источников того периода, не оставляют камня на камне от распространенной после первой мировой войны буржуазной теории «устойчивости» мелкого сельского хозяйства.

Третья глава книги, «Борьба за революционное преобразование аграрных отноше-

ний», посвящена в основном борьбе Коммунистической партии Румынии за демократическую аграрную реформу после первой мировой войны до 1945 года. Последний, шестой раздел этой главы подводит читателя непосредственно к аграрной реформе 1945 года. В этой главе автор рассказывает о революционной борьбе Коммунистической партии в условиях реакции и фашизма за интересы трудящегося крестьянства. Сразу же после освобождения Румынии от господства гитлеровцев Коммунистическая партия, перейдя к открытой политической деятельности в массах, призвала к немедленному осуществлению широкой аграрной реформы путем экспроприации помещичьей земли и наделения ею безземельных и малоземельных крестьян. Шаг за шагом показана последовательная борьба партии за решение этой задачи, которая рассматривалась во всех партийных программных документах и в коммунистической печати как самый назревший вопрос общественно-экономической жизни, как главнейшее условие демократизации страны. Призывы Коммунистической партии нашли глубокий отклик в деревнях. Широкие массы трудящегося крестьянства пришли в движение. По всей стране проводились крестьянские собрания, требовавшие немедленного проведения аграрной реформы, избирались крестьянские комитеты, развернувшие плодотворную деятельность по мобилизации и организации крестьянских масс. Осенью 1944 г. трудящиеся крестьяне приступили к разделу помещичьей земли. Самочинное осуществление крестьянами аграрной реформы явилось, указывает автор, важным фактором в процессе политического воспитания масс, роста их политической зрелости. Борьба крестьян за землю слилась с борьбой народных масс во главе с Коммунистической партией Румынии за демократизацию страны и привела в начале марта 1945 г. к устранению правительства фашистского генерала Радеску и приходу к власти правительства Народного фронта во главе с П. Гроза. Одним из первых актов этого правительства было принятие 22 марта закона об аграрной реформе.

В последующей, четвертой главе содержится разбор этой реформы. Важнейшим моментом, определяющим аграрную реформу 1945 г. как аграрную революцию, автор правильно считает ликвидацию крупного помещичьего землевладения. Причем в отличие от других стран народной демократии (Венгрия, Чехословакия), где закон

предусматривал выкуп государством всех земель у бывших собственников, в Румынии с самого начала отчуждение земли у помещиков проводилось безвозмездно. «Эта особенность,—замечает автор,—отражает силу революции уже в период осуществления аграрной реформы» (стр. 169). Вызывает, однако, возражение его утверждение о том, что реформа 1945 г. ликвидировала все помещичье землевладение и помещиков как класс (стр. 160, 161 и др.). Несомненно, реформа 1945 г. нанесла сокрушающий удар помещичьему землевладению, но и после реформы у значительной части помещиков еще оставалось до 50 га земли, что в общей сложности составило по стране довольно большую площадь — в 940 238 га (стр. 163), тогда как по реформе 1945 г. у помещиков было конфисковано 1 408 тыс. га (стр. 187). Помещики были лишены этой земли только в 1949 г., и с этого времени можно считать завершенной ликвидацию помещичьего землевладения и помещиков как класса.

Известно, что в странах народной демократии, в том числе в Румынии, в отличие от Советской России в период Великой Октябрьской социалистической революции, отчужденная у помещиков земля не была национализирована, а передавалась трудящимся крестьянам в частную собственность. Отсюда ряд особенностей в развитии сельского хозяйства Румынии в условиях его перехода на путь социалистического преобразования. Эти особенности подвергнуты всестороннему анализу в специальном разделе «Проблема национализации земли». Наиболее верным путем перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, отмечает автор, является с самого начала путь национализации всей земли. Но рабочий класс решает этот вопрос, строго учитывая интересы сохранения и укрепления союза с трудящимся крестьянством (стр. 193). Вырванная у господствующих классов борьбой крестьянских масс аграрная реформа 1917—1921 гг. создала значительную прослойку мелких сельских хозяев в Румынии. Основная же масса крестьян, оставшаяся обделенной по этой реформе или же лишенной впоследствии своих крохотных участков, продолжала бороться за землю, за разделение помещичьей земли между крестьянами. Интересы укрепления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством требовали всемерной поддержки борьбы крестьян. Осуществление аграрной реформы 1945 г. да-

ло крестьянам эту землю. Трудящиеся крестьяне, получив земельные наделы, став хозяевами земельных участков, почувствовали, что их чаяния и надежды удовлетворены благодаря руководящей роли рабочего класса и его партии в борьбе за землю. С другой стороны, закон об аграрной реформе 1945 г. запрещает покупку, продажу и сдачу в аренду земли. Румынское трудящееся крестьянство все больше убеждается в преимуществах производственно-го кооперирования и вступает в сельскохозяйственные кооперативы.

В главе также разобран ряд других теоретических вопросов, вытекающих из практики и результатов аграрной реформы 1945 года. В целом, однако, эта часть книги не оставляет чувства полной удовлетворенности. Представляется, что глава, посвященная непосредственно реформе 1945 г., должна была бы стать основной в книге, а между тем она разработана слабее других. Это касается не только объема в соотношении с другими главами, но и содержания ее. Документальный и статистический

материал о реформе 1945 г. ограничен или сведен к уже известным опубликованным материалам. Почти не использованы архивные данные. Не показана борьба масс за реформу в отдельных областях. Борьба крестьян за реформу в Молдове, например, приобрела совершенно другой размах и другие формы, чем в Добрудже и в Крайове, где реакция была сильнее и оказывала более упорное сопротивление. Автор не использовал упомянутые выше опубликованные Институтом истории партии при ЦК РРП материалы о борьбе за реформу в различных областях и районах. К недостаткам книги следует отнести перегруженность ее цитатами.

Несмотря на отмеченные пробелы, книга К. Муржеску является, безусловно, полезной научной работой, представляющей значительный интерес для лиц, изучающих аграрные отношения в Румынии после первой мировой войны и аграрную реформу 1945 года.

С. И. Самойлов

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

С 4 по 11 июня 1957 г. в Ташкенте состоялась первая всесоюзная конференция востоковедов, созванная по инициативе Академии наук СССР и Академии наук Узбекской ССР. В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда и других городов Российской Федерации, союзных республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья. Гостями конференции были ученые ряда стран народной демократии — КНР, КНДР, Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии. Все представители дружественных стран выступили с приветствиями, а китайский ученый Дин Цзэ-лянь сделал на секционном заседании доклад на тему «Сунь Ят-сен и национально-освободительное движение в странах Азии».

Конференцию открыл и. о. академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР член-корреспондент АН СССР Е. М. Жуков. От имени ученых Узбекистана конференцию приветствовал президент АН Узбекской ССР Х. М. Абдуллаев.

Деятельность конференции — ее пленарные и секционные заседания — привлекала внимание широкой общественности: научных работников и преподавателей высших учебных заведений, учителей, представителей партийно-советского актива.

В работе конференции и ее секций значительное место было уделено проблемам истории, историографии и источниковедения.

Большой интерес вызвал доклад директора Института востоковедения АН СССР действительного члена АН Таджикской ССР Б. Г. Гафурова «Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС».

Б. Г. Гафуров, кратко изложив историю развития востоковедения в СССР, отметил, что советские ученые, ведущие исследования в этой области науки, осуществили за последние годы немалую работу. Однако, как справедливо отмечалось на XX съезде партии, советское востоковедение не сумело своевременно, с марксистских позиций, раскрыть значение процессов, происходящих в жизни стран Азии и Африки на современном этапе, в частности процесса создания новых

государств, осветить все многообразие форм борьбы народов Востока против колониализма.

Решения XX съезда КПСС послужили мощным стимулом для дальнейшего всестороннего развития советского востоковедения.

Остановившись на деятельности Института востоковедения Академии наук СССР, докладчик сообщил, что в настоящее время проведена реорганизация института, значительно расширена тематика научно-исследовательских работ. Более глубокому и всестороннему изучению всего комплекса проблем, связанных с историей, культурой, экономикой, филологией стран Азии и Африки, способствует создание в институте специальных отделов — Африки, арабских стран, Юго-Восточной Азии и т. д. Укрепляются творческие связи советских востоковедов с учеными зарубежных стран. Готовятся к изданию коллективные и индивидуальные труды — сборники, монографии, словари. Главное внимание научных сотрудников института обращено на разработку проблем современного положения стран зарубежного Востока.

Анализируя некоторые особенности процесса развития стран Азии и Африки, Б. Г. Гафуров предостерег ученых от шаблонного подхода к исследуемым проблемам. Советские востоковеды должны создать фундаментальные научные труды об особенностях развития каждой страны. Надо обеспечить разработку, написание и издание таких печатных трудов, которые действительно глубоко, с марксистско-ленинских позиций освещали бы историю, экономику, культуру стран Востока, борьбу их народов за освобождение и строительство новой жизни.

С содокладами о состоянии и задачах востоковедения в союзных республиках выступили: вице-президент АН АзССР А. С. Сумбат-заде (Азербайджанская ССР), действительный член АН АрмССР М. Г. Нерсисян (Армянская ССР), член-корреспондент АН ГрузССР Г. В. Церетели и доктор филологических наук С. С. Джикия (Грузинская ССР), кандидат историче-

ских наук С. А. Азимджанова (Узбекская ССР), президент АН ТаджССР С. У. Умаров (Таджикская ССР), президент АН ТуркмССР Г. А. Чарыев (Туркменская ССР).

В содокладах была дана достаточно полная картина развития востоковедческой работы в республиках Средней Азии и Закавказья. Так, Институт востоковедения АН УзССР опубликовал четыре тома научных каталогов своего богатейшего собрания восточных рукописей, издал на русском и узбекском языках первые два тома полного перевода «Канона врачебной науки» Ибн Сины, выпустил из печати ряд монографий по истории Востока и изучению рукописного наследия народов Средней Азии. В Туркмении издано значительное количество работ по истории, литературе, языку туркменского народа и сопредельных стран Востока, две книги древнейшего индийского эпоса «Махабхарата». В Грузии ведется изучение истории, языка и культуры народов древнего Востока (хеттов, хуритов, урартийцев), вопросов их генетической связи с народами Кавказа; изучаются семитские языки, издаются источники по истории грузино-иранских и грузино-турецких исторических связей, появился ряд работ в области тюркского языкознания. В Армении изучаются проблемы урартоведения, хеттологии и ассириологии, изданы книги, исследующие культурные связи армянского народа с его соседями, усилилась разработка вопросов новой и новейшей истории Ближнего и Среднего Востока. В Азербайджане, помимо исследований, связанных с историей, экономикой и культурой азербайджанского народа, ведется систематическая работа в области изучения персидского языка и литературы. Во всех республиках получили широкое распространение археологические и этнографические исследования, возрос интерес к проблемам, рассматривающим развитие прогрессивной общественно-политической и экономической мысли.

Вместе с тем в содокладах отмечалось, что не везде еще востоковедение пользуется необходимым вниманием и поддержкой; разрыванию этой работы препятствует слабая координация деятельности научных учреждений, ограниченность полиграфических возможностей при выпуске специальных изданий с восточными текстами, недостаточно интенсивная и широкая подготовка кадров специалистов и т. д. Отстающим участком по-прежнему остается изучение новой и новейшей истории стран Востока, их

современного положения. Не получило должного развития исследование богатого историографического наследства.

В прениях по докладу Б. Г. Гафурова выступило 15 участников конференции и в их числе академик АН КазССР Мухтар Ауэзов, академик Академии медицинских наук В. Н. Терновский и другие. Выступавшие в прениях вносили свои предложения научно-организационного характера. Таково, например, предложение кандидата исторических наук А. Д. Новичева об издании энциклопедии Востока.

На пленарных заседаниях конференции также были прочитаны доклады, посвященные историческим переменам в жизни народов Востока: «Распад колониальной системы империализма» — члена-корреспондента АН СССР Е. М. Жукова, «Международное значение победы народной революции в Китае» — кандидата исторических наук А. Г. Крымова (Куо Шао-тана), «Международное значение Бандунгской конференции» — кандидата юридических наук Л. М. Максудова.

Был заслушан доклад декана исторического факультета Северо-Восточного народного университета Китайской Народной Республики Дин Цзэ-ляна «Сунь Ят-сен и национально-освободительная борьба народов Азии».

В ряде докладов нашли отражение важнейшие вопросы новой и новейшей истории народов Средней Азии («Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии» — кандидат исторических наук Х. Абдурахманов, «Идеи дружбы народов в произведениях передовых мыслителей Узбекистана второй половины XIX — начала XX века» — действительный член АН УзССР И. М. Муминов, «Развитие советской национальной государственности в Узбекистане» — действительный член АН УзССР Х. С. Сулайманова, «Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие науки в Узбекистане» — действительный член АН УзССР Т. Н. Карыниязов). Несколько докладов характеризовали жизнь и деятельность крупных ученых, писателей и общественных деятелей средневекового Востока («Бируни и значение его работ для развития науки» — действительный член АН УзССР Х. М. Абдуллаев, «Бируни и проблема древней и раннесредневековой истории Хорезма» — член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов, «Захираддин Бабур» — член-корреспондент УзССР В. Ю. Захидов).

Плодотворно протекала секционная работа конференции. Было организовано семь секций: истории народов Советского Востока; исторических, экономических и культурных связей народов Востока; древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока; истории национально-освободительной борьбы народов Востока; литературы народов Востока; восточных языков; рукописного наследия народов Востока (с подсекцией изучения «Канона врачебной науки» Ибн-Сины). Руководили деятельностью секций видные ученые Москвы, Ленинграда, союзных республик. На заседаниях секций было сделано 109 сообщений, в прениях выступило 65 научных работников.

Секция истории народов Советского Востока заслушала ряд сообщений, посвященных социалистическим преобразованиям, развитию экономики и культуры в союзных республиках (Туркмении, Азербайджане, Армении, Грузии). Оживленный обмен мнениями вызвали сообщения кандидатов исторических наук М. Г. Вахабова «Формирование узбекской социалистической нации», Ш. Т. Ташлиева «Провал английской военной интервенции в Туркменистане», С. Д. Какабаева «Борьба за коллективизацию сельского хозяйства в Туркменской ССР» и С. И. Ильясова «О ликвидации фактического неравенства у киргизов в результате победы социализма в СССР».

Выступая в прениях, доктор юридических наук А. И. Ишанов отметил, что в трудах историков, рассматривающих английскую интервенцию в Туркестане (в частности в сообщении Ш. Т. Ташлиева), не указывается, что авантюра Энвер-паши, объединившего в начале 1922 г. разрозненные басмаческие банды, являлась, по сути дела, замаскированным продолжением той же интервенции. Преподаватель истории А. Г. Гаркушенко указал, что Ш. Т. Ташлиев повторил заблуждения многих исследователей этого вопроса, утверждая, что английские империалисты — главные организаторы интервенции в Туркестане — были также организаторами контрреволюционного выступления «Кокандской автономии». Документально это не подтверждается и является результатом подмены изучения конкретной обстановки априорными рассуждениями, домыслами и догадками. «Кокандская автономия» представляла собой пестрый по своему социальному, политическому и национальному составу антисоветский блок туркестанской буржуазно-феодалной

контрреволюции с русской эсеров-белогвардейщиной. Главенствующая роль в этом блоке принадлежала узбекским, казахским и отчасти татарским буржуазным националистам и верхушке реакционного мусульманского духовенства. Главари «автономии» ориентировались на германо-турецкий империализм, что соответствовало их пантюркистской идеологии. Между тем в трудах советских историков остается слабо выясненным вопрос, как правящие круги Германии и Турции, оказывая поддержку местной контрреволюции в Средней Азии, фактически проводили здесь интервенцию в скрытой форме. Усилия же английских империалистов сводились к тому, чтобы использовать в своих интересах такую активную антисоветскую силу, как «Кокандская автономия».

Кандидат исторических наук Т. Елеуов также подчеркнул, что нельзя недооценивать роль германо-турецкой агентуры в период гражданской войны и интервенции в Средней Азии. Он подробно остановился на особом значении в наши дни, когда усиливаются происки американских и английских империалистов в странах Азии и Африки, трудов советских ученых, посвященных истории организации и разгрома иностранной интервенции в Средней Азии, Казахстане и Закавказье.

Действительный член АН КазССР С. А. Покровский упрекал Ш. Т. Ташлиева в том, что вопрос об английской интервенции был освещен в докладе без должной связи с историей интервенции других империалистических государств. Интервенция, говорит С. А. Покровский, — это не обязательно «иностраный солдат с ружьем», а еще и организующая, направляющая, финансирующая роль иностранных империалистов в борьбе за удушение революции в чужой стране. С этой точки зрения разве можно умалчивать, например, о роли японской разведки в событиях в Синьцзяне, на Семиреченском фронте? Более конкретно и социально дифференцировано надо показывать и силы внутренней контрреволюции. С этой точки зрения сообщение Ш. Т. Ташлиева отразило недостатки исследований многих наших историков.

Писатель А. В. Станишевский (Азиз Ниалто) отметил, что в ряде работ упоминается о роли американского империализма в организации интервенции в Средней Азии лишь в общей форме, без должного изучения фактического материала, а он имеется и ждет своего критического использования.

Кандидат исторических наук С. И. Якубовская говорила о причинах недостаточного высокого идейно-научного уровня некоторых исследований по истории советского общества в Средней Азии. По ее мнению, слаба архивно-документальная база этих исследований, отсутствует должное умение критически осмысливать и использовать источники, не всегда разоблачаются домыслы буржуазной историографии. Иной раз ликвидация фактического неравенства наций в СССР неправильно трактуется отдельными историками как достижение одинакового уровня развития наций, не конкретизируются задачи, стоящие перед каждой союзной республикой.

Кандидат исторических наук Ш. И. Ульмосбаев упрекал авторов сообщений о социалистических преобразованиях в союзных республиках в недостаточном внимании к освещению особенностей этих преобразований. Досадно, когда историки трактуют лишь в общих чертах чрезвычайно важный вопрос перехода ранее отсталых стран к социализму. В Узбекистане, например, перевод крестьянства на путь социализма, социалистическое преобразование кишлака встретил по сравнению с Центральной Россией дополнительные трудности, обусловленные последствиями колониального режима, патриархально-родовыми и феодальными пережитками и т. д. Земельные реформы тесно переплетались здесь с водными реформами.

Имел свои особенности и рабочий контроль в Узбекистане. Существенным обстоятельством послеоктябрьской истории Средней Азии являлась затянувшаяся в Туркестане гражданская война. Эти и другие факторы должны быть всесторонне учтены исследователями при изучении истории социалистического строительства в Средней Азии и Казахстане.

Кандидат исторических наук А. Маматюсупов говорил в своем выступлении об отсутствии точной периодизации в работах по истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. Так, в сообщении С. Д. Какабаева хронологические рамки коллективизации в Туркмении намечались со второй половины 1929 до 1934 г. включительно, однако при исследовании данной проблемы необходимо изучать и мероприятия, подготовившие условия для коллективизации. Этот вопрос ждет исследования не только в Туркмении. Основным пороком многих работ по истории коллективизации в союзных республиках А. Маматюсупов считает неконкретный, общий

показ решающего значения союза рабочего класса и крестьянства.

Обсуждение сообщений выявило необходимость усилить внимание к вопросам периодизации истории советского общества в союзных республиках, к проблемам особенностей истории колхозного строительства в республиках Советского Востока. Все участники секции единодушно выразили желание созвать в ближайшее время региональное совещание по вопросам, связанным с изучением периода гражданской войны и интервенции в Средней Азии, Казахстане и Закавказье.

В секции исторических, экономических и культурных связей народов Востока главенствующее место заняли сообщения, посвященные истории отношений азербайджанского, армянского, грузинского, туркменского, киргизского, узбекского и кабардинского народов с русским. Секция уделила также внимание древним культурным связям Средней Азии и Афганистана, арабского и азербайджанского народов, экономическим и культурным связям Азербайджана с Китаем в средние века, экономическим и культурным взаимоотношениям народов Средней Азии с Индией в конце XIX — начале XX века. Большой интерес вызвал основанный на обильном фактическом материале доклад действительного члена АН ТаджССР А. А. Семенова о роли Средней Азии в распространении материальных и духовных ценностей в период с начала бронзового века до раннего средневековья.

В прениях по вопросам, посвященным связям народов Средней Азии, Казахстана и Закавказья с Россией и народами других стран, справедливо отмечалось, что заслушанные на секции сообщения свидетельствуют о накоплении советской историографией значительных материалов. В то же время сообщения показали неравноценность наших познаний этих связей для отдельных периодов. Недостаточно полно и конкретно изучены ранние связи народов, процесс зарождения и развития этих связей. Нередко приводимые материалы носят еще фрагментарный характер.

Секция выразила пожелание о необходимости более глубокого изучения взаимоотношений между Россией, Средней Азией и Закавказьем в XV—XX вв., а также о более широком развертывании работ по исследованию исторических, экономических и культурных связей народов Советского Союза с народами стран зарубежного Востока. Предстоит большая источниковедческая деятель-

ность, цель которой на основе обстоятельно изученных фактов сделать обобщающие выводы и конкретно показать влияние экономических, политических и культурных связей с Россией на внутреннюю жизнь и внешнюю политику государственных образований Средней Азии и Закавказья и самого русского государства.

По обширной и разнообразной программе протекала работа секции древней и средневековой истории, археологии и этнографии народов Востока.

Среди многочисленных сообщений следует отметить выступление лауреата Ленинской премии доктора исторических наук Г. А. Меликишвили, охарактеризовавшего крупнейшие, мирового значения достижения советских ученых в изучении урартской эпиграфики; ныне урартский эпиграфический материал стал в полной мере доступным для исследователей языка и истории древнего Востока и Закавказья. Восстановление летописей Аргишти I и Сардура II, интерпретации адылджеваской надписи Русы II дают ценнейшие сведения о взаимоотношениях киммеро-скифов с древнейшими государствами Передней Азии, пополняют наши знания в области политической истории Урарту и соседних государственных образований, в том числе объединений Южного Закавказья.

Кандидат исторических наук Г. Х. Саркисян сообщил о положении древних вавилонских городов в эллинистический период. Он полемизировал с теми исследователями, которые считают, что Селевкиды опирались лишь на греческое и эллинизированное население своей державы. По мнению Г. Х. Саркисяна, материалы вавилонских городов государства Селевкидов свидетельствуют о том, что местный господствующий класс не в меньшей степени, чем греки, пользовался поддержкой Селевкидов и, в свою очередь, поддерживал власть последних.

Рассмотрению экономического быта и социальной структуры общества в «Авесте» посвятил свое сообщение член-корреспондент АН СССР, действительный член АН АзССР А. О. Маковельский, остановившийся, в частности, на спорных и нерешенных сторонах этой проблемы (вопрос о магах и их отношении к зороастризму и др.). О сирийской легенде об Александре Македонском рассказала в своем выступлении член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская.

Проф. А. О. Фараджев посвятил свое

сообщение анализу экономических воззрений Низам-аль-Мулька, Низами Ганджеви, Насир-эд-Дина Туси и Рашид-ад-Дина. Доктор исторических наук И. П. Петрушевский дал характеристику содержания и значения персидского трактата по агротехнике неизвестного ученого конца XIII — начала XIV века. Доктор исторических наук Д. А. Ольдерогге выступил с сообщением о феодальных отношениях в Западном Судане XV—XIX веков. О патриархально-феодальных отношениях у полуоседлого населения Средней Азии рассказала кандидат исторических наук Т. А. Жданко. Серьезное внимание присутствующих вызвало сообщение члена-корреспондента АН УзССР М. Ю. Юлдашева, основанное на изучении недавно обнаруженного в Ленинграде богатейшего архива хивинских ханов — драгоценного исторического источника, данные которого позволяют с большой полнотой изучить социальную структуру и систему общественных отношений феодальной Хивы XIX века.

На обобщении большого материала полевых исследований советских археологов основывалось сообщение доктора исторических наук Я. Г. Гулямова «Из истории ирригационной практики народов Средней Азии». Автор проследил закономерности возникновения первобытного орошаемого земледелия и дал характеристику дальнейшего развития системы искусственного орошения в данной местности в связи с историей рабовладельческого и феодального обществ.

Много новых сведений содержали сообщения доктора исторических наук М. Е. Массона по истории и истории культуры Южного Туркменистана (памятники раннего классового общества; связь былого населения Маргианы с тогдашними племенами и народами Индии; археологические наблюдения по переходному периоду от рабовладельческого к феодальному обществу и т. д.), кандидатов исторических наук И. М. Дьяконова и В. А. Лившица о ходе расшифровки парфянского архива из Ниссы, кандидата исторических наук В. А. Шишкина об изобразительном искусстве народов Средней Азии по материалам археологических исследований, доктора исторических наук В. А. Крачковской о средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (мервские ткани IX—X вв.).

Эти и другие сообщения дали яркую картину замечательных достижений, полученных в результате широкого развития

экспедиционных исследований советских археологов.

Проблеме происхождения киргизского народа в свете последних работ было посвящено выступление доктора биологических наук Г. Ф. Дебеца.

Оживленные отклики вызвало сообщение проф. И. И. Умнякова о значении трудов академика В. В. Бартольда по истории Средней Азии. Секция особо отметила необходимость организовать в системе Академии наук СССР работу по подготовке издания трудов выдающегося русского востоковеда. Научное значение исследований В. В. Бартольда общеизвестно: к ним обращаются сотни ученых. Между тем они становятся все большей и большей библиографической редкостью. Отмечена также целесообразность опубликования неизданных рукописей Иакинфа (Бичурина), касающихся китайских источников по истории Средней Азии.

Секция выразила пожелание усилить внимание археологов, этнографов, языковедов, историков к изучению памятников материальной культуры позднего средневековья. С особой силой подчеркивалась остро назревшая необходимость незамедлительно усилить на местах охрану и реставрацию памятников старины.

Секция истории национально-освободительной борьбы народов Востока заслушала и обсудила сообщения о состоянии современной китайской исторической науки и изучении революционного прошлого китайского народа (кандидат исторических наук В. Н. Никифоров), о национально-освободительной борьбе народов Юго-Восточной Азии (доктор исторических наук В. Я. Васильева), об основных моментах освободительной борьбы народов Индии от начала английского завоевания до 1917 г. (доктор исторических наук И. М. Рейснер), о роли крестьянства в освободительном восстании в Индии в 1857—1859 гг. (кандидат исторических наук А. М. Осипов), о завоевании Афганистаном национальной независимости и его борьбе за экономическую независимость (кандидат исторических наук А. Х. Бабаходжаев и кандидат экономических наук М. Г. Пикунин). Доктор исторических наук А. Ф. Миллер осветил эпизод из истории борьбы турецкого народа за независимость, а кандидат исторических наук В. Б. Луцкий сделал обзор истории борьбы народов арабских стран за единство. Одно из сообщений было посвя-

щено образованию республики Судан (кандидат исторических наук С. Р. Смирнов).

В ходе прений было одобрено предложение, чтобы советские исследователи ближе познакомились со взглядами современных китайских ученых по вопросам периодизации истории Китая, усилили критическое использование работ зарубежных историков-востоковедов, уделили больше внимания изучению национально-освободительного движения в странах Африки.

Секция рукописного наследия народов Востока заслушала сообщение действительного члена АН ТаджССР А. А. Семенова «Среднеазиатские рукописные фонды и важность их изучения». Сообщение кандидата филологических наук В. И. Беляева было посвящено характеристике материалов по истории, науке и культуре народов Средней Азии в арабских рукописях, собранных Институтом востоковедения АН СССР; о редких рукописях классиков народов Ближнего и Среднего Востока в рукописном фонде АН АзССР сообщил кандидат филологических наук М. С. Султанов. Интерес собравшихся вызвали также выступления доктора филологических наук А. Н. Кононова «Родословная туркмен» — сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского» и действительного члена АН АзССР А. С. Али-Заде — «Джами-ат-таварих» Рашид-ад-Дина как источник по истории народов Передней Азии». В прениях участники секции справедливо обратили внимание на недостатки в изучении, публикации и введении в научный оборот ценнейших собраний восточных рукописей, которыми так богаты научные учреждения Ленинграда, Ташкента, Еревана, Баку, Сталинграда, Тбилиси и других городов, отметили неудовлетворительные темпы издания сочинений видных деятелей науки и культуры средневекового Востока (Ибн Сина, Бируни, Навои, Бабур и др.).

На заключительном заседании конференции с большой речью выступил кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана Н. А. Мухитдинов¹.

Н. А. Мухитдинов подчеркнул значение Востока во всемирной истории и показал великую жизнеутверждающую силу ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, осветил

¹ Изложение речи Н. А. Мухитдинова см. также «Правда», 14 июня 1957 г. и «Правда Востока», 13 июня 1957 года.

вопросы, связанные с победой Великой Октябрьской социалистической революции и кризисом колониальной системы империализма. Он отметил, что возрастающая роль Востока в судьбах человечества, величайшие социально-экономические сдвиги в Азии и Африке повышают значение востоковедческой науки и предъявляют к ней новые требования. Достижения наших востоковедов значительны и неоспоримы, и, тем не менее, советское востоковедение совершенно справедливо подверглось на XX съезде КПСС критике за отставание в разработке важнейших проблем современного Востока.

В работах историков, посвященных изучению социально-экономических последствий присоединения Средней Азии и Казахстана к России, иногда проявляются две одинаково неправильные крайние тенденции. Одна из них сводится к изображению этого присоединения только в мрачных красках, когда за колониальной политикой царизма не видят объективно прогрессивной стороны присоединения. Другая концепция заключается в том, чтобы замалчивать, не вскрывать реакционную сущность политики царизма и тем самым косвенно оправдывать, реабилитировать колониальный и национальный гнет, что объективно ведет к возрождению легенды о якобы цивилизаторской роли колониализма.

Другим серьезным недостатком нашего востоковедения является все еще слабое, неконкретное изучение положения и борьбы рабочего класса колониальных и зависимых стран, роли народных масс Востока. Далеко не достаточно исследована исключительно важная проблема некапиталистического пути развития к социализму в ряде стран Востока, отстает изучение вопроса аграрных отношений и аграрных преобразований в странах Востока, добившихся политической независимости. Критика и разоблачение империалистической политики в странах Востока не всегда подкрепляются фактическим материалом. Во всем этом сказывается, в частности, узкий подход ряда ученых к анализу сложных и многогранных явлений современности, слабое знание подлинной, живой жизни Востока, недостаточное владение восточными языками. Имеет место увлечение подготовкой и изданием популярных брошюр в ущерб работе над серьезными научными исследованиями. Слабо организована координация деятельности востоковедов, нет разумного распределения работ между востоковедческими центрами

страны, отсутствуют четкие, глубоко продуманные планы научно-исследовательских работ востоковедческих и родственных им учреждений на пять и более лет.

Республики Средней Азии, Закавказья и Казахстан, сказал Н. А. Мухитдинов, являются восточными республиками Советского Союза. Но современная история народов Советского Востока: узбеков, таджиков, туркмен, казахов, грузин, армян, киргизов, азербайджанцев и других — это нераздельная составная часть единой истории всех народов Советского Союза. Единой является также и экономика Советского Союза, неотъемлемую часть которой составляет хозяйство каждой национальной республики.

В отличие от дореволюционного периода, когда хозяйство национальных окраин царской России развивалось в уродливой, карликовой форме, как сырьевой придаток центральных промышленных районов, теперь, в условиях советской действительности, развитие экономики каждой национальной республики происходит комплексно, всесторонне. Политическая, экономическая и культурная жизнь национальных республик Советского Союза проходит не замкнуто, не изолированно, а в связи с жизнью народов всей нашей страны. Отсюда и история народов каждой национальной республики в советский период есть составная и неразрывная часть истории всех народов СССР.

В связи с неуклонно повышающимся интересом советских исследователей к изучению жизни и творчества крупнейших представителей передовой научно-общественной мысли прошлых времен Н. А. Мухитдинов советовал ученым не придавать явно преувеличенного значения вопросу о том, к какой национальности принадлежал тот или другой великий ученый прошлого, как это мы видим на примере с Ибн Синой, которого узбеки считают своим, поскольку он родился и вырос в Бухаре, таджики — своим, потому что он писал свои труды и на таджикском языке.

Мы противники космополитизма. Каждый ученый всегда был прежде всего сыном своего народа, и каждый народ гордится своими великими предками. Мы глубоко уважаем, ценим и изучаем их творения. Но не нужно забывать, что ученые прошлого творили не только для отдельных наций, которые и сложились-то много веков спустя после жизни этих ученых. Правильно поступают историки, которые называют Абу Рейхана Бируни великим среднеазиатским уче-

ным. Нужно прежде всего организовать более глубокое совместное изучение произведений исследователей и мыслителей прошлого, наших великих предков, и издание их трудов на русском и других языках народов Советского Союза, чтобы эти гениальные произведения стали достоянием широких кругов общественности.

Говоря об улучшении преподавания истории в средних школах, Н. А. Мухитдинов критиковал действующие сейчас школьные программы по истории, в которых Востоку уделяется совершенно недостаточное внимание. Ничем, например, нельзя оправдать того факта, что в программах средних школ на изучение древнего Востока отводится всего 24 часа, в том числе 2 часа на Индию и 4 часа на Китай, а на изучение древней Греции и древнего Рима — 65 часов. Из 99 часов, отводимых на освоение истории средних веков, лишь 15 часов падает на весь средневековый Восток, включая Китай, Индию, Арабский Восток, Среднюю Азию, турецкие завоевания и монгольские нашествия. Новейшей истории зарубежного Запада и зарубежного Востока в школах не проходят, а при изучении периода нового времени из 124 часов только 5 часов уделено Китаю, а история Индии лишь бегло рассматривается в связи с английской внешней политикой. Остальные страны Востока не изучаются вообще. Поэтому наша молодежь получает в школе одностороннее, а стало быть, и неправильное представление о ходе всемирной истории. Такое положение нельзя признать нормальным.

Н. А. Мухитдинов выразил уверенность, что советские востоковеды, имеющие в своем составе немало высококвалифицированных ученых, которыми гордится наша Родина, достигнут новых успехов в создании полноценных трудов, достойных нашей замечательной эпохи, обогатят нашу науку новыми крупными исследованиями.

В принятом конференцией решении отмечается, что всемирно-исторические события, происходящие на Востоке и знаменующие распад позорной системы колониализма, еще более усилили политическое значение востокovedной науки. Советское востоковедение, имеющее ряд достижений, обнаружило, однако, отставание от требований времени и подверглось суровой и справедливой критике на XX съезде КПСС.

Имея в виду, что главная задача советских востоковедов состоит в перестройке их работы в свете решений XX съезда КПСС, конференция рекомендовала советским вос-

токоведам сосредоточить свое внимание на глубоком исследовании процесса распада колониальной системы империализма и борьбы народов Востока за государственный суверенитет и экономическую независимость, а также на изучении опыта социалистического строительства в Китае, Вьетнаме, Корейской Народно-Демократической Республике и Монголии. Большое внимание должно быть уделено исследованию национальной политики и практики разрешения национального вопроса в странах зарубежного Востока, особенно в странах социалистического лагеря, изучению аграрных отношений и опыта осуществления аграрных реформ, формирования национального пролетариата и его роли в национально-освободительной борьбе. Существенное место в исследовательских работах должна занять проблема государственного капитализма и индустриализации в странах Востока. Должны быть подготовлены труды, содержащие научный анализ форм и методов колониальной политики империализма, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, в странах Азии и Африки. Эти труды помогут разоблачать происки империалистов на Востоке. Необходимы глубокие и всесторонние исследования по истории, экономике, литературе, по вопросам идеологии и общественной мысли народов Азии и Африки, а также по восточным языкам и памятникам многовековой культуры Востока. Большое значение имеет при этом изучение процесса взаимосвязей народов Востока, их вклада в мировую культуру, и особенно политических, экономических и культурных связей русского и других народов СССР с народами зарубежного Востока. Остра потребность в работах по проблеме некапиталистического пути развития республик Советского Востока от феодализма к социализму. В самый короткий срок должно быть преодолено отставание в области восточной филологии и, в частности, усилено исследование языков и литератур народов Юго-Восточной Азии и Африки.

Конференция высказала пожелание широко развернуть научно-исследовательские работы, а также подготовку востоковедов не только в центре, но и в среднеазиатских и закавказских республиках, где уже сложились определенные традиции, имеются кадры, богатые собрания восточных рукописей и архивные фонды.

Конференция подчеркнула необходимость улучшить сосредоточенную в Институте востоковедения АН СССР деятельность по

координации всей востоковедческой работы в стране на основе рационального разделения труда между востоковедными учреждениями в центре и на местах, для чего должен быть разработан единый перспективный пятилетний план востоковедных работ в Советском Союзе.

Участники конференции единодушно одобрили предложение о создании Всесоюзного общества востоковедов, которое будет служить целям объединения востоковедов Советского Союза и обмену опытом их работы. Конференция сочла целесообразным периодически проводить созыв всесоюзных конференций востоковедов. Участники конференции были единодушны также в вопросе о необходимости усиления и расширения творческих связей советских востоковедов с востоковедами стран народной демократии, с прогрессивными учеными Индии, Индонезии, Бирмы, Афганистана, Ирана, государств Арабского Востока, с передовыми учеными западных стран.

С глубоким удовлетворением восприняли участники конференции опубликованное в день ее открытия решение ЦК КП Узбекистана об организации Восточного института в Узбекской ССР для подготовки высоко-

коквалифицированных специалистов-востоковедов и всестороннего изучения истории, экономики и культуры стран Востока.

Ко времени начала работы конференции было приурочено открытие нескольких выставок, экспозиции которых отражали достижения советского востоковедения в союзных республиках; демонстрировались также редчайшие образцы средневековых восточных рукописей, наиболее примечательные вещественные находки из археологических раскопок последних лет и другие материалы.

Широко были представлены на выставке новинки советской востоковедческой литературы, среди которых фигурировало несколько десятков работ, изданных в союзных республиках ко дню открытия конференции.

Конференция явилась важным событием в научно-общественной жизни страны. Она позволила востоковедам СССР объединить свои усилия в борьбе за выполнение задач, вытекающих из указаний XX съезда КПСС. Итоги работы конференции, несомненно, будут способствовать дальнейшему развитию и новым успехам советского востоковедения.

Б. В. Лунин

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 250-летию ЛЕНИНГРАДА

Наша страна торжественно отметила 250-летний юбилей города Ленина. Ленинград был награжден вторым орденом Ленина, а для награждения трудящихся города была учреждена медаль «В память 250-летия Ленинграда».

Для вручения орденов и медалей большой группе рабочих, инженеров, техников, деятелям науки и культуры, работникам партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других организаций, а также передовикам сельского хозяйства области в Ленинград выезжала Правительственная делегация в составе членов Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищей Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, О. В. Куусинена, Е. А. Фурцевой, Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника. Они выступали на многотысячных митингах трудящихся, отмечая успехи ленинградцев в хозяйственном и культурном развитии, достигнутые ко дню славного юбилея.

Коммунисты Ленинграда, его рабочий класс, его интеллигенция всегда были вер-

ной опорой Центрального Комитета партии. Теплая встреча ленинградцев с членами Президиума ЦК КПСС, демонстрация на Дворцовой площади с исключительной силой показали, что трудящиеся Ленинграда, как и все советские люди, гневно осудив оторвавшуюся от народа антипартийную группу фракционеров, с еще большей настойчивостью и целеустремленностью сосредоточивают свои усилия на решении тех великих созидательных задач коммунистического строительства, которые ставит в настоящее время партия.

Награждение Ленинграда орденом Ленина, награждение орденами и медалями ленинградцев, празднование 250-летия города явились выражением высокой оценки партией и правительством заслуг трудящихся Ленинграда перед Родиной.

Представители исторической науки Ленинграда также отметили торжественный юбилей 250-летия города.

В большом конференц-зале Академии наук в Ленинграде состоялась сессия Отделения исторических наук АН СССР. В про-

ведении сессии приняли участие Институт истории и его Ленинградское отделение, исторический факультет университета имени А. А. Жданова, Институт истории партии при обкоме КПСС, а также библиотека Академии наук. Было заслушано восемь научных докладов. Организована большая книжно-иллюстративная выставка по истории города и его архитектуры.

Сессию открыл доктор исторических наук П. Н. Третьяков.

— Ленинград, — сказал он, — город переломной промышленности, высокой культуры, замечательных революционных традиций. Много славных страниц вписал этот город в историю нашей Родины. В канун 40-летия Советской власти весь наш народ с гордостью вспоминает о Ленинграде — колыбели Великого Октября. Немеркнувшей славой покрыл себя Ленинград в годы Отечественной войны. Он встал на пути врага несокрушимой твердыней и выдержал невиданную в истории 900-дневную блокаду. Общеизвестна громадная роль Ленинграда в послевоенном восстановлении и реконструкции нашего народного хозяйства, его вклад в строительство коммунизма, в дело мира.

Долг советских историков рассказать в своих трудах о героических делах Ленинграда. Вышедшие сейчас три тома «Очерков истории Ленинграда» — только начало этой большой работы. Настоящая сессия своими докладами также призвана служить выполнению этой общественно важной задачи.

В докладе «Основание Петербурга» член-корреспондент АН Киргизской ССР профессор М. П. Вяткин подробно остановился на причинах, обусловивших успех строительства Петербурга. Докладчик подчеркнул, что утверждение старой историографии о том, что невская столица России была создана волей Петра I, нуждается в оговорках. Возникновение крупнейшего европейского города-порта было обусловлено внутренними потребностями Русского государства, политическое и экономическое развитие которого настоятельно диктовало ему «ногу твердой стать у моря». Основанный на старинных русских землях, Петербург с самого начала был неразрывно связан с хозяйственной жизнью страны. Создание Петербурга нельзя отрывать поэтому от других преобразований начала XVIII в., направленных на преодоление отсталости России. Петербург, ставший стражем страны на балтийском берегу, сделавший Рос-

сию крупнейшей морской державой, способствовал укреплению экономической и политической мощи нашей страны.

О строительстве Петербурга в первой четверти XVIII в. рассказал в своем докладе кандидат исторических наук С. П. Лупов. Привлеченный им обширный архивный материал позволил рельефно воссоздать начальный период жизни молодого города. Сама жизнь корректировала замыслы Петра I и его архитекторов. Остались нереализованными и давно известный историкам проект Леблона, помещавшего центр города на Васильевском острове, и обнаруженный недавно докладчиком проект планировки Петербурга на острове Котлин (где затем возник Кронштадт). Петербург рос со сказочной быстротой. В сравнительно короткое время в лесных дебрях на невских берегах возникли сотни каменных домов. Город строился по новым как для России, так и для тогдашней Западной Европы градостроительным принципам. С самого начала Петербург отличался четкой планировкой, широкими прямыми улицами, хорошим архитектурным ансамблем.

Новую столицу России строила вся страна. «С городов, с посадов, с дворцовых волостей, поместьев, вотчин, крестьянских и бобыльских дворов» царским указом собирали «рабочих людей», заставляли их трудиться по колено в воде, страдать от голода и холода. Строительство Петербурга было выдающимся подвигом десятков тысяч «рабочих людей», подвигом творческого гения русского народа.

Интересные факты из истории классовой борьбы в Петербурге в XVIII в. привел в своем докладе профессор В. В. Мавродин. Вследствие невероятно тяжелого положения масс не было такого времени в XVIII в., когда в северной столице России не раздавались бы «поносные речи» на государя, вельмож и бояр, не скрипела бы дыба и не свистал кнут, вырывая у «бунтовщиков» признание. Дошла до петербургских «низов» и весть о начале восстания Пугачева; в столице распространялись «подметные письма», отражавшие недовольство трудового люда, вспыхивали волнения на крепостных мануфактурах. Трудовой люд Петербурга в XVIII в. внес свою лепту в дело борьбы трудящихся масс России с крепостничеством.

Доклад кандидата исторических наук А. Я. Великановой «В. И. Ленин в Петербурге — Петрограде» перенес слушателей в Петербург — Петроград конца

ХІХ — начала ХХ в., в эпоху революционной борьбы пролетариата и деятельности великого основателя Коммунистической партии В. И. Ленина. Ее доклад содержал много новых данных о неизвестных ранее выступлениях В. И. Ленина, о его тесных связях с питерскими рабочими. Найденный недавно в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС паспорт Владимира Ильича позволил установить ряд новых ленинградских адресов, связанных с памятью о В. И. Ленине. Хотя отдельные сведения, собранные А. Я. Великановой, еще нуждаются в проверке и уточнении (имеются в виду данные, почерпнутые из некоторых воспоминаний), значение неутомимых поисков новых материалов о В. И. Ленине трудно переоценить. Еще и еще раз эти документы свидетельствуют о том, как тесно был связан Петербург, питерские рабочие с революционной деятельностью вождя большевистской партии.

Доклад «Ленинград — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции» сделал кандидат исторических наук С. И. Аввакумов. Петроградские рабочие, руководимые боевым авангардом пролетариата — партией большевиков, шли в первых рядах революционного рабочего движения в России. Огромное значение борьбы петроградского пролетариата для судеб пролетарской революции определяло то исключительное внимание, которое В. И. Ленин и Центральный Комитет партии уделяли работе Петроградской организации. Используя ряд малоизвестных документов и воспоминаний, докладчик показал вдохновенную работу большевиков Петрограда под руководством В. И. Ленина в период подготовки восстания и их самоотверженную борьбу в дни великого Октября. Благодаря выполнению ленинских замыслов и установок восстание в Петрограде победило еще до открытия II Всероссийского съезда Советов, и съезд в своем решении взять власть в руки Советов уже опирался на факт победившего восстания.

С докладом «Ленинград в Великой Отечественной войне» выступил кандидат исторических наук Ф. И. Сирота, рассказавший о героическом подвиге трудящихся Ленинграда и войск Ленинградского фронта в период длившегося почти три года сражения.

В грозный час гитлеровского нападения Ленинград по призыву партии и правительства мобилизовал все силы на отпор

врагу. 70% коммунистов и 90% комсомольцев ушло на фронт. Враг был остановлен у стен города. Ленинград стал городом-фронтом. В условиях суровой блокады у станков самоотверженно трудились женщины, заменившие своих братьев, отцов, сыновей. Великая победа под Ленинградом вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из замечательных побед Советской Армии.

Доклад действительного члена АН Украинской ССР профессора В. В. Данилевского был посвящен теме «Ленинград — город технического прогресса». Докладчик подчеркнул, что в Ленинграде начато производство ряда новых для нашей страны образцов продукции — тракторов, блюмингов, мощных турбин и генераторов. Ленинградские заводы в годы первых пятилеток сыграли важнейшую роль в освобождении страны от иностранного импорта. Выполняя директивы XX съезда КПСС, Ленинград штурмует ныне высоты современной техники: на его стапелях строятся первый в мире атомный реактор и крупнейшие танкеры, им создано оборудование для гигантской атомной машины, действующей под Москвой, — синхрофазотрона, и т. д. Объем промышленной продукции Ленинграда в 1956 г. в 32 раза превысил дореволюционный. Социалистический Ленинград по своей индустриальной мощи равен 32 старым Петербургам!

Значительный интерес вызвал доклад заместителя главного архитектора Ленинграда, действительного члена Академии строительства и архитектуры СССР И. И. Фомина «Строительство социалистического Ленинграда». Рассказав об изменении архитектурного облика Ленинграда за 40 лет: благоустройстве заброшенных при царизме рабочих окраин, строительстве домов культуры, школ, стадионов, метро и т. д., — И. И. Фомин отметил ближайшие задачи жилищного и коммунального строительства и обрисовал увлекательные перспективы дальнейшего развития города, который уже в этой пятилетке получит новые линии метро, большую морскую набережную, новые парки, мосты, памятники и свыше 5,5 миллиона метров жилой площади.

Юбилейная сессия привлекла большое внимание ленинградской научной общественности. На заседаниях присутствовало до 500 человек. Материалы сессии намечено издать отдельным сборником.

С. С. Волк

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

ОБСУЖДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ МАКЕТА II ТОМА «ИСТОРИИ ПОЛЬШИ», ПОДГОТОВЛЕННОГО ИНСТИТУТОМ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В творческой жизни коллектива Института славяноведения АН СССР важное место занимает связи с научно-исследовательскими учреждениями и отдельными учеными славянских стран народной демократии. Эти связи осуществляются различными путями. Большое значение имеют взаимные обсуждения подготавливаемых к печати изданий.

Польские историки принимали активное участие в обсуждении первого, второго и третьего томов «Истории Польши», над которыми вел работу Институт славяноведения АН СССР.

В Институте славяноведения проходило обсуждение проспектов I и II томов «Истории Польши», которые подготовил Институт истории Польской Академии наук. Здесь же в 1956 г. при участии историков Киева, Львова, Минска и Вильнюса обсуждался макет I тома этого капитального издания. Делегация советских историков принимала участие в Варшавской конференции, посвященной всестороннему рассмотрению макета.

В 1957 г. Институт славяноведения был получен II том макета «Истории Польши». Как и макет I тома, это фундаментальный труд. Он состоит из двух полутомов, насчитывающих свыше 1400 страниц текста и 340 иллюстраций, карт и схем. В виде особого приложения дается атлас из 11 карт. Второй полутом включает обширную библиографию. В обоих полутомах имеются историографические и источниковедческие обзоры.

Хронологически макет II тома «Истории Польши» охватывает очень важное в истории польского народа столетие — с 1764 по 1864 г., когда в стране происходила ликвидация загнившего феодального строя и развитие капиталистических отношений. Вместе с тем этот период в истории польского народа полон глубокого драматизма. Национальное польское государство было

расчленено реакционными правительствами царской России, Пруссии и Австрии. Польский народ в сложнейших исторических условиях вел героическую борьбу за свое национальное и социальное освобождение. Никакие репрессии и издевательства не могли сломить волю польских борцов за свободу.

Вполне естественно, что разработка истории этого сложного периода потребовала усилий значительного коллектива историков. В создании макета II тома «Истории Польши» участвовали Ц. Бобинская, В. Длугоборский, Ю. Едлицкий, С. Кеневич, Т. Лепковский, В. Лукашевич, Г. Миссалова, Е. Ростворовский, В. Русинский, С. Среневский, С. Хербст. Редакторы тома — Стефан Кеневич и Витольд Куля.

Макет II тома, выпущенный тиражом 3 тыс. экземпляров, по существу, является, как и макет I тома (2 тыс. экземпляров), первым изданием крупного обобщающего труда по истории Польши.

В обсуждении макета II тома «Истории Польши», организованном Институт славяноведения АН СССР, приняли участие историки Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Львова.

Все выступавшие единодушно оценили макет как крупное достижение польской исторической науки. Коллективный труд польских историков, написанный с марксистско-ленинских методологических позиций, дает яркую и достаточно полную картину жизни польского народа. В нем хорошо отражены как общие закономерности, так и специфические особенности истории Польши. Серьезное внимание уделено авторами развитию производительных сил и производственных отношений, анализу взаимодействия базиса и надстройки. Очень большое место занимает исследование политической истории. На обсуждении отмечалось, что при рассмотрении таких сложных вопросов, как вопросы взаимоотноше-

ний польского народа с соседними народами, обычно искажавшихся буржуазной историографией, авторский коллектив исходит из строго интернационалистических позиций, внося тем самым существенный вклад в польскую марксистскую историческую науку.

Макет имеет довольно сложную структуру. Основное деление его таково: весь период с 1764 по 1864 г. разделен на два этапа, рубежом между которыми принимается 1795 год — время окончательной ликвидации независимого польского государства. Оба этапа характеризуются прежде всего такими процессами, как разложение феодальных и развитие капиталистических отношений. Однако политические условия, в которых эти процессы происходили, в первой половине XIX в. были существенно иными, нежели во второй половине XVIII века.

Первый этап, в свою очередь, состоит из четырех частей: 1764—1775 гг., 1776—1788 гг., 1788—1793 гг.; в самостоятельную, четвертую часть выделено восстание 1794 года.

Этапу с 1795 по 1864 г. посвящено восемь самостоятельных частей: 1795—1806 гг. — до создания княжества Варшавского; 1806—1813 гг. — время существования княжества Варшавского; 1814—1830 гг.; восстание 1830—1831 гг.; 1832—1845 гг. — время нарастания национальной и антифеодальной борьбы; революционные 1846—1849 гг.; книга завершается частями, посвященными 1850—1860 гг. в Королевстве Польском и восстанию 1863—1864 годов. История западных польских земель и Западной Галиции в период с 1850 г. будет изложена в третьем томе.

Отмечая высокие научные достоинства макета II тома «Истории Польши» и признавая в принципе удачной принятую в нем периодизацию, а также композицию, участники дискуссии указали на ряд вопросов, не получивших, по их мнению, достаточного освещения.

В. А. Голобуцкий, Е. И. Корнейчик, В. Д. Королук, Д. Л. Похилевич говорили о слабой разработке проблемы разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений в сельском хозяйстве Польши во второй половине XVIII века. Такие явления, как развитие денежной ренты, появление наемного труда, в которых авторы макета видят признаки проникновения капиталистических элементов в сферу сельского хозяйства страны, в действительно-

сти имели место в Польше еще в предшествующие периоды ее истории и сами по себе не означали ликвидации феодального общества.

При освещении вопросов экономического развития второй половины XVIII в., к сожалению, не приводится характеристика именно тех особенностей, которые дают основания считать эти явления в области сельскохозяйственного производства провозвестниками начинающегося капиталистического развития.

В ходе обсуждения обращалось внимание на то, что исследование процесса формирования капиталистического уклада начинается в книге с рассмотрения развития буржуазных отношений не в ремесле и промышленности, а в земледелии. Между тем определяющим было развитие капиталистического уклада именно в области промышленности и ремесла. Указывалось, что развитие экономики Польши следовало бы показать на фоне экономического развития всей Европы. Авторы макета, внимательно прослеживая зарождение капиталистических отношений в городе и деревне, совершенно недостаточно подчеркивают сохранение старых экономических отношений, не показывают соотношения старых и новых форм хозяйства, что приводит к явной неполноте картины экономического развития страны во второй половине XVIII века.

В ходе дискуссии отмечалась (Е. И. Корнейчик) и крайняя условность даты 1764 г. как момента, ознаменовавшего начало развития капиталистического уклада в Польше. Такого рода явления, разумеется, нельзя связывать с каким-либо одним годом.

Почти все выступавшие (В. А. Голобуцкий, Е. И. Корнейчик, В. Д. Королук, И. С. Миллер, Д. Л. Похилевич и др.) говорили о том, что в книге очень слабо освещен вопрос о складывании национального рынка. Авторы макета указывают, что в Польше во второй половине XVIII в. происходило складывание внутреннего рынка. В действительности, однако, речь может идти не о формировании внутреннего рынка — явлении, характерном уже для эпохи феодализма, — а о тенденции к формированию или даже о формировании национального рынка. По ознакомлении с макетом остается неясным, сложился ли в Речи Посполитой к последней четверти XVIII в. национальный рынок или же в государстве существовали лишь местные, областные рынки (Е. И. Корнейчик). Авторы обошли

также вопрос о формировании польской нации во второй половине XVIII в. (Е. И. Корнейчик, В. Д. Королюк). Не всегда оправданным представляется композиционное расположение социально-экономических разделов. Рассмотрение социально-экономических процессов по коротким, охватывающим 10—15 лет периодам нарушает цельность текста, приводит к повторениям, сужает поле зрения для читателя. В связи с этим была высказана мысль о целесообразности объединения в одном месте всей социально-экономической тематики по второй половине XVIII в. (Е. И. Корнейчик, В. Д. Королюк).

Что касается материала, относящегося к XIX в., то было бы уместно наряду с анализом социально-экономических проблем по отдельным польским землям суммировать главные из этих проблем в специальных параграфах. Такие параграфы можно было бы предпослать соответствующим разделам либо, наоборот, дать в заключении.

На обсуждении высказывалось пожелание, чтобы авторы, хотя бы коротко, рассказали об особенностях шляхетского и крестьянского хозяйства в разных районах страны (В. А. Голобуцкий).

Слабой стороной разделов, характеризующих социально-экономические вопросы первой половины XIX в., является экономическая статистика (Г. Ю. Гербильский, Е. И. Корнейчик, И. С. Миллер, И. М. Нефедов). Книга перегружена очень большим количеством цифр, иногда мало или совсем невыразительных. В то же время в ней очень немного данных, сопоставимых в рамках длительных периодов времени.

В иных случаях (например, в разделе о социально-экономическом развитии Польши в 30—40-х гг. XIX в.) в тексте приводятся лишь общие формулы, иногда процентные исчисления вместо убедительных абсолютных цифр (И. С. Миллер).

Помещичье хозяйство в Польше 50—60-х гг. развивалось как хозяйство капиталистического типа. В книге явно недостаточно подчеркиваются его отличия от хозяйства первой четверти XIX века. Следовало бы также показать процесс дифференциации крестьянства, происходивший тогда под влиянием развивавшихся капиталистических отношений (И. С. Миллер).

Вызывает сомнения тезис о том, что на территории Галиции размер земель, принадлежащих крестьянству, был относительно большим, чем в других районах страны. На совещании имели место прямо противо-

положные утверждения (И. С. Миллер, И. М. Нефедов). Желательно, чтобы в окончательном тексте получили более четкое освещение вопросы дифференциации крестьянства в Галиции первой половины XIX в., ибо это имеет серьезное значение для выяснения позиции крестьянства в революционных событиях 1846 и 1848 гг. (И. М. Нефедов). О необходимости изображать в тесной связи крестьянские движения в Западной и Восточной Галиции говорил Г. Ю. Гербильский. Отмечалось, что неправильно излагать крестьянское восстание 1846 г. в Галиции в отрыве от крестьянских выступлений предыдущих лет (И. М. Нефедов).

По мнению всех присутствовавших на дискуссии, наиболее глубоко в макете разработаны следующие темы: политическая обстановка последних десятилетий существования Речи Посполитой, национально-освободительная борьба польского народа в конце XVIII — середине XIX в., передовое демократическое движение и общественно-политическая мысль в Польше. Решение всех основных вопросов дается здесь с марксистских позиций. Касаясь данной в макете характеристики политического развития Польши во второй половине XVIII — первой половине XIX в., участники обсуждения останавливались лишь на некоторых частных моментах.

При правильной в целом оценке, даваемой магнатству и среднпоместной шляхте конца XVIII в., в книге допущена известная упрощенность их взглядов и деятельности. Не все магнатство занимало одинаково реакционные позиции. Часть придерживалась точки зрения «патриотов». А в области экономики именно магнатство выступало обычно с планами реформ (В. Д. Королюк). Важно было бы также уточнить отношения между королем и шляхтой, которые в макете изложены недостаточно четко (В. А. Голобуцкий).

По мнению ряда участников обсуждения, больше внимания надо было бы уделить анализу связи революционных выступлений в Польше с революционными событиями в других странах. В частности, недостаточно показано влияние Французской революции на развитие событий в Польше в XVIII в. (В. Д. Королюк). Оставляет желать лучшего раздел о взаимоотношениях польских шляхетских революционеров и декабристов. Этот материал излагается чересчур кратко, сжато, с некоторыми неточностями. Автор не учитывает, например, фак-

та слияния общества Соединенных славян и Южного общества и говорит, что восстание Черниговского полка, поднятое Южным обществом, было одобрено обществом Соединенных славян. Ничего не сказано о развитии тайных обществ, как русских, так и польских, в Литве. В рамках книги такого масштаба этому вопросу можно было бы уделить больше внимания. При характеристике связей польских революционеров с декабристами совершенно не упоминается Общество военных друзей (И. С. Миллер).

Нуждается в более полном раскрытии вопрос о зарубежных откликах на восстание 1830—1831 гг. в польских землях. Сомнение вызывал тезис о ноябрьском восстании как о наибольшем польском вооруженном усилии в освободительной борьбе XIX века. Было подчеркнуто, что вооруженная борьба польского народа за свое освобождение шла по нарастающей линии (И. С. Миллер).

В разделе, посвященном национально-освободительному движению 30—40-х годов XIX в., важно было бы полнее охарактеризовать узкоэгоистическую классовую позицию польских магнатов, их антинародную политику. С другой стороны, стоило подчеркнуть непоследовательность и неустойчивость шляхетского руководства движением. В этом разделе бледно отображена роль крестьянства и городской бедноты в движении, нет анализа их целей, требований (Е. И. Корнейчик).

Как несоответствующее действительности было отмечено утверждение, будто в восстании 1830—1831 гг. в Литве литовские крестьяне только частично принимали участие в борьбе (Ю. И. Жюгжда).

Некоторые сомнения вызвала оценка Краковской революции 1846 г., в особенности тезис о том, что шляхетские заговорщики рассчитывали на городскую бедноту, организованную революционными демократами (И. М. Нефедов). Трудно согласиться с имеющимся в макете утверждением о том, что во время восстания 1863—1864 гг. повстанческая пропаганда не дошла (за исключением Гродненского района) до масс литовского крестьянства (Ю. И. Жюгжда).

И. С. Миллер отметил, что при решении вопроса о том, почему рабочий класс в период восстания 1863 г. не сыграл роли гегемона, надо исходить из характеристики

этапа развития рабочего класса, а не из численности последнего.

Положительную оценку получили в ходе дискуссии главы макета, посвященные истории культуры. Весьма интересные по замыслу, они разработаны на основании обширного материала. Большой заслугой авторов является попытка дать синтетическое изложение проблем истории культуры как связного целого. В макете уделено достаточно внимания проблемам истории польской философской и общественно-политической мысли (И. С. Нарский, Б. Ф. Стахеев). Однако в книге, к сожалению, не показаны философские противники прогрессивных мыслителей — Коллонтая, Сташца, Дембовского.

Выступавшие отмечали, что при характеристике творчества Коллонтая и Сташца нельзя безоговорочно употреблять понятие «диалектика». Применительно к ним можно говорить лишь об отдельных элементах диалектики, так как они были в основном представителями метафизики. В то же время нет оснований считать, что Коллонтай и Сташц были дуалистами. Отмечалось также, что социология Сташца заслуживает большего внимания. Раздел о Дембовском мал и страдает недостатками. Не показана эволюция Дембовского, его атеизм. Неверно приписывается Дембовскому понимание материализма в историческом процессе (И. С. Нарский). Б. Ф. Стахеев усомнился в надобности чрезмерно дробного композиционного деления раздела о культуре Польши конца XVIII века. Выступавшие высказывали пожелание, чтобы в книге были шире показаны связи польской культуры с культурой литовского, белорусского и украинского народов (Ю. И. Жюгжда, Е. И. Корнейчик). Неточной была признана характеристика Львовского университета в первой половине XIX в. как немецкого (Г. Ю. Гербицкий).

Стенограмма обсуждения макета II тома «Истории Польши» была направлена авторскому коллективу польских историков, выразившему уверенность, что замечания советских товарищей помогут им в окончательной доработке текста книги. Советские исследователи, изучающие историю Польши, с нетерпением будут ждать выхода в свет этого капитального обобщающего труда по истории братского славянского народа.

В. Д. Королюк, Н. П. Митина

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА в 1956 году

Решения XX съезда КПСС направили чехословацкую марксистскую историографию на дальнейшее глубокое осмысливание методологических принципов. Разумеется, результаты не могли проявиться сразу. Будущее покажет, все ли сделали чехословацкие историки для того, чтобы поднять качество своего труда. Под повышением качества я разумею не только усвоение основных теоретических положений и более глубокий анализ документального материала, но также и убежденную, боевую направленность против всех видов буржуазной идеологии. Несомненно, что и в этом отношении нашей наукой достигнуты за минувший год известные успехи. Об этом свидетельствуют, по крайней мере, некоторые работы.

Характеризуя творческие усилия чехословацких историков в 1956 г., следует прежде всего указать на то, что была продолжена разработка обобщающего обзора чехословацкой истории. Более чем когда-либо до сих пор на первый план выступили аналитические труды и монографические исследования отдельных вопросов из истории революционных традиций чехословацкого народа и из истории экономики. Заслуживают также внимания попытки сделать архивные источники более доступными. С этой целью издаются обзоры фондов, публикуются критические статьи в области вспомогательных исторических наук. Расширение региональных исследований — еще одна новая черта чехословацкой исторической науки, которая заметно проявилась в 1956 году. Благоприятным показателем для дальнейшего здорового развития исторической науки является также последовательная ориентация на изучение экономического развития, особенно эпохи перелома капитализма. В будущем, однако, необходимо не останавливаться только на анализе экономики, а стремиться к общему синтезу единого исторического процесса и в области политики, классовой борьбы и культуры.

Постараемся теперь дать обзор заслуживающих внимания новинок исторической науки Чехословакии за 1956 год. Уже длительное время большой коллектив чехословацких историков работает над «Обзором чехословацкой истории». Вслед за тезиса-

ми I и II частей «Обзора» появились тезисы III части¹ этого труда, в которых излагаются основные проблемы развития страны в 1918—1945 годах. Словацкие историки издали IV часть тезисов «Истории Словакии»². Важным подспорьем для работы наших историков в области новейшей истории явится подготавливаемый «Обзор истории Коммунистической партии Чехословакии». И эта работа продвинулась настолько, что были изданы тезисы³. Тезисы знакомят широкую общественность с основной концепцией чехословацкой истории. Мы рассчитываем получить замечания не только от чехословацких читателей, но также и от зарубежных специалистов. Продолжая свой совместный труд, коллективы историков предполагают в скором времени подготовить тексты II и III частей «Обзора чехословацкой истории» и издать прежде всего «Обзор истории Коммунистической партии Чехословакии», работу над которым организует Институт истории КПЧ.

Опираясь на тезисы «Обзора чехословацкой истории», Ф. Кавка написал учебник для высшей школы, в котором дается краткий очерк чехословацкой истории с середины XIV в. до 1526 года⁴. Книга представляет собой расширенный курс лекций, прочитанных на философско-историческом факультете Карлова университета в Праге.

Развитие исследовательской работы выявило много недостатков в постановке архивного дела. Следует, однако, сказать, что уже приняты решительные меры для устранения этих недостатков. Ныне чехословацкие архивы имеют четкую организацию; пополняются и упорядочиваются фонды, немало делается для того, чтобы богатства архивов стали широкодоступными для историков; архивы имеют перспективный план своей работы на ближайшие пять лет⁵.

¹ Prehľad československých dejín III. 1918—1945. These, Nakladatelství CSAV (dale NCSAV). Praha. 1956.

² Dejiny Slovenska. Tezy, Slovenska akademie vied. Bratislava. 1955.

³ Prehľad dejín Komunistickej strany Československa, These, Státní nakladatelství politické literatury (dale SNPL), Praha. 1957.

⁴ F. K a v k a. Prehľad dejín Československa v epose feudalizmu II, (od pol. 14. stoleti do 1526), St. pedagogicke nakladatelství Praha. 1956.

⁵ Z. S a m b e r g e r. Archivní petiletka v CSR. Archivní casopis VI/1 1956, str. 1—10.

Пожалуй, никогда в прошлом за один год не было издано столько путеводителей по архивным фондам, как в 1956 году. Вышли обзоры архивов Братиславы, Брно, Яблонци над Нисою (архив Либерецкой области), архивов в Литомержицах и в Лоунах⁶.

Впервые появился обзор городских книг, хранящихся в архиве Праги⁷. Весьма ценным пособием является каталог документов и писем из архива капитула пражского митрополита⁸. Я. Эршил и И. Пражак дали здесь в форме извлечений из документов (регест) обзор исключительно ценного собрания источников. Первая часть содержит материалы, относящиеся к периоду до 1419 года. Издание будет продолжено. Подготовлен также инвентарь средневековых документов города Братиславы⁹.

Все эти обзоры облегчили исследовательскую работу историков и позволили полнее и лучше использовать источники. Государственное архивное управление стало практиковать новую форму оказания помощи в исторических исследованиях. Появились первые тематические каталоги источников. Каталог основных источников по истории знаменитой стачки в Сварове в 1870 г.— одного из наиболее значительных массовых выступлений чешского рабочего класса в первый период развития рабочего движения — составил коллектив под руководством И. Хурановой¹⁰. Изданы каталог патентов¹¹ за 1508—1848 гг. из собрания

документов в Государственном центральном архиве в Праге и каталог нормалей¹² за 1628—1782 гг. из собрания документов архива в Брно¹³.

При исследовании исторических событий важно не только заботиться об обеспечении достаточного документального обоснования своих работ, но скрупулезно добиваться точности в интерпретации источников.

С радостью можно отметить, что и в этой области наступил благоприятный поворот. Появляются новые работы по вопросам методологии, а также работы, относящиеся к отдельным областям вспомогательных исторических наук (особенно к области дипломатики). Дискуссию о вопросах методологии средневековой истории начал Ф. Граус, высказав некоторые принципиальные соображения о коренном различии между буржуазной и марксистской историографией в методике исследования¹⁴. Ф. Граус выступил против взглядов, допускающих заимствование буржуазной методики, и особенно подверг критике историко-юридическую методику.

В исследовании по дипломатике центр тяжести лежал в подготовке к изданию публикации документов под названием «Česky diplomatář», выходящей в серии «Codex diplomaticus regni Bohemiae». Уже длительное время И. Шебанек и С. Душкова занимаются критическим анализом средневековых источников. Результаты их совместного труда изложены в статьях о чешском сборнике исторических документов¹⁵.

Они попытались здесь дать общий обзор развития чешских документов до 1306 г., обращая прежде всего внимание на общественную функцию средневековых документов. С. Душкова самостоятельно занима-

⁶ Archiv mesta Bratislavy. Sprievodca po fondoch a zbierkach, Archivni sprava ministerstva vnitra (dale ASMV). Praha. 1956; Archiv mesta Brna. Pruvodce po fondch a sbirkach. Napsal J. Drimal, ASMV. Praha. 1956; Statni archiv v Jablonci nad Nisou. Pruvodce po archivnich fondch, ASMV. Praha. 1956; Statni archiv Litomerice. Pruvodce po archivnich fondch, ASMV. Praha. 1956; Okresni archiv v Lounech. Pruvodce po fondch a sbirkach. Zpracoval B. Luzek, ASMV. Praha. 1956.

⁷ Mestske a jine uredni knihy Archivu hlavniho mesta Prahy. Sestavil Dr Jiri Carek za spoluprace kolektivu Archivu hl. m. Prahy. ASMV. Praha. 1956.

⁸ J. Ersil, J. Pražak. Archiv prazske metropolitni kapituly I. Katalog listin a listu z doby predhusitske (—1419). ASMV. Praha. 1956.

⁹ Archiv mesta Bratislavy. Inventar stredovekych listin, listov a inych pribuznych pisemnosti. ASMV. Praha. 1956.

¹⁰ Proces s ucastniki svarovske stavky. Zpracoval kolektiv pracovníku SÚA v Praze za redakce I. Churanove. ASMV. Praha. 1956.

¹¹ Патент — официальный документ, предназначенный для публичного оглашения (Прим. ред.).

¹² Нормалия — официальное предписание (Прим. ред.).

¹³ Patenty. Katalog sbirky patentu SUA v Praze (1508—1848), zpracovali K. Kulirova, R. Sander. ASMV. Praha. 1956; Tribunal. Sbirka normalii z let 1628—1782. Inventar. Zpracoval J. Radimsky, Krajske nakladatelstvi, Brno. 1956.

¹⁴ F. Graus. K otazkam metodiky stredovekych dejin, Československy casopis historicky (dale CsCH) IV/1956, str. 99—115.

¹⁵ J. Sebanek, S. Duskova. Studie k českému diplomatari, Historické studie II, Bratislava 1956, str. 242—273; J. Sebanek, S. Duskova. Ceska listina doby prehusovske I. dil (listina nizsich feudalů duchovnich.— Listina feudalů svetskych). Sbornik archivních prací VI/I, 1956, str. 136—211.

лась анализом документов, относящихся к низшим светским феодалам, а И. Шебанек обратил внимание на некоторые источники по патронатному праву¹⁶. Как видим, эти исследования документов касаются истории средних веков. По позднему средневековью имеется только исследование Я. Кабрды — о турецких источниках по истории турецкого вторжения в Словакию¹⁷. Было бы желательно, чтобы постепенно развивались критические исследования и об источниках по новой и новейшей истории.

Самостоятельное место среди вспомогательных исторических наук завоевала нумизматика; она и в 1956 г. развивалась по хорошей, доброй традиции предшествующих лет и дала ряд исследований, которые значительно обогатили чехословацкую историографию. В первую очередь здесь надо назвать исследование Э. Ногейловой-Пратовой о взаимоотношениях нумизматики и историографии¹⁸. Исследование содержит также обзор наиболее важных задач чехословацкой нумизматики. Нумизматическая комиссия при Институте истории ЧАН в Праге опубликовала в «Нумизматическом сборнике» научный отчет о своей работе; она же подготавливала общий обзор о находках монет в чешских землях. Первая часть этого научного каталога содержит обзор и оценку эпохи денаров (до 1300 г.). В 1956 г. вышла в свет II часть, в которой говорится о находках монет в эпоху грошей (1300—1547 г.)¹⁹.

Важным вкладом в исследование истории монетного дела в Словакии является работа Д. Леготской о братиславском монетном дворе в средние века²⁰.

¹⁶ S. Dusková. Nase listiny doby premyslovske pro nizsi svet. feudaly a otázka slecht. archivu. Sbornik praci filosof. fakulty brnenske university, Brno. 1956, str. 56—78; J. Sebanek. Listiny primetické a jine nase listiny na patronatni pravo z doby premyslovske, tamtez, str. 79—102.

¹⁷ J. Kabrda. Turecke pramene vzťahujúce sa na dejiny tureckeho panstva na Slovensku, Historický časopis (dale HC) IV/1956, str. 156—169.

¹⁸ Em. Nohejlova-Pratová. Ceska numismatika a historie, CsCH IV/1956, str. 365—388.

¹⁹ Nalezny minci v Cechach, na Morave a ve Slezsku. Ceske, moravske a slezske nalezny minci z udobi grosoveho (1300—1547), red. Em. Nohejlova—Pratová, NCSAV Praha. 1956.

²⁰ D. Lehotská. Bratislavská mincovna v stredoveku, Historické studie II/1956, str. 216—251.

Если в области дипломатики и нумизматики мы были свидетелями обширной деятельности, то этого нельзя сказать об остальных вспомогательных исторических науках. Нам недостает описи богемик в зарубежных архивах. Обзор богемик в архивах и библиотеках ГДР составляет единственное исключение²¹.

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных вопросов чехословацкой историографии. Прежде, однако, остановимся на темах, которые выходят за рамки отдельных периодов. На первом месте здесь следует назвать сборник о чешско-словацких отношениях²².

Чешский и словацкий народы развивались в самой тесной связи со времени великоморавского государства. Сборник, в котором отражены итоги конференции о взаимных отношениях чехов и словаков в прошлом, освещает вопросы о значении братских отношений между двумя народами в гуситскую эпоху, в период национального возрождения, в период предмонхенской республики, показывает роль этих отношений для рабочего движения. Рефераты, доклады и дискуссионные выступления содержат результаты предшествующих исследований и дают ценный обзор проблем братской дружбы обоих народов, ныне творцов свободной и независимой Чехословакии — дружбы, начало которой было положено более чем тысячу лет назад. Кроме сборника, появились также отдельные статьи, которые пролили свет на экономические и политические чешско-словацкие связи в XVI—XVII вв. и на политическое движение в конце XIX века²³.

Другой большой темой, к которой был прикован интерес наших историков, являются чехословацко-русские связи. Хорошо известно, какую выдающуюся роль сыграли славянские народы, славянская мысль, а также братская помощь русского народа в чешском и словацком национальном возрождении. И именно ко времени

²¹ J. Polišenský, J. Petráň. Bohemika v archivech a knihovnách NDR, CsCH IV/1956, str. 468—481.

²² O vzájomných vzťahoch Čechov a Slovákov (Sborník materiálů z konference SAV), Bratislava. 1956.

²³ J. Macurek. Ceske povstanie v rokoch 1618—1620 a severozápadne Slovensko, Historické studie II/1956, str. 97—138; Fr. Matejek. K moravsko-slovenským stykom v dobe rozvíteho feudalizmu, tamtez, str. 153—180; J. Tkadlecková. Slovačfilske hnutie v českých zemích koncom XIX storočia, HC IV/1956, str. 469—486.

Йозефа Добровского и «будителей»²⁴ эпохи национального возрождения конца XVIII и начала XIX в. восходит чешское русофильство²⁵. Огромную роль в этом сыграл и приход русских войск в чешские земли во время наполеоновских войн²⁶. О дружбе и братских отношениях между народами Советского Союза и Чехословакии говорят документы, помещенные в сборнике «Дружба народов Чехословацкой Республики и СССР»²⁷.

Эти исторические исследования и публикации отражают постоянное и систематическое стремление чехословацкой историографии к изучению многовековых дружеских и братских связей с великим русским народом и с другими народами Советского Союза. Думается, однако, что в будущем следует полнее использовать источники из богатейших советских архивов.

Из отдельных разделов чехословацкой истории внимание большинства историков и в 1956 г. привлекала период капитализма. Относительно немного исследований было посвящено эпохе феодализма и очень мало — началу феодализма. Собственно, здесь имеются только два словацких исследования: одно — о возникновении феодализма в Чехословакии в свете языковых источников, а другое — о возникновении при феодализме народности²⁸. Несомненно, что с этими научными проблемами мы встретимся и в последующие годы и им следует посвятить подробные монографии. Точно так же попытка И. Борковского графически передать состояние пражского града на рубеже X—XI столетий является скорее началом, чем концом дальнейших исследований²⁹. Заинтересовала исследователей и за-

путанная, сложная проблематика так называемого «Баварского географа», историка по древней истории нашей страны³⁰. Б. Горак и Д. Травничек сделали обзор предшествующих взглядов и попытались на основе своего собственного анализа локализовать на карте поселения родов, племен. Источник, однако, датируется второй половиной IX века. И здесь, разумеется, возникает необходимость в обширной монографии, основанной не на одном названном материале, а на многих — как исторических, так и археологических источниках.

Уже длительное время большое внимание привлекает к себе период гуситского революционного движения. И в изучении этого периода наблюдается переход от обзорных синтетических работ к анализу отдельных вопросов. Для лучшего понимания предгуситской эпохи, главным образом для понимания развития городов, торговли и торгового патрициата, будет иметь значение небольшое издание отрывков чешских купеческих книг второй половины XIV века³¹. Изучению идеологического развития предгуситской Чехии послужит новое издание некоторых произведений Томаша из Штитного, весьма своеобразного южночешского мыслителя, который в своих произведениях подверг феодальное общество острой критике³². Непосредственно изучению творчества Гуса посвящено исследование, возвращающееся к давнему спору об оригинальности Гуса по отношению к творчеству Виклефа³³.

А. Шмидтова показывает, что Гус часто цитировал Виклефа намеренно, чтобы таким образом публично документировать свою позицию. Ценным пособием для исследователей, в не меньшей мере и для художников, а также для других специалистов может служить коллективный труд о костюмах, вооружении и оружии пред-

²⁴ «Будители» — деятели чешского национального возрождения начала XIX века.

²⁵ J. Vavra. Josef Dobrovsky a počátky českého rusofilství, *Casopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny národu SSSR* I/1956, str. 489—500.

²⁶ C. Amort. K historii Kutuzova tažení Moravou roku 1805, *Historie a vojenství* 1956/I, str. 51—99; E. Šabol. Přechody ruských vojsk cez východné Slovensko v rokoch 1799—1806, *Vlastivedný sborník Kosice*, 1955, str. 60—80.

²⁷ Družba národov CSR a SSSR vo svetle dokumentov slovenských archivov, Bratislava 1956.

²⁸ R. Krajčovic. Pociatky feudalizmu u nás vo svetle jazykových faktov, *HC IV* 1956, str. 222—234; J. Kudláček. K otázke o vzniku národnosti na našom území, *HC IV* 1956, str. 397—410.

²⁹ I. Borkovský. Pražský hrad na rozhraní X. a XI. století, *Cas. Společnosti přátel starožitností* (dale *CSPS*) LXIV/1956, str. 65—70.

³⁰ B. Horak, D. Travnicek. *Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii* (t. zv. *Bavorský geograf*), *Rozpravy CSAV, rada spol. ved*; roc. 66, 1956, ses. 2.

³¹ Fr. Graus. Tri zlomky českých kupeckých knih z doby předhusítské, *CsCH IV* 1956, str. 644—654.

³² Tomas ze Stitného. *Knížky o hře sáchove a jiné* (vyd. Frant. Šimek, uvod F. Šimek a M. Kanak), St. nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, Praha. 1956.

³³ A. Schmidtova. Hus a Viklef, *Listy filologické* IV/1956, str. 219—227.

гуситской и гуситской эпохи³⁴. Способный художник Э. Вагнер, основываясь на рукописном материале XIV—XV вв., показал в серии картин развитие одежды и оружия, а З. Дробна и Я. Дурдик сопроводили картины обстоятельным текстом.

Особенно важным вкладом в изучение гуситского военного искусства является исследование Дурдика об огнестрельном оружии. Благодаря совместным усилиям авторского коллектива и хорошей работе типографии была издана важная и нужная книга.

Из работ, касающихся собственно хода гуситского революционного движения, можно указать на монографию автора этого обзора «Табор в гуситском революционном движении». В 1956 г. появилось второе издание первого тома, уже известного советским читателям, и одновременно вышел второй том, посвященный высшему этапу революционного подъема в Таборе в 1420—1421 годах³⁵. Главным содержанием книги является анализ и оценка власти таборской бедноты и ее идеологии, хилизма, на фоне драматических событий, связанных с битвами на горе Витков и на Вышеграде. Ценным обзором сеймов, заседавших в период гуситского революционного движения, является исследование И. Главачека, общающего, кстати сказать, и новые сведения (например, о чаславском сейме 1421 г.)³⁶. Появилась обширная работа о развитии формы государства в гуситскую эпоху. Автор ее, Я. Кейрж, в предшествующей работе о возникновении придворного суда (в первой половине XIV в.)³⁷ исследовал попытки преодоления феодальной раздробленности в чешском государстве.

После длительного перерыва снова приняты попытки изучить международные отклики на гуситское движение. Два иссле-

дования³⁸ об откликах гуситства в Германии и в Австрии являются, скорее, обзорными работами и обобщают имеющиеся сведения.

В последнее время в чехословацкой историографии наступил благоприятный поворот в изучении XVI—XVIII столетий.

Прежде этот период нового укрепления феодализма историки обходили, и поэтому он до сих пор является наименее изученным в чехословацкой истории. В 1956 г. сказались уже первые результаты напряженной работы нескольких исследователей. Прежде всего сошлемся на две публикации, которые облегчают изучение словацкой истории XV—XVI веков. Изданная Б. Варсиком публикация словацких документов и писем XV—XVI вв. является важным документальным основанием для изучения развития словацкой национальности в средние века и для понимания роли чешского языка в этом историческом процессе³⁹. Публикация Раткоша будет содействовать не только исследованию революционной борьбы горячилов Средней Словакии в 1525—1526 гг., но также изучению истории горного дела, экономики и истории реформации в Словакии⁴⁰.

Специальные исследования были посвящены изучению экономического развития XVI и XVII столетий, причем как в области сельскохозяйственного, так и в области промышленного производства.

Важный обзор историографии вопроса и обобщающую постановку проблемы содержит исследование Вальки о развитии феодальной собственности на землю в Моравии. Другая работа Вальки дает интересную картину производственной структуры моравского феодального поместья в XVII веке⁴¹. Ф. Матейек занимался исследованием рыбоводства и пивоварения в

³⁸ J. Macek. K ohlasu husitství v Německu, *CsCH* IV/ 1956, str. 189—207; H. S. a K. L. Ohlasy husitství v Rakousku, *CsCH* IV/1956 str. 481—490.

³⁹ B. Varsik. Slovenske listy a listiny z XV. a XVI. storočia, Bratislava, 1956; B. Varsik. K otázke udomacnenie cestiny na Slovensku v XV. a XVI. storočí, *HC* IV/1956, str. 170—221.

⁴⁰ P. Ratkos. Dokumenty k dejinam banického povstania na Slovensku (1525—1526), Bratislava, 1956.

⁴¹ J. Valka. Nektere otázky vyvoje feudalního pozemkového vlastnictví na Moravě v období rozvinutého a pozdního feudalismu, *CMM* LXXV/1956, str. 339—352, 422—426; J. Valka. Studie k výrobní strukture feudalního velkostatku v 17. století, tamtéž, str. 131—152.

³⁴ Kroje, zbroj a zbrane doby predhusitske a husitske (Z obrazovych prameni sebral a nakreslil E. Wagner, textem doprovodili Z. Drobna a J. Durdik), Nase vojsko, Praha, 1956.

³⁵ J. Macek. Tabor v husitskem revolucnim hnuti. I. dil (druhe vyd), II. dil, NCSAV Praha, 1956.

³⁶ I. Hlavacek. Husitske snemy, Sbornik historicky IV/1956, str. 71—109.

³⁷ J. Kejř. Boj o statni formu v husitskem revolucnim hnuti, Pravne historicke studie II. 1956, str. 130—175; J. Kejř. Pocatky dvorskeho soudu, Rozpravy CSAV, rada spol. ved, roc. 66; 1956, ses. 4.

феодалных поместьях в первой половине XVI века⁴². Другие, меньшие по объему работы посвящены отдельным феодальным поместьям⁴³. Выводы этих предварительных исследований, несомненно, свидетельствуют об усилении и укреплении феодальных отношений в деревне, постепенном росте поместий с середины XVI в. и в целом о преобладании хозяйства, основанного на денежной ренте. Элементы новых производственных отношений не проявляются ни в земледельческом, ни в городском производстве. Только в горных предприятиях прокладывает дорогу наемный труд и появляются в зародышевом состоянии капиталистические производственные отношения⁴⁴. Сукоинное производство в чешских городах, как показала обстоятельная работа Яначека, покоилось всецело на цеховых основах, и его продукция, за малыми исключениями, не выходила за рамки местного потребления⁴⁵.

Из сказанного вытекает, что вряд ли подтверждается гипотеза некоторых историков (М. Ярош)⁴⁶, относящих период так называемого первоначального накопления уже к концу XV и середине XVI века. С критикой взглядов Яроша выступили И. Яначек и Я. Валька⁴⁷. Дискуссия, однако, продолжается. Было бы интересно организовать в будущем обсуждение вопросов так называемого первоначального накопления с участием польских, немецких, чехословацких и советских историков.

⁴² Fr. Matejek. *Prehled rozvoje rybníkarství na Morave v 2. pol. 15. a 1. pol. 16. stol. s přihlednutím k přílehlým územím slezským*, Cas. slezského musea, oddíl B/V/1956, str. 28—59; Fr. Matejek. *K otázce budování pivovaru na našem feudálním velkostatku v I. polovině 16. století*, CMM LXXV, 1956, str. 366—381.

⁴³ J. Krivka. *Roudnický velkostatek na sklonku 16. století*, Historie a musejnictví XXIX, 1956, str. 117—136, 195—209, 237—248; J. Jirasek. *Fojti na panství olomouckého biskupství v 16. století*, CMM LXXV/1956, str. 352—365.

⁴⁴ M. Jaroš. *Výrobní poměry v kutnohorskom nornictví v polovině 16. století*, Česky lid XLIII/1956, str. 163—167.

⁴⁵ J. Janáček. *Ceske soukenictví v 16. století*, CsCH IV/1956, str. 553—590.

⁴⁶ M. Jaroš. *K problému studia procesu t. zv. původní akumulace v našich dějinách*, CsCH IV/1956, str. 447—462.

⁴⁷ J. Válek. *K otázce projevu původní akumulace kapitálu v Čechách a na Moravě v 16. stol.* Sborník prací filosof. fakulty brněnské univ., rada C, roc. V/1956, str. 103—122; J. Janáček, *K článku M. Jaroše o procesu t. zv. původní akumulace v našich dějinách*, CsCH; IV/1956, str. 642—44.

Однако чехословацкие историки не ограничились анализом экономического развития. Появилось исследование о политической роли городов накануне Белой Горы⁴⁸. Большое количество работ посвящено истории восстаний крепостных в XVI и особенно в XVII веке.

О правовом положении наемной силы в XVI—XVIII вв. написал статью В. Урфус, к сожалению, ограничившийся лишь правовой точкой зрения⁴⁹. Борьбе крепостных специально посвятил книгу Ф. Достал⁵⁰. Работа Достала, основанная на долголетнем изучении источников, является самым выдающимся в 1956 г. вкладом в научную разработку истории восстаний крепостных. Книга анализирует местное восстание в моравской Валахии, она имеет значение при исследовании истории всей страны, потому что именно это восстание было сильнейшим проявлением отпора чешского народа гнету Габсбургов. Следует обратить внимание на статью Петраня об антифеодальной идеологии народного ерестства⁵¹ и ряд работ о восстаниях и борьбе в отдельных частях страны⁵².

Особенно хотелось бы отметить интересную работу А. Гушавы о значении разбойничьих дружин в северо-восточной Словакии в конце XV—начале XVI века. Эти дружины состояли из поляков, украинцев, чехов и словаков, что уже само по себе представляет большой интерес. Привлекает внимание и методический прием, которым автор пользуется, чтобы показать отличие «разбойников», то есть, по существу, борцов против феодального строя, от банд

⁴⁸ J. Janáček. *Královská města česká na zemském sněmu r. 1609—1610*, Sborník historický IV/1956, str. 226—251.

⁴⁹ V. Urfus. *Právní postavení námezdních pracovníků u nás v XVI—XVIII. století*, Právne historické studie II, 1956, str. 198—256.

⁵⁰ Fr. Dostál. *Valasská povstání za třicetileté války*, Nase vojsko, Praha 1956.

⁵¹ J. Petráň. *Protifeudální ideologie lidového kacířství v období temna*, Dějepis ve škole III/1956, str. 49—54.

⁵² V. Cepelák. *Povstání nevolníků v západních Čechách v r. 1680*, Krajské nakladatelství Plzeň, 1956; J. Káspár. *Lukas Pakosta a nevolnické povstání na Lito-myšlsku r. 1680*, ČSPS LXIV/1956, str. 103—113; F. Cvrkowský. *Tridni boje na panství velkoheraltickém v XVII. a XVIII. století*, Slezský sborník LIV, 1956, str. 362—377, 494—516; S. Drhal. *Selské renitence na Bilovecku v l. 1846—1848*, Slezský sborník LIV/1956, str. 183—194; G. Hofman. *Odpor poddanych proti robote na nasavrckém panství v l. 1790—1793*, ČSPS LXIV/1956, str. 34—46.

грабителей⁵³. Обзорную картину истории Словакии конца XVII и XVIII в. дал Й. Тибенский, расширивший и обработавший текст «Обзора чехословацкой истории»⁵⁴.

До сих пор чехословацкие историки уделяли мало внимания творчеству Я. А. Коменского. Обзор современного состояния исследований о творчестве Я. А. Коменского⁵⁵ показывает, что в этой области в последнее время больше было сделано за границей. Надеемся, что в 1957 г. по случаю 300-летия со времени выхода в свет крупнейших произведений Коменского заметно оживится интерес к этому выдающемуся мыслителю и педагогу.

Серьезный и постоянный недостаток проявляется при исследовании истории национального возрождения. Работа М. Лишковой охватывает только деятельность суда, каравшего восстание сословий против Марии Терезии в 1741 году⁵⁶. В исследованиях по этому периоду истории недостает более широкого фона народной жизни. Между тем именно на этом фоне — в то время, разумеется, лишь несмело — раздавались чешские голоса. Большое значение в процессе формирования чешской нации нового времени сыграли «будители», просветители, писатели и издатели первых газет. Одним из передовых издателей газет в Праге был В. М. Крамериус, который содействовал развитию чешского языка и как народный писатель. Ян Новотный посвятил ему обширную обзорную книгу⁵⁷.

В 1956 г. отмечалось столетие со дня смерти славного словацкого деятеля возрождения, поэта и политического деятеля, основоположника современного литературного словацкого языка Людовита Штура (1816—1856). Юбилей явился действенным стимулом к исследованию истории национального возрождения и революционного

1848 года. Словацкий институт истории организовал в связи с этим международную научную конференцию. Результаты конференции отражены в обширном сборнике⁵⁸. Отдельные доклады и дискуссионные выступления освещают развитие словацкого национального движения с 30-х годов XIX в. и характеризуют многостороннюю деятельность Штура и его значение в славянском мире. Общенациональный интерес к Штуру обусловил появление различных научно-популярных работ о жизни Штура, об историческом значении его деятельности⁵⁹.

Если годовщина Штура принесла ряд ценных работ, то юбилейная дата К. Гавличка Боровского была отмечена лишь обзорной статьей и изданием его избранных произведений⁶⁰. Здесь чехословацким историкам предстоит еще многое сделать. Речь идет о проблеме всесторонней оценки радикально-демократического и либерально-буржуазного крыла. К. Гавличек Боровский по оценке, даваемой в этих работах, является личностью первостепенной важности, так же как и Й. В. Фрич, пониманию которого, несомненно, помогут сборник исследований о нем и издание его избранных произведений⁶¹. Марксистская историография последовательно выступает против несправедливого отношения ко всей группе радикально-демократических политиков, к числу которых и принадлежал Й. В. Фрич.

События 1848 г. осветила ценная работа Б. Шинделаржа, который территориально ограничил Моравией и Силезией. Этой теме посвящена и статья Р. Зубера⁶².

⁵⁸ L. Stur. Život a dielo (1815—1856), sborník materiálů z konference SAV, Bratislava 1956.

⁵⁹ K. Golán. Ľudovít Stur (1856—1956), Bratislava 1956; V. Matula. Ľudovít Stur (1815—1856), (slovensky, maďarsky, nemicky, rusky), Bratislava 1956; Fr. Bokes, Slovenske narodne hnutie v styridsiatych rokoch XIX. storočia a Ľudovít Stur, Dejepis ve škole, roc. III, c. 3, str. 97—107.

⁶⁰ V. Procházka. Několik poznámek k ideovému odkazu Karla Havlicka Borovského, Nova mysl 1956, str. 701—716; Karel Havlíček Borovský, politik a novinář, SNPL, Praha. 1956.

⁶¹ Josef Václav Fric. Demokratické proudy v české politice (sborník studií), NCSAV Praha 1956, Josef Václav Fric, Spisy I. Politické články z let 1847—1864. Praha. 1956, SNPL.

⁶² B. Sindelar. O úloze lidových mas v revolucím dení roku 1848 na Moravě a ve Slezsku, CsCH IV/1956, str. 207—231, 380—417; R. Zuber. Poddanské bouře v Bíle Vode a Horních Hosticích v roce 1848; Slezský sborník LIV/1956, str. 456—465.

⁵³ A. Huscava. Zbojnické družiny na severovýchodnom Slovensku do roku 1526, Slovensky narodopis, roc. IV, str. 458—478; A. Huscava. O cinnosti zbojnických družín na severovýchodnom Slovensku na konci XV. storočia, Historické studie roc. II, str. 181—215.

⁵⁴ J. Tibenský. Slovensko po szatmar-skom mieri v prvom období «osvietenského» absolutizmu, HC IV/1956 str. 331—396.

⁵⁵ J. Patocka. Nacrt Komenského díla ve světle nových objevů, Pedagogika VI—1956, str. 411—426.

⁵⁶ M. Lisková. Mimoradny trestní soud po bavorské okupaci Čech (Iudicium delegatum 1743—1744), Sborník archivních prací VI/2, 1956, str. 39—98.

⁵⁷ J. Novotný. Václav Matej Kramérius, SNPL, Praha 1956.

Для изучения событий революционного 1848 г. в Словакии определенное значение имеет публикация источников, к которой Д. Рапант присоединил следующий, третий том⁶³.

Очень важным для понимания возникновения и развития капитализма в чешских землях и в Словакии являются исследования Я. Пурша о промышленной революции⁶⁴. Я. Пурш дал не только точное теоретическое изложение существа промышленной революции, но и подверг анализу обширный статистический материал, показал этапы развития промышленной революции с 30-х годов XIX века. Фундаментальные исследования Пурша становятся исходным пунктом для чехословацких исследователей, изучающих развитие капитализма и историю рабочего движения. Они привлекли внимание зарубежных исследователей, как это показала международная дискуссия по этим проблемам, проведенная в Берлине в ноябре 1956 г., а также дискуссия об обзоре польской истории, имевшая место в Варшаве. Отдельные исследования других авторов посвящены различным вопросам промышленного развития во второй половине XIX века. На первом месте здесь стоят работы о возникновении промышленных монополий в Австро-Венгрии и о кризисе сахарной промышленности в 80-х годах XIX в., который содействовал росту крестьянского движения⁶⁵.

Следует сказать, что многие работы по истории рабочего движения подтверждают теоретические выводы Пурша, конкретизируют и дополняют их. Очень ценные и новые сведения дают исследования Б. Шинделаржа⁶⁶ о рабочем движении в

Моравии и особенно в Силезии накануне 1848 г., которые показали, что здесь с самого начала XIX в. происходил процесс формирования рабочего класса, который переходил от индивидуальных действий сопротивления к классовой борьбе против капиталистов.

Важное исследование по истории чешского рабочего движения написал и издал в 1956 г. Й. Коржалка⁶⁷. Он рассматривает вопрос о возникновении рабочего движения в Северной Чехии, в Либерецкой области; но именно потому, что здесь был один из корней общенационального рабочего движения, в монографии воссоздана фундаментальная картина роста пролетариата и его сознания, революционного сотрудничества чешских и немецких рабочих. Работа Коржалки важна также своим методом использования регионального материала. Автор постоянно стремится в местных фактах выявить и показать черты общенационального развития.

Вообще можно отметить, что 1956 год принес большое количество ценных исследований по истории рабочего движения. Первое место тут занимают работы коллектива моравских историков, организованного филиалом Института истории ЧАН в Брно. Этим коллективом подготовлен продолжающий предшествующие дискуссии обзор истории рабочего движения в Моравии и Брненской области в 1917—1921 годах⁶⁸. Интересную работу по этому вопросу написал Й. Колейка, который и в других статьях разрабатывает историю моравского рабочего движения⁶⁹.

Обобщающую разработку истории словацкого рабочего движения периода

⁶³ D. Rapant. Slovenske povstanie v rokoch 1848—49, III. diel. Bratislava, 1956.

⁶⁴ J. Púrs. K problematice průmyslové revoluce v českých zemích a na Slovensku, HC IV/1956, str. 50—104; J. Púrs. K problematice průmyslové revoluce v CSR, CsCH IV/1956, str. 1—27.

⁶⁵ Z. Jindra. Průmyslové monopoly v Rakousko-Uhersku, CsCH IV/1956, str. 231—270; J. Krizek. Krise cukrovarnictví v českých zemích v osmdesátých letech min. století a její význam pro vzrůst rolnického hnutí, CsCH IV/1956, str. 270—298, 417—447.

⁶⁶ B. Sindelar. K otázce nejstarsich tradic naseho delnickeho hnutí pred rokem 1844, Dejepis ve škole 1956, str. 145—151; B. Sindelar. K otázce delnickeho hnutí v prusku a rakouskem Slezsku v. l. 1793—1846, Sbornik praci fil. fak. brnenske univ. rada C/V/1956, str. 123—144.

⁶⁷ J. Koralka. Vznik socialistickeho delnickeho hnutí na Liberecku, Kraj. nakladatelství. Liberec, 1956.

⁶⁸ J. Kolejka. K dějinám delnickeho hnutí na Morave a ve Slezsku, CMM, roc. 75/1956, str. 5n (tez samostatny sbornicek); Z dějin delnickeho hnutí na Brnensku (od nejstarsich pocatku do zalozeni KSC), zpracovali B. Sindelar, F. Jordan, O. Franek, J. Vytiska, V. Pesa, J. Kolejka), Krajske nakladatelství. Brno, 1956.

⁶⁹ J. Kolejka. Rozkol socialni demokracie na autonomisty a centralisty v roce 1910, a cinnost centralisticke socialni demokracie v. l. 1911—1919, Slezsky sbornik LIV/1956, str. 1—28; J. Kolejka. „Moravsky pakt“ z roku 1905, CsCH IV/1956, str. 590, V. Pesa. K bojum venkovskeho lidu na Morave a ve Slezsku v letech 1917—1921, CMM 75, 1956, str. 29.

1848—1918 гг. дал М. Госиоровский⁷⁰ в работе, которая принадлежит к наиболее значительным новинкам исторической литературы 1956 года. М. Госиоровский, расшив и углубив свои прежние исследования, показал развитие словацкого рабочего движения в рамках австро-венгерской монархии, совместные усилия словацких, венгерских и чешских рабочих в организации своих рядов и в борьбе. Среди исследований по истории рабочего движения надо также упомянуть работы, посвященные влиянию русской революции 1905 г.⁷¹, а также избранные источники по истории рабочей газеты «Rovnost» в Брно и произведение предшественника социализма в Моравии Йозефа Гибеша⁷².

До сих пор я касался литературы по истории Чехословацкой Республики до 1918 года. Разумеется, интерес исследователей в 1956 г. не ограничился этим периодом, и история дмююнхенской буржуазной республики получила освещение в статьях и книгах. Важное значение имеет сборник о развитии чехословацкой внешней политики в 1918—1938 годах⁷³. Авторский коллектив сделал попытку дать обзор внешней политики Чехословацкой республики. Поскольку, однако, это первая новаторская работа, в ней не удалось дать везде одинаково глубокое изложение. Тем не менее сборник представляет собой большое научное явление и, без сомнения, станет исходным трудом для дальнейших исследований.

Хотелось бы обратить внимание на чешское издание книги советского историка С. И. Прасолова, посвященной истории Чехословакии в 1933—1937 гг.⁷⁴, на книгу о борьбе словацкой молодежи против

фашизма⁷⁵, на исследование Млынарника о классовой борьбе пролетариата Центральной Словакии в 1930—1933 гг.⁷⁶ и на обзорные статьи по истории рабочего и национально-освободительного движения в чешских землях и в Словакии в 1917—1918 годах⁷⁷. Я. Крамер, используя документы из венгерских архивов, дал картину шпионской и антигосударственной деятельности венгерской буржуазии в Словакии в 1919—1921 годах⁷⁸.

В 1956 г. было опубликовано очень мало работ по истории Чехословакии после 1939 года. Среди них выделяется исследование Л. Ковачика о влиянии немецкого финансового капитала на словацкое народное хозяйство в период так называемого Словацкого государства⁷⁹.

В заключение этого краткого обзора новинок 1956 г. я хотел бы обратить внимание на некоторые работы по истории техники и науки. И здесь чехословацкие историки сделали еще очень немного и далеко не достигли уровня, например, советских исследователей. Но, тем не менее, и здесь работа оживилась, прежде всего благодаря «Сборнику по истории естественных наук и техники», где уже третий год публикуются краткие исследования и сообщения. Из других изданий отметим статьи по истории техники обработки земли и уборки урожая⁸⁰. Однако это пока только наброски, эскизы для предстоящих исследований. Лучше обстоит дело со статьями, посвященными возникновению отдельных отрас-

⁷⁰ H. Hrozani. Slovenska mladez v obrane republiky proti fasizmu a vojne, Bratislava. 1956.

⁷⁶ J. Mlynarik. Tridne boje horehronskeho ludu v rokoch svetovej hospodarskej krizy 1930—1933, Bratislava 1956; J. Mlynarik. Vyoj robotnickeho hnutia na strednom Slovensku v rokoch 1918—1920, HC IV/1956, str. 296—330.

⁷⁷ I. Krempa Z istoriji robotnychoho i nacionalnovyzvolneho ruchu v Cechii i Slovaccyni v 1917—1918 rr., Presov. 1956.

⁷⁸ J. Kramer. Madarska iredenta na Slovensku v období od padu Madarskej sovietskej republiky do konca roku 1921, HC IV/1956 str. 487—520.

⁷⁹ L. Kovacic. Slovensko v sieti nemeckeho financneho kapitalu, Bratislava. 1956.

⁸⁰ J. Radimsky. Produkce obili na Morave na sklonku 16. stoleti, CMM LXXV/1956, str. 153—193; Em. Janousek, Z. Beran. Hustota setby a způsoby seti obilovin ve vyvoji nasi zemedske výroby, Historie a musejnictvi XXIX/1956, str. 263—314; V. Cerny. Historicky vyzkum pricin kolisani sklizni, tamtez, str. 159—176.

⁷⁰ M. Gosiorovsky. Dejiny slovenskeho robotnickeho hnutia (1848—1918). SVPL, Bratislava 1956.

⁷¹ M. Pisch. K niektorým otázkam vplyvu ruskej buržoaznodemokratickej revolúcie na robotnicke hnutie v Bratislave, Československa rusistika, roc. I/1956, str. 132—137; A. Grobelny. Ohlas ruske revolúcie 1905—1907 na Ostravsku, Ostrava. 1956; B. Janousek, Príspevky k dejinám delnickeho hnutia v jiznich Cechach (rok 1905), Jihocesku sbornik historicky, roc. 24, 1956, str. 109.

⁷² Bojove tradice Rovnosti, Sbornik stati a clanku, SNPL Praha 1956; Josef Hybes. Vzor z clanku a projevu, SNPL Praha. 1956.

⁷³ O ceskoslovenske zahranicni politice v letech 1918—1939, Sbornik stati, SNPL Praha. 1956.

⁷⁴ S. I. Prasolov. Československo v dobe ohrozeni fasismem a hitlerovskou agresi, SNPL Praha. 1956.

лей промышленности либо отдельным предприятиям⁸¹. В них использован документальный материал и содержатся частичные сведения для обобщающих трудов.

Из работ по истории естественных наук прежде всего следует указать на монографию В. Круты об Иржи Прохазке⁸². Доктор Иржи Прохазка был выдающимся чешским врачом и одним из основателей науки о рефлексках.

1956 год ознаменовался дальнейшим развитием и укреплением научных связей между чехословацкими и советскими историками. В Праге и Братиславе чехословацкие и словацкие историки активно обсуждали макет III тома «Истории Чехословакии», подготовленного Институтом славяноведения АН СССР.

В Чехословакию приезжали в научную командировку 5 ученых из Института славяноведения АН СССР. В то же время в СССР для научной работы приезжали 13 чехословацких ученых.

Научные связи осуществлялись также путем обмена публикациями. Так, в «Кратких сообщениях» Института славяноведения АН СССР были напечатаны специально подготовленные для этого издания следующие работы: И. Мацек «Историческое значение освобождения Чехословакии Советской Армией» (№ 19); Б. Граца «О некоторых вопросах национально-освободительной борьбы народов Чехословакии в период второй мировой войны» (№ 19); Зд. Вирта «Общая родина чехов и словаков» (№ 19); О. Кодедовой «К вопросу о влиянии первой русской революции на революционное движение в чешских землях и в Словакии» (№ 20). В журнале «Вопросы истории» была опубликована статья В. А. Матулы «К столетию со дня смерти Л. Штура» (№ 5). В свою очередь, в чехословацких

изданиях был опубликован ряд работ советских историков.

Важной формой научного сотрудничества является взаимная товарищеская критика, помогающая вскрытию и устранению недостатков, обеспечивающая движение науки вперед. В 1956 г. на страницах журнала «Československý časopis historický» были напечатаны большие рецензии на работы советских историков В. И. Авдиева «История древнего Востока», А. Г. Бокшанина «Социальный кризис Римской империи в I в. н. э.», С. И. Прасолова «Чехословакия в период угрозы фашизма и гитлеровской агрессии». В свою очередь, на страницах журнала «Вопросы истории» была напечатана рецензия П. Н. Резонова и Б. Е. Салитана на чехословацкий военно-исторический журнал «Historie a vojenství».

Разумеется, перечисленных проявлений научных связей историков Чехословакии и СССР еще недостаточно. Они должны и будут углубляться и расширяться. Бесспорно, содействовать этому будет заключенное соглашение о научном сотрудничестве на 1957 г. между АН СССР и Чехословацкой и Словацкой академиями наук. Этим соглашением предусмотрены, в частности, взаимное участие в полевых археологических исследованиях, совместная разработка таких проблем, как исторические особенности и своеобразие форм перехода стран народной демократии от капитализма к социализму, история первобытного общества, этнический состав и этнические особенности народов мира. Предусмотрена коллективная работа по изданию труда «Народы мира».

Я попытался кратко остановиться на наиболее важных исторических изданиях, которые вышли в 1956 г. в Чехословацкой Республике. Я смог, разумеется, дать скорее перечисление, чем оценку. В общем, можно вернуться к введению и снова констатировать, что новым явлением в творчестве чехословацких историков является большое разнообразие в тематике, большие возможности и результаты региональных исследований. Надеемся, что следующие годы принесут синтетические обобщения, а тем самым и дальнейшее обогащение теории марксизма-ленинизма.

Йозеф Мацек,

член-корреспондент Чехословацкой Академии наук.

⁸¹ Fr. Mainus. K textilní výrobě na Moravě a ve Slezsku v 2. polovině XVIII. století, CMM LXXV/ 1956, str. 225—260, 423, 426—427; Fr. Mainus. Janovicke harrachovské plátenické podnikání v letech 1746—1756, Slezský sborník LIV/1956, str. 468—494; A. Spiesz. Prve strojeve pradiarne bavlny na Slovensku. Historické studie II, 1956, str. 38—53; P. Krsák. Dejiny papierne v Dolnom Kamenci, tamtež, str. 73—96.

⁸² V. Krutá. Med. Dr. Jiri Procházka (1749—1820), Život a dílo, doba, NCSAV Praha. 1956.

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ НА XI КОНГРЕССЕ ИСТОРИКОВ

XI Международный конгресс исторических наук состоится в Стокгольме с 21 по 28 августа 1960 года. На сессии Бюро МКИН, состоявшейся в июне 1957 г., произведено следующее распределение докладов по секциям:

I. Секция методологии. «Влияние философии истории XIX в. на современную историческую науку» — доктор исторических наук Е. Ротхаккер (Хейдельберг, Германия); «История исторической науки» — проф. Х. Баттерфилд (Кембридж, Великобритания); «История культуры, ее развитие и методы исследования» — проф. Ф. Жильбер (Баун Хаур, США); «История науки и техники» — проф. А. Ж. Форб (Амстердам, Голландия); «Периодизация всемирной истории» — член-корреспондент АН СССР Е. М. Жуков (Москва, СССР); «Методы исторической демографии и проблема понижения смертности во всеобщей истории» — М. Генри и Л. Шевалье (Париж, Франция).

II. Секция древней истории. «Проблема микенской культуры и письменности» — проф. Стерлинг Дау (Гарвард, США); «Демократизация культуры в Поздней Римской империи» — проф. С. Маззарино (Катания, Италия); «Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья» — проф. В. Д. Блаватский (Москва, СССР); «Рабство в греческо-римском мире» — доктор исторических наук Лауффер (Мюнхен, Германия); «Нумизматика Римской империи как источник по экономической и финансовой истории» — М. Гей (Лион, Франция); «Народности и цивилизации долины реки Дуная от предримской эпохи до раннего средневековья» — проф. С. Дайковичу-Язи и И. Нестор (Бухарест, Румыния).

III. Секция средних веков. «От Тань до Сань: переходный период в истории Китая и Восточной Азии» — проф. Т. Ямамото (Токио, Япония); «Общественный строй России в раннее средневековье» — проф. Рабек-Шмидт (Орхус, Дания); «Закон и средневековый историк» — доктор исторических наук В. Ульман (Лондон, Великобритания); «Историческое значение древнегерманских представлений о роли государства и знати» — доктор исторических наук К. Хаукк (Эрланген, Германия); «Итальянская городская коммуна XII и XIII вв. в сравнении с городскими движе-

ниями в других европейских странах» — проф. Е. Сестан (Флоренция, Италия); «Современные задачи в области изучения учреждений средневековья» — проф. Ж. Ле Бра (Ватикан).

IV. Секция новой истории. «Господство на Балтийском море в XVI и XVII вв.» — проф. Ж. Лабуа (Познань, Польша); «Структура государственных учреждений в XVI—XVII веках» — проф. В. Вивес (Барселона, Испания); «Иллюминация в Европе XVIII в.» — проф. Ф. Вентури (Генуя, Италия); «Переходный период от феодализма к капитализму с XVI по XVIII вв. в Центральной Европе» — проф. Клима, Мацурек (Прага, Брно, Чехословакия); «Проблемы реформации в скандинавских странах» — доктор исторических наук С. К. Челлерстрём (Лунд, Швеция); «Политические отношения между Востоком и Западом Европы в период 30-летней войны» — проф. Б. Ф. Поршнев (Москва, СССР).

V. Секция новейшей истории¹. «Британские переселенческие колонии и самоуправление с 1783 г.» — проф. В. Харлоу (Оксфорд, Великобритания); «Проблемы эмиграции в XIX и XX вв.» — проф. Ингрид Семмингсен (Осло, Норвегия); «Социализм и первая мировая война» — проф. Ханг (Лувен, Бельгия); «Национальные проблемы в Габсбургской монархии» — доктор исторических наук Ф. Звиттер (Люблина, Югославия); «Традиционная культура и современное развитие Индии» — проф. Н. Браун (Пенсильвания, США); «Проблемы структуры предприятий в XIX в.» — М. Жирар (Париж, Франция).

Было решено также, что непосредственно перед открытием конгресса, кроме заседаний комиссий, будут проведены два коллоквиума. Один из них будет посвящен европейским университетам средневековья и Возрождения — докладчик проф. Стеллинг-Мишо (Женева, Швейцария); другой — истории цен до 1750 г. — докладчик проф. Е. Ж. Гамильтон (Чикаго, США).

Речи, которые будут произнесены двумя шведскими историками при открытии и закрытии конгресса, затронут темы «Международные отношения в Северной Европе в эпоху викингов» и «Балтика и Средиземное море с XVI по XVIII в.».

¹ Как нам уже приходилось указывать, принятая МКИН периодизация отличается от нашей. — *Ред.*

Хроникальные заметки

♦ В целях расширения культурных связей между Чехословацкой Республикой и Германской Демократической Республикой Национальный музей в Праге и Музей германской истории в Берлине заключили договор об обмене своими крупными выставками. Осенью с. г. пражская выставка «Гуситское революционное движение» будет экспонироваться в Берлине, а в Праге одновременно будет открыта берлинская выставка «Развитие германских средневековых городов».

♦ Весной с. г. правительство СССР передало правительству ГДР новую большую партию материалов из германских архивов, которые после 1945 г. находились на хранении в Советском Союзе. Архивные фонды включают в себя большое количество документов министерств и ведомств Германии, политических, профсоюзных, научных организаций. Документы относятся к периоду с 1527 по 1945 год.

♦ Во Франции издан «Курс русской истории» В. О. Ключевского с предисловием Андре Паскаля, в переводе на французский язык. В журнале «Miroir de l'histoire» (№ 91, июль 1957 г.) дана характеристика этой книги.

♦ В 1957 г. в Париже, в издательстве «Editions Sociales», впервые вышли на французском языке «Очерки по истории материализма» Г. В. Плеханова.

♦ В октябре 1956 г. в Триесте состоялась 1-я Международная конференция по истории журналистики. Были представлены 11 европейских стран, в том числе Чехословакия и Венгрия, а также США. Конференция создала комитет, уполномоченный подготовить Международный конгресс по истории прессы.

♦ После длительного перерыва, вызванного событиями в Венгрии, возобновился выход венгерского исторического журнала «Századok». В № 4—6 за 1956 г. напечатаны статьи М. Беленши «Земледелие в Венгрии в XIV в.», Д. Секей «Гуизм и венгерский народ», Д. Мереи «Сельскохозяйственное товарное производство и положение крестьянства в Венгрии в период углубления кризиса феодализма», Ф. Пелешкеи «Крестьянское движение 1868 г. в Венгерской низменности», Г. Винци «Аги и русское революционное движение», Ш. Маллера «Маркс и Семере» и другие материалы. Главный редактор журнала — Эрик Мольнар.

♦ Институт истории Академии Румынской Народной Республики приступил к изданию трудов по новейшей истории («Studii și materiale de istorie contemporană»). В первом томе напечатаны статьи: В. Ливяну «Антисоветский и антинародный характер договора в Буфтя (5 марта 1918 г.)», И. Грэмадэ и В. Попович «Реформы, осуществленные буржуазно-помещичьим режимом под давлением революционного подъема народных масс в 1917—1923 гг.», М. Русенеску «Установление дипломатических отношений между Румынией и СССР в 1934 г.»,

Э. Кампус «Вопросы внешней политики Румынии в послемюнхенский период (октябрь 1938 — апрель 1939)», Т. Удря «О деятельности и роли крестьянских комитетов в 1944 г. и в первой половине 1945 г.» и др.

♦ С конца 1956 г. недавно созданный в Порто-Рико Институт пуэрториканской культуры начал выпускать новый журнал, «Boletín informativo». Журнал информирует о деятельности этого института, в том числе о различных исторических работах и создаваемых учреждениях (например, об архиве фотографических материалов по истории Порто-Рико), помещает статьи по истории острова и т. п.

♦ Хубэйский комитет Народно-политического консультативного совета Китая подготовил издание воспоминаний участников революции 1911 года. Всего будет издано три выпуска. Первый выпуск, в котором содержатся воспоминания 24 участников революции, вышел в свет в июне с. г., второй редактируется.

♦ Созданная в 1952 г. комиссия по сбору материалов по истории рабочего движения в Шанхае подготовила к изданию большое количество выписок, переводов с иностранных языков документов, обнаруженных в архивах бывших иностранных концессий в Шанхае. Записаны также воспоминания участников рабочего движения и собраны фотоснимки, рисунки и другие материалы. Комиссия намерена в течение ближайших 2—3 лет составить историю рабочего движения в Шанхае и издать сборник важнейших исторических документов и альбомов иллюстраций.

♦ Так называемый Гердеровский исследовательский совет в Марбурге (ФРГ) проводит в последние годы инвентаризацию восточногерманских актов и документов в архивах ФРГ — союзных, отдельных земель, церквей и общин. С этой целью в Марбургском государственном архиве создана центральная картотека, насчитывающая 56 тыс. единиц. Крупнейшие собрания документов из восточных областей Германии хранятся в государственных архивах Геттингена (часть бывшего Кенигсбергского архива) и Марбурга и в картографическом отделении западногерманской библиотеки в Марбурге.

♦ Изучение китайскими учеными окаменелой нижней челюсти, найденной в 1956 г. в одной из пещер на горе Лэйчжан (уезд Лючэн провинции Гуанси), подтвердило мнение голландского палеонтолога фон Кенигсвальда о существовании 400—600 тыс. лет тому назад человекообразной обезьяны «гигантопитека». Тем самым опровергнуто мнение американского палеонтолога Уэй-дэнрича, будто бы «гигантопитека» является ископаемым человеком — предком синантропа.

♦ В январе этого года на 74-м году жизни скончалась Дона Торр — видный английский историк-марксист, старший член Британской компартии.

目 錄

創造性的研究偉大十月社會主義革命的歷史……………社論

論文

彼得格勒革命軍事委員會是1917年10月武裝起義的布尔什維克戰鬥參謀部……………伊·格·迪科夫
1917—1918年的瑞士工人運動的高潮……………馬·牙·多姆尼契
二十世紀初俄國軍事工業壟斷的問題……………牙·伊·利夫申
加里波的和俄國的進步人士……………華·叶·涅弗列爾
海峽殖民地的征服和英國農奴制度的形成……………米·亞·巴爾格

討論与商榷

格魯吉亞的國家起源和奴隸制度的產生問題……………朔·亞·麥斯希亞(第比利斯)、
諾·尤·洛莫烏里(第比利斯)、奧·大·洛爾基帕尼則(第比利斯)

情報

“警鐘”報及其在1859—1861年的革命形勢中的綱領……………佳·伊·約諾娃

歷史編纂學、批評、書刊評介

各大學和師範學院的科學出版物中關於新歷史的論文……………伊·亞·尼基提哪
談德國1848—1849年革命的最新的德國書刊……………謝·波·康

歷史科學在蘇聯

全蘇聯東方學家會議……………波·華·杜宁(塔什干)
紀念列宁格勒250周年的科學會議……………斯·斯·沃尔科

國外的歷史科學

斯拉夫研究院對於波蘭科學院編著的“波蘭歷史”第二卷型樣的討論……………華·多·科羅留克
尼·役·米提哪
1956年捷克斯洛伐克的歷史科學……………捷克科學院通訊院士伊·馬采克第十一次歷史家代表大會上
的科學報告

C O N T E N T S

Editorial; For the Creative Study of the History of the Great October Socialist Revolution. Articles: I. G. Dykov. The Petrograd Military-Revolutionary Committee; Militant Bolshevik Headquarters of the October 1917 Uprising; M. Y. Domnich. Upswing of the Labour Movement in Switzerland in 1917-18; Y. I. Livshin. Military Industrial Monopolies in Russia at the Turn of the 20th Century; V. E. Nevler. Giuseppe Garibaldi and Russian Progressives; M. A. Barg. The Norman Conquest and Rise of Serfdom in Britain. Forum: S. A. Meskhia, N. Y. Lomouri and O. D. Lordkipanidze (Tbilisi). The Emergence of the State and the Slave System in Georgia. Reports: G. I. Ionova. "Kolokol" and Its Programme During the Years of Revolutionary Tension 1849-61. Historiography, Critiques, Bibliography: I. A. Nikitina. Articles on New History in the Scientific Publications of Universities and Normal Schools; S. B. Kan. Latest German Literature on the 1848-49 Revolution in Germany. Reviews. Historical Science in the U. S. S. R.: B. V. Lunin (Tashkent). The All-Union Conference of Orientalists; S. S. Volk (Leningrad). The Scientific Session on the 250th Anniversary of Leningrad. Historical Science Abroad: V. D. Korolyuk and N. P. Mitina. Discussion by the Institute of Slavonic Studies of the Dummy of Volume II of "The History of Poland". Compiled by the Institute of History of the Polish Academy of Sciences; J. Macek, Corresponding Member of the Czechoslovak Academy of Sciences, Czechoslovak Historical Science in 1956; Scientific Reports at the Eleventh Congress of Historians.

S O M M A I R E

Editorial: Etudier l'histoire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre d'une manière créatrice. **Articles:** **I. G. Dykov.** Comité Révolutionnaire de Guerre à Petrograd comme l'état-major bolchéviste de bataille pendant l'insurrection armée en Octobre 1917; **M. I. Domnitch.** L'essor du mouvement ouvrier en Suisse (1917—1918); **I. I. Livchine.** Sur le problème des monopoles militaires et industrielles en Russie au début du XXème siècle; **V. E. Nevler.** Giuseppe Garibaldi et des hommes progressistes de la Russie; **M. A. Bague.** Le conquête normand et le devenir du servage en Angleterre. **Discussions et délibérations:** **Ch. A. Meskhia** (Tbilissi), **N. O. Lomauri** (Tbilissi), **O. D. Lordkipanidze** (Tbilissi). Sur le problème de l'origine de l'Etat et de l'existence de la formation esclavagiste en Georgie. **Communications:** **G. I. Ionova.** Le « Kolokol » (« La Cloche ») et son programme aux années de la situation de révolution (1859—1861). **Historiographie, critique, bibliographie:** **I. A. Nikitina.** Les articles sur l'histoire moderne sur les pages des éditions scientifiques des universités et des instituts pédagogiques; **S. B. Kan.** La récente littérature allemande sur la révolution des 1848—1849 en Allemagne. **Comptes-rendus.** **Science historique en URRS:** **B. V. Lounine** (Tachkent). Conférence des orientalistes de l'URSS; **S. S. Volk** (Leningrad). Une session scientifique consacrée au 250ème anniversaire de Leningrad. **Science historique à l'étranger:** **V. D. Koroliouk**, **N. P. Mitina.** Une délibération à l'Institut des études slaves sur le projet du IIe tome de l'« Histoire de la Pologne » préparé par l'Institut de l'Histoire de l'Académie des Sciences de Pologne; **J. Macek**, membre correspondant de l'Académie des Sciences de Tchécoslovaquie. **Science historique tchécoslovaque en 1956; Rapports scientifiques à présenter au XIème Congrès des Sciences historiques.**

I N H A L T

Leitartikel: Für schöpferische Forschung der Geschichte der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. **Beiträge:** **I. G. Dykow.** Das Petrograder Revolutionäre Militärkomitee — der bolschewistische Kampfstab des bewaffneten Aufstandes im Oktober 1917; **M. J. Domnitsch.** Der Aufschwung der Arbeiterbewegung in der Schweiz (1917—1918); **J. I. Liwschin.** Einiges über die Monopole der Rüstungsindustrie in Rußland am Anfang des 20. Jahrhunderts; **W. E. Newler.** Giuseppe Garibaldi und die fortschrittlichen Vertreter Rußlands; **M. A. Barg.** Normannische Eroberung und die Entstehung der Leibeigenschaft in England. **Diskussionen und Erörterungen:** **Sch. A. Meschia** (Tbilissi), **N. O. Lomouri** (Tbilissi), **O. D. Lordkipanidze** (Tbilissi). Einiges über die Entstehung des Staates und über die Sklavenhalterformation in Georgien. **Mitteilungen:** **G. I. Ionowa.** „Kolokol“ und sein Programm in der revolutionären Situation (1859—1861). **Historiographie. Kritik. Bibliographie:** **I. A. Nikitina.** Beiträge zur neuen Geschichte in den wissenschaftlichen Publikationen der Universitäten und der pädagogischen Hochschulen; **S. B. Kan.** Die neueste deutsche Literatur über die Revolution von 1848—1849 in Deutschland. **Besprechungen.** Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR; **B. W. Lunin** (Taschkent). Unionskonferenz der Orientalisten; **S. S. Volk** (Leningrad). Eine wissenschaftliche Tagung zum 250. Jahrestag Leningrads. **Die Geschichtswissenschaft im Ausland:** **W. D. Koroljuk**, **N. P. Mitina.** Aus dem Institut für Slawistik. Die Erörterung des vom Geschichtsinstitut der Polnischen Akademie der Wissenschaften vorbereiteten Entwurfs des II. Bandes der „Geschichte Polens“; **J. Macek**, Korrespondierendes Mitglied der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften. **Die tschechoslowakische Geschichtswissenschaft 1956; Wissenschaftliche Referate auf dem XI. Historikerkongreß.**

Редакционная коллегия:

Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), **Ю. В. БОРИСОВ** (заместитель главного редактора), **Р. П. ДАДЫКИН**, **Л. М. ИВАНОВ**, **А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ**, **И. А. ОРБЕЛИ**, **Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ**, **С. Д. СКАЗКИН**, **Н. А. СМЕРНОВ**, **П. Н. СОБОЛЕВ**, **П. Н. ТРЕТЬЯКОВ**, **П. И. ФЕДОТОВ**, **И. А. ХРЕНОВ**, **Л. В. ЧЕРЕПНИН.**

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.

А 07707.

Подписано к печати 20/VIII 1957 г.

Тираж 50 000 экз.

Изд. № 1024.

Заказ № 2109.

Формат бум. 70×108^{1/16}.

7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

Vznik a počátky slovanů. I. díl. Sborník. Úvod: Jan Eisner. Praha. ČSAV. 1956. str. + 4 s obr. příl.

FILIP J. Keltové ve střední Evropě. Praha. ČSAV. 1956. 551 s + 132 s. obr. příl.

AGRICOLA G. Bermannus aneb rozmluva o hornictví. Praha. NČSAV. 1957. 236 s.

Inventár stredovekých listín a iných príbuzných písomností. Praha. Archivna sprava Ministerstva Unutra. 1956. 623 s. + 16 obr. príl.

ŠINDELAR B. Ohlas maďarské revoluce 1848—49 na Moravě a ve Slezsku. Praha. NČSAV. 1957. 97 s.

NOVOTNY J. Václav. Matej Kramérius. Praha. SNPL. 1956. 257 stz.

«O vzájomných vzťahoch Čechov a Slovákov». Sborník materiálov z konferencie Historického ústavu SAV. Bratislava. Vyd-vo SAV. 1956. 450 str.

Slovenskje Národňje Novini (1845—1848). Bratislava. SVPL. 1956. T. I-III. (I klasňa 1845—9 června 1848). 1168 str. T. IV. Orol Tatranski (8 klasňa 1845—6 června 1848). 774 s. + Ruttkay F. O Slovenských národných novinách. 28 s.

KRIŽEK J. Jaroslav Hašek v revolučním Rusku. Praha. NV. 1957. 324 s. + 8 s. obr. příl.

JANEČEK O. Se zbraní v ruce. Praha. NV. 1957. 370 s. + 23 s. obr. příl.

LAKATOŠ M. Otázky lidové demokracie v Československu. Praha. NČSAV. 1956. 135 s.

MAJEWSKI J. Gospodartwo folwarczne we wsiach miasta Poznania w latach 1582—1644. Poznań. PWN. 1957. 384 str. + I m.

Inwentarze dóbr stołowych biskupstwa wrocławskiego z XVII w. Wydał L. Zyt-kowicz. Toruń. PWN. W-wa. 1957. (To-warzystwo naukowe w Toruniu, Fontes 38). 344 s.

KRAKOWIECKA L. Masiej z Miecho-wa. Lekarz i uczony Odrodzenia W-wa. PZWŁ. 1956. s. 334. tabl. 12.

BEYLIN K. Tajemnice Warszawy z lat 1822—1830. W-wa P. W. 1956. s. 382.

Bibliografia historii Polskiej za lata 1952—1953. Opracował Jan Baumgart. Wrocław-Kraków. Zakład im. Ossoliń-skich. Wydawnictwo PAN. 1957. 330 s.

Studii si materiale de istoria contemporana. Vol. I. București. Editura Aca-demiei RPR. 322 p.

MATEI GH. Răsunețul internațional al rascoalei țaranilor din 1907. Bucu-rești. ESPLP. 1957. 212. p.

Amintiri despre rascoala din 1907. Bu-curești. ESPLP. 290. p.

ROLLER M. Scrieri istorice si social-

politice (între primul si al doilea razboi mondial). București. ESPLP. 1957. 268 p.

GAVRANOVIĆ B. Bosna i Hercego-vina od 1853—1870 godine. Sarajevo 1956. 373 s. (Naučno društvo N. R. Bos-ne i Hercegovine Građa. Knj. II. Od-ieljenje istoriko-filoloških nauka. Knj.-2).

BENSER G. Zur Herausbildung der Eisenacher Partei. Eine Untersuchung über die Entwicklung der Arbeiterbewe-gung im Sächsischen Textilindustrie-gebiet Glauchau—Meerane. Mit einem Dokumentenanhang. Berlin. Dietz. 1956. 118 S.

GEMKOW H. Friedrich Engels' Hilfe beim Sieg der deutschen Sozialdemokra-tie über das Sozialistengesetz. Dietz Ver-lag. Berlin 1957. 232 S.

KORTMANN. E. Arthur Becker. Das Lebensbild eines Helden der Arbeiterbe-wegung. Verlag Neues Leben. 1956. 136 S.

Häuserbuch der Stadt Magdeburg. T. II. Aus dem Nachlaß von S. Neubauer. Bearb. von H. Gringmuth-Dollmer. Halle (Saa-le). VEB Max Nimeyer Verlag. 1956. 291 S. (Quellen zur Geschichte Sachsen-Anhalts).

RIEMSCHNELDER M. Der Wettergott. Koehler und Amelang. Leipzig. 1956. 186 S. (Fragen zur vorgeschichtlichen Reli-gion II).

Les origines du fascisme. Italie—Hongrie—Allemagne. Recherches inter-nationales à la lumière du marxisme. Ca-hier № 1. Mars-avril 1957. Editons de la Nouvelle Critique.

WEBB B. Diaries, 1924—1932. Ed. with introd. by M. Cole. London. Longsmans, Green. 1956. XXV, 327 p.

WEDGWOOD C. V. The great rebel-lion. The Kings' peace 1637—1641. N. Y. Macmillan 1956. 510 p.

APTHECKER H. The labour movement in the South during slavery. N. Y. Interna-tional publishers. 195, 24 p.

CHENEY C. R. The records of medieval England. Cambridge. Univ. Press. 1956, 21 p.

WOOLLEY L. Ur Excavations. Vol. IV. The Early Period. Philadelphia. 1956 (Publications of the Joint Expedition to Mesopotamia of the British Museum and of the University Museum, University of Pennsylvania. Philadelphia).

CARACCILO A. Roma capitale. Dal Risorgimento alla crisi dello Stato Libe-rale. Roma. Rinascita. 1956. 294.

ÅBERG N. Den historiska relationen mellan senromersk tid och nordisk folk-vandringstid. Stockhohn. Almqvist och Wiksell. 1956, 254 s.

Цена 7 руб.

7/12

ОТКРЫТА ПОДПИСКА **на 1958 год**

на журналы Академии наук СССР:

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

«ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ»

**«Мировая экономика
и международные отношения»**

Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», конторах, отделениях и агентствах связи, а также общественными уполномоченными на пунктах подписки предприятий, на стройках, в колхозах, совхозах, МТС, учебных заведениях и учреждениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»